

Часть четвертая

БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА:
РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ И
СОСУЩЕСТВОВАНИЕ-СОПЕРНИЧЕСТВО

Глава десятая

Сосуществование-соперничество
и деколонизация

10.1. Два «лагеря» в первые годы стабилизации

10.1.1. «ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ»

Стабилизация в Европе не сгладила противостояния между двумя «лагерями»: в Европе привыкли к враждебному сосуществованию, отягощенному подозрениями и взаимными обвинениями, и смирились с тем, что континент разделен на две части «железным занавесом», который никто не помышлял устранить и который, в лучшем случае, мог бы стать более проницаемым.

Каждая из двух частей Европы приспособлялась, несмотря на внутренне различные процессы, к наличию внешнего фактора стабилизации. В Западной Европе послевоенная реконструкция сменилась мощным ростом экономики. Темпы роста валового национального продукта Федеративной Республики Германии превышали 7% в год; в Италии начался этап так называемого «экономического чуда», когда в среднем рост составлял 6% в год, а порой достигал и 10%. Франция и Великобритания также переживали период процветания, хотя их развитие сдерживалось расходами на ведение колониальных войн (в первой) и меньшей производительностью труда (во второй). С экономической точки зрения в эти годы были заложены основы для возвращения Западной Европы на господствующие позиции в мировой экономике. Однако ее развитие ограничивала фрагментарность рынка, его

раздробленность на отдельные национальные сегменты, что ограничивало свободу торговли и возможности роста. Более того, эта раздробленность позволяла проявляться традиционному соперничеству, которое подрывало европейское могущество еще в прошлые десятилетия, а теперь тормозило развитие. В этих условиях сохранялась тяга к независимости, убежденность в возможности самостоятельно проводить эффективную политику в мировом масштабе. Имперская Франция расплескивала свои ресурсы: на потребности внутреннего роста, на ведение войны в Индокитае, на подавление открытого мятежа в Северной Африке, на содержание имперской администрации в Центральной Африке. Великобритания не решалась отдать предпочтение ни одной из «трех окружностей» своей внешней политики (Британское Содружество, Европа и «особые отношения» с Соединенными Штатами), надеясь, что сумеет искусно маневрировать и в то же время продолжать контролировать через Средний Восток зону к *востоку от Суэца*.

Провал ЕОС и создание ЗЕС продемонстрировали пределы возможностей преодолеть национальные различия за короткий период. Наиболее важные страны Западной Европы получили импульсы для возобновления инициатив в области интеграции как извне, связанные с советской «угрозой», так и изнутри, связанные с производительными силами, с суперактивными «еврократами» и с европейскими движениями, которые после поражения 1954 г. воспряли духом и стали действовать иными методами.

В международном плане этот подъем экономики значительно отличался от послевоенного, т.е. подъема 1947–1954 гг., поскольку он был порожден не объединением европейских ожиданий и американских инициатив, а, напротив, европейскими инициативами и ожиданиями, более или менее понятыми американской стороной. С европейской стороны наиболее яркой личностью был Жан Монне, председатель Высшего руководящего органа ЕОУС (Европейского объединения угля и стали), который сосредоточил все внимание на европейской проблематике, исключив из нее непопулярные военно-политические аспекты. Он сместил центр тяжести в область экономической интеграции, что содействовало включению новой Германии (ФРГ) в институциональные структуры, способные воспрепятствовать развитию угрожающих тенденций, о которых напоминали чуткие в этом отношении французы; однако германские проблемы не были представлены как основной элемент новых европейских предложений. Позиция Великобритании вновь приобрела решающее значение, потому что совершенно очевидна была разница между возрождением огра-

ниченной Европы шести (Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса) и Европы семи (плюс Великобритания). Но этот аспект не имел определяющего значения, так как примером для Монне служило ЕОУС, единственное существовавшее тогда наднациональное объединение.

Уже в ноябре 1954 г. Монне объявил, что с 10 февраля 1955 г., со дня истечения его полномочий в качестве председателя Высшего руководящего органа ЕОУС, он снова обретает свободу политической деятельности. Сообщая о своем решении коллегам, он сказал: «То, что удалось сделать в области угля и стали шести странам нашего объединения, должно быть доведено до конца: Соединенные Штаты Европы (...). Наши страны стали слишком маленькими относительно современного мира, в котором сегодня американские или русские масштабы задают шкалу отсчета для современной технологии, а завтра она будет измеряться масштабами Китая или Индии».

Планы, которые с этого момента Монне обсуждал с ведущими деятелями европейской политики, касались двух задач: распространение полномочий ЕОУС на другие отрасли — транспорт и источники традиционной энергии; и создания нового сообщества, которое руководило бы совместным использованием ядерной энергии в мирных целях. В Европе тогда не было установок, работавших на атомной энергии, за исключением Франции. Новое сообщество могло не только способствовать развитию энергетической отрасли, считавшейся в то время стратегической, но и обеспечить руководство и контроль над мирной атомной промышленностью, которая могла бы автономно возникнуть в Германии. В целом эти проекты встретили достаточно благоприятный отклик во всех политических кругах Европы, за исключением Великобритании, в тот момент весьма далекой от идеи принять участие в системе европейской интеграции. Поэтому речь Монне была обращена к ограниченному кругу стран-участниц ЕОУС. В дальнейшем выступление Монне не могло расцениваться как инициатива французов, поскольку доверие к европейским предложениям Франции упало после августа 1954 г. до довольно низкого уровня — политическая борьба во Франции лишала Монне единомышленников, к которым он испытывал бы полное доверие.

В связи с этим родилась идея, чтобы инициатива исходила от стран Бенилюкса. Монне говорил об этом с П.-А. Спааком, который оставался министром иностранных дел Бельгии до весны 1955 г. Спаак считал невозможным возобновить диалог с французами, пока у власти находился П. Мендес-Франс, не пользовав-

шийся расположением европейцев. Пришлось ждать до февраля 1955 г., когда падет правительство Мендес-Франса и к власти придет кабинет, сформированный Эдгаром Фором. С точки зрения европейцев, целесообразно было подождать пока французы ратифицируют соглашения о создании ЗЕС (Западноевропейского союза), и поэтому только в начале апреля 1955 г. Спаак выступил с официальным изложением идей Монне. Как рассказал сам Спаак в своих мемуарах, его инициатива была принята «без энтузиазма». Из Бонна, Парижа и Рима пришли советы набраться терпения и действовать осторожно. Напротив, барон Йохан Виллем Бейен, министр иностранных дел Голландии, Жозеф Бех, министр иностранных дел Люксембурга, ответили одобрением. Бейен даже выступил с критикой идеи интеграции по отраслям и отстаивал «всеобщую интеграцию» — «международное сообщество, целью которого должна стать экономическая интеграция Европы в широком смысле»; добиваться ее следовало постепенно, через две стадии: таможенный союз и экономический союз.

Предложение было слишком смелым, учитывая обстановку, в которой оно было сделано. Но Бейен призывал как Беха, так и Спаака к признанию проекта; выступив 21 апреля с речью, он привлек к нему внимание общественности. После этого план Бейена стал европейской парадигмой каждой из шести стран, призванных принять его. В конце концов, даже Монне преодолел свои колебания в определении задач возрождения. Колебания были связаны как с нерешительностью французов, так и с двойственностью позиции немцев, порожденной различием концепций канцлера Конрада Аденауэра и его министра экономики Людвиг Эрхарда. Министр считал необходимым сотрудничать с Великобританией, по крайней мере, в области ядерной энергетики, а не присоединяться к французским проектам, к тому же он был сторонником либеральной экономической политики в противоположность дирижизму самого Монне и некоторых европейских правительств.

Монне по договоренности с Бейеном и со Спааком подготовил меморандум, в котором в едином тексте были обобщены идея интеграции по отраслям и идея экономической интеграции в целом. 6 мая 1955 г. меморандум был направлен заинтересованным правительствам в качестве основы для работы конференции, участвовать в которой они приглашались. Все еще сохранялась некая двойственность подходов — отраслевая и всеобщая интеграция, но был сделан первый шаг для запуска заржавевшего механизма европейской интеграции.

Приглашение было послано для участия в специальной сессии Конференции министров иностранных дел ЕОУС, которая должна была состояться в Мессине или в Таормине в первых числах июня 1955 г. для назначения преемника Монне на пост руководителя ЕОУС и для обсуждения меморандума Бейена. Во время интенсивного подготовительного периода идеи прояснились. Гипотеза интеграции по отраслям поддерживалась только французами и менее решительно бельгийцами. Все остальные, хотя и по разным причинам, склонялись к созданию двух институтов: один компетентный орган в области сотрудничества по использованию ядерной энергии в мирных целях и другой компетентный орган должен был заложить основы для европейского общего рынка. Существовало абсолютное разногласие о полномочиях будущих институтов (наднациональные или нет), и о политическом значении решений, которые предстояло принять на конференции в Мессине: будут ли они просто успокоительным средством для деятелей, испытывавших ностальгию по европеизму, или же станут подлинным возрождением процесса европейской интеграции.

Покончив с бюрократической проблемой назначения Рене Майера вместо Монне на пост председателя Высшего руководящего органа ЕОУС, участники сессии перешли к реальным проблемам, которые оживленно обсуждались до рассвета 3 июня. Существовало очевидное общее желание принять решения, способные возродить процесс интеграции, но все правительства выступали за разные формулировки, поскольку по-разному представляли себе защиту своих интересов и позиций. Наконец, соглашение было достигнуто благодаря расплывчатой декларации принципов, которая не отдавала предпочтение ни одному из предложенных методов, но утверждала необходимость «следовать по пути создания единой Европы, благодаря развитию общих институтов, постепенному слиянию национальных экономик, созданию общего рынка и постепенному согласованию в проведении социальной политики». Эти безликие выражения приобрели большую конкретность в специальном приложении к общему проекту, в котором закладывались основы для сообщества по использованию атомной энергии в мирных целях (после чего стала употребляться аббревиатура *Евратом*). В документах также утверждалось, что целью политико-экономической деятельности шести стран являлось «поэтапное» создание «европейского общего рынка, внутри которого отменялись бы таможенные сборы и все количественные ограничения».

10.1.2. ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПОВОДУ ДОГОВОРА
О ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Чтобы добиться намеченных целей, было проведено несколько заседаний, которые на основе предварительного проекта из восьми пунктов, четко сформулированных в Мессинском заключительном документе, подготовили к 1 октября 1955 г. доклад для представления его Совету министров иностранных дел. Великобритания была приглашена для участия в подготовительной работе.

Председателем комиссии по работе над задачами, поставленными в Мессине, был назначен Спаак, который оказался зажат между собственным стремлением точно определить цели и сроки разных разработанных «этапов» и ограничениями, навязанными ему французской и германской дипломатией. Работы комиссии начались 9 июля при участии британского наблюдателя и закончились с некоторым опозданием относительно намеченных сроков — 20 апреля 1956 г. Объемистый доклад комиссии Спаака был рассмотрен Советом министров иностранных дел ЕОУС, заседавшим в Венеции 29 и 30 мая 1956 г., и не вызвал особых дебатов. Затем начались переговоры по подготовке проектов двух договоров, относившихся к созданию Евратома и Европейского общего рынка, оба договора были подписаны 25 марта 1957 г. в Риме.

Разработка двух документов и сроков их одобрения столкнулась с проблемами, связанными с внутренними трудностями, переживаемыми Францией, с венгерским кризисом и, более того, с Суэцким кризисом (в конце октября — начале ноября 1956 г.), которые выявили значимость и срочность возрождения Европы. Необходимо было сделать так, чтобы оно не осталось пустым звуком, а стало бы чем-то осязаемым и полезным для интересов той же Франции — «великой державы», находившейся в состоянии упадка.

Во время подготовки доклада Спаака, как отмечает Мишель Демулен, разгорались дискуссии, когда проблемы ядерной энергии переплетались с более широкими темами формирования общего рынка. Часто легкость обсуждения вопросов о сотрудничестве в области использования ядерной энергии (т.е. обсуждения того, что еще не существовало), оказывала стимулирующее влияние и подталкивала к принятию политических решений, относящихся к тому, что уже существовало: шесть экономических систем, которых предстояло объединить. Важное решение было принято в начале ноября 1955 г., когда было признано, что конечная цель подготовительных работ заключалась в разработке проекта подлинного общего рынка; при этом полагали, что создание рынка будет проходить через этапы, необходимые для устранения барьеров,

мешающих товарообмену, для установления таможенных режимов по отношению к третьим странам, для согласования различных экономических условий и, следовательно, для создания с этой целью общих институтов.

Конференция в Венеции проходила без особых затруднений, отчасти потому что в эти месяцы внимание Франции и Великобритании было сосредоточено на кризисной ситуации в Северной Африке. В итоге англичане продемонстрировали в декабре 1955 г. свое неприятие программ, которые обсуждались в Брюсселе. Они усмотрели в них опасность развала ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества), органа, в задачи которого входила лишь координация, а потому претензии англичан выглядели просто как предлог. Более того, они предложили, чтобы выводы комиссии Спаака соответствовали той работе, которую была способна осуществить вся ОЕЭС. Вместо того, чтобы присоединиться к проектам шести, правительство Лондона готовилось начать с ними арьергардные бои с целью объединить остальные страны ОЕЭС в другую организацию — *Европейскую ассоциацию свободной торговли* (ЕАСТ), действительно созданную 20 ноября 1959 г. Бойкот Великобритании не помешал ни заседанию в Венеции, ни завершению работ комиссии Спаака. Более того, правительство Франции после Суэца преодолело свои колебания, и это отличало ее политику от политики Великобритании. Не меньшее влияние в том же направлении оказал Жан Монне, формально и не участвовавший в переговорах, 11 октября 1955 г. он организовал «Комитет действия за Соединенные Штаты Европы», эффективность которого в значительной мере была связана с влиянием присоединившихся к нему авторитетных политиков соответствующих стран и партий (Ги Молле от французских социалистов, Эрих Олленхауэр от немецких социалистов, Аминторе Фанфани от итальянских христианских демократов — на авторитет этих деятелей опирался Монне).

10.1.3. ДОГОВОРЫ О ЕВРАТОМЕ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Договоры, подписанные в Риме, касались объединения материальных, технических и научных ресурсов для совместного использования благодаря созданию Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Первое из сообществ соответствовало широко распространенному тогда убеждению, что существует только один источник

производства энергии, располагающий неограниченным сырьем при понижающейся стоимости — это атомная энергия. Три эксперта в области атомной энергии сразу после подписания договоров в Риме представили доклад, в котором говорилось о строительстве в странах Общего рынка в течение десяти лет 75 атомных электростанций, способных производить 15 миллионов киловатт электроэнергии при работе на американских и английских реакторах в соответствии с нормами, исключающими любую попытку использования ядерной энергии в военных целях.

Между тем страны-участницы сообщества под давлением французов, которых робко поддержали итальянцы, не отказались и от использования ядерной энергии в немирных целях. К тому же различие между гражданской и военной сферами применения атома тогда не было столь явным. Когда в 1956 г. французы начали говорить о создании «европейской» установки разделения изотопов, основанной на французской технологии, при финансировании всеми шестью странами, заинтересованными в проекте, то считали возможным применять ее в обоих направлениях использования ядерной энергии.

Эта область сотрудничества представлялась наиболее благоприятной и вызвала наибольшее одобрение в Соединенных Штатах. Американское правительство с тревогой следило за развитием советских исследований в сфере ядерной энергетики и боялось, что отставание в этой области может сдерживать экономический рост Западной Европы, когда в середине 70-х годов, как предполагал Даллес, экономический бум пойдет на спад. Поэтому США видели в Евратоме средство преодолеть это отставание, а также средство тесно привязать Германию к европейскому сообществу, что помешало бы развитию ее автономной ядерной политики, и, наконец, американцы оценивали его как инструмент, который поможет Соединенным Штатам твердо удерживать в своих руках монополию на использование ядерной энергии в военных целях, лишь частично разделяя ее с Великобританией. Наконец, закрытие судоходства по Суэцкому каналу осенью 1956 г. напомнило об опасности, связанной с внезапными энергетическими кризисами. Более того, вопреки ожиданиям американцев, правительство Парижа весной 1954 г. приняло принципиальное решение создать французские ядерные силы, когда делались еще только первые шаги по пути европейского возрождения; решению французов не помешал даже Римский договор. В ноябре 1956 г. правительство Ги Молле, чтобы несколько смягчить унижение, пережитое в связи с Суэцким кризисом, одобрило атомную программу национальной обороны, которая предусматривала в течение 5 лет про-

ведение испытаний ядерных устройств французского производства и планировала сотрудничество в этой сфере с Италией и Германией. Но только при де Голле ядерная ударная сила приобрела исключительно французский характер.

Более сложным был договор о ЕЭС. Страны, подписавшие договор, — Франция, Федеративная Республика Германия, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург — поставили перед новым институтом задачу добиваться с помощью создания общего рынка и постепенного сближения экономических политик стран-участниц гармоничного экономического развития в Сообществе, его непрерывного и равномерного роста, увеличения стабильности, повышения уровня жизни и установления более тесных отношений между странами-участницами. В этих условиях таможенный союз (то есть создание общего рынка, защищенного от внешнего мира единым тарифным барьером, при отмене внутренних пошлин и количественных ограничений) представлял собой предварительное условие для формирования подлинного Сообщества, внутри которого устранялись бы любые препятствия для свободного передвижения людей, услуг и капиталов, разрабатывалась общая политика в области сельского хозяйства и транспорта, создавался режим обеспечения свободной конкуренции, осуществлялась координация экономических политик, предусматривалось создание Европейского социального фонда и учреждение Европейского инвестиционного банка.

Первый период претворения в жизнь договора и формирования структур общего рынка должен был длиться 12 лет (а в случае необходимости 15 лет) и состоять из четырехлетних этапов. В конце каждого этапа, для которого характерно постепенное устранение, в соответствии с принятыми мерами, барьеров внутри Сообщества, Совет министров должен переходить к следующей фазе. Задача претворения договора в жизнь была поручена исполнительному органу, Комиссии, состоявшей из девяти членов (двое от каждой большой страны и по одному от малых стран) и облеченной полномочиями выступать с инициативами и координировать деятельность ЕЭС, но не получившей право принимать решения. Это право было предоставлено Совету министров, руководившего деятельностью Сообщества с учетом пожеланий правительств стран, входивших в ЕЭС: так родилась двуглавая система, в рамках которой вопрос о компетенциях во многом определял будущее Сообщества. Ассамблея, состоящая из 142 членов, была сформирована путем двухступенных выборов. Суд, состоявший из девяти членов, должен был решать споры, связанные с претворением договора в жизнь.

Римские договоры были ратифицированы в течение 1957 г. и оба Сообщества начали существование с 1 января 1958 г., когда правительства и парламенты разных стран назначили своих представителей в соответствующие органы. Председательствовать в Комиссии ЕЭС был приглашен немец Вальтер Хальштейн, в прошлом советник канцлера Аденауэра; Евратом возглавил француз Луи Арман. Огромный институциональный механизм начал свою работу. Теоретически ему предстояло распространять в Европе систему свободной экономической инициативы и конкуренции в соответствии с жесткими правилами рыночной экономики, самыми непреклонными сторонниками которой были немцы.

Две проблемы стояли перед теми, кто вступил на этот путь. С точки зрения экономики, основной вопрос заключался в способности заинтересованных правительств и органов ЕЭС превратить общий рынок в предпосылку для создания подлинного европейского сообщества: это требовало сближения концепций развития и экономического положения, что осуществлялось бы более легко благодаря согласованному экономическому росту шести объединившихся стран. Но этот процесс столкнулся с трудностями из-за различия во внутренней ситуации разных стран; от каждой страны потребовалось в той или иной мере приспособиться к правилам сообщества и проводить согласованную социально-экономическую политику, хотя и не всегда соответствовавшую общим требованиям. Согласовать разнообразные законодательства при различии условий в странах Сообщества было весьма смелой задачей, которая требовала сильной воли и стремления к сближению правительств шестерки, а также незаурядных способностей от руководства институтами Сообщества. Все это выявляло вторую проблему: способность Сообщества обрести собственный политический вес — нечто качественно иное, чем способность координировать проблемы — оставаясь в зависимости от правительств. Необходимо было стать институтом, способным проводить собственную независимую политику. Короче говоря, стоял вопрос о «политических» полномочиях Сообщества или о трансформации ЕЭС из чисто экономического института в политическое Сообщество, способное разрешить проблему отношений с отдельными государствами-членами, не нарушая их национальные интересы.

Представители европейцев хорошо сознавали сложность этих проблем, так как понимали, что органы Сообщества должны были действовать в определенных институциональных рамках. Прежде всего, это хорошо сознавал генерал де Голль, не смирившийся с двойственностью, которую, по его мнению, следовало устранить. Возвращение де Голля к власти во Франции

в июне 1958 г., когда ЕЭС начало делать первые шаги, было расценено многими как предпосылка неизбежного паралича, в котором незамедлительно окажется Сообщество. Борьба де Голля против ЕОС (Европейское оборонительное сообщество) еще не ушла в далекое прошлое, чтобы можно было не опасаться, что генерал по-прежнему с враждебностью относится к концепции европейской интеграции. Однако де Голль, напротив, разделял цели европейской экономической интеграции, которые считал необходимыми для обновления и модернизации экономики Франции, задачи, которые его правительство решало с первых шагов. Тем не менее, он считал, что выполнение этих задач нельзя доверять органам, лишенным реальной связи с политикой отдельных стран. Простое сравнение полномочий Комиссии и Совета министров ЕЭС свидетельствовало, по мнению генерала, что проблема не решена. ЕЭС должно было стать политическим сообществом, в котором полномочия различных органов имели бы законную силу благодаря определенным формам взаимодействия. Их согласование после изучения заинтересованными правительствами могло предотвратить паралич Сообщества.

Поэтому неудивительно, что де Голль выступил сторонником укрепления ЕЭС и усиления Сообщества как политического института. Иными должны были стать и методы формирования такого института. В 1959 г. де Голль изложил свое видение предложенной им модели: «Объединить в политическом, экономическом и стратегическом отношении государства, расположенные от Рейна и от Альп до Пиренеев. Превратить эту организацию в одну из трех мировых держав и, когда-нибудь, если возможно, в арбитра между двумя противоборствующими лагерями — советским и американским». ЕОУС, существовавшее с 1952 г., и ЕЭС должны были найти свое место в этом грандиозном проекте, который ярко отражал гегемонистские амбиции генерала. Правовая форма разных сообществ, приданная им по договорам, представлялась де Голлю маргинальной проблемой в сравнении с той, что составляла суть его политической инициативы. В августе 1958 г., на следующий день после встречи с председателем Совета министров Италии Фанфани, он охарактеризовал ее как важный шаг, благодаря которому Европа должна «практически стать политической, экономической и культурной реальностью». Такое объединение должно быть осуществлено благодаря серии тесных контактов между руководителями государств Сообщества, в этих политических консультациях должны принимать участие и представители органов ЕЭС.

Резкие выступления де Голля против безответственных «бюрократов», претендующих на управление Европой из Брюсселя, где обосновались руководящие органы Сообщества, часто воспринимались как его неприятие самой концепции интеграции. Но эти критические замечания генерала касались наиболее важной проблемы Сообщества — способности придать решениям технического, организационного характера, принятым без участия народных представителей, политическое значение и весомость выражения общественных интересов: этих элементов тогда недоставало, так как не было соответствующего политического соглашения. При этом не только предложения де Голля содействовали решению проблемы, но они указывали на ее наличие, что сдерживало расширение сферы деятельности ЕЭС и его активности.

В течение первых лет существования ЕЭС функционеры из Брюсселя и правительства стран-участниц работали над реализацией положений договора, касающихся создания общего рынка. Они сумели достичь решения поставленных задач даже раньше намеченного договором срока, т.е. до 1 июля 1968 г., когда был установлен уровень общего внешнего тарифа и завершен процесс снижения таможенных пошлин внутри Сообщества (почти на два года раньше предусмотренных сроков). Но параллельно де Голль продолжал политическую борьбу, сочетая свои амбиции глобального характера с компромиссами в отношении Сообщества. Не добившись успеха в сентябре 1958 г. в организации атлантической директории тройки (Соединенные Штаты, Великобритания и Франция), что обеспечило бы Франции ведущие политические позиции в ЕЭС в отношении НАТО и, следовательно, в отношении Советов, он стремился внушить странам Сообщества свое понимание, что это такое — Европейское политическое сообщество. Идея учреждения органа, обладавшего большей политической властью, чем институты ЕЭС, была впервые осторожно заявлена на встрече с А. Фанфани и К. Аденауэром, затем в 1960 г. была представлена общественности как проект разработки новой структуры Сообщества.

Чтобы не заблудиться в теоретических дебрях (так писал де Голль в документе, врученном Аденауэру в июле 1960 г.), нужно, чтобы Европа стала результатом «организованного сотрудничества между государствами». Поэтому необходимо было изменить уже созданные органы, «неизбежно стремящиеся незаконно превратиться в безответственное супергосударство», и поставить их под контроль правительств; положить конец системе интеграции, сформированной под влиянием американцев, чтобы на новой основе перестроить тот же самый Североатлантический союз. Этого

результата можно было достичь, если ввести в практику периодические встречи глав государств или правительств, подготовленные экспертами по проблемам политического, экономического, культурного сотрудничества, а также в области обороны. Эти идеи выражали стремление к утверждению ведущей роли независимых государств, которая должна была гибко сочетаться — как отмечает Жорж-Анри Суту — с европейским межгосударственным сотрудничеством.

Отсюда родилась идея организовать обсуждение проблемы европейского политического сотрудничества в рамках шестерки. В феврале 1961 г. этот проект был представлен официально, после чего была создана аналитическая комиссия, которую возглавил известный деятель, соратник де Голля, Кристиан Фуше. Комиссия работала с весны 1961 г. по январь 1962 г. Де Голль, который исходил из проекта пересмотра существующих институциональных структур, согласился на ряд компромиссов и признал, что развитие политического сотрудничества совместимо с реформами, ведущими к более ощутимой эффективности Сообщества. Политическое сотрудничество должно было развиваться между правительствами. Институты Сообщества должны действовать внутри того политического союза, формирование которого было главной задачей комиссии Фуше. Таковы были предложения, касавшиеся наиболее деликатных и спорных вопросов, поскольку предполагалось, что политический союз, т.е. организация, созданная на межгосударственной основе, поглотит Сообщество, созданное на базе интеграции.

Всю весну 1962 г. де Голль пытался убедить остальные пять правительств, входившие в Сообщество, принять этот замысел. Он столкнулся с разного рода трудностями. Наконец, оппозиция голландцев привела к окончательному провалу плана, представленного Фуше. ЕЭС было спасено, но главная политическая проблема, от которой зависело его будущее, не была решена. Когда настал момент перейти от решений, устраняющих ограничения в торговле между странами Сообщества, к разработке общей европейской политики, выявились прежние разногласия, но никто из участников не был намерен менять свои позиции.

10.1.4 СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ПОСЛЕ ВЕНГЕРСКОГО КРИЗИСА

Десталинизация, секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, мятеж в Венгрии и репрессии, за ним последовавшие, вызвали в советской системе и, более широко, среди коммунисти-

ческих партий всего мира такую реакцию и такое потрясение, которые потребовали решения очень глубоких проблем. Были ли сталинские искажения чрезвычайным явлением или они внутренне присущи «реальному социализму»? Следовало продолжать или прекратить ревизионистскую политику, инициатором которой был Хрущев, и которая вызывала почти непреодолимые трудности? Речь идет не о риторических вопросах, а о проблемах, повлиявших в конце 1956 г. на отношения СССР со своими сателлитами, а также на советскую внешнюю политику в целом.

Для Хрущева венгерский кризис был не более, чем неизбежный инцидент на пути, отступить от которого не следовало. Он затрагивал как идеологические вопросы, так и международные проблемы. Хрущев должен был придерживаться умеренной линии, чтобы не усиливать напряжение в странах, где в большей мере проявились беспокойство и недовольство среди населения. Это объяснение служило обоснованием для развития советской экономической политики внутри страны. Венгерский кризис и напряженность, которая в Польше предшествовала приходу к власти Гомулки, наряду с нормализацией отношений с Тито содействовали тому, что было сделано разъяснение: ортодоксальность не требует полного согласия с советскими позициями. Именно Гомулка в Польше и Кадар, организатор венгерских репрессий, смогли продемонстрировать, что открыты «национальные пути» к коммунизму. В момент своего прихода к власти Гомулка утверждал: «Ликвидация эксплуатации человека человеком остается неизменной в социализме. Пути достижения этой цели могут быть и существуют различные». После советских репрессий в Венгрии поляки даже воздерживались от поддержки СССР в ООН и ограничились одобрением политики правительства Кадара, поскольку она направлена на «братское сотрудничество с другими социалистическими странами» на основе «полного равенства и уважения суверенитета государства». В этом вопросе поляки были близки к югославам, и это сепаратное согласие с позициями друг друга было охарактеризовано как своего рода ревизионистская коалиция трех (Польши, Венгрии, Югославии), которая в конце концов была противопоставлена непреклонным сторонникам коммунистического интернационализма, что означало требование полного равенства несогласных на советские установки.

В то же время советский лидер должен был принимать во внимание позиции правящих коммунистов, опасавшихся скрытого диссидентства (Ульбрихт в Германской Демократической Республике или Новотный в Чехословакии), а потому осуждение любой формы «национального коммунизма» они использовали

для подавления опасной ереси, становившейся все более угрожающей. В то время как они стремились сгладить разногласия, из Китая стали приходиться сообщения о растущем недовольстве Мао Цзедуна политикой десталинизации. Мао избрал Тито в качестве мишени для своих полемических выступлений: Тито был олицетворением хрущевской концепции, от которой Мао дистанцировался, но пока не критиковал ее открыто, так же как Хрущев сосредоточил свою критику на албанцах и Энвере Ходже, чтобы явно не полемизировать с Мао. Споры между коммунистическими руководителями нашли наиболее яркое отражение в позиции болгарской партии, четко и однозначно заявившей: «Отношение к Советскому Союзу и советской компартии является критерием и пробным камнем пролетарского интернационализма». При этом в качестве врагов были объединены и ревизионисты, и потенциальные раскольники (китайцы).

В июне 1957 г. конфликт, с неотвратимостью раскалывавший также и высшее руководство КПСС, достиг критического момента. Хрущеву, оказавшемуся в ходе дискуссии с Молотовым, Маленковым и Кагановичем в меньшинстве в Президиуме ЦК КПСС, удалось перенести конфликт в Центральный Комитет партии, где решающей оказалась поддержка, оказанная ему военными. Тема дискуссии в очередной раз касалась пределов десталинизации. Хрущев подтвердил свою политическую линию и представил ее в качестве наиболее эффективной с точки зрения роста престижа Советского Союза в мире. Трех его противников обвиняли в том, что они препятствовали внутренним реформам и международной разрядке. Молотов оказался в этой ситуации «козлом отпущения» из-за своего враждебного отношения к примирению с Югославией, его оппозиции в отношении заключения Государственного договора с Австрией и из-за его отказа признать «возможность предотвращения войн в современную эпоху» и «возможность разных форм перехода к социализму в различных странах». Молотова, Маленкова и Кагановича, обвиненных в том, что они находятся «в плену старых представлений и методов», заклеили как «сектантов» и «догматиков». Хрущев, таким образом, освободился от части внутренней оппозиции и приобрел значительную свободу маневра.

Новым в этой дискуссии был метод, который использовал Хрущев для сосредоточения власти в своих руках. Основываясь в большей степени на консенсусе коллегиального олигархического руководства, чем на личной власти, он избежал физического уничтожения или политического преследования побежденных противников. Сталинские чистки стали к тому времени отжившим

методом. Однако в целях борьбы со своими противниками Хрущеву пришлось сместиться, если так можно выразиться, «вправо», то есть перейти на более ревизионистские позиции, в меньшей степени поддерживаемые внутри советского блока. Поэтому он вынужден был вернуться на центристские позиции в условиях, когда мир был охвачен идеологическим и политическим брожением, но также и испытывал оптимизм, вызванный успехами Советского Союза в ракетном и космическом соревновании с американцами — запуском первой межконтинентальной баллистической ракеты и первого искусственного спутника земли, запущенного на орбиту 4 октября 1957 г.

Ситуация, позволившая оценить последствия такой антиномии, представилась в связи с празднованием 40-й годовщины Октябрьской революции, по случаю которой в середине ноября в Москву съехались представители 68 коммунистических партий всего мира. В действительности было организовано две отдельные конференции: одна — правящих партий, состоявшаяся 14—16 ноября и завершившаяся подписанием общего документа, к которому не захотели присоединиться югославы, другая — всеобщая, направленная на утверждение роли марксистско-ленинской идеологии в международной политической жизни в новых условиях, на укрепление коммунистических партий после кризиса 1956 г. и на провозглашение целей коммунистов в их борьбе с капитализмом в своего рода новом манифесте. Эта декларация последней конференции была подписана всеми партиями, присутствовавшими в Москве.

Во время «открытой» конференции сталкивались, хотя часто и в скрытой и малопонятной для «непосвященных» форме, ревизионистское течение и течение «непримиримых». В самом деле, ревизионисты, чьи позиции выражали фактически только поляки, югославы и итальянцы, излагали свои тезисы перед враждебно настроенной аудиторией, с которой Хрущев предпочитал не слишком откровенничать, предоставляя изложение «непримиримых» позиций (трудно сказать по расчету или в силу объективной необходимости) Мао Цзэдуну. Кстати, именно в эти дни (15 ноября) Китай и Советский Союз подписали соглашение о «новой технологии для национальной обороны», укреплявшее военное сотрудничество между двумя странами, что должно было способствовать восстановлению китайских вооруженных сил после войны в Корее и началу проведения ядерных исследований, благодаря которым позднее, в 1964 г., Китай также стал атомной державой. Иными словами, дискуссия, проходившая в момент, когда Китай, равно

как и европейские компартии были заинтересованы в подтверждении доминирующей роли Советского Союза, делала возможным такое распределение ролей, при котором Хрущеву отводилась взвешенная позиция, а Мао вытаскивался на авансцену «непримиримости». При этом пекинское правительство представало даже как ищущее предлога для развязывания войны.

Китайский лидер вынудил ревизионистов к отступлению, используя двойную тактику. С одной стороны, он подтвердил со всей определенностью главенствующую роль Советского Союза в коммунистическом мире. Мао нарисовал перспективу успехов в борьбе с «бумажным тигром» западного капитализма. Он дошел даже до повторения тезисов Коминформа, начав восхвалять новую мощь, приобретенную социалистическим «лагерем» в сравнении с мощью блока, где доминировал американский империализм. Он также утверждал, что не следует бояться рисков, связанных с экспансией мирового коммунизма. Не следует поддаваться американскому ядерному шантажу. В Китае, напомнил Мао, 600 млн жителей. Если даже половина из них погибнет в результате атомной войны, останется еще 300 для строительства нового коммунистического Китая. Последствия этого экстремистского подхода состояли в том, что ревизионисты и, в частности, Гомулка, вынуждены были перейти на более умеренные позиции, тогда как югославы, только чтобы не начинать немедленно полемику с советским лагерем, предпочли подписать заключительный документ, который не соответствовал их убеждениям, поскольку отчетливо продемонстрировал преобладание самых «непримиримых» тезисов.

Как подчеркивал Франсуа Фейто¹ догматизм определялся как «простительное» отклонение от марксистско-ленинского учения, а ревизионизм, напротив, как выражение идеологии, которая, уничтожая революционную энергию, способствует реставрации капитализма. За кажущимся единством Заключительного документа скрывалось немало противоречивых утверждений, представлявших собой общую позицию, в которой однако присутствовало слишком много противоречивых утверждений. Так, объяснялось, что существуют «общие закономерности» построения социалистического общества при различии путей и способов их осуществления, подтверждалось, что война не была неизбежной, однако при этом делалась немаловажная и неоднозначная оговорка, что «пока сохраняется империализм, будет оставаться и почва для агрессивных войн».

¹ Ф. Фейто — французский исследователь, автор ряда работ по мировому коммунистическому движению. — *Прим. редакции.*

Иными словами, документ, который должен был стать новой хартией мирового коммунизма в годы деколонизации, представал, скорее, как трудный компромисс, с почти догматическим звучанием, но имевший сам по себе сомнительное значение. Мао восхвалял руководящую роль СССР в советском лагере, но Хрущев хорошо понимал, что интонации китайского лидера были ближе к позициям таких догматиков, как Молотов, которых он только что устранил. Поэтому он был вынужден играть роль посредника между потребностями в ревизии, объективно назревшими в европейских странах и в самом Советском Союзе, и необходимостью сильных мобилизующих лозунгов. В Китае Мао провозгласил лозунг «пусть цветут сто цветов» для обозначения многообразия форм социализма. Однако после венгерского кризиса, в середине 1957 г. кампания, развернутая вокруг этого лозунга, была внезапно прервана, а «правый уклонизм» был вновь категорически осужден.

С точки зрения международных отношений, советский лагерь во второй половине 50-х годов был до такой степени расколот, что это вошло в противоречие с его претензиями противостоять империалистическому лагерю как единое целое, идеологически и политически сплоченное и ориентированное на достижение общих целей. В Восточной Европе последствия Второй мировой войны постепенно уходили в прошлое, и встал вопрос об экономическом росте в соответствии с планами, которые нельзя было больше представлять в общей и упрощенной форме. Надежда полностью восстановить контроль над Югославией натолкнулась на сопротивление Тито, его стремление к национальной автономии и проводимые им реформы. Сходная ситуация сложилась в отношениях с Венгрией и Польшей; соперничество с Западной Германией обусловило догматизм Ульбрихта.

В противоположном, хотя и схожем плане действовали китайские коммунисты. У Мао Цзедунa и его соратников были две важные мотивации: одна, специфическая, была связана с развитием китайской экономики и теми трудностями, которые вызывали зигзаги доктрины Мао, а другая объяснялась международной ситуацией, воспринимавшейся с растущим недоверием в связи с изменением отношений между Соединенными Штатами и СССР. Лидеры КПК пытались ограничить свободу маневра Советского Союза, выступив на Московской конференции коммунистических и рабочих партий с заявлениями, которые возвращали к обстановке наиболее острого периода холодной войны: они соответствовали ситуации китайско-американского конфликта и были абсолютно не пригодны на новом этапе развития отношений между сверхдержавами.

СССР в период Хрущева, преодолев критическую фазу дестабилизации, сумел в течение нескольких лет играть роль посредника между двумя этими тенденциями с позиции силы. Успешно прошли внутренние реформы; с 1958 г. одновременно с процессом интеграции Западной Европы активизировал свою деятельность Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), способствовавший рационализации экономических отношений между странами советской системы. С 1959 г. развернулось многостороннее сотрудничество, которое должно было прийти на смену старым двусторонним связям. На этой основе были приняты приоритеты производственных отраслей для различных стран, утвержденные в программном документе 1962 г., озаглавленном «Основные принципы международного социалистического разделения труда», целью которого было формирование взаимодополняющих производственных систем, поскольку дисбаланс ресурсов и потенциалов, существовавший между СССР и другими членами СЭВ, отражался на выполнении экономических планов.

Тем не менее, отношения с Китаем после короткого периода сближения в 1957 г., когда Хрущев уступил давлению китайцев и приостановил предоставление значительных кредитов, обещанных в 1956 г. Югославии, затем обвиненной в подогревании разногласий между Москвой и Пекином, стали ухудшаться, а расхождения углубляться вплоть до полного разрыва.

Сила Хрущева объяснялась заметным улучшением экономических условий в СССР и оптимизмом в связи с технологическими успехами: в эти годы, как никогда раньше, в СССР лелеяли надежду, что смогут превзойти экономические достижения Запада.

На XXI съезде КПСС, состоявшемся в 1959 г., Хрущев отважился дать рискованное обещание, заверив, что к 1970 г. СССР превзойдет Соединенные Штаты по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, став, таким образом, страной, где люди будут жить в лучших в мире условиях. В действительности пророчества Хрущева были основаны на определенных количественных показателях. В 50-е годы советское промышленное производство росло в среднем на 10% в год (если принять за индекс, равный 100, 1953 год, то индекс 1964 г. будет равен 421). Производство стали, составившее 12,3 млн тонн в 1945 г., увеличилось до 65,3 млн тонн в 1960 г.; производство электроэнергии — с 43,2 млн киловатт до 292. За период с 1956 по 1963 г. в СССР было построено больше жилья, чем за все предшествовавшие 40 лет. Оно было низкого качества, но все же это был огромный прогресс для населения, испытывавшего муки совместного проживания нескольких семей в одной квартире.

Помимо количественных параметров, хрущевский режим пытался улучшить систему также и с организационной точки зрения, посредством реструктуризации систем централизованного планирования в соответствии с критериями, направленными на рационализацию выбора целей и распределения ресурсов. Тем же критерием рационализации руководствовались и при проведении аграрной реформы, которая усилила роль совхозов (предприятий, находившихся под непосредственным руководством государства) по сравнению с ролью колхозов (коллективных сельскохозяйственных предприятий) и положила начало процессу слияния двух форм организации сельского хозяйства. Обе эти формы рационализации быстро привели к многообещающим результатам. Однако, они осуществляли рационализацию не реформируемых систем и поэтому могли создать скорее лишь иллюзию изменений, чем привести к подлинным изменениям.

В первый постсталинский период, до 1958 г. преобладал, таким образом, оптимизм, порожденный отличными конкретными результатами. С 1958 г. до смещения Хрущева в 1964 г. пределы этих реформ становились, однако, все более очевидными. Начиная с 1959 г. темпы роста советского ВВП начали снижаться, что стало постоянной тенденцией, сохранявшейся до момента окончательного кризиса Советского Союза. Это было проявлением структурных ограничителей системы централизованной экономики и внутренне присущей ей слабости в сравнении с системой рыночной экономики. Если в количественном отношении советский ВВП продолжал расти, то с точки зрения качества он начал демонстрировать неспособность к модернизации и отставание некоторых стратегически важных отраслей, в особенности относящихся к производству продуктов питания и потребительских товаров. Мечта «похоронить капитализм» растаяла в тот самый момент, когда она была провозглашена. Поэтому внутренние противоречия советской системы стали набирать силу именно тогда, когда была предпринята попытка от них избавиться, и стали проявляться как в виде противоречий внутри блока, так и в форме стимулов, вынуждавших Советский Союз предпринимать некоторые международные инициативы (как, например, полемика о статусе Берлина, ловко начатая в 1958 г. и поддерживаемая в течение трех лет лишь отчасти по причинам, связанным с советской политикой в Германии).

Возможность устранить разногласия в международном коммунистическом движении, которые оказывали влияние на положение в самой КПСС, представилась на XXII съезде партии, состоявшемся в Москве 17—31 октября 1961 г. Съезд оказал глубокое

влияние на политическую жизнь в СССР и привел к важным изменениям во внешней политике страны. Хрущев использовал съезд для возрождения реформистской политики и сокрушительной критики сталинизма. То, что в 1956 г. было изложено в секретном докладе, на этот раз было сказано открыто. Процесс десталинизации стал официальным, тело Сталина было вынесено из мавзолея на Красной площади в Москве, а Сталинграду, городу понесшему огромные жертвы во время Второй мировой войны, было присвоено новое имя — Волгоград. Политика репрессий, проводимая Сталиным, подверглась осуждению, были даже пересмотрены дела, связанные с проведением «больших чисток» в тридцатые годы, и реабилитировано значительное число их жертв.

Попытка открыть широкий политический диалог в обществе выразилась в том, что литературные журналы, стремившиеся проводить самостоятельную линию, в частности, «Новый мир», получили возможность публиковать произведения авторов, не во всем согласных с официальными установками, например, Бориса Пастернака. Осенью 1962 г. эта либеральная тенденция нашла подтверждение в публикации повести «Один день Ивана Денисовича», написанного малоизвестным тогда автором Александром Солженицыным. Это было описание жизни, полной страданий, в сибирском концентрационном лагере. С тех пор имя и работы Солженицына стали олицетворением стремлений к свободе, и более того, открытием мироощущения старой России. Но эта политика открыто противоречила директивам Жданова в области культуры и прорывала цензурные сети, отсеивавшие все неудобное режиму. Она прорывала, но не разорвала их, потому что большинство советского руководства видело скрытую опасность в новых явлениях советской жизни, развитию которых в весьма ограниченных сферах, способствовал Хрущев. В те годы в Москву приезжала учиться молодежь из разных стран мира, в особенности из новых независимых государств, поэтому некоторая степень свободы была необходима, хотя и сопровождалась постоянным изучением догм марксизма-ленинизма.

В то время как идеологические расхождения с Китаем стали необратимы, в СССР обострилось сопротивление приверженцев старых догматических взглядов, которые с 1962 г. ждали благоприятной ситуации, чтобы избавиться от сильного и энергичного, но зачастую непредсказуемого лидера. В результате реформистских поползновений Хрущева в систему, основанную на жестком планировании, были внесены независимые переменные факторы, которые, став чрезмерными, вызывали раздражение у большей части партийного руководства. В этом заключались причины, которые

на фоне кажущегося провала во время кубинского кризиса в октябре 1962 г. привели к тому, что в Политбюро (тогда Президиуме ЦК КПСС) Хрущев оказался в меньшинстве. В октябре 1964 г. он был отстранен от власти и отправлен на пенсию: он был свободен, не подвергался преследованиям, но оказался в полной изоляции.

*10.1.5. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
И СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 г.*

Внутренняя трансформация и эволюция отношений между двумя европейскими (насколько можно использовать это прилагательное также к Советскому Союзу) блоками отражали, впрочем, изменения в обязательствах сверхдержав перед самой Европой. В 50-е годы на смену напряженности холодной войны постепенно пришли идеи нейтрализации и демилитаризации Центральной Европы, как, например, план, представленный в октябре 1957 г. польским министром иностранных дел Адамом Рапацким и неоднократно возобновлявшийся впоследствии представителями дипломатии советского блока. Речь шла о предложениях, малопривлекательных в обстановке обид и недовольства, оставшейся в наследство от кризиса 1956 г. Но сам факт, что они выдвигались и пробивали себе дорогу с тем, чтобы стать со временем основой нового европейского устройства, созданного немецкой восточной политикой и Хельсинкскими соглашениями 1975 г., свидетельствовал о том, что континентальная Европа не являлась больше центром биполярной конфронтации. Все более очевидным становился, однако, один аспект — смещение зон проявления разногласий к периметру атлантической или «американской» системы в целом: в Тихоокеанский регион, на побережье Китая, во внутривнутриполитическую жизнь таких крупных стран, как Индия, а также Индонезия; на Ближний Восток; в Средиземноморье, где усугублялись противоречия между традиционными колониальными метрополиями и странами, недавно ставшими независимыми или же борющимися за завоевание независимости. Более того, именно Средиземноморье стало регионом, в котором смещение театров конфликтов приобрело наибольшую зримость, ясно показав связь, существовавшую между этой тенденцией и процессом деколонизации.

До 1955 г. американские и британские усилия по созданию системы сдерживания потенциальных советских инициатив не сталкивались с препятствиями, за исключением тех, что были связаны с кризисом французской империи (требования независи-

мости в Тунисе и Марокко, восстание в Алжире) и британским присутствием в Египте. В Египте в 1952 г. была свергнута монархия, и установился режим «полковников», окрепший под руководством Насера. Новое руководство страны считало неприемлемым сохранение остатков колониального режима на Ближнем Востоке, оно решительно начало переговоры о выводе английских войск, базировавшихся в зоне Суэцкого канала по договору 1936 г., и добилось 19 октября 1954 г. соглашения о выводе в течение двух лет этих войск, расположенных в зоне канала.

Сложная ситуация складывалась в связи с ослаблением сотрудничества на Балканах между Югославией, Грецией и Турцией, что несколько уравновешивалось значительным вкладом Италии в сохранение стабильности в Средиземноморье после решения вопроса о Триесте. В связи с этим Соединенные Штаты разработали «стратегию внимания» и «осторожного вмешательства», проводя ближневосточную политику в очень узком коридоре возможностей. Они не могли допустить разрыва атлантической солидарности в регионе, важном с точки зрения энергетических ресурсов, в особенности после иранского кризиса 1951–1953 гг. Они старались умерить противоборство Израиля и арабского мира, чтобы не вызвать разрушительных последствий для региона. Они не могли, конечно, оставить в одиночестве Израиль, который своим существованием был в значительной мере обязан американской поддержке, а своим экономическим ростом — финансированию со стороны американской еврейской общины. Тем не менее, во имя политических интересов они должны были пропагандировать и проводить политику «беспристрастия», которая вынуждала их колебаться между сокращением — или приостановлением — оказания помощи и опасением, что изоляция заставит Израиль предпринять отчаянные и необратимые действия. В результате американцы активизировали развитие отношений с арабским миром.

Именно стремление к беспристрастности толкало американцев к укреплению связей с другими арабскими странами и, в частности, с Саудовской Аравией; при этом они не учитывали, что на Ближнем Востоке Египет играл центральную роль. Несмотря на идеи «неприсоединения», которые Насер поддержал на конференции в Бандунге, конфликт с Израилем не был устранен. перевооружение египетской армии стало приоритетной задачей для египетского руководства. Насер обратился к Соединенным Штатам с просьбой о военной поддержке, но отказ американцев заставил его искать иные возможности решения вопроса о военных поставках. В сентябре 1955 г. было объявлено о соглашении с Чехословакией (оно вступило в силу в июле того же года), благодаря которому

Египет в обмен на хлопок получил оружие. Это соглашение отражало новый элемент во внешней политике страны и имело важное военно-политическое значение для региона в целом. После эфемерного присутствия Советов в первое послевоенное время (от которого остался след в виде непрочного союза с Албанией) Средиземноморье вернулось под жесткий контроль Запада. Соглашение Египта с Чехословакией заложило основы для резкого изменения ситуации, более того, оно свидетельствовало, что открылся новый фронт холодной войны на Ближнем Востоке.

Даллес проанализировал опасность новой ситуации и попытался ее парировать. Внешняя политика Насера отражала его стремление сыграть на противоборстве сверхдержав как в военном, так и в экономическом плане. В связи с этим государственный департамент увидел возможность вновь предложить (декабрь 1955 г.) помощь совместно с Великобританией и Международным банком по финансированию проекта, с которым Насер связывал развитие сельского хозяйства и рост производства в стране: построение в Асуане, недалеко от границы с Суданом, мощной плотины, которая должна была улучшить регулирование вод Нила и увеличить площадь плодородных земель на его берегах. Даллес надеялся, что такое гигантское предприятие помешает Египту разрабатывать военные планы против Израиля.

Стремление американцев сохранить равноудаленность осталась; дипломаты и секретные службы предприняли несколько осторожных шагов, чтобы прозондировать, готов ли Насер — или кто-либо другой, кто придет ему на смену — к прямому диалогу с Израилем. По этому вопросу переговоры продвигались медленно в связи со сложностями, присущими процессу принятия решений в США, а также из-за глубокого недоверия к египетскому диктатору. Действительным препятствием для завершения переговоров были резко антизападные настроения, которые сторонники Насера насаждали во всем регионе. Во время переговоров король Иордании Хусейн внезапно уволил Глабб пашу, английского генерала, командовавшего Арабским легионом, ударным отрядом иорданских вооруженных сил, служившим олицетворением англо-иорданской дружбы. Трудности проведения переговоров были также связаны с предоставлением обещанного кредита (200 млн долларов Международным банком, 56 — Соединенными Штатами и 14 — Великобританией), получение которого было обусловлено согласием Египта со схемой соглашения, предложенной Соединенными Штатами, и обязательством не принимать помощь Советского Союза для тех же целей.

Эти условия вынуждали Насера в течение нескольких месяцев увильнуть от ответа, а между тем, Советы распространяли слухи, что они сами готовы финансировать проект. В результате переговоры растянулись до мая 1956 г., когда министр иностранных дел СССР Дмитрий Шепилов прибыл с официальным визитом в Каир для участия в празднованиях, связанных с выводом последних контингентов английских вооруженных сил из зоны Суэцкого канала. Египтяне надеялись, что в связи с визитом туманные советские обещания приобретут более четкие очертания, но Шепилов ничего не сказал по существу. Поэтому Насер был вынужден вернуться к переговорам с Западом, чтобы ускорить их, но было уже слишком поздно. Тем не менее, Даллес (в отличие от Идена) был еще расположен вновь завязать диалог, поскольку американский финансовый год был уже закончен, а новые ассигнования не были предусмотрены в бюджете на 1956–1957 гг. К тому же и визит Шепилова, и признание Египтом Китая сужали свободу маневра Даллеса. Хотя госсекретарь и строил планы продолжить переговоры, но в столь напряженной обстановке и в год президентских выборов, на которые большое влияние оказывало еврейское лобби, все надежды были исчерпаны. 18 июля Даллес сообщил египетскому послу, что администрация Соединенных Штатов больше не в состоянии гарантировать финансирование и соответствующее предложение следует считать отозванным.

В эти дни Насер был гостем Тито на Бриони вместе с премьер-министром Индии Неру. Египетский лидер обратился к Советам и понял, что они не в состоянии немедленно предоставить помощь как альтернативу западному финансированию. Тогда он публично объявил, что собственность Компании Суэцкого канала национализируется, судоходство по каналу переходит а руки египтян, убытки акционеров Компании будут возмещены в соответствии со стоимостью утраченных акций и что доходы от платежей за проход судов по каналу будут использованы для строительства Асуанской плотины; все расчеты были проведены в соответствии с существовавшей практикой экспроприации.

Так началась интенсивная фаза кризиса, кульминацией которого стала война между Израилем, Великобританией, Францией и Египтом в конце октября — первых числах ноября 1956 г. В Великобритании и во Франции — как и в других западных странах — Насера считали идеологическим врагом, схожим с Гитлером, а потому с ним невозможно было никакое примирение. Для англичан он был стратегическим врагом, поскольку его действия угрожали интересам Великобритании на Ближнем Востоке, а для французов он был еще и противником в военном отношении,

так как активно участвовал в пропаганде арабского национализма и оказывал помощь повстанцам в Алжире. Достаточно вспомнить эпизод с яхтой «Атос», которая была конфискована в середине октября 1956 г., так как везла оружие, отправленное Египтом в Алжир.

Насер действовал в неблагоприятной обстановке: Советский Союз хотя и оказывал поддержку, но издалека, а потому недостаточно эффективно. Любой его смелый шаг мог вызвать опасные ответные меры, и единственной эффективной защитой для него, как это ни парадоксально, были действия Соединенных Штатов, которые могли притормозить ответную реакцию, так как англичане и французы предпочитали быстрое возмещение убытков.

Национализация канала породила безрезультатную юридическую тяжбу; она сопровождалась клеветническими измышлениями с англо-французской стороны относительно неспособности египетских лоцманов обеспечить судоходство в соответствии с нормами конвенции 1888 г., регламентировавшей проход судов по каналу. Соединенные Штаты предприняли попытку привлечь все страны, заинтересованные в свободе судоходства, к участию в конференции, которую намечали провести в Лондоне в середине августа 1956 г. На конференцию были приглашены представители так называемых «морских держав» (но Египет от участия отказался), чтобы прийти к мирному решению спора, учредив Ассоциацию пользователей Суэцкого канала, т.е. автономный орган с участием Египта, а судоходство по каналу обеспечивали бы лоцманы этой Ассоциации.

Это предложение было представлено Насеру 2 сентября и было им незамедлительно отвергнуто. Это поставило в затруднительное положение Даллеса, который пытался найти альтернативные решения, прекрасно понимая, что в противном случае участники конфликта прибегнут к силе. Даллес подсказал учредить автономную ассоциацию, у которой были бы собственные лоцманы, способные заменить египетских. Этот вариант, по его мнению, позволял сохранить национализацию и спасти авторитет Соединенных Штатов как среди сил, выступавших с националистических позиций, так и среди союзников, однако в этом случае предполагалось, что египтяне признали бы де факто интернационализацию (международное управление) канала, а англичане и французы отказались бы от своей цели заставить Насера почувствовать последствия его акции и, прибегнув к силе, устранить египетского диктатора.

На самом деле возмущение Великобритании и Франции было очень сильным, но правящие круги этих стран не понимали, что

находятся в изоляции. Даже среди участников Атлантического Союза раздавались голоса протеста против их непримиримых позиций, которые расценивались как проявление колониалистского недовольства, а оно разделялось лишь немногими. Предложение США, в какой-то мере нашедшее признание даже у Идена и расценивавшееся как попытка разумного компромисса, заключалось в том, чтобы поставить вопрос в ООН и в той или иной мере удовлетворить все заинтересованные стороны. Это казалось возможным в первой половине октября, когда министр иностранных дел Египта Махмуд Фавзи, предупрежденный Даллесом о возможности военных действий со стороны Великобритании и Франции, пошел на переговоры, чтобы выработать договор об общих принципах регулирования судоходства по каналу. Совет Безопасности 14 октября в целом одобрил соглашение, однако, о методах его реализации договориться не удалось.

Таким образом, дипломатические усилия лишь маскировали реальные намерения британцев и в еще большей степени французов. Фактически, с самого начала кризиса правители этих обеих стран лелеяли замыслы прибегнуть к ответной военной акции. Уже 27 июля правительство Идена приняло решение и поручило Генеральному штабу разработать планы вооруженной интервенции. Более того, оно создало Комитет по Египту из представителей различных ведомств и поручило ему следить за развитием кризиса. Британцев сдерживала позиция США, поскольку в течение всего этого времени в Лондоне считали, что военные действия возможны только в том случае, если американцы не будут открыто этому противодействовать, и при условии, что военная акция будет воспринята как юридически обоснованная и предпринятая в ответ на египетские инициативы. Тем не менее, это не помешало Комитету по Египту начать работу и подготовить планы военной операции (получившей кодовое название «Мушкетер»), которую можно было бы предпринять во второй половине сентября.

Международно-правовая казуистика Идена не разделялась даже его известными коллегами, например, Гарольдом Макмилланом, по мнению которого, если бы Великобритания не предприняла тогда решительных действий, то скатилась бы до уровня Нидерландов. Французы тоже не обращали на нее внимания, поскольку они не опасались вызвать ненависть арабов (в это время Франция уже была для них главной мишенью) и не беспокоились по поводу реакции американцев, потому что, по крайней мере с 1954 г., отношения между двумя странами резко ухудшились из-за отказа Франции ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе, а также в связи с различием в подходе к по-

литике в Индокитае. Как отмечает Морис Вайс, у правительства Ги Молле, бывшего тогда у власти во Франции, не было оснований действовать с оглядкой на американцев, и поэтому уже при первых признаках кризиса оно начало неформальные консультации с британским политическим и военным руководством о согласовании совместных действий.

Колебания Британии разочаровали французов. 10 сентября 1956 г. Ги Молле и министр иностранных дел Кристиан Пино прибыли в Лондон для обсуждения переработанного плана операции «Мушкетер». Последующее обращение в Организацию Объединенных Наций и дальнейшие отсрочки британцев привели к тому, что правительство Парижа стало искать другие пути решения проблемы: французы предприняли попытку договориться с Израилем. Первые двусторонние секретные контакты были предприняты в конце сентября 1956 г. в Париже. Французы надавили на Израиль, уговорив его воспользоваться случаем и разбить своего самого сильного и опасного противника. Между тем, анализ военных планов показал, что без участия Великобритании было бы слишком рискованно приступать к военной операции, так как Израиль должен был лишь выступить с угрозой Иордании, чтобы создать предлог для иностранного вмешательства. Но угрожать Иордании означало избрать метод, неприемлемый для англичан. Премьер-министр Израиля Бен-Гурион отверг предложения Франции, однако полностью не отказался от планов совместного выступления.

Эти планы разрабатывались как раз в то время, когда Совет Безопасности ООН одобрил 14 октября общие принципы достижения намечавшегося компромисса. В те же дни французский генерал Морис Шолль и министр Арман Газье прибыли в Англию, чтобы провести секретные встречи с Иденом и представить ему первый проект плана действий, в котором предусматривалось нападение Израиля на Египет и последующая англо-французская интервенция, оправданная необходимостью предотвратить расширение конфликта. Два дня спустя Иден и министр иностранных дел Селвин Ллойд прилетели в Париж, чтобы сообщить Ги Молле и К. Пино свое согласие на проведение операции.

Колебания в правильности предложенного решения были у премьер-министра Израиля, который не хотел, чтобы именно его страна взяла на себя инициативу агрессии против Египта только для того, чтобы создать предлог для вмешательства Англии и Франции. Но начальник Генерального штаба Моше Даян убедил его, что представляется уникальный случай вывести Израиль из изоляции. Израильская делегация прибыла в Париж 21 октября и

сразу встретила с Ги Молле, К. Пино и министром обороны Морисом Буржес-Монури. 22 октября в Париж прибыл Селвин Ллойд, и вести переговоры стало сложнее, так как выявились разногласия между израильтянами, которые стремились, прежде всего, возобновить судоходство в заливе Акаба, заняв стратегическую базу Шарм-эль-Шейх, и англичанами, которые требовали начать операцию в зоне канала. Противоречия были преодолены, и 24 октября представители трех стран подписали в Севре, пригороде Парижа, секретное соглашение, определявшее их действия в последующие дни. Израиль должен был напасть на Египет в зоне канала, что дало бы возможность Англии и Франции предъявить ультиматум двум воюющим сторонам и потребовать от них отвести войска от канала, по крайней мере, на десять миль, под угрозой англо-французского вмешательства для «разделения двух враждующих сторон».

Военные действия начались как по написанному сценарию: 29 октября израильтяне решительно атаковали египтян и оккупировали почти весь Синай. Нападение показало, что, несмотря на усилия Насера, египетские вооруженные силы оказались не в состоянии противостоять неожиданной агрессии. На следующий день Иден и Ги Молле направили свой ультиматум Египту и 31 октября по истечении установленного срока и в связи с явным отказом египтян принять (мягко говоря несбалансированное) требование, потому что в нем не упоминалась оккупация Синай израильскими войсками, британцы и французы начали бомбардировку египетских военных баз, а 4 ноября сбросили первые парашютные десанты на Порт-Саид и Порт-Фуад, готовясь к операции с воздуха и моря, которая должна была обеспечить контроль над каналом.

В истории деколонизации трудно найти операцию, столь плохо рассчитанную, столь слабо подготовленную и давшую столь нежелательные результаты, как англо-французские действия в зоне Суэцкого канала. В определенной мере можно понять причины выступления израильтян. Участие французов было продиктовано мстительным желанием одним ударом, если удастся, изменить ход колониальной истории, но в случае неудачи предпринятой акции, она обернулась бы против самих ее авторов и резко ухудшила бы их позиции. Еще больше критики заслуживает мягкотелость англичан в связи с агрессивностью французов, поскольку англичане до последнего момента колебались между опасениями испортить «особые отношения» с Соединенными Штатами и стремлением сохранить то, что осталось от их позиций на Ближ-

нем Востоке, поэтому они искали предлог, который позволил бы придать операции внешнюю законность. К тому же на поведение англичан оказывали влияние авторитетные деятели в правительстве Великобритании, которые и в самом деле считали, что настал удобный момент для силового решения сразу двух проблем: вновь обрести контроль над каналом и изгнать Насера, нанеся решительный удар по его авторитету.

Но все произошло иначе, остаться в полной изоляции пришлось Англии и Франции: они попали под огонь критики не только всех молодых независимых государств, но также и своих традиционных союзников — Соединенных Штатов и других стран Североатлантического альянса. В то время, когда общественное внимание всего мира было сосредоточено на событиях в Восточной Европе, и Советский Союз стал объектом критики тех, кто осуждал его действия в Венгрии, англо-французская инициатива оказалась прекрасной отвлекающей акцией. Агрессивные действия Великобритании и Франции привели к следующим результатам: раскололи западный блок, переживавший в то время структурный кризис, и дали возможность Советскому Союзу участвовать в борьбе с колониализмом и вернуть то доверие в общественном мнении, которое было утрачено им в связи с венгерскими событиями.

По указанию Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, немедленно был созван Совет Безопасности, но принять решение не удалось из-за вето Великобритании и Франции. В 1950 г. американцы, чтобы обойти вето Советского Союза в отношении войны в Корее, побудили принять резолюцию «Uniting for Peace», позволявшую при определенных обстоятельствах, когда Совет Безопасности не мог принять решения из-за осуществления права вето, созвать Генеральную Ассамблею, что и было сделано в данном случае против Франции и Великобритании. Чтобы помешать Советскому Союзу сделать первый шаг и затем использовать его в пропагандистских целях, Соединенные Штаты первыми представили 1 ноября в Генеральную Ассамблею проект резолюции, в котором были изложены требования немедленного прекращения огня, отвода войск воюющих сторон за линию перемирия и прекращения всех военных действий.

Предложение Соединенных Штатов 2 ноября было одобрено 64 голосами (среди которых был и голос Советского Союза) против пяти, при шести воздержавшихся. Раскол стал более, чем очевиден, и положение Великобритании и Франции осложнилось невыполнением принятой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Последующие военные операции Великобритании и Франции

были предприняты под предлогом, что только вмешательство вооруженных сил ООН могло бы создать условия для прекращения ими военных действий. Давление на них стремительно возрастало. Маршал Булганин, бывший тогда премьер-министром Советского Союза, стал даже угрожать военным вмешательством (угроза маловероятная, но имевшая большой политический резонанс), вплоть до применения атомного оружия, что английские секретные службы не считали совершенно невозможным.

Круг замкнулся, и 6 ноября правительства Лондона и Парижа были вынуждены подчиниться резолюции о прекращении огня. За принятием резолюции последовали долгие переговоры с тем, чтобы добиться ее осуществления и участия сил ООН. Они полностью взяли под свой контроль Синай, что способствовало выводу израильских войск с полуострова, разместили свои базы в Шарм-эль-Шейхе (что было позитивным результатом для Израиля, который смог вновь открыть для судоходства порт Эйлат в заливе Акаба) и в секторе Газа. Выполнение резолюций ООН осуществлялось достаточно медленно и завершилось полным поражением для Великобритании и Франции, которые к 22 декабря 1956 г. должны были вывести свои войска с египетской территории. Для Израиля резолюции ООН были позитивными, поскольку его присутствие в двух стратегически важных для его безопасности и торговли секторах территории сменилось вводом сил Организации Объединенных Наций, размещение которых было завершено в начале марта 1957 г.

Военный кризис, краткий, но интенсивный, был серьезным ударом для французов, питавших надежды удержать под своим контролем положение в Северной Африке. После этих событий для правительства Парижа стало труднее добиться одобрения своей политики в Алжире. Восполнить этот урон удалось только с возвращением де Голля к власти. Англичане, напротив, сумели не потерять более того, что они уже потеряли. Отношения с Соединенными Штатами оставались напряженными в течение нескольких месяцев, но как только Антони Иден вынужден был по состоянию здоровья уйти в отставку (январь 1957 г.), его сменил Гарольд Макмиллан, который, хотя и был одним из тех, кто решительно выступал за военную акцию против Египта, стал активным сторонником нормализации положения. Теперь Великобритания, конечно, должна была уступить Соединенным Штатам преобладающие позиции в Восточном Средиземноморье, но это не привело к полной утрате влияния, сравнимой с той, которую испытали французы.

10.1.6. «ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА»
ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Начался период интенсивных дипломатических переговоров как между западными союзниками по НАТО, так и между Соединенными Штатами и их партнерами на Ближнем Востоке. Вскоре стало ясно, что даже прямое столкновение Египта с Францией и Великобританией не заставило правительство Вашингтона предпринять какие-либо инициативы, противоречащие интересам Соединенных Штатов и их политической линии на Ближнем и Среднем Востоке. В самые тяжелые дни кризиса и в последующее время Даллес и Эйзенхауэр, а также все их сторонники дали понять и словом и делом, что они намерены добиваться двух целей: воспрепятствовать тому, чтобы англо-французская акция воспринималась бы как концепция действий всего Запада в отношении арабских стран, и выработать такую средиземноморскую политику, которая помогла бы наиболее эффективно преодолеть кризис и помешать тому, чтобы Советский Союз извлек из него наибольшую выгоду и одержал бы победу на этом новом фронте холодной войны. Даллес никогда не прерывал контактов с египтянами, никогда не выражал открыто враждебного отношения к решениям Насера о национализации. Напротив, госсекретарь США старался проводить политику посредничества между интересами Англии и Франции, с одной стороны, и Египта, с другой; он стремился также подчеркнуть четкое различие между позициями Соединенных Штатов и двух государств-агрессоров.

Когда была преодолена наиболее острая фаза конфликта, в январе 1957 г. американский президент представил конгрессу «доктрину Эйзенхауэра», т.е. основные направления американской политики на Ближнем Востоке, заверив, что доктрина основывается на продолжении оказания экономической и военной помощи тем странам этого региона, которым грозит агрессия и которые обратятся с просьбой о помощи. Соединенные Штаты обязывались решительно «защищать суверенитет и территориальную целостность свободных государств на Ближнем Востоке», поддерживать их стремление оказать сопротивление коммунистической агрессии. «Доктрина Эйзенхауэра», как позже уточнял Даллес, была нацелена на то, чтобы помешать распространению советского влияния под видом экстремистского арабского национализма. Стремление отмежеваться от прежних колониальных традиций сохранилось, но теперь оно сопровождалось разъяснением, что политика сдерживания (но не отбрасывания) включает весь ближневосточный регион, понимаемый в широком смысле. «Доктрина

Эйзенхауэра» расширяла и усиливала общее содержание доктрины Трумэна, одобренной в 1947 г.

В 1957 г. доктрина была впервые применена в связи с событиями в Иордании. Король Хусейн, которому угрожало сближение Сирии и Египта, обратился за помощью к Соединенным Штатам, и она была ему оказана, но только в косвенной форме: шестой американский флот переместился в воды Восточного Средиземноморья. Второй раз она применялась в июле 1958 г., когда после государственного антимонархического переворота в Ираке президент Ливана Камиль Шамун попросил помощи и добился американского вооруженного вмешательства, чтобы противостоять обострению отношений между христианской и мусульманской общинами в стране. Вмешательство было эффективным, что позволило быстро вывести американские войска и отозвать английские войска из Иордании. Было ясно, что доктрина Эйзенхауэра выражала намерение Соединенных Штатов выполнять свои обязательства на Ближнем и Среднем Востоке в течение длительного времени.

Можно спорить о том, отражали эти обязательства преимущественно антисоветскую направленность американской политики или же они отражали стремление американцев предотвратить перемены, которые могли произойти в регионе под воздействием арабского национализма, находившегося на подъеме и порождавшего постоянное брожение. Следует также учитывать стратегическую важность для американцев энергетических ресурсов Ближнего Востока. Конечно, советское влияние в Восточном Средиземноморье вызывало у американцев неизменное беспокойство. И все же, в конце 50-х — начале 60-х годов американцев больше, чем советское присутствие в регионе, волновала проблема установления корректных и действенных отношений со странами, в которых бурно проявлялся феномен национализма: возникший в арабском мире, он быстро распространялся в странах, освободившихся от колониализма. Перед правительством Вашингтона стояла задача разработать новые концепции, способные противостоять вызову, который бросали старому миру молодые арабские государства, выступавшие не с военной угрозой, а с новой националистической идеологией. Они выражали протест против Запада и Израиля, который в 1956 г. оказал содействие прежним империалистическим метрополиям, стал членом западной коалиции, показав тем самым свое «отличие» от бывших колониальных стран. Националистические устремления отражали потребность в новых формах управления и эффективного развития, способных содействовать укреплению новых стран.

10.2. Деколонизация и сосуществование-соперничество

10.2.1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Тема колонизации и деколонизации охватывает столько аспектов мировой жизни, что выделение в ней того, что оказало более или менее прямое влияние на международные отношения, чревато излишним упрощением. В самом деле, многообразие ситуаций несводимо к единым аналитическим моделям, если только не прибегать при этом к идеологическим интерпретациям. Последние сыграли бесспорную роль в период борьбы за освобождение, однако в историографическом плане могут рассматриваться только как отдельные аспекты более широкой картины.

Империализм приобрел центральную роль в международной жизни в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX в., поскольку он стал цементом для строительства мощных центров ресурсов и власти, благодаря которым нескольким европейским странам удалось занять господствующие позиции на значительной части земного шара. Представляется очевидным, что империализм был непосредственным образом связан с развитием капиталистической системы в Европе и представлял собой одно из ее наиболее ярких выражений. Система европейских империй проявила динамизм и безграничную способность капиталистической экономики к экспансии как в поисках источников сырья по регулируемым ценам и рынков сбыта для национального производства, так и в качестве возможности для массового перемещения капиталов в регионы с гарантированной прибылью. Ленинский тезис об империализме как высшей стадии капитализма может, вероятно, показаться слишком жестким по своей формулировке, но он затрагивает центральный момент колониальных отношений. В этом смысле колонии и империи были одним из оснований богатства и могущества европейских государств и инструментом их мирового господства. Те, кто в Европе с конца XIX в. боролись с капитализмом, справедливо выступали против империализма, считая, что он подчиняет интересы национальной экономики интересам экономики в глобальных масштабах, в том числе и в ущерб условиям жизни трудящихся некоторых имперских держав. Только очень косвенным путем они получали выгоды, превышавшие издержки колониальных войн, которые капиталистическая система возлагала на государства, то есть на всех их граждан без каких-либо различий.

Как феномен международных отношений современный империализм, если и представлял собой угнетение и политику силы, был также и, вероятно, прежде всего, сложной системой перемещений финансовых и политических капиталов, в которую были вовлечены в различных аспектах колонизованные регионы. Речь шла, в первую очередь, о перемещении политической власти и моделей ее организации, которые надстраивались над автохтонными или заменяли их, власти, которая требовала сотрудничества и соучастия сил местного общества, но и вызывала реакцию со стороны всех тех, кто был ущемлен с точки зрения существовавших ранее властных полномочий, какими бы они ни были — политическими, экономическими или духовными. Речь шла также о колоссальном по своим масштабам перемещении товаров: сырья для крупной промышленности отдельных метрополий и готовой продукции на колониальные рынки — в условиях проведения протекционистской политики или в режиме свободной конкуренции, но всегда с радикальной трансформацией экономической жизни различных колонизованных территорий.

Производство сырья означало также перемещение капиталов — капиталов, необходимых для прибыльных инвестиций в новые территории. Однако результатом таких перемещений стало превращение колониальных обществ в общества, зависимые в экономическом отношении от нового производственного уклада, находящегося под защитой центральной политической власти. Эти изменения нарушали существовавшие ранее формы социального равновесия. Пролетаризация, урбанизация, культурная ассимиляция создавали новые типы социального равновесия, связанные с характером изменений.

Часто перемещение касалось также культуры и технологии. Согласно Даниэлю Р. Хедрику, постоянные инвестиции, которые в потенции могли сделать колониальные территории богатыми, напротив, были подчинены потребностям, связанным с интересами империализма. С этим можно в принципе согласиться, однако, не следует упускать из виду и того, что именно в этих сферах процесс изменений имел менее негативный характер, поскольку он привел к долговременным результатам в виде предприятий, технологических знаний или распространения культуры. Все это было бы функциональным по отношению к колониальной системе, если бы она в принципе смогла выжить.

Итак, империалистическая система хищническим образом захватила территории с различным уровнем культуры, богатства, цивилизации, политической организации. Она вызвала насильственные социальные и политические изменения, подчинила этносы

и способы производства логике рыночной экономики. Она включила Африку, которая до 1870 г. была лишь слегка затронута европейским влиянием, Океанию и обширные территории Восточной Азии (а также старые британские владения в Индии и голландские в Индонезийском архипелаге) в процесс развития капиталистической системы, со всеми противоречиями, которые были для нее характерны в то время. Она превратила территории, ставшие колониями, в предмет обмена и споров между европейскими державами. Мир, существовавший в условиях изоляции, стремительно интегрировался в совершенно иной мир, где доминировало империалистическое соперничество. Результат этих перемещений проявился двояким образом (ни один из которых не открывал для имперских систем перспективу длительного существования) — в виде восстания автохтонных сил против тех, кто лишил их традиционных власти и влияния, или же в виде восприятия критики существующей системы, распространившейся в то время в Европе. Консервативный антиколониализм и революционный антиколониализм объединились и сошлись в том, что открыли старые национальные ценности или же стали разрабатывать новые. Достаточно было контролю со стороны Европы оказаться в кризисе, чтобы эти мотивации начали проявляться весьма заметно.

*10.2.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ
В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Накануне Первой мировой войны Британская империя включала, с разными формами зависимости от Лондона, Ирландию и переселенческие колонии, которые с 1907 г. стали называться доминионами, — Канаду (получившую статус доминиона в 1867 г.), Австралию, Новую Зеландию и Южно-Африканский Союз. В Азии она включала Южную Аравию (в настоящее время входящую в Йемен), эмираты и султанаты, имеющие выход к Персидскому заливу и Оманскому заливу, Индию (частью которой были также территории, сегодня поделенные между Пакистаном и Бангладеш, — Бутан и Сикким), Цейлон (сегодня Шри Ланка), Мальдивы, Бирму, Малайю и Северное Борнео; в Африке — территории, на которых сегодня расположены Гамбия, Сьерра-Леоне, Гана, Нигерия, Египет, Судан (находившейся в кондоминиуме с Египтом), Кения, Уганда, Занзибар (сегодня — часть Танзании), Сейшельские острова, остров Маврикий, Замбия, Зимбабве, Ботсвана, Свазиленд, Лесото и часть Сомали, прилегающая к порту Бербера. В Америке империя включала современный Белиз, некоторые архипелаги в Карибском море и часть Гвианы. Ряд стратеги-

чески важных колоний— Гибралтар, Мальта, Кипр, Сингапур, Гонконг, а также различные архипелаги и острова в трех океанах — Атлантическом, Индийском и Тихом, — довершали британскую систему.

Французская империя включала, с юридическим статусом разного характера, помимо островных владений и нескольких индийских анклавов, часть Гвианы, индокитайские территории, сегодня составляющие Вьетнам (то есть Тонкин, Аннам и Кохинхину), Лаос и Камбоджу; в Африке — Марокко и Тунис в качестве протекторатов, Алжир, Французскую Западную Африку (сегодня поделенную между Мавританией, Мали, Буркина-Фасо и Нигером, Сенегалом, Гвинеей, республикой Кот-д’Ивуар и Бенином), Французскую Экваториальную Африку (поделенную сейчас между Чадом, Центральноафриканской Республикой, Габоном и Конго), часть Сомали, примыкающую к Джибути, Мадагаскар и Коморские острова. Бельгийское господство распространялось на территории современного Конго, раньше называвшегося именно Бельгийским Конго; голландское — на Индонезию, на Западный Тимор, новую Западную Гвинею, на часть Антильских островов и Гвиану. Испания владела в Африке Северным Марокко, Ифни и Рио-де-Оро в Западной Сахаре, а также современной Экваториальной Гвинеей. Португалия, помимо Макао в Китае, Восточного и Северного Тимора, господствовала в Африке в Гвинее-Биссау и на островах Зеленого Мыса, на Сан-Томе и Принсипи, в Анголе, на небольшой территории Кабинда и в Мозамбике. Итальянская империя включала Ливию, Эритрею и Сомали, временно владела Додеканесскими островами, которые, по Лозаннскому договору 1923 г., стали ее постоянной колонией.

После окончания войны в 1920 г., с вступлением в силу режима мандатов, определенного статьей 22 Устава Лиги Наций, Великобритания и Франция обеспечили себе значительную часть распавшейся Османской империи (мандаты категории «А», то есть территории, способные к самоуправлению, за исключением периода временного контроля), а также Германской империи (мандаты категории «В» и «С» — территории, которые сочли неспособными к самоуправлению и нуждающимися, следовательно, в иной степени международной «опеки»). Великобритании передавались Ирак и Палестина (вся ее территория с географической точки зрения), Танганьика (сейчас — часть Танзании) и две части Того и Камеруна. Франция получила более существенную долю этих регионов и вернула некоторые территории, отданные немцам в Экваториальной Африке в 1911 г., но, прежде всего, вернула в качестве мандатов категории «А» территории, соответствующие

современным Сирии и Ливану. Бельгии передавалась Руанда-Урунди (сегодня разделенная на Руанду и Бурунди) и Южно-Африканскому Союзу — Юго-Западная Африка (теперь — Намибия). Португалия получила небольшую территорию Кионга в Восточной Африке.

Япония унаследовала германские владения в Китае и в Океании получила мандат на Марианские, Каролинские, Маршалловы острова, а также острова Палау. Австралия получила мандат на управление германской Новой Гвинеей и архипелагом Бисмарка (в настоящее время — Папуа — Новая Гвинея), а также островом Науру. Новой Зеландии передавался мандат на острова Западное Самоа.

Распад Османской империи и германской колониальной системы породил у других колониальных держав (за существенным исключением в виде Италии, извлекавшей из этого мотивации для своего «ревизионизма») ощущение, что как протест против империализма, имплицитно содержащийся в политике мандатов, инициированной президентом Вильсоном в качестве первого эксперимента по деколонизации, так и пропаганда советских коммунистов против империализма оставались ограниченными рамками простых заявлений. Однако за этой иллюзией просматривалась меняющаяся реальность. Это касалось не столько влияния Советского Союза, которому, несмотря на идеологические заявления, не удалось распространить его за пределы Кавказа и Гималаев (он сумел приобретать сторонников главным образом в Китае), сколько объективного ослабления европейских позиций в тех регионах, которые до 1914 г. являлись объектом не прямого колониального господства, а значительного политического, экономического и культурного воздействия, — таких, как Центральная и Южная Америка и Китай. В первой зоне временное ослабление европейского присутствия, связанное с войной, расчищало путь для все более масштабной финансовой и торговой экспансии Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство сумело воспользоваться этим в десятилетие, последовавшее за конфликтом, для оказания политического давления не только на Центральную Америку — где они продолжали использовать методы «долларовой дипломатии» — но также и на страны Южной Америки, где активность американской дипломатии превосходила деятельность Лиги Наций и отдельных европейских стран.

На Дальнем Востоке попытка в период десятилетия, последовавшего за Первой мировой войной, вернуть европейское влияние к довоенному уровню, столкнулась с возрождением китайского национализма и, в особенности в период до 1922 г., — с японскими

амбициями. Политика европейских государств, по существу параллельная политике Соединенных Штатов, в случае с Китаем была направлена на поддержку объединения страны и умеренных элементов Гоминьдана для того, чтобы избежать сначала русской революционной «заразы», а в дальнейшем — сдерживать советские дипломатические маневры. В случае с Японией, в условиях утраты в значительной степени — в результате внезапного исчезновения России — цементирующего начала для англо-японского союза, Соединенные Штаты и Великобритания смогли ограничить на Вашингтонской конференции последствия ее дипломатической победы на Парижской мирной конференции и остановить ее экспансию вплоть до возобновления японского проникновения в Маньчжурию.

Окончание войны совпало, следовательно, с первой серией кризисов колониальных проектов. Двадцать лет социалистической пропаганды и советская революция оставили малозаметный след. Напротив, стремление Соединенных Штатов утвердить право народов на самоопределение в качестве юридического принципа международной жизни и использовать этот принцип не только в Европе, но и на колониальных территориях, как предполагал институт мандатов, являлось системой координат, вынуждавшей колониальные державы менять свои позиции. Речь шла о вызове, касавшемся не только непосредственно подмандатных территорий, но целых колониальных систем; а также о вызове, последствия которого стали ощущаться как во Франции, так и в Великобритании. Оправдание колониальной системы как элемента политического развития колоний и достижения общих экономических преимуществ для центра и периферии столкнулось с соизмеримой ей критикой колониализма за выполняемую им функцию политического угнетения и экономической эксплуатации. В том же 1922 г. в Великобритании и Франции появились две работы, оказавшие сильное воздействие на дискуссию в обеих странах: «Двойной мандат в Тропической Африке» (*The Dual Mandate in Tropical Africa*) лорда Лугарда и «Эксплуатация колоний» (*Mise en valeur des colonies*) Альбера Сарро. Однако французский ответ формировался в значительной мере иначе, чем британский, также как, впрочем, иным был и характер французского колониального господства.

Не считая периода пребывания у власти правительства Народного фронта Леона Блюма, начавшего многообещающую программу реформ, в целом французы демонстрировали гораздо меньшую гибкость, чем британцы в отношении требований колониальных народов. Испытывая теоретические затруднения и путаницу в раз-

делении полномочий с колониальной администрацией, французское правительство не смогло пойти дальше обещания реформ в Индокитае, сформулированного в 1928 г. (в то время как британские колонии продвигались в направлении самоуправления), оставаясь приверженным в Северной Африке формам протектората (Тунис и Марокко), от которых Великобритания тем временем отказывалась. Подмандатные территории на Ближнем Востоке также управлялись в соответствии с критериями, в значительной степени обусловленными приверженностью политике «ассимиляции», противоречившей самой букве норм, регулировавших мандат категории «А». Это вынуждало представителей государственной администрации лишь «способствовать» местным политическим силам в организации их независимости. Напротив, в том, что касается Сирии, французы разработали сложную систему реорганизации управления этой территорией, которая встретила сильное сопротивление местных племен и националистов в период до 1930 г. В том же году французские власти попытались создать стабильное правительство, которое позволило бы им заключать соглашения, аналогичные заключенным англичанами в это время на своих подмандатных территориях. Поставленная цель была достигнута только через шесть лет, в 1936 г., в период Народного фронта и эфиопского кризиса. Однако речь шла лишь о мимолетном эпизоде. Соглашение с сирийцами не было ратифицировано французским правительством после падения правительства Народного фронта, в то время как с сирийской стороны трудные взаимоотношения между правительством, созданным французами, и религиозными меньшинствами парализовали продолжение диалога.

В ходе реализации мандата в Ливане французы избрали в качестве главных партнеров представителей христианско-маронитской общины, требования которой они поддержали, создав в ущерб Сирии Великий Ливан, с большей по сравнению со временем османского господства территорией. Главная политическая дилемма нового государственного образования проявилась в противоречии между контролем христиан над представительными институтами, созданными французами в 1922 г., и тем обстоятельством, что христианское население за десять лет в результате активной арабской иммиграции стало меньшинством населения. Острая борьба политических группировок вынудила французов в 1932 г. приостановить действие конституции, предоставленной шесть лет назад. Это подтолкнуло все ливанские партии к переходу в оппозицию, способствовало взаимодействию христианских и мусульманских политиков в борьбе с французами и стало политической основой для выдвижения требований большей автономии

и независимости. Шагом в этом направлении явился франко-ливанский договор 1936 г., аналогичный тому, что был заключен с Сирией, но, как и тот, впоследствии не утвержденный французами.

Помимо подмандатных территорий, регионами, где французская колониальная система должна была с большим умением реагировать на сложившиеся там ситуации, были Индокитай и Алжир. В Индокитае французская администрация всерьез не стремилась достичь сотрудничества с традиционной властью, предпочитая скорее систему прямого управления, направленного, в первую очередь, на удовлетворение экономических и стратегических интересов метрополии и местных колонистов. Росту национализма противостояла политика жестоких репрессий, вынудившая местную оппозицию перейти на нелегальное положение, что положило начало все более глубоко укорененной традиции и, вполне вероятно, сделало Вьетнамскую коммунистическую партию одной из самых влиятельных политических сил в Юго-Восточной Азии. Французское правительство не сумело и не захотело произвести отбор местных элит и кооптировать их в систему управления в приемлемой форме, упустив, таким образом, возможность плавного перехода власти и уничтожив всякую перспективу не травматического превращения формального контроля во влияние.

Еще большее значение имела ситуация в Алжире, колонии, где французы были наиболее многочисленны и наиболее сильно интегрированы в местное общество. Главная проблема, учитывая присутствие столь сильной французской общины, состояла в том, чтобы найти приемлемый механизм для постепенной ассимиляции мусульманских руководящих групп с тем, чтобы сделать их участниками власти и избежать укрепления позиций националистов, боровшихся за создание независимой алжирской республики. Попытки реформы, предпринятые губернатором Морисом Виолеттом, в 1925—1927 гг. и проекты Блюма—Виолетта 1936 г., предполагавшие распространить политические права на 20 тыс. представителей мусульманского мира, не были реализованы из-за непреклонного сопротивления прежде всего со стороны французских колонистов в Алжире, а также их союзников во Франции. В результате идея независимости оказалась единственным выходом даже для тех, кто с самого начала выступал за сохранение институциональных отношений с Францией. Фактическое отделение, произошедшее во время Второй мировой войны, лишь усилило эту тенденцию. Впрочем, аналогичная, а в некоторых отношениях и более сложная, ситуация существовала в Марокко и в Тунисе, где сосуществование местных властей и французских представителей создавало основу для быстрого перехода к отношениям меньшей зависимости.

На обеих территориях многочисленные националистические манифестации подавлялись с той же жестокостью, с какой в 1921—1926 гг. было подавлено вооруженное восстание против французского и испанского господства, которое возглавил в Рифской республике Абд аль-Керим.

Иным был британский подход к проблеме. Иным — в реализации мандатов категории «А», то есть в Палестине и Месопотамии (Ираке); иным — в реагировании на требования доминионов, в отношении которых английская администрация демонстрировала всю свою гибкость; иным — в столь важном случае, как индийский (или как случаи с Бирмой или с Цейлоном). Иным, наконец, — также и в отношении колоний, где правовая конфигурация колониального господства была неоднородной и где поэтому по-разному воспринимались националистические призывы.

По окончании конфликта, когда была устранена конкуренция со стороны Германии, главной стратегической задачей Британии оставалась, теоретически, защита в стратегическом плане пути в Индию от угроз, которые могли бы появиться вследствие ослабления связей внутри сферы колониального господства. Эти угрозы могли исходить от России, конечно, парализованной революцией, но не навсегда, а также от нарождающихся местных националистических движений, в отношении которых обе крупнейшие колониальные державы во время войны проводили отнюдь не мягкую политику. Главными водными путями с точки зрения безопасности были традиционный путь через Восточное Средиземноморье и путь через Красное море, указывавшие уже тогда — еще до последовавшего позднее открытия крупных нефтяных месторождений — на ключевое значение Ближнего Востока. Контроль над проливами был связан с политическим урегулированием в отношении Анатолии; контроль над Ближним Востоком — с мандатной политикой. В обоих случаях, однако, послевоенные планы Франции и Великобритании натолкнулись на реакцию местного националистического движения, которое разжигалось борющимися сторонами во время конфликта в их собственных интересах, но которое пережило войну и после ее окончания было готово возобновить свою деятельность для достижения целей, которые были ему подсказаны.

Так, Мустафе Кемалю удалось обратиться на пользу Турции статьи Севрского договора, одержав победу над греками, поддерживаемыми Великобританией. При этом он использовал те вооруженные силы, которые немцы помогли создать туркам. Арабские националисты пытались, но с меньшей эффективностью, обратиться себе на пользу англо-французские военные соглашения, предусматривавшие деление региона «плодородного полумесяца» на

сферы влияния двух держав вопреки соглашениям Хусейна — Мак-Магона, предусматривавшим, напротив, создание великого арабского государства, простирающегося до границ Турции. Эти соглашения не касались прибрежной части Палестины, в отношении которой лорд Бальфур заявил о намерении Британии способствовать созданию «еврейского национального очага» (*national home*). В целом, однако, противоречия были таковы, что делали невозможным достижение компромиссов.

Западные державы одержали победу над арабским национализмом, расколотым и недостаточно подготовленным к военным действиям, но решения, навязанные силой, оставили след в виде обид, которые через несколько лет станут культурной почвой для самого непримиримого национализма. Отсутствие тонкого восприятия проблем арабского мира, проявленное франко-британской дипломатией, являлось ярким примером политической близорукости. Арабский национализм делал свои первые шаги, но при этом он имел глубокие культурные и религиозные корни. Воспользоваться им в борьбе со «священной войной», объявленной султаном — союзником Германии, означало подкрепить надежды, вытекавшие из письменных соглашений, реальными фактами. Решение, навязанное в результате установления режима мандатов, могло отчасти рассчитывать на поддержку Хашимитской династии, сохранившей верность союзу с Великобританией, несмотря на разочарования, которые испытали Хусейн-паша и его сын Фейсал. Однако оно все-таки имело насильственный характер, который ни англичанам, ни французам не удалось заставить забыть арабских правителей. Начало ограниченной еврейской иммиграции добавило к этой картине еще один мотив для конфликта.

В Египте британскому правлению также пришлось противостоять возрождению гораздо более укорененного национализма, возглавляемого Саадом Заглул-пашой, лидером движения «Вафд». Во время войны Египет был объявлен протекторатом под контролем Великобритании. В 1922 г. английское правительство односторонним актом провозгласило независимость страны, оставив за собой, впрочем, настолько обширную сферу компетенции, что это сделало декларацию неприемлемой для националистов. Но новый монарх Фуад принял британскую декларацию и получил в 1923 г. королевскую корону. В течение трех последующих десятилетий жизнь Египта характеризовалась разделением власти (и компетенции) между британским правительством, египетской короной и миром политических партий. Только в 1936 г., в контексте действий Италии в Эфиопии различия в соответствующих позициях

сгладились и был заключен первый англо-египетский договор, регламентировавший пребывание английских войск на египетской территории в зоне Суэцкого канала. Тем не менее националистический импульс оставался сильным и вынуждал каирское правительство в период войны всячески лавировать, что подтолкнуло его к сохранению трудного для соблюдения формального нейтралитета, хотя египетская территория и являлась одним из главных полей сражений против держав «Оси». Однако только в феврале 1945 г. египетское правительство приняло формальное решение объявить войну Германии и Японии — когда было объявлено, что такое решение необходимо для участия в Организации Объединенных Наций,

В целом, рассматривая проблемы в краткосрочной перспективе, англичане, благодаря использованию мандата, были способны смягчить столкновения с арабским национализмом, сочетая постепенное предоставление самоуправления с усилением, по существу, своего политического и экономического контроля. В Ираке путь к независимости в период 1920–1932 гг. приобрел форму ряда договоров с Англией. Ирак постепенно, но относительно быстро, расширил пределы местной автономии, вплоть до полной формальной независимости и приема в Лигу Наций. Это произошло в том числе и благодаря стремлению Британии уменьшить финансовое и политическое бремя прямых обязательств, которое можно было заменить рядом соглашений с доверенными представителями правящих групп в обмен на сохранение стратегических баз и свободный доступ к инфраструктуре, имеющей важное значение в случае войны.

Палестина сразу же стала местом пересечения всех противоречий, существовавших между колониальной политикой, мандатной политикой, арабским национализмом и сионистским движением. В период с 1921 по 1923 г. арабы этой подмандатной территории потребовали (не добившись при этом никакого результата) создания национального правительства, отказа от сионистской программы и объединения с другими арабскими странами. Присутствие на палестинской территории конкурирующих меньшинств, полных решимости отстаивать свои права на вожделенные земли, воспринимаемые ими как их собственные, вынудило англичан предпринять ряд попыток уладить разногласия между арабами и евреями. Необходимость соблюдать равноудаленность оказывала влияние на деятельность английского верховного комиссара в Палестине. Впрочем, сделать выбор было невозможно, поскольку это означало бы выбирать между двумя несовместимыми целями: созданием на подмандатной территории еврейского государства

прежде, чем этому воспрепятствует арабская оппозиция, и подавлением нарастающего движения за создание «еврейского национального очага», создать который обещали именно англичане. Приход к власти в Германии Гитлера привел к росту легальной иммиграции евреев в Палестину и к выдвиганию на первый план связанных с этим гуманитарных проблем. Однако рост еврейского населения приводил к недовольству арабов, побуждая их к непрерывным вооруженным акциям.

Именно тогда начали говорить о разделе территории на три отдельные зоны. Приближение войны и усиление повстанческой борьбы арабов вынудили лондонское правительство считаться в то время с масштабом опасности. Без занятия английской стороной более четкой позиции рост влияния немцев в арабском мире принял бы неудержимый характер. В мае 1939 г. была опубликована «Белая книга», формулировавшая цели британской политике в Палестине. В ней предлагалось создать в течение десяти лет независимое палестинское государство, которым управляли бы совместно арабы и евреи. Новое государство должно было подписать договор о союзе с Великобританией. Тем временем еврейская иммиграция могла за пять лет достичь максимальной квоты в 75 тыс. человек. Это была попытка пойти навстречу позициям умеренных арабов, однако она не достигла желаемого результата. Арабское восстание продолжалось, превратившись в период войны в опасную «заразу». Евреи также отвергли этот проект. Ситуация подталкивала их занять сторону Великобритании в борьбе против нацизма, но проарабский выбор англичан надолго оставил у них следы обид. Объективная сложность вовлеченных в ситуацию факторов и ограниченность сроков, за которые могла развернуться активность британцев, стали серьезным препятствием на пути успеха операции по преобразованию подмандатных территорий в независимые государства под английским влиянием. Общий результат поэтому был весьма неопределенным.

Арабы, чья мечта о едином национальном движении была разрушена вмешательством империалистов еще до того, как оно сумело эффективным образом упрочиться изнутри, разделились в своем отношении к позициям англичан. Значительная часть умеренных и консервативных элементов, чья власть была связана с британским присутствием, долгое время, в том числе и после войны, прилагала все усилия для того, чтобы поддерживать диалог с Великобританией и соблюдать ее фундаментальные интересы.

Сложившаяся ситуация отражала базовую концепцию британской колониальной политики — идею о том, что политический и экономический контроль над какой-либо зоной или территорией

можно сохранять также и без формального осуществления властных полномочий и даже без присутствия вооруженных сил и администрации. Эта концепция послужила также основой преобразования империи в Британское Содружество Наций (*British Commonwealth of Nations*).

Сразу же после 1919 г. доминионы приобрели право контролировать собственную внешнюю политику. В 1926 г. имперская конференция признала их независимость, однако лишь в 1931–1932 гг. имперская система была реструктурирована в соответствии как с новым характером юридических отношений между странами-членами, так и с целями, продиктованными способом решения Британией проблемы реконструкции после мирового экономического кризиса. В 1931 г., после принятия британским парламентом Вестминстерского статута, каждый доминион получил право на создание полностью суверенного государства и на аннулирование касавшихся его законов, принятых Великобританией. Год спустя в Оттаве была создана система имперских преференций, сделавшая Великобританию опорой протекционистской политики в торговом обмене, важной для доминионов в момент кризиса и альтернативной по отношению к режиму свободной торговли, что стало причиной противоречий с Соединенными Штатами. Содружество превращалось в сообщество добровольно объединившихся наций, сплоченных единством культуры и языка, а также политической волей, направленной на сохранение особых отношений с Великобританией и, прежде всего, с британской короной в качестве символа преемственности основных концепций, институтов и долговременных и серьезных торговых отношений. Во время войны доминионы с готовностью встали на сторону Великобритании, хотя это и наносило ущерб принципам их независимости. Однако в этом направлении их подталкивала потребность в создании общего фронта перед лицом общей угрозы, застигшей всех не подготовленными в военном отношении.

В период между двумя войнами эволюция «белых» доминионов была принята в качестве парадигмы также для развития отношений с Индией и другими азиатскими и африканскими колониальными владениями. Трудности военного периода и растущая сила индийского национализма, усиленного временным единством действий партии Национальный конгресс и Мусульманская лига, которое было одобрено соглашением в Лакхнау, вынудили англичан принять декларацию министра по делам Индии Монтегю (1917 г.), обещающую постепенный переход к самоуправлению в рамках империи. В конце войны лондонское правительство, однако, оказалось неподготовленным к столкновению с местными властями,

поскольку наметило схему административной реформы, неспособной реагировать на два совершенно непредвиденных обстоятельства. Первое состояло в том, что индийский народ смог мобилизовать весь субконтинент на совместную борьбу против британского господства, второе — в том, что националисты не ограничились административными реформами, касавшимися местного управления, но стремились к контролю над всей страной, начиная с ее центра — Дели.

Эта неспособность вовремя уловить быстрый процесс изменений ситуации в Индии в скором времени обернулась, как всегда случалось в истории деколонизации, совершенно непродуктивной репрессивной реакцией насилия. В последующие годы, однако, хотя соображения сохранения влияния и осторожности вынуждали британское правительство уступать свои позиции крайне медленно, не отказываясь периодически прибегать к репрессиям, становилось все более очевидным, что администрация, сочтя репрессии слишком дорогостоящими и политически ошибочными, сделала выбор в пользу политики постепенного реформизма. Ее целью была изоляция внутри партии Конгресса и национального фронта элементов, считавшихся экстремистскими, — правого крыла, связанного с утопией самодостаточности, борцом за которую выступал Мохандас Ганди, и левого крыла, больше тяготеющего к советскому миру, последователей Джавахарлала Неру — с целью обеспечить расположение более умеренных партнеров.

Такая стратегия нашла выражение в последующих реформах, в основополагающем Законе об управлении Индией (*Government of India Act*) 1935 г.; в экономической политике, направленной на защиту общих интересов метрополии и колонии; в дипломатии, озабоченной тем, чтобы не вызывать враждебных чувств к Великобритании и ослабить силу Конгресса как массовой партии. Гипотетическая цель этой стратегии постепенно формулировалась также и самими англичанами как продвижение Индии в достаточно отдаленном будущем к форме самоуправления, которая, однако, накрепко привязала бы ее к британской политике. Напротив, объявление войны 3 сентября 1939 г., вовлекая в конфликт также и Индию, не обладавшую независимостью и не ставшую еще формально доминионом, хотя и вынуждало Конгресс заявить о своей солидарности с Великобританией в борьбе против нацизма, ставило в конкретном плане проблему институтов управления. В период с 1939 по 1941 г. англичане приняли ряд решений, которые предполагали определенные институциональные изменения, но только в момент наибольшей опасности во время войны они предприняли решительные шаги. В феврале 1942 г. британский

кабинет разработал проект декларации, предусматривавшей предоставление Индии полной независимости и избрание конституционной ассамблеи сразу же после окончания войны, а также признававшей за новым независимым государством право решать вопрос об отделении от Содружества. Это было важное изменение, которое лондонское правительство пыталось пересмотреть в наименее драматичные с военной точки зрения моменты, но которое на деле отрезало возможности для отступления. Тактика проволочек привела лишь к обострению напряженности, нарастанию ожиданий и углубления проблем, касавшихся создания нового или новых индийских государств, учитывая расхождения между индуистской и мусульманской частями общества, в Индии.

Борьба за освобождение Индии, которая велась против господства самой могущественной европейской империи, стала отправной точкой для всего антиколониального национального движения, утвердившись в качестве всеобщей и диверсифицированной (в смысле используемой тактики и достигаемых результатов) модели для требований национальных движений, выдвигаемых в тот период и в последующие годы. В частности, опыт партии Конгресса научил тому, что стоило затрачивать усилия на создание сильных массовых партий, способных шантажировать колониальные державы угрозой массовых и неконтролируемых беспорядков. Он также учил тому, что насильственное вооруженное восстание не являлось единственным средством для принуждения европейского господства к уступкам, в особенности, когда — как, в частности, в британском случае — колониальная администрация не была априори противницей институциональных изменений.

Быстрые шаги, предпринятые в отношении «белых» доминионов и менее быстрые в отношении Индии, показывали как готовность к переменам, так и границы британской гибкости. Реакция центра империи на поведение местных властей была различной и даже противоречивой, когда присутствие белых меньшинств или меньшинств другого происхождения делало ситуацию с требованиями независимости нетипичной. Так, в 1923 г. англичане предоставили очень передовую форму самоуправления Южной Родезии — рассматриваемой, прежде всего, как страна с белым населением — которая отказалась от вхождения в Южно-Африканский Союз. В том же году, напротив, провозглашением Девонширской декларации они утвердили в Кении принципиальное превосходство интересов черного населения по отношению к интересам иммигрантов в том, что касалось перспектив действий центральной администрации. С помощью такого гибкого ответа на многообразие местных ситуаций в итоге закладывались основы — в первом слу-

чае решения проблемы расовой сегрегации, а во втором — напротив, сохранения прямого контроля. Два разных типа решений принимались под воздействием тенденций, возникших в ходе широкой дискуссии общего характера о судьбе колоний, в которой впоследствии, когда от выбора родезийского типа отказались, все отчетливее превалировала идея о том, что метрополия должна вносить непосредственный вклад в экономический и политический прогресс имперской периферии.

Наряду с проблемами, возникшими в ходе оформления двух крупнейших имперских систем, следует также упомянуть — прежде всего, из-за того значения, которое этот опыт имел на этапе деколонизации — проблемы голландской и бельгийской империй. В Индонезии Голландия ввела в 1918 г. представительные органы правления, однако административная система, руководствовавшаяся общими критериями непрямого правления с опорой на традиционную властную иерархию, осталась патерналистской и авторитарной. Она была неспособна признать тот факт, что среди других последствий трансформации, связанной с влиянием Запада и модернизацией, происходил также рост устремлений просвещенных элит, получивших европейское образование, а, следовательно, и рост напряженности в отношениях между ними и традиционными слоями общества. Цензура в отношении любой формы национализма оставалась поэтому железной, а квота для местного персонала в администрации — минимальной, самой низкой в процентном отношении из всех в Юго-Восточной Азии, находившейся под европейским господством.

В 1926–1927 гг. было жестоко подавлено восстание на острове Ява, возглавленное компартией, а в 30-е годы вожди национального движения, среди которых Ахмед Сукарно и Мохаммад Хатта — представители той образованной и некоммунистической элиты, которая могла бы стать наиболее удобным партнером по переговорам для голландцев — были арестованы и депортированы. Отсутствие всякой возможности реформ в направлении предоставления автономии «Нидерландской Ост-Индии», еще в 1922 г. провозглашенной составной частью национальной территории Голландии, привело к тому, что гаагское правительство, уверенное в силе и эффективности своей системы управления, не способно было реалистично оценить будущее своего колониального господства. В конце концов это подтолкнуло националистов к выдвижению требований полной и немедленной независимости. Не случайно, эта тенденция со всей очевидностью проявилась уже во время японской оккупации и была использована японцами в борьбе против западных держав.

Подобно тому, как Голландия в Индонезии, Бельгия в Конго также испытывала абсолютную уверенность в стабильности и долговременности своего контроля. Использование территории в экономических целях и социальный патернализм в отношении автохтонного населения отодвигали на второй план всякое рассмотрение проблем политического развития. Впрочем, поскольку остатки сопротивления местных племен были ликвидированы, бельгийской администрации не пришлось столкнуться ни с одним внушающим беспокойство проявлением национального сознания, и она предпочитала ограничивать свои функции сферой административной компетенции, уделяя слабое внимание проблеме возможной будущей эволюции колонии.

После проводившейся до 1926 г. политики относительной административной децентрализации, создававшей широкие возможности для принятия решений по своему усмотрению губернаторам португальских владений, в Португалии при режиме Салазара стали утверждаться принципы централизованной политики и политики ассимиляции, официально направленные на создание мультирасового «пан-португальского» сообщества. Однако необходимость использовать ресурсы колоний для преодоления слабостей экономического развития метрополии одержала верх над восхваляемой цивилизаторской миссией, что в итоге ужесточило методы господства и заблокировало введение (слишком дорогое) какой бы то ни было альтернативной формы управления.

Испания, после подавления совместно с французскими войсками восстания Абд аль-Керима в Рифской республике, начала проводить политику умиротворения марокканского протектората, допуская элементы терпимости в отношении местного национального движения и связанную с определенной традицией африканизма (сохранившейся в особенности в военных кругах) традицию ощущения гармонии с другим берегом Гибралтара. Национализм мог, таким образом, подпитываться как надеждами, вызванными победой Народного фронта в 1936 г., так и обещаниями автономии, немного позднее данными франкистами и поддержанными, начиная с 1937 г. верховным комиссаром Бейгбедером.

В конце Первой мировой войны итальянская колониальная империя, обширная на карте, в действительности значительно сократилась. Потеряв почти полностью контроль над Ливией и столкнувшись с проблемой племенной раздробленности в Сомали, Италия вынуждена была перед эфиопской кампанией 1936 г. поставить проблему возвращения довоенных колоний. В период фашистского режима военные действия по завоеванию Триполитании, Киренаики и Феццана, уже начатые последними прави-

тельствами дофашистского периода, были завершены жестокими методами в худших колониальных традициях. Ливия была объединена в единое образование, состоявшее из четырех провинций, и в 1939 г., накануне Второй мировой войны, объявлена неотъемлемой частью итальянской метрополии, что, однако, не имело последствий для внутреннего правового устройства колонии. В Сомали после завершения в 1924 г. переговоров с английским правительством по поводу приобретения Нижней Джубы, отошедшей к Италии по Лондонскому договору 1915 г., были приняты меры по усилению контроля над территорией, которые устранили проявления несогласия, существовавшие прежде всего в Северном Сомали. Напротив, колония в Эритрее — где итальянское присутствие было структурно консолидировано — не создавала особых проблем. Итальянцы могли использовать в своих интересах соперничество между эритрейским и эфиопским населением: первое охранялось итальянским присутствием; второе — подвергалось опасности итальянского проникновения, которое началось еще в XIX в. и стало более напористым начиная с 1925 г., когда соглашения Муссолини–Грэхэма подтвердили действие англо-франко-итальянского договора 1906 г., разделявшего эфиопскую территорию на сферы влияния, но на деле послужившего основой для последующего расширения итальянских притязаний.

С завоеванием Эфиопии итальянское колониальное господство стало весьма ощутимым, что заставило переосмыслить отношение к данному явлению. В Восточной Африке итальянские владения были организованы в шесть губернаторств с населением около 12 млн человек. В Аддис-Абебе пост вице-короля занимали один за другим маршал Бадольо, маршал Родольфо Грациани и герцог Амедео д'Аоста. Все трое были заняты осуществлением эффективного контроля над только что завоеванной территорией. Создавая свою систему управления в Африке итальянцы колебались между теоретической поддержкой принципов ассимиляции, пропагандируемой в качестве промежуточной формы между критикуемой колониальной политикой Великобритании и Франции и реализуемой на практике авторитарной и дискриминационной политикой, по отношению к которой предоставление в 1919 г. итальянского гражданства автохтонным народам Триполитании и Киренаики оказалось лишь кратковременным явлением. С приходом к власти фашизма, сделавшего имперское величие Италии одной из своих главных целей, возобладала потребность обеспечить преемственность эффективного господства, которое использовало автохтонные элементы только в целях осуществления собственного контроля или только для выполнения второстепенных

функций. В 1937 г. в подтверждение авторитарного поворота, вызванного необходимостью избежать распада системы итальянского контроля над Эфиопией, были введены — хотя и в контексте признания местных обычаев и юридических норм, а также осуществления реформ, предусматривавших ликвидацию феодального режима и отмену рабства, — ограничения, запрещавшие смешанные брачные союзы. А в 1938 г. на Итальянскую Восточную Африку были распространены расовые законы, с еще более тяжелыми для аборигенов последствиями. Результаты модернизации, вытекавшие из установленного контроля, не сопровождались, следовательно, политикой интеграции местных элит; более того, они трансформировались в политику, которая — прежде всего в Эфиопии, где итальянское господство не имело в распоряжении достаточного времени для консолидации — вылилась в жестокое подавление местных властей.

Соединенные Штаты, также являвшиеся сторонниками самоопределения, стали колониальной державой в 1898 г., когда купили у Испании Филиппины и другие территории. Это вступало в противоречие с традицией антиколониализма, на которой базировалось их собственное существование и которая нуждалась в корректировке. Хотя американское правительство и присвоило себе право, наравне с другими европейскими странами, назначать время и формы перехода к независимости, оно быстро решило эту проблему, признав в 1912 и в 1913 гг. принцип предоставления полной независимости, как только на островах будет сформировано стабильное руководство. И действительно, они проводили политику социального и культурного раскрепощения в качестве базы для перехода архипелага к самоуправлению. Кроме того, они внедрили в практику электоральные механизмы и включили местные кадры во все сферы управления. Эта политика быстрого продвижения в конституционном плане с целью удовлетворения требований националистов и обеспечения вашингтонскому правительству лояльности господствующих слоев, сопровождалась, однако, с американской стороны, выстраиванием классической системы экономической зависимости, отводившей Филиппинам роль производителя сырья и продовольствия, превращавшей их также в оптимальный рынок для американского экспорта. Когда Рузвельт был избран президентом, одним из его наиболее существенных обещаний стало сделанное в 1934 г. заявление об обязательстве предоставить Филиппинам независимость в течение десяти лет в качестве подтверждения своего антиколониализма. Благодаря этому заявлению успешно осуществлялся американский

эксперимент по экспорту в азиатскую страну формул и методов контроля, уже опробованных в отношениях с Латинской Америкой.

Удачные результаты деколонизации, проводимой на Филиппинах, в совокупности с опытом, накопленным на Ближнем Востоке в эксплуатации нефтяных ресурсов под эгидой Великобритании, демонстрировали эффективность формулы влияния, в соответствии с которой защищались экономические интересы, но при этом метрополия не брала на себя бремя политической и военной ответственности, а также не ставила задачу по изменению культурно-политического облика местного населения, что доминировало в позиции европейцев. Это создавало четкое представление об отношении Соединенных Штатов к проблеме европейских империй: они рассматривались лишь как архаичные системы юридических отношений, как дорогостоящие формы господства, которые должны и могут быть изменены с помощью проведения более прозорливой реформистской политики. Именно этот опыт оказал большое воздействие на шаги Соединенных Штатов, когда после окончания Второй мировой войны они взяли на себя роль мирового лидера.

*10.2.3. ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕКОЛОНИЗАЦИИ:
1944–1950 гг.*

Вторая мировая война стала четким водоразделом в процессе деколонизации. Европейские колониальные державы, часто во время военных действий прибегавшие к использованию (на основе принципов Декларации Объединенных Наций) подразделений призывников из колоний для того, чтобы выиграть войну, оказались с начала кризиса «Оси» (то есть, по меньшей мере, с 1943–1944 гг.) в ситуации, когда, ослабленные войной и занятые процессом внутренней реконструкции, они также были вынуждены резко изменить свои подходы к колониальной проблеме. Начался процесс изменений, неодинаковых по темпам, но одинаковых по результатам, изменений, на которые оказала решающее влияние позиция Соединенных Штатов и вызов, брошенный Советским Союзом.

Многие колониальные территории являлись театром войны: Северная и Восточная Африка, Ближний Восток (хотя почти всегда в косвенной и ограниченной форме), вся Восточная Азия, отчасти даже Индия. На этих территориях ничто не сохранилось в прежнем виде. И заблуждались те, кто, как французы, думали, что все может, по существу, остаться без изменений, пусть и с некоторой корректировкой в соответствии с требованиями времени.

Период японской оккупации, краткий, но оказавший существенное влияние на страны Азии, представлял собой проверку ограниченной лояльности колониальных народов в отношении голландцев, британцев или французов, и, предопределив закат господства европейцев, ускорил переход к осознанным требованиям полной независимости.

В отличие от других (неазиатских) колоний, в отношении которых проводилась политика косвенного правления, иной была в краткосрочном плане судьба азиатских колоний, находившихся под непосредственным колониальным управлением. Другим элементом, вскоре дополнившим общую картину, было начало холодной войны. Она не имела в Азии остроты европейского столкновения. Напротив, в том, что касалось Юго-Восточной Азии, как Соединенные Штаты, так и Советский Союз сразу же после окончания войны в целом придерживались позиции невмешательства, выразившейся в молчаливом согласии на то, чтобы будущее региона оказалось в руках британцев и французов. Однако, непосредственное соседство с новой ситуацией в Китае и то, что национал-коммунисты очень быстро оказались на нелегальном положении — все это заставило Соединенные Штаты, которые в принципе должны были ограничивать стремление традиционных колониальных держав к реваншу, на деле считаться с необходимостью не ослаблять своих европейских союзников.

В контексте холодной войны колониальный вопрос наполнился новым смыслом. Поскольку, согласно марксистско-ленинскому теоретическому анализу данной проблемы, колонизаторами были капиталисты, а империализм являлся синонимом последней стадии капитализма, то для многих националистов становилось очевидно, что для быстрейшего завоевания независимости был необходим союз с СССР в борьбе за «освобождение» всего мира. Этот анализ не учитывал тот факт, что такой союз предполагал прямое столкновение с метрополией, а, следовательно, этап кровопролитной войны, цена которой для колониальных территорий была бы очень высока. Кроме того, он не принимал во внимание возможность побудить правительства различных колониальных метрополий к диалогу, на который они, конечно, согласились бы с глубоким недоверием, но который стал бы для всех наименее дорогостоящим вариантом продвижения к независимости. Понадобилось несколько лет, чтобы протагонисты деколонизации осознали тот факт, что союз с СССР не только привязывал их к другой имперской системе, с другими, по сравнению с характерными для традиционного империализма правилами (однако не менее угнетающими, чем последние), но и еще более осложнял

решение проблемы независимости, вынуждая выбирать между противостоящими международными союзами, в то время как этот выбор лишь в незначительной степени являлся аспектом борьбы за освобождение.

Индонезия, Индокитай, французские подмандатные территории на Ближнем Востоке, Палестина и Индийский субконтинент — вот регионы, где впервые начался процесс послевоенной деколонизации. В Индонезии именно японцы дали импульс движению сопротивления. Война способствовала тому, что голландские правители стали более податливыми в отношении требований националистов, однако их уступки были сделаны слишком поздно и преследовали цель воспрепятствовать тому, чтобы японцы взяли на себя роль освободителей от европейского ига. После оккупации Индонезии японцы освободили из тюрем вождей национального движения, таких, как Сукарно и Хатта, а те приняли предложения о сотрудничестве, извлекая из этого максимальную выгоду в последние месяцы войны, когда они были включены в смешанный индонезийско-японский комитет, задачей которого была подготовка к освобождению страны. Следовательно после поражения Японии уже существовала некая власть, поспешившая, в то время как токийское правительство обсуждало условия капитуляции, объявить о независимости Индонезии (17 августа 1945 г.). Проблема состояла в том, чтобы поставить голландцев перед свершившимся фактом, воспользовавшись периодом институционального и военного вакуума между капитуляцией Японии и попыткой восстановления колониальной зависимости. Так, когда англо-индийские войска генерала Кристисона достигли Голландской Ост-Индии (10 сентября 1945 г.), им пришлось столкнуться с независимым административным аппаратом, имевшим уже достаточно времени для того, чтобы упрочить свое положение.

Учитывая, что чисто националистический характер движения преобладал над каким бы то ни было пугающим коммунистическим влиянием, британцы не захотели подавлять только что созданную структуру, а, напротив, пытались убедить голландские власти — тем временем прибывшие в страну в сопровождении своих войск — пойти на соглашение с националистами. Это была сложная задача; в ходе ее осуществления были моменты напряженности, кульминацией которых стали кровавые столкновения в Сурабае в конце 1945 г. Но в условиях мощного сопротивления индонезийцев британским посредникам удалось преодолеть отрицательное отношение голландского парламента к переговорам с джакартским правительством. В феврале 1946 г. губернатор Шемермон предложил создать индонезийскую федерацию, которая обладала бы

широкой внутренней автономией, но оставалась бы связанной с Нидерландами. В соответствии с этим предложением в апреле начались мирные переговоры, прерванные из-за отказа голландцев признать Индонезийскую республику представителем всех островов архипелага, поскольку фактически она контролировала в тот момент только Суматру и Яву. Выход из тупиковой ситуации был найден англичанами, когда они проинформировали голландские власти о выводе своих войск до ноября того же 1946 г. Перспектива опоры только на собственные силы подтолкнула Нидерланды к ускорению хода событий и смягчению условий переговоров.

В ноябре 1946 г. было достигнуто соглашение (Лингаджатское соглашение), позволявшее создать Соединенные Штаты Индонезии, независимые от Нидерландов, но связанные с ними союзом, юридический характер которого предстояло определить до 1 января 1949 г. На деле компромисс отражал слабость голландцев в тот момент, а не их реальные намерения. В соответствии с соглашением, новая республика включала только острова Ява, Суматра и Мадуро. Для остальной части архипелага предусматривалось создание собственных политических органов, которые затем решили бы, присоединяться к федерации или нет. Голландское правительство опиралось на эту статью и местное соперничество, чтобы воспрепятствовать расширению сферы влияния индонезийских органов власти. Оно вмешалось в ситуацию, применив военную силу и оккупировав в 1947 г. остров Ява. Бурная реакция во всем мире заставила англичан отказаться от своей роли посредников, а Объединенные Нации — заняться этой проблемой. В августе 1947 г. была создана Комиссия добрых услуг, результатом работы которой стало заключение в январе 1948 г. нового соглашения (Ренвильского соглашения 17 января), отражавшего возросшую силу голландцев, поскольку оно сужало границы федеративной автономии. Вдохновленные этим успехом, голландцы попытались восстановить свою власть в более полном объеме. В декабре 1948 г. их войска оккупировали последние территории, оставшиеся у националистов. Сукарно и Хатта были арестованы. Тем самым правительство Нидерландов продемонстрировало, что оно не собиралось отказываться от контроля над Индонезией, и что процесс деколонизации должен в любом случае осуществляться под руководством голландской администрации.

Важную роль в преодолении этого кризиса сыграло вмешательство Индии (Неру организовал в начале 1949 г конференцию афро-азиатских стран, потребовавшую немедленного вывода голландских войск из Индонезии), но, прежде всего, — вмешательство Соединенных Штатов. Американцы опасались негативного

влияния на колониальные страны позиции голландцев, сводившей на нет позитивные результаты предоставления самостоятельности Филиппинам и Индии и бросавшей индонезийских националистов в объятия коммунистов. Это входило в противоречие с практикой индонезийского правительства, жестоко подавившего попытку сформировать независимое коммунистическое правительство в Маджуре, на острове Ява. Сильное дипломатическое давление Соединенных Штатов на союзное правительство Нидерландов возымело эффект. Были начаты новые переговоры, увенчавшиеся 27 декабря 1949 г. заключением Гаагских соглашений, признававших независимость Соединенных Штатов Индонезии. При этом оставалось определить, каким образом должны формироваться институциональные связи между прежней метрополией и новой страной в последующем. Эти переговоры продолжались в течение многих лет и были завершены принятием решения о полном отделении Индонезии, принятом в 1954 г.

Не менее двусмысленной и нерешительной была политика Франции в Индокитае. Франция, потерявшая после 1940 г. контроль над территориями региона, могла восстановить его над своими протекторатами в Индокитае и над своей колонией в Кочинхине только после их оккупации британскими и китайскими войсками, которые должны были это сделать по условиям перемирия, заключенного 14 сентября с Японией. Вынужденное совместное управление индокитайскими территориями повлияло на будущее самих территорий. Если на юге, благодаря британской поддержке, французские власти легко восстановили свое управление, то к северу от 16-й параллели они столкнулись с многочисленными препятствиями, прежде чем установили эффективный контроль. Действительно, стремление лаосского и вьетнамского народов к независимости нашло могущественного союзника в лице националистического Китая. Ссылаясь на принцип азиатской солидарности, Гоминьдан пытался использовать оккупацию Индокитая как для утверждения собственной власти в регионе, который традиционно подчинялся Срединной империи, так и для того, чтобы добиться ликвидации экстерриториальных французских концессий в Китае. Поведение французов изменилось только после того, как нанкинское правительство добилось отказа от неравноправных договоров и распространения правил зоны свободной торговли на товарообмен между китайским меньшинством в Индокитае и Китаем.

Однако с выводом китайских войск французы столкнулись с более серьезной проблемой. В период политического вакуума, возникшего перед восстановлением французского господства,

Лига борьбы за независимость Вьетнама (Вьет-Минь) (созданная в 1941 г. для противостояния японцам), в которой преобладало влияние Коммунистической партии во главе с Хо Ши Мином, провозгласила в Ханое независимость страны, заявив о создании Демократической Республики Вьетнам, и выступила за принятие экономической системы советского образца. В Лаосе, после ухода китайцев, возникла аналогичная ситуация. Действительно, 12 октября 1945 г. было провозглашено создание Патет-Лао (Страны Лао), которая с первоначальных умеренно-националистических позиций быстро перешла на непримиримые позиции правительства Ханоя.

В то время как на территориях к северу от 16-й параллели назревали, таким образом, серьезные трудности, в Камбодже и в Южном Вьетнаме французам удалось восстановить свой контроль благодаря сотрудничеству с британцами, а также наличию слоя торговцев и местных властей, в большей степени расположенных к диалогу. В Камбодже благодаря прагматизму принца Нородома Сианука правительство, сформированное японцами, подтвердило в декабре 1945 г. договоры о протекторате 1884 г. Вместе с тем там сложилась группа интеллектуалов — открытых противников компромисса. Эти последние породили подпольное движение сопротивления — партизан Кхмер Иссарака, настроенных откровенно антифранцузски. Однако примирительная позиция камбоджийского монарха побудила французов пойти на создание двусторонней комиссии для изучения проблемы деколонизации протектората.

В наиболее разработанном виде политика в отношении Индокитая начала складываться с начала 1946 г., когда парижское правительство предложило создать в составе Французского союза (*Union Française*) федерацию индокитайских государств, то есть структуры, призванной стать юридической рамкой для территорий империи с различным типом устройства, которым намеревались предоставить определенную степень автономии. Вопреки этим утверждениям, такая юридическая схема была направлена на сохранение контролирующей роли Франции в индокитайском регионе, что входило в прямой конфликт с национализмом Вьет-Миня. С другой стороны, несмотря на неоднократные призывы к международной солидарности, ханойское правительство не получило дипломатического признания ни одного иностранного государства (только националистический Китай и Соединенные Штаты предприняли несколько попыток в этом направлении, однако не доведя их до конца). Следовательно, в момент возвращения французов Хо Ши Мин был вынужден смириться с этим, имея

в виду перспективу начала переговоров с ними на основе новой институциональной рамки, предложенной Парижем.

Расхождение в намерениях не замедлило проявиться. Уже на конференции в Далате (май 1946 г.) индокитайским делегациям стало очевидно, что французское правительство не намеревалось пойти дальше предоставления некоторой автономии, сохранив ключевые сферы (управление экономикой, внешней политикой и обороной) в рамках компетенции Французского союза под жестким контролем Парижа. Несогласие с этим выразил Вьет-Минь, в то время как представители других общественных сил согласились. Необходимо было, следовательно, организовать серию переговоров Бидо с Хо Ши Мином, которые состоялись в Фонтенбло в июле — сентябре 1946 г. и обнаружили углубление конфликта между двумя сторонами.

Из вербальной сферы конфликт быстро переместился в военную. В тот самый момент, когда две делегации оживленно обсуждали проект Хо Ши Мина, касавшийся достижения полной независимости, в порту Хайфона в дельте Красной реки начались первые вооруженные столкновения. В условиях быстрого ухудшения ситуации парижское правительство приняло меры предосторожности, пытаясь ускоренными темпами продвинуться к определению юридического статуса различных индокитайских колоний с тем, чтобы изолировать республику Вьет-Минь. В попытке ослабить влияние Хо Ши Мина оно прибегло к созданию фиктивного органа представительства всего вьетнамского народа, заменившего делегацию Хо Ши Мина за столом переговоров. Был образован «Фронт национального единства» во главе с бывшим императором Аннама Бао-Дай, который отошел от Вьет-Миня после краткого периода сотрудничества. Появление более податливого партнера по переговорам позволило сравнительно легко прийти к соглашению — так называемому «Елисейскому соглашению» 8 марта 1949 г., которым в принципе признавалась независимость Вьетнама, в то время как фактически вся его центральная часть (Аннама) и южная (Кохинхина) оставались под контролем французов. За компромиссными предложениями скрывались, следовательно, противоречия политики французов, склонившихся к «непримиримым» позициям. С другой стороны, после решения вьетнамского вопроса, можно было оформить участие Лаоса и Камбоджи во Французском союзе, провозгласив независимость трех государств (2 июля 1949 г. — Вьетнама, 6 февраля 1950 г. — Лаоса, 8 февраля 1951 г. — Камбоджи).

На первый взгляд французский проект предоставления формальной независимости, ограниченной четко определенными

контрольными функциями метрополии, казалось, удался. Не только во Вьетнаме, но и в Лаосе, и в Камбодже правительствам, поддержанным французами, не удалось самостоятельно укорениться, а, впрочем, их примиренческая позиция в отношении колониальной метрополии и не могла завоевать поддержку даже самых умеренных националистов. Более того, попытка изолировать в дипломатическом отношении республику, провозглашенную Вьет-Мином, закончилась полным провалом, поскольку в январе 1950 г., в ответ на призыв Ханоя, страны советского блока сплоченно признали Демократическую Республику Вьетнам. В частности, только что созданная Китайская Народная Республика предложила режиму Хо Ши Мина свою поддержку в борьбе за национальное освобождение. Параллельно в Париж приходили известия о признании западными странами «объединившихся государств» Французского союза. Таким образом, процесс деколонизации в Индокитае выливался в самый масштабный конфликт периода холодной войны.

Другим проявлением непоследовательности в решении французами колониальных проблем стало развитие ситуации в противоположной части Азии — в Сирии и Ливане, двух подмандатных территориях, которым Франция обязалась предоставить независимость. Эти территории уже во время войны, в 1941 г., являлись ареной столкновения между силами, преданными правительству Виши, и французскими частями, поддерживавшими де Голля. После неудачи попыток, предпринятых войсками стран «Оси» на Ближнем Востоке, Сирия и Ливан перешли под контроль «Свободной Франции». В 1943 г. генерал Жорж Катру гарантировал им скорейшее предоставление независимости. За этим обещанием, подтвержденным в момент наибольшей опасности, сразу же последовали свободные выборы, приведшие к руководству обеими территориями умеренных националистов, немедленно приступивших к разработке норм, которые должны были закрепить полную независимость. Именно решительность ливанского президента аль-Хури вызвала ответную реакцию французов, обнаружив ограниченность мышления значительной части военно-политических кругов Парижа.

В ноябре 1943 г. аль-Хури был арестован по приказу французских властей, которые, однако, вынуждены были отказаться от собственного решения в результате вмешательства англичан, озабоченных тем, чтобы не давать повода для недовольства арабскому национализму. В декабре 1943 г. аль-Хури был освобожден, и с этого времени начался завершающий этап процесса получения независимости Ливаном и Сирией. Дипломатическое признание,

сразу же предоставленное Советским Союзом и Соединенными Штатами, защитило обе территории от нападков французов. Действительно, на протяжении всего 1944 г. продолжались переговоры относительно защиты французских интересов и культурных институтов в этих двух странах. С другой стороны, участие двух правительств в подписании договора от 22 марта 1945 г., учредившего Лигу арабских государств, а также их принятие в ООН исключали всякие сомнения. Франции оставалась только возможность подписать с Сирией и Ливаном договоры, которые гарантировали бы сохранение какой-либо формы военно-политического присутствия. Однако эта возможность была упущена в период последнего кризиса, начавшегося в мае 1945 г.

Идея вести переговоры о заключении таких соглашений в Бейруте, в присутствии сенегальского воинского контингента, верного парижскому правительству, вызвало волнения и беспорядки, охватившие весь город. Сирийцы и ливанцы были готовы заявить, что в такой атмосфере они не могут вести переговоры. В последние дни мая беспорядки приняли характер самого настоящего всеобщего восстания, спровоцировав жестокие репрессии со стороны французов. 31 мая Уинстон Черчилль, уже отдавший приказ военному командованию на Ближнем Востоке о восстановлении порядка, в почти ультимативной форме потребовал от де Голля прекратить огонь и отвести французские войска в казармы. Ободренные британской поддержкой, правительства Сирии и Ливана заявили 20 июня о своем решении отстранить всех французских граждан от исполнения обязанностей в администрации двух стран.

Но для того, чтобы окончательное соглашение было достигнуто, понадобилось еще почти полгода дискуссий англичан и французов, проходивших не всегда в спокойной обстановке. 13 декабря обе стороны согласились одновременно вывести свои войска из стран Ближнего Востока, не назначая, однако, никакой точной даты. Сирия и Ливан представили обращение в Совет Безопасности Объединенных Наций, которому не удалось принять резолюцию из-за оппозиции Советского Союза в отношении слишком мягкой рекомендации вывести оккупационные силы с Ближнего Востока. Впрочем, уклончивая позиция французов могла вызвать лишь арьергардные столкновения. В конце декабря 1946 г. последние иностранные войска покинули Ливан.

Война радикальным образом изменила характер Британской империи, превратив ее, с экономической точки зрения, в очень централизованный механизм, подчиненный потребностям и стратегии метрополии. Англичане установили контроль над заработками

в твердой валюте (то есть в долларах) почти на всех территориях, входивших в зону фунта стерлингов для решения проблем, связанных с оплатой поставок оборудования и других товаров из Соединенных Штатов. Эта мера привела к хронической нехватке потребительских и производственных товаров в колониях. Последствия в виде инфляции и замедления экономического развития в годы войны воспринимались как неизбежная жертва. Однако продолжение осуществления такого же контроля Великобританией после окончания конфликта с целью поддержания стоимости фунта стерлингов и равновесия своего платежного баланса вызвало яростные протесты националистов. Решающее значение в этом плане имело сохранение после окончания войны режима централизованного контроля над ценами на товары, экспортируемые с территорий империи. Данная мера, введенная сначала для защиты колониальных производителей от последствий сокращения торгового флота и трансформации рынка, связанной с войной, оказалась выгодной исключительно метрополии, поскольку в условиях роста цен в мировом масштабе Великобритания смогла продолжать покупать товары по низким ценам, в то время как колонии расплачивались за негативные аспекты ситуации, оплачивая импорт по ценам мирового рынка.

Не все, однако, оставалось в таком неизменном виде, как можно было бы подумать после прочтения этой вводной части. Боязнь американского антиколониализма и постоянное давление американцев, направленное против британских имперских преференций, которое стало контрапунктом взаимоотношений между двумя державами с момента принятия закона о ленд-лизе, ускорили процесс переосмысления имперской политики, начатой министерством по делам колоний после «великой депрессии», и нашли конкретное выражение в ассигновании крупных сумм, предназначенных для финансирования развития колоний, что стало прелюдией более динамичного подхода к проблемам империи. На этой основе в конце войны начал проводиться новый курс колониальной политики, прежде всего в Африке, основанный на убеждении, что, несмотря на оказываемое международное давление, британское колониальное господство сохранится еще на протяжении десятилетий.

Империя оказалась незатронутой войной, однако события войны изменили традиционное для доминионов ощущение стратегической зависимости от метрополии. Сдача Сингапура и решающий вклад американцев в возвращение территорий, оккупированных японцами, повлияли на позиции, занятые впоследствии Австралией и Новой Зеландией в отношении британской стратегии на

Дальнем Востоке. Соединенные Штаты предстали как наиболее надежный гарант от опасных изменений, вызванных войной. Даже Канада была вынуждена прибегнуть с целью гарантировать безопасность своего побережья и атлантических связей к помощи Соединенных Штатов, впервые подписав в августе 1940 г. соглашение о союзе между доминионом и внешней по отношению к имперской системе державой. В Южной Африке среди африканцев, то есть белого населения бурского происхождения, распространились республиканские и антибританские настроения, а сам южноафриканский премьер-министр Ян Сметс, умеренный африканер, мечтал о том, чтобы разделить с англичанами контроль над колониальной политикой в Африке. Вся Африка представляла собой континент, где, за немногими исключениями, национальное движение не стало еще силой, разрушающей империю. Настоящие проблемы, с которыми пришлось столкнуться англичанам, касались Юго-Восточной Азии (от Малайи до островов в Тихом океане), Индийского субконтинента и полестинского мандата.

В Индии лидеры партии Конгресса ответили на вовлечение страны в войну без консультаций с ними как открытым несогласием, так и кампанией гражданского неповиновения, объявленной в 1940 г. В 1942 г. они отказались от предложений англичан назначить выборы в конституционную ассамблею после окончания военных действий с перспективой создания индийской федерации со статусом доминиона. Ганди ответил народным восстанием, которое было безжалостно подавлено и привело к аресту всего руководства партии. Учитывая, что в Бирме и Малайе уже находились японцы, необходимо было найти более приемлемых партнеров, которые сделали бы в то же время возможным смягчение колониального режима. Тот факт, что выбор пал на Мусульманскую лигу, которую возглавлял Мухаммед Али Джинна, стремившийся к созданию самостоятельного мусульманского государства, в противоположность унитаристской и централистской программе Конгресса, отодвинул цель сохранения единства Индии на второй план заключительного этапа переговоров.

Это стало очевидным в 1945 г., когда с кардинальным изменением военной ситуации лейбористское правительство Эттли захотело возобновить предложения 1942 г. Проект натолкнулся на оппозицию лидеров Конгресса, убежденных, что колониальная администрация обязательно поддержит требования мусульманской лиги Джинны, и опасавшихся, что за этим может последовать исключение Пенджаба и Бенгалии из будущей индийской федерации. Англичане, со своей стороны, озабоченные тем, чтобы предотвратить возможную гражданскую войну или восстание

в армии, в которой было сильно влияние мусульман, верных союзников военных лет, не были склонны согласиться с навязыванием Конгрессом принципа единства страны.

В 1946 г. отношения между двумя партиями ухудшились; в Лондоне получили подтверждение того, что, как полагал вице-король Индии генерал Уовелл, политика репрессий не могла больше применяться с надеждой на успех. Уовелл начал настаивать на том, чтобы была ясно определена дата вывода британских войск. Ему, однако, не удалось добиться согласия правительства, все еще делавшего ставку на упорядоченную передачу власти и не желавшего предстать инициатором политики разрушения империи. Окончательный поворот произошел с назначением адмирала лорда Луиса Маунтбеттена на место Уовелла. В начале 1947 г., когда рассеялись последние надежды на примирение между Мусульманской лигой и партией Конгресса, лондонское правительство официально высказалось за передачу власти «одному или нескольким» индийским правительствам, согласившись тем самым с идеей единства как приоритетной, но при этом не исключая возможности разделения страны.

Маунтбеттен успешно вел дела в последние месяцы британского правления. Этому способствовало то обстоятельство, что его прибытие совпало с постепенным изменением позиции Конгресса, смирившегося с перспективой разделения страны с целью избежать неконтролируемых беспорядков также и в немусульманских провинциях, восстаний местных правителей и распада всей страны. Кроме того, для сокращения сроков передачи власти Конгресс в принципе согласился также на присоединение к Содружеству двух новых доминионов (Индии и Пакистана), получивших независимость в августе 1947 г. Индия впоследствии унаследовала британские права по контролю над внешней политикой Бутана, ставшего полностью независимым в 1971 г., поглотила французские анклавы в 1954 г., португальские — в 1961 г., а в 1975 г. аннексировала Сикким.

Однако тот способ, каким были созданы два новых государства, отчасти омрачил торжественность отказа Великобритании от жемчужины в своей имперской короне. Первая трудность возникла в связи с проблемой подчинения единому индийскому правительству более 500 княжеств, не зависевших непосредственно от британской короны, а являвшихся протекторатами. Одной из причин ускорения Маунтбеттенем ухода британцев была именно необходимость не дать сепаратистским движениям возможности укрепиться. Вторая и более серьезная сложность касалась определения границ между индийским и мусульманским государствами.

Комиссия, которой было поручено обозначить эту границу, установила, что мусульманское государство должно быть разделено на две части: Бенгалию, с преобладанием мусульманского населения, на территории, примыкающей к Дакке и включающей дельту Ганга, и Западный Пакистан, с регионами Белуджистан, Синд и Пенджаб. Важнейшее значение имело решение о передаче Индии большей части Кашмира. Неопределенность этнических и религиозных границ в Пенджабе и Кашмире привела к массовому переселению людей в обоих направлениях. В атмосфере жестокости, плохо сочетавшейся с величием момента, в столкновениях, сопровождавших этот исход, погибло около двух миллионов человек. Сам Ганди, убитый в январе 1948 г. фанатиком-индуистом, стал одной из жертв этой атмосферы. Но отношения между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира приобрели, начиная с 1947 г., конфликтный характер, иногда доходя до открытой войны (1965 г.), распространившейся также на Пенджаб, зону неопределенности, которая оказывала и оказывает до сих пор (1999 г.) определяющее влияние на жизнь на субконтиненте.

История Пакистана с точки зрения международных отношений впоследствии также была непростой. В 1971 г. нарастание конфликта между двумя частями одного и того же государства, так далеко расположенными друг от друга и имеющими столь разные стратегические интересы и экономические условия, привели к гражданской войне восточных бенгальцев против войск Западного Пакистана, присутствовавших на их территории. Поддержка Индии способствовала победе повстанцев и привела к созданию независимого мусульманского государства, получившего название Бангладеш.

В Бирме японская оккупация вызвала ответные действия противоположной направленности. Некоторые националистические элементы сотрудничали с оккупационными силами, надеясь на немедленное предоставление независимости стране; другие организовали движение сопротивления, которое основывалось на недоверии в отношении реальных намерений оккупантов и надежде на политическую компенсацию со стороны метрополии. Аун Сан, молодой лидер «Партии такинов», выступавшей за независимость, получил военную подготовку в Японии и вернулся на родину для создания армии, которая помогала бы оккупационным силам. Однако он быстро убедился в ограниченном характере предложений японцев. Тогда он занялся созданием антияпонского партизанского движения сопротивления, которое, благодаря поддержке Маунтбеттена, в то время британского главнокомандующего в Юго-Восточной Азии, признало в молодом командире

наиболее ценного партнера, сформировавшегося в ходе военных пертурбаций.

После окончания военных действий англичане колебались относительно необходимости сразу же решать вопрос о независимости Бирмы. Однако невозможность восстановить эффективную власть вынудила их сделать ставку на Аун Сана, в том числе и из-за опасения, что он вступит в союз с коммунистами, имевшими довольно сильные позиции в крестьянском мире. Этим шагом Лондон надеялся завоевать доверие единственной силы, которая считалась способной сохранить единство страны, с целью добиться своей главной цели — мягкой передачи власти, без нежелательных последствий стратегического характера и с сохранением экономических связей в будущем. Лидеры лиги Аун Сана, опасаясь потерять поддержку крестьянских масс, в случае отказа от непримиримого отношения к колониальной администрации, не приняли британские предложения и потребовали немедленного предоставления независимости, которую они получили в январе 1948 г. Бирма стала республикой, не связанной с Великобританией даже принадлежностью к Содружеству.

Гораздо более мирным был переход власти в Цейлоне, только косвенно затронутым войной. Конституционный процесс на острове мог продолжаться по пути, предначертанному Лондоном, на основе сотрудничества с местными традиционными элитами, лишёнными массовой базы и склонными к компромиссу с европейцами. В 1945 г. англичане еще и не упоминали о возможности предоставления Цейлону статуса доминиона. В 1946 г. на выборах победили умеренные цейлонцы, и английскому правительству удалось начать процесс переговоров. Их результатом стало признание деколонизации и придание Цейлону в 1948 г. статуса доминиона в обмен на соблюдение экономических и военных интересов Британии. Подобная модель перехода казалась тогда идеальной формулой компромисса между целями метрополии и имперской периферии.

По контрасту случай Малайи продемонстрировал, что уход из азиатской части империи не означал для Великобритании отказа от колониального господства, а являлся взвешенным, хотя и вынужденным и болезненным, стратегическим решением, основанным на сопоставлении издержек и выгод от контроля над Центральной и Южной Азией. Лондонское правительство решило, что господство над Малайей — до войны осуществлявшееся в различных формах зависимости и затем ликвидированное японской оккупацией — следовало возобновить и, более того, усилить посредством создания федерации территорий под единым управлением,

что превратило бы страну не только в колонию, имеющую важное экономическое значение, но и в надежного защитника Сингапура, и, следовательно, британского пути на Восток.

Этому проекту, предусматривавшему, в соответствии с конституцией 1946 г., распространение гражданства федерации на индийское и китайское меньшинства, проживавшие на данной территории, противостоял малайский национализм, которому удалось добиться компромиссного решения. Султаны не лишались своего суверенитета, отдельные государства сохраняли некоторые полномочия в финансовой сфере и превосходство малайцев обеспечивалось, прежде всего, предоставлением гражданства лишь небольшому проценту населения. Великобритания, учитывая опасность того, что голландская оппозиция в отношении малайского национализма в Индонезии могла привести и в Малайе к серьезному сопротивлению колониальному контролю, предпочла пойти на уступки и гарантировать себе, таким образом, поддержку умеренных и консервативных слоев, которые играли ведущую роль в малайском национальном движении. Эта поддержка оказывалась в обмен на эффективную экономическую и политическую помощь против наступления китайского меньшинства и коммунистической партизанской войны. Только в 60-е годы, когда Сингапур также получил независимость, встал вопрос о более эффективном устройстве территорий Малайи. Тогда и была создана (между 1963 и 1965 гг.) Малайзия, федерация, которая объединила — хотя и с сохранением значительной местной автономии — все старые британские владения в этой зоне, за исключением самого Сингапура.

10.2.4. СОЗДАНИЕ ИЗРАИЛЯ В 1948 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Впрочем, самый мучительный процесс деколонизации Великобритании пережила в связи с ситуацией на территории Палестины. Рассмотрение генезиса израильского государства в рамках процесса деколонизации может показаться неправильным, и, возможно, отчасти это и так. Действительно, проблема территорий Палестины, управляемых Великобританией, быстро приобрела такой резонанс и вовлекла такое количество участников, что вскоре стала крупной международной проблемой. Однако представляется несомненным, что, по крайней мере на начальном этапе, трудности Великобритании в связи с Палестиной состояли главным образом в том, чтобы найти определенную форму устройства для территории, отданной Великобритании в качестве

подмандатной, то есть в качестве географической зоны, приравняемой во всех других случаях к колониальному миру. Конечно, можно было бы обсуждать, существовали ли именно на этой части британских подмандатных территорий условия для принадлежности к мандатам категории «А», то есть, были ли эти территории, уже готовы к независимости при условии помощи извне на подготовительном этапе. В действительности, после отделения Трансиордании на остальной части Палестины не было ни условий для немедленного формирования местного правительства, состоящего из палестинских арабов, ни возможности создания какого-либо другого правительства.

Проблема возникла по существу в период 1935–1947 гг. После 1933 г. в результате еврейской иммиграции соотношение численности евреев и арабов среди палестинского населения, в общей сложности достигавшего примерно одного миллиона человек, составило соответственно 400 тыс. и 600 тыс. «Белая книга» 1939 г., с ее ограничениями и ее обещаниями, не удовлетворяла ни одну из сторон. С начала 40-х годов еврейские общины всего мира и, в особенности, Соединенных Штатов начали требовать создания в Израиле независимого еврейского государства. В 1942 г. это стало официальной целью Всемирной сионистской организации, за достижение которой она боролась с еще большим упорством после того, как, начиная с 1943 г., в мире стали распространяться известия о бойне, устроенной Гитлером в свете так называемого «окончательного решения» еврейского вопроса.

С другой стороны, арабы также продолжали свою борьбу с британцами, и в марте 1945 г. страны, входившие в Лигу арабских государств, с энтузиазмом приняли решение о немедленном создании арабского государства в самой Палестине. Проблема, следовательно, явно выдвигалась в разряд международных. Однако она упиралась в необходимость того, чтобы Великобритания указала — как она это сделала для всех мандатов категории «А» — какое правительство должно быть создано на доверенной ей территории, то есть каким именно образом она намеревается деколонизовать Палестину. Наложение и даже просто соединение еврейских и арабских требований делало проблему чрезвычайно сложной.

Еврейский национализм зародился в XIX веке в среде интеллигенции, проживавшей в условиях несвободы в Российской империи, вдоль границы с польскими и австро-венгерскими землями. Сионизм, то есть движение, имеющее целью возвращение евреев в *Eretz Israel*, землю предков, родился в этой среде, питаемый отчаянием миллионов обездоленных и деятельностью таких интеллектуалов, как Теодор Герцль. Герцль был еврейским журналистом

венгерского происхождения, который в 1884 г. во Франции следил за событиями, связанными с делом Дрейфуса на различных его этапах. Выявление столь глубоких корней французского антисемитизма привело его к написанию в 1896 г. работы под названием «Еврейское государство», в которой он утверждал, что альтернативой антисемитизму является создание самостоятельного государства. Он, однако, не считал, что оно должно непременно находиться в Палестине. В 1903 г., после многих лет организационной и дипломатической работы по распространению его идей, он допускал, что еврейская диаспора может обрести свою родину также и на африканской территории. Сионист светского толка, Герцль оказывался, таким образом, на позициях, противоположных позициям большинства глубоко религиозных евреев Центральной Европы, считавших, что концепция государства не может быть оторвана от мечты вернуться на землю предков, в Палестину. В действительности, настоящей «землей обетованной» для евреев были, скорее, Соединенные Штаты, куда за 1880–1920 гг. эмигрировало около 3 млн евреев, положив начало общине с большой историей и мощным влиянием на американскую политику.

Впрочем, только во время Первой мировой войны распад Османской империи привел к возрождению традиционных сионистских надежд. Намерение, высказанное лордом Бальфуrom в 1917 г. в письме лорду Ротшильду, одному из главных представителей финансовых кругов и британского сионистского мира, поддержать создание «еврейского национального очага» в Палестине, вновь породило надежды и энтузиазм. Постоянный, хотя и неравномерный, поток иммиграции в Палестину привел к увеличению численности еврейской общины, в 1913 г. достигавшей лишь 80 тыс. человек, в пять раз. Это была деятельная община, в значительной части тяготеющая к социальному экспериментированию в коллективистском духе в больших киббуцах, предприятиях, организованных в качестве моделей организации производства и социального эгалитаризма.

Поворот, произошедший в британской политике с 1936 по 1939 г., был тяжелейшим ударом по надеждам как колонистов, так и евреев диаспоры. «Белая книга» 1939 г. стала тяжелым поражением для нового лидера сионистского движения Хаима Вейцмана, сделавшего ставку на диалог с англичанами. Его политика была поставлена под сомнение евреями всего мира, а из-за войны в ловушке оказалась самая крупная еврейская община в Европе — польская. Когда нацисты начали проводить свою политику уничтожения евреев, сионистское движение в Палестине и в Соединенных Штатах смогло лишь пытаться в отчаянии искать какие-то способы для спасения жизни отдельных людей.

В этой атмосфере отчаяния, усугубленной открытым сотрудничеством значительной части арабов с немцами и арабским восстанием против англичан, в Палестине сформировалась еврейская бригада, входившая в английскую армию, возник и ряд нелегальных вооруженных экстремистских группировок: более умеренных, — таких как Хагана (*Haganah*) и террористических, как Иргун Цвай Леумми (*Irgun Zvai Leumi*), или Лехи (*Lehi*), известной также как группа Штерна. Последние проводили политику репрессий против арабов и устрашения Британии. Начался также процесс обновления правящей сионистской группы, где появились такие люди, как Бен Гурион. Последние, хотя и были расположены к сотрудничеству с англичанами в войне против Германии, готовились к решению проблем, которые возникнут по окончании конфликта, когда англичане снова станут их настоящими противниками.

Известия о том, что совершил Гитлер и нацисты в Европе, убийство 6 млн человек привели к дотоле невыносимым изменениям в сознании людей. Сопrotивляться иммиграции, ограниченной, согласно «Белой книге», годовой квотой в 15 тыс. человек, становилось все труднее, в особенности при наличии подпольной иммиграции тех, кто бежал из Европы, лежавшей в руинах, для налаживания жизни на новой родине. Против нелегального переселения выступали англичане, что привело к нежелательным для них результатам. Еврейское сообщество в Палестине активизировало свою антибританскую деятельность в момент, когда англичанам пришлось также столкнуться с целым комплексом проблем, проистекавших из их взаимоотношений с арабским миром.

Решающую роль в тот момент могли сыграть только Соединенные Штаты — благодаря тому влиянию, которое они приобрели в мире, и силе американской еврейской общины. Во время войны американская политика, однако, не была однозначной. Рузвельт уделял большое внимание отношениям с арабским миром и, в особенности, защите американских интересов в Саудовской Аравии. Кроме того, внутри американской администрации существовали весьма разные точки зрения относительно целей, которых следует достичь в регионе Ближнего Востока. Так, до 1945 г. евреи получили ряд обещаний (которые госдепартамент стремился ограничить), сопровождавшихся обязательством, неоднократно дававшимся Рузвельтом представителям арабского мира, — относительно того, что без предварительных консультаций с ними не будет приниматься никаких решений. Только с неожиданным приходом Трумэна в Белый дом, дело сионистов стало пользоваться большей поддержкой.

Несмотря на многочисленные утверждения другого плана, Трумэн не сразу поддержал идею создания еврейского государства в Палестине. Его заинтересованность в вопросе была обусловлена скорее гуманитарными мотивами. Известия, приходившие из Европы сразу после окончания войны, относительно отчаянного положения вернувшихся из немецких концлагерей, вызывали глубокое эмоциональное потрясение. В июне 1945 г. Трумэн счел нужным самостоятельно принять решение о посылке ученого, которому он доверял (профессора Эрл Г. Харрисона, юриста Пенсильванского университета), провести исследование сложившейся ситуации. В августе Харрисон доложил президенту относительно положения, которое он наблюдал. Он рассказал о стремлении евреев эмигрировать в Палестину и рекомендовал ему предложить, чтобы 100 тыс. из них немедленно получили на это разрешение. Трумэн воспользовался этой идеей и сразу же изложил ее англичанам (август 1945 г.).

Таким образом, «почти случайно и не имея конкретного проекта», как пишет Стивен Л. Шпигель, Соединенные Штаты оказались вовлеченными в решение палестинской проблемы. В условиях растущего давления англичан, также не имевших никакого желания вызывать дальнейшую враждебность в арабском мире, они прибегли к тактике проволочек, в частности, к созданию смешанной англо-американской комиссии по расследованию. Комиссии понадобилось немалое время, чтобы прийти к выводам, объявленным в апреле 1946 г. В них высказывалось согласие с идеей немедленной иммиграции 100 тысяч евреев, рекомендовалось смягчить формулировки, содержащиеся в «Белой книге», в особенности в том, что касалось права евреев на приобретение земли в Палестине, и предлагалось создать доверенную администрацию, которая привела бы к созданию двух отдельных национальных государств — арабского и еврейского. Таким образом, даже формулирование идеи создания двух отдельных государств привело к противоречиям.

Выводы относительно работы этой первой комиссии не имели никакого практического результата и разочаровали всех. Единственным их конкретным результатом была поддержка требования Трумэна относительно немедленной иммиграции 100 тысяч евреев. С другой стороны, англичане прибегли к тактике проволочек, предложив сначала создать другую комиссию по расследованию, а затем провести сепаратные переговоры с представителями обеих общин, что привело лишь к углублению враждебности между ними и ухудшению ситуации с поддержанием общественного порядка в Палестине. После всех этих неудач, измученные бесполез-

ными переговорами с американцами, британские правители решили, наконец, передать вопрос Объединенным Нациям (апрель 1947 г.).

Понадобилось еще раз прибегнуть к комиссии по расследованию (*United Nations Special Committee on Palestine — UNSCOP*), в которой Соединенные Штаты не были представлены. Последовали месяцы острой полемики, все более напряженных отношений, антибританских террористических акций и трудных решений. Идея, которая была сформулирована, лишь воспроизводила в более определенных терминах то, что уже обсуждалось ранее: следовало создать два государства, одно — арабское, другое — еврейское, предусмотреть их экономический союз, по крайней мере, на определенный период времени, и интернационализацию Иерусалима. Географическая карта точно обозначала предложенное разделение территории между двумя государствами.

На эти предложения арабы ответили решительным отказом, сионисты восприняли их с большим реализмом. Они согласились с правом на создание еврейского государства на части территории Палестины, которое впервые было признано организацией, выступавшей в тот момент источником норм международной жизни. Доклад UNSCOP обсуждался на Генеральной Ассамблее 29 ноября 1947 г. и был одобрен 33 голосами (включая голоса Соединенных Штатов, Советского Союза и Франции), при 13 голосах против (голоса арабских государств, Индии и Греции) и 10 воздержавшихся (среди которых — Великобритания). Генеральная Ассамблея ООН приняла к сведению, что британский мандат заканчивался 1 августа 1948 г., и назначила комиссию для выполнения принятых резолюций.

Арабы категорически отказались согласиться с решениями ООН. Еще раз, как и после Первой мировой войны, весь арабский мир почувствовал себя преданным западными державами; тем самым были посеяны семена глубокого и долговременного соперничества. Законность голосования Генеральной Ассамблеи ООН была оспорена, и в феврале, в накаленной атмосфере, представители арабских стран приняли решение о том, что их ответом на создание еврейского государства станет организованное сопротивление. Беспорядки, охватившие территорию Палестины, стали прелюдией к войне. Они подтолкнули британцев передвинуть свой уход на более ранний срок — с 1 августа на 15 мая 1948 г. С этого дня Палестина оказалась практически во власти анархии, в которой сионисты проявили наибольшую эффективность и подготовленность. Им удалось заново создать свое государство — Израиль. Группы (вооруженные как Западом, так и Советами и чехослова-

ками) превратились в регулярную армию численностью примерно в 60 тыс. человек. Основной действующей силой этой армии стала группировка Хагана, которой с необычайной эффективностью удавалось противостоять беспорядочным действиям арабов или, точнее, египтян.

К этому следует добавить, что в действительности израильтяне получали не прямую, но существенную поддержку благодаря секретному соглашению, подписанному с правителями Трансиордании, единственной обладательницей военной силы, способной сражаться с подразделениями израильской армии, — Арабским легионом под командованием Глабб-паши. Это секретное соглашение предусматривало, что Иордания займет территорию к западу от реки Иордан, которая должна была стать наиболее процветающей частью арабского палестинского государства. В обмен на это предусматривалось, что действия Арабского легиона против армии Израиля будут носить лишь символический характер. Израильтянам пришлось поэтому воевать против немногим более чем 20 тыс. человек, то есть (поскольку ливанские вооруженные силы не существовали) против нескольких тысяч сирийцев, немногим более 10 тыс. человек, которые мог выставить Египет, слишком далеких иракских сил и части, практически незначительной, Арабского легиона (4 500 человек). Сами палестинские арабы, разделенные на разнородные и плохо скоординированные группы, лишь sporadически имели возможность сражаться за свою еще не существующую родину. В этом состояло, вероятно, главное различие: с одной стороны, израильтяне воевали за осуществление идеи, созревшей веками и ставшей теперь национальной идеей; палестинские арабы воевали против империалистического и израильского вторжения, однако еще не во имя палестинской «нации», которую никто не сумел пока создать. Через несколько недель стало ясно, что Израиль сможет выжить и даже оккупировать более обширную территорию, чем та, которая была прочерчена разделительной линией ООН. К этому следует добавить, что Израиль был сразу же признан Соединенными Штатами (решение было объявлено Белым домом 11 минут спустя после провозглашения Государства Израиль), сразу вслед за этим — Советским Союзом, и большим числом других государств.

Картина, которую представляла собой Палестина, была удручающей: территории, опустошенные войной, подвижные линии фронта, уязвимые из-за слабости арабского сопротивления, сильное желание многих израильтян довести до победного конца свою борьбу, беспорядочное бегство сотен тысяч беженцев, наводнивших соседние страны (один из немногих достоверных источников

говорит о 200 тыс. беженцев в полосе Газы, 465 тыс. — в Иордании, 107 тыс. в Ливане, 80 тыс. в Сирии) и воспринимавшихся как докучливые попрошайки.

Видя такое развитие ситуации, Объединенные Нации прибегли к вмешательству и направили официального посредника в лице шведского графа Ф.Бернадота, начавшего обсуждать проекты временного прекращения боевых действий и серии перемирий между различными воюющими силами по схемам, которые воспроизводили предыдущие решения ООН и которые были отвергнуты арабами и израильтянами (первыми — по принципиальным соображениям, вторыми — потому, что такие планы вынудили бы Израиль отказаться от района Негева). 17 сентября граф Бернадот был, однако, убит израильским террористом. Заменявший его американец Ральф Банч продолжил исполнение функций посредника. Однако найти временное решение стало возможно только тогда, когда израильтяне стали угрожать оккупацией египетской части Синайского полуострова. Очевидное военное превосходство Израиля подталкивало к срочному заключению перемирия, и Банч смог завершить свою работу, выработав четыре отдельных документа, подписанных на о. Родос Египтом, Сирией, Ливаном и Иорданией. Иракцы отказались заключить соглашение о перемирии с Израилем.

Подписание соглашений о перемирии не нормализовало ситуацию, и Объединенные Нации назначили комиссию, которая безуспешно пыталась преобразовать соглашения о перемирии в мирные договоры. Однако перемирие, напротив, рассматривалось (прежде всего, арабами) только как пауза в развитии противостояния. Ситуация оставалась накаленной и наполненной настроенными недовольства. Израильтяне начали переживать с того момента драму в отношении проблемы безопасности их поселений и выживания их государства в условиях противостояния арабов, продолжавшегося, в различных формах, в течение нескольких десятилетий. Арабские страны не смирились с этой ситуацией, бросившей вызов их пониманию проблемы и рассматривавшейся ими как новое проявление британского произвола, к которому теперь присоединились также и Соединенные Штаты.

В результате складывался психологический климат, который, далеко не способствуя возможности преобразования соглашений о перемирии в мирные договоры, заставлял опасаться внезапного возобновления военных действий. Конечно, израильтяне на том этапе были расположены дать всяческие заверения относительно своей воли к миру. Однако этому не верили арабы, считавшие Израиль временной реальностью, подлежащей как можно более

быстрому уничтожению, и как бы то ни было, врагом, от которого можно ожидать только новых актов агрессии. Кроме того, было легко предвидеть, что такое суверенное государство, как Израиль, станет притяжением для иммиграции, единственным ограничителем которой будет способность израильской экономики к ее поглощению. На фоне слаборазвитых стран новое государство, возглавлявшееся на начальном этапе социалистической партией и испытывавшее сильное влияние опыта кибуцев, могло стать полюсом экономического влияния и стремления к переменам. Оно могло бы экспортировать на Ближний Восток не только институты власти, но и организационно-технологические модели Запада.

Напряженность еще более возрастала из-за проблемы беженцев, принятых в ближайших к Израилю арабских странах, но размещенных в нечеловеческих условиях. Их возвращение на родину было невозможным, поскольку их прежнее достояние было экспроприровано израильтянами. С другой стороны, правительство Тель-Авива, ставшего столицей нового государства, не могло, конечно, разрешить массовое возвращение населения, по численности равного еврейскому, что неизбежно создавало бы ситуацию антагонизма и подрывало бы сами основы нового государства. Поэтому беженцы жили, более того, выживали за счет скудной помощи, которую оказывало Агентство ООН по обеспечению и распределению работы (*United Nations Relief and Work Agency*). При этом государства, принявшие у себя беженцев, не могли (или не хотели) способствовать их интеграции в соответствующие общества, по крайней мере, по двум причинам: из-за объективных трудностей, с которыми должно было столкнуться каждое из этих государств для решения своих экономических проблем, и, прежде всего, из-за осознания того обстоятельства, что быстрая ассимиляция палестинских беженцев вскоре лишила бы оппозицию Израилю самого ее смысла. Только в Иордании палестинцы встретили более человечный прием, и за ними было признано право на гражданство. В других случаях лагеря беженцев стали прибежищем для несчастных и всеми покинутых людей, которые через несколько лет стали осознавать свои политические интересы.

Таким образом, британская политика деколонизации в Палестине оставила в наследство конфликт, продолжительность которого было трудно предугадать, а также враждебное отношение арабского мира к Западу, укоренявшееся все больше по мере того, как Израиль утверждал свою жизнеспособность. Поражение арабов выявило силу израильтян, а также слабость и противоречия в арабском мире. Палестинским арабам, лишенным политического представительства, не удалось заставить услышать свой

голос на международной арене. Остальные перекладывали друг на друга ответственность за палестинскую проблему в скрытой борьбе за преобладание в регионе между четырьмя основными арабскими государствами: Египтом, Сирией, Ираком и Саудовской Аравией. Противоречия восходили к давнему соперничеству между Хашимитской династией, правившей в Ираке и Иордании, и Ваххабитской династией в Саудовской Аравии. Сирийские планы создания «Великой Сирии» за счет соседних государств фактически объединяли правительство Дамаска с правительствами Эр-Рияда и Каира, делая их союзниками в борьбе с Иорданием и Ираком. Когда 24 апреля 1950 г. Абдаллах, отказавшийся от титула эмира в пользу титула короля (в знак достигнутой Иорданием независимости от Великобритании), объявил о формальном присоединении территории Восточной Палестины к собственному королевству (которое с того момента официально сменило название Трансиордания на более простое — Иордания), его противники безуспешно пытались исключить его из Лиги арабских государств (организация, созданная в 1945 г. под эгидой Египта с целью координации общей политики арабских государств).

Показателем колоссальной напряженности, царившей в регионе, стали два эпизода. 20 июля 1951 г. убийство короля Абдаллаха исламским экстремистом сделало еще более неустойчивой ситуацию в Иордании, которая лишилась монарха, пользовавшегося авторитетом за свои способности и дипломатическую проницательность. Страна оказалась перед лицом длительного кризиса, связанного с престолонаследием и состоянием здоровья наследного принца Талала. После года формального правления Талала Королевскому совету пришлось лишить его короны и объявить королем сына низложенного монарха еще несовершеннолетнего принца Хусейна, функции которого до достижения им совершеннолетия (в 1953 г.) исполнял Регентский совет.

10.2.5. АНГЛО-ИРАНСКИЙ КРИЗИС: 1951–1954 гг.

Другой крупный кризис имел место в Иране в результате напряженного конфликта между Лондоном и националистическим правительством, созданным 28 апреля 1951 г. Мохаммедом Мосаддыком, главой Национального фронта, который давно боролся за национализацию Англо-иранской нефтяной компании (*Anglo-Iranian Oil Company*), имевшей концессию на эксплуатацию огромных иранских нефтяных ресурсов. Решение о национализации британской компании, принятое Мосаддыком через два дня

после формирования правительства, стало первым серьезным вызовом страны-производителя нефти господству концессионных кампаний (в большинстве своем — британских, американских, голландских). Национализация положила начало изнурительной юридической тяжбе между заинтересованными сторонами, в которой Лондон использовал все свое влияние в пользу Англо-иранской компании. Однако, прежде всего, она стала поводом для острого политического столкновения: в него пытались вмешаться иранские коммунисты, и в нем большую роль сыграли Соединенные Штаты.

В октябре 1952 г., с разрывом дипломатических отношений между Ираном и Великобританией конфликт достиг наивысшей точки. Именно опасность такого конфликта привела к открытому столкновению Мосаддыка с шахом Реза Пехлеви, который до того безуспешно пытался удалить лидера националистов из правительства. Внутренний кризис, усугубленный прекращением производства нефти в результате национализации и бойкота со стороны англичан, подтолкнул Мосаддыка к экстремистским решениям, приведшим к тому, что его постепенно покинули даже ближайшие сторонники.

В августе 1953 г. Мосаддык пытался укрепить власть, которая уже начинала от него ускользать, с помощью плебисцита, в результате которого в стране было установлено тоталитарное правление. После нескольких дней замешательства, во время которых Реза Пехлеви покинул Иран и укрылся в Италии, военная верхушка во главе с генералом Фазлоллой Захеда, поддержанная американскими спецслужбами, одержала победу над сторонниками Мосаддыка. 19 августа Захеда сформировал новое правительство. Через несколько дней шах вернулся из изгнания, принятый подданными как триумфатор. Период Мосаддыка закончился. Однако его опыт оставил глубокий след, который из Ирана распространился на другие страны-производители нефти, породив проблему того, каким образом совмещать обладание ресурсами и способность их эксплуатировать и продавать. Проблема сырья, следовательно, вновь начинала играть центральную роль в международных отношениях. Не был забыт и тот факт, что «отвоевание» иранских позиций стало возможным благодаря вмешательству Соединенных Штатов, в большей мере, чем поведению Великобритании. Это делало невозможным восстановление в прежнем виде позиций, которыми ранее располагала Англо-иранская компания.

После еще одного года длительных переговоров в августе 1954 г. новый консорциум нефтяных компаний подписал соглашение о концессии с иранским правительством. Частью этого консорциума

все еще являлась Англо-иранская компания, имевшая 40% акций; в нее также входили «Ройал датч шелл», с 14% акций, пять американских компаний, располагавших в общей сложности 40% акций и «Компани франсез де петроль», с 6%. Новый консорциум должен был добывать, очищать и продавать нефть от имени Иранской национальной нефтяной компании, созданной Мосаддыком и сохранявшейся в качестве структуры, распределяющей прибыль в установленной пропорции 50 на 50% между новым консорциумом и Ираном. Такое разделение прибыли от производства нефти стало правилом, которое постепенно распространилось на всю отрасль. Оно стало также и первым шагом на пути к увеличению трудностей в урегулировании прав собственников на месторождения в их соотношении с правами на эксплуатацию и распределение прибыли. Возможность для стран-производителей осуществлять полный контроль за производственным процессом, вплоть до его коммерциализации, уже просматривалась, однако технологические проблемы и недостаток финансовых ресурсов не позволяли на этом этапе принять решительные меры в связи с данной проблемой.

10.2.6. РАСПАД ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В конце Второй мировой войны арабский национализм стал политическим субъектом, который уже нельзя было игнорировать. В 1952 г. силы, вдохновлявшие его, впервые одержали победу в Египте. Организация «Свободные офицеры», в которой значительную роль играли представители ассоциации Братья-мусульмане, экстремистская группировка движения за исламское возрождение в Египте, вынудила короля Фарука отречься от престола и покинуть египетскую землю (26 июля). Власть взяла группа военных, выразивших стремление к переменам средней и мелкой буржуазии, глашатаем интересов которых была армия, поддерживаемая исламским движением. Под руководством генерала Мухаммеда Нагиба на первом этапе, а позднее, полковника Гамала Абдель Насера (в апреле 1954 г. формально взявшего на себя власть, которую он фактически осуществлял с первого этапа революции) «Свободные офицеры» начали проводить реформистскую внутреннюю политику, которая сделала их главными действующими лицами арабского противостояния Западу. Для всего арабского мира Египет стал с того момента опорным пунктом борьбы против западного колониализма и арабского сопротивления после унижительного поражения 1948 г., понесенного в войне

с Израилем. Насер был среди тех, кто по личному опыту знал о бедственной ситуации в египетских вооруженных силах и намеревался осуществить их радикальное переустройство. Это нашло отражение во внешней политике, которая несла в себе мощный подрывной заряд, направленный против сохранившегося британского присутствия. Кроме того, пример непримиримого национализма, представляемого Насером, был заразителен для движений за независимость в Северной Африке и, в частности, для борьбы против французского присутствия.

Почва для этого оказалась как никогда благодатная. На заключительном этапе войны генерал де Голль пытался рассмотреть в целом проблемы Французской империи, созвав в начале 1944 г. в Браззавиле конференцию представителей всех французских колониальных администраций (с особым упором на страны черной Африки). Конференция подтвердила центральную роль империи в проекте де Голля и, в то же самое время, отметила недостаточное умение Франции пользоваться методом сохранения и, если это возможно, укрепления своего контроля путем уступок в некоторых формальных, а не существенных его аспектах. Реформистские директивы, разработанные в Браззавиле на будущее, имели важное значение, поскольку они предусматривали отмену принудительного труда, создание территориальных ассамблей для объединения в своего рода французскую федерацию, соблюдение принципа представительства народов империи в будущем учредительном собрании метрополии. Однако отсутствовало стремление или способность понять суть проблемы, учитывая что категорически отвергалась всякая возможность эволюции к самоуправлению колониями. Вместе с тем, было принято решение о проведении активного курса на осуществление инвестиций и стимулирование социально-экономического развития контролируемых территорий, который должен был регулировать проявления недовольства наиболее развитых слоев населения в соответствии с концепцией французской колониальной политики, характерной для периода с конца войны до 1956 г.

Создание Французского союза в соответствии с новой конституцией Четвертой французской республики, подтверждавшей «неразрывное единство французского мира» и уточнявшей в ст. 60, что Союз состоит из территории метрополии, в которую включался Алжир, из заморских территорий, присоединившихся территорий и государств (в последнюю категорию были включены Марокко и Тунис), являлось показателем желания французского Учредительного собрания восстановить в новых, модернизированных юридических рамках (лишенных, однако, гибкости) контроль

метрополии. Присоединение к Французскому союзу превращалось, благодаря конституции, в постоянную связь, бросавшую вызов сепаратистским тенденциям, попыткой их рационализации в рамках разных типов отношений и форм представительства.

В результате проверки временем Союз, однако, потерпел полную неудачу в том, что касалось Северной Африки и Индокитая, но, в особенности, Марокко, Алжира и Туниса. В Алжире самый влиятельный и умеренный националистический лидер Ферхат Аббас с 1943 г. выступал с осуждением колониализма и за его отмену, говоря о необходимости самоуправления, основанного на участии народа. В 1944 г. «Истикляль», марокканское движение в поддержку независимости, потребовало отмены режима протектората в знак признания метрополией помощи, оказанной Марокко в возвращении Франции ее позиций. В 1945 г. французская администрация жестко подавила восстание, что привело к кровопролитию, тысячам жертв, аресту Аббаса и роспуску его партии. Возродившееся стремление французов к исполнению своей культурной и цивилизаторской «миссии», подразумевавшее концепцию ассимиляции, исключало всякое разделение верховной власти внутри федерации, что на деле лишь подтверждало главенствующую роль господства метрополии. Вместо того, чтобы прагматическим образом адаптироваться к ситуации, по примеру британцев, французы остались верны своей политике, позволяя проводить реформы только там, где это было неизбежно, и только там, где изменения не могли поставить под сомнение основы формального контроля со стороны метрополии. Такой была позиция де Голля в 1945 г. и такой осталась политика его последователей.

Ответ североафриканских колоний Франции на эту политику был категоричным. В 1947 г. Бургиба заявил из своего изгнания в Египте (куда он скрылся в 1945 г.), что необходимо отменить режим протектората и отвергнуть новые институциональные формулы. «Суверенитет, — писал он, — это не только проблема достоинства, а жизни и смерти для тунисского народа, душе которого угрожает политика, откровенно направленная на его офранцузивание, на его уничтожение путем насильственной интеграции во Французский союз». Такой же была и позиция Марокко. В апреле 1947 г. султан Мухаммед Бен Юсеф заявил, что Марокко — «арабская страна, тесно связанная с арабским Востоком», где доминировал Египет. Это было прямо противоположное тому, чего хотела Франция.

Не исключено, что эта категоричная позиция была связана с юридически ошибочным истолкованием смысла Французского союза. В действительности, подписание договоров об объединении,

хотя и являлось базой для участия протекторатов в новой французской институциональной системе, потенциально заменяло отношения зависимости юридическими формами, предполагавшими существование независимых «государств», хотя и объединенных с французской метрополией. Однако эти юридические тонкости, вероятно, не воспринимались, и формула Французского союза истолковывалась националистами как восстановление постоянной связи, которую они хотели, напротив, разорвать. В результате это привело к тому, что не было принято никакого решения относительно изменения договоров о протекторате, и отношения Франции с Марокко и Тунисом по-прежнему регулировались ранее существовавшими нормами. В результате возникла достаточно двусмысленная ситуация, в силу которой «генеральные представители», то есть представители Франции в Тунисе и Рабате не получили никакой последовательной политической ориентации от метрополии и оставались на своих должностях, не имея точного представления о необходимости изменения их позиции. К тому же и в Париже не ощущали потребности в выработке программы политических действий, направленной на то, чтобы подвести обе страны к новым отношениям с Францией, как это подсказывала сделать и только что завоеванная Ливией независимость.

Ливийский пример был заразителен для националистических сил Северной Африки. В еще большей степени он поощрял антиколониалистские настроения египтян и, в особенности, Насера. В 1950–1954 гг. тунисское и марокканское националистические движения укрепились, завязали взаимные связи. Политике Франции противостояли нарастающие манифестации, инциденты, терроризм, в ответ последовали репрессии. В декабре 1952 г. вмешались Объединенные Нации с мягкими рекомендациями, к которым Париж не прислушался. Более того, в 1953 г. он попытался силой разрешить ситуацию в Марокко, заставив султана Бен Юсефа отречься от престола (19 августа), что привело к противоположным — по отношению к желаемым — результатам, поскольку с этого момента низложенный и изгнанный султан превратился в символ борьбы за независимость до победного конца. Однако и более мягкая политика, проводившаяся в Тунисе, — где в конце 1953 г. попытались провести некоторые реформы, и дело дошло до создания правительства, сформированного в большинстве своем из тунисцев — не имела успеха. Восстание феллахов, то есть крестьянское движение, положило начало всеобщему кризису в стране. Поэтому когда Мендес-Франс пришел к власти в июне 1954 г., то наряду с индокитайским кризисом, он столкнулся с кризисом в Северной Африке.

Французский премьер-министр подошел к ситуации полный решимости, хотя и не уступил сразу же всех позиций. Через несколько дней после его назначения он отправился в Карфаген, где провозгласил внутреннюю автономию Тунисского государства и курс на переговоры между Францией и Тунисом. Вскоре начались переговоры, однако они тормозились из-за того, что французы настаивали на сохранении некоторых ограничений полной независимости. Бургиба, допущенный в страну в июне 1955 г. (после отставки Мендес-Франса переговоры были продолжены его преемниками), был склонен к компромиссному решению как этапу на пути к полной независимости. Его умеренность была преодолена благодаря развитию в то же время ситуации в Марокко (и алжирскому восстанию, начавшемуся в ноябре 1954 г.).

В самом деле, ситуация в Марокко летом 1955 г. стала носить взрывоопасный характер. Только в августе французское правительство согласилось вступить на путь переговоров. Султан, находившийся в изгнании, был вновь призван к власти, и к концу 1955 — началу 1956 г. оба переговорных процесса, проходившие параллельно, были завершены. 20 марта 1956 г. была признана полная независимость Туниса; 2 марта — Марокко. 7 апреля за этим последовал отказ мадридского правительства от выполнения функций протектората над Испанским Марокко, а немного позднее — возвращение султану также международной зоны Танжера. Заканчивались десять лет неопределенности, однако не благодаря спонтанной воле французов, а благодаря потребности Парижа закрыть некоторые из фронтов, на которых ему пришлось действовать в политическом и военном отношении. Алжирское восстание стало кошмаром и детонатором противоречий Четвертой республики. Но оно также являлось одним из аспектов кризиса французского присутствия во всем Средиземноморье и нарастающего ухудшения отношений с насеровским Египтом, не без основания обвинявшегося в финансировании и вооружении националистического сопротивления против Франции во всей Северной Африке.

10.2.7. ВОССТАНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛЖИРА

В Алжире непримиримая позиция, занятая французами в послевоенный период, отрезала путь к возможному приходу к власти сильной мусульманской элиты, которая могла бы выступать посредником, смягчать, а, возможно, и избегать конфликта между властью метрополии и проявлениями социального недовольства народных масс. В поисках компромисса, который хотя бы частич-

но пошел навстречу требованиям автономии, парижское правительство ввело в Алжире новый статут, создававший представительную ассамблею, половина которой избиралась европейскими колонистами (около 1 млн человек), а другая половина — местным населением (8 млн). Ассамблея была, однако, наделена ограниченными полномочиями и, более того, ее деятельность изначально блокировалась необходимостью принимать решения большинством в две трети голосов.

Такое решение вызывало недовольство европейских колонистов, усмотревших в этой норме своего рода право вето, предоставляемое алжирцам, и подогревало настроения националистов, усмотревших вызов в вопиющей несоразмерности представительства двух сообществ, существовавших на данной территории. Ассамблея не обрела своей собственной роли; националисты получили стимул к уходу во внепарламентскую оппозицию; начали появляться экстремистски настроенные группы. Организация, возглавляемая Мухаммедом Бен Беллой, которая начала подготовку вооруженных групп в Тунисе и создание сети поддержки в Алжире, была распущена французами, однако, возродилась в 1954 г., создав Фронт национального освобождения (ФНО), поднявший 1 ноября 1954 г. всеобщее восстание.

С этого момента начался самый тяжелый и опасный для французской колониальной политики в Африке этап (между тем, еще не утихла полемика вокруг поражения, понесенного во Вьетнаме). Это был вызов, в котором все внутренние противоречия, присущие метрополии (между консерваторами и крайними колониалистами, неоколониалистскими модернизаторами и антиколониалистскими реформистами), переплелись с институциональным кризисом. Последний был вызван очевидной неспособностью французской политической системы решить слишком большое количество проблем, в те годы обрушившихся на страну, выявив ограниченность ее международного влияния, бесплодность тех, кто не хотел замечать этой ограниченности, драматическое расхождение между обширностью фронтов (политических и военных), на которых нужно было действовать, и неспособностью проявить политическую волю для того, чтобы противостоять противникам. Франция, таким образом, переживала кризис, который вновь, как и в 1940 г., ставил под сомнение почти все аспекты ее внутренней жизни и ее присутствия в мире. Таковы были причины, сделавшие войну в Алжире еще более болезненной, чем только что закончившийся конфликт в Индокитае.

В ответ на восстание Париж прибег к объявлению чрезвычайного положения, аресту ведущих арабских политиков, массовым

репрессиям, осуществлявшимся военным контингентом, численность которого достигла в 1957 г. полумиллиона человек. Метрополия безуспешно пыталась в 1956 г. навязать алжирцам посредством плана Молле-Лакоста (оба — социалисты, первый — председатель Совета министров, второй — генерал-губернатор Алжира) реформистское решение, и на сей раз обходившее вопрос о независимости. Непримируемая позиция Франции способствовала завоеванию политических позиций Фронтом национального освобождения. В результате он предстал единственной организацией, способной адекватным образом вести борьбу за независимость.

Франция стремилась избежать интернационализации конфликта в международном плане. Соединенные Штаты продолжали поддерживать союзника, хотя Франция должна была вывести войска из Европы для их отправки в Северную Африку. Однако Франция вынуждена была защищаться от натиска коммунистического и афро-азиатского блока, который имел в ООН в 1955 г. гораздо более сильные позиции, чем в прошлом. Наибольшим источником беспокойства для метрополии стала, как бы то ни было, взаимосвязь между алжирским конфликтом и отношениями Франции с Тунисом и Марокко. Эта проблема предстала наиболее наглядно в случае с похищением и арестом Бен Беллы, произошедшим в октябре 1956 г., несколько часов спустя после того, как он был принят султаном Бен Юсефом, или же в феврале 1958 г., когда французская авиация совершила налет на тунисскую деревню Сакиет Сиди-Юсеф, убив несколько десятков человек, поскольку в этом районе Туниса находилась база алжирских повстанцев.

Стратегии городской войны, которой придерживался Фронт, с 1957 г. привела к уничтожению ряда его вождей и боевых кадров организации в Алжире. В то же время Франции в 1957–1960 гг. удалось удерживать партизанскую войну под контролем с помощью изучения и использования тактики, применявшейся во Вьетнаме и тактики Великобритании в Малайе, а также организовав серию наступлений, завершившихся почти полным подавлением боеспособности повстанцев. Однако контроль за ходом войны ускользнул от политического руководства как в Париже, так и в Алжире, что привело к созданию атмосферы растущего недоверия между метрополией и колонистами, атмосферы, увеличивавшей свободу маневра для армии, а это способствовало появлению политических заговоров, и, прежде всего, подталкивало политическую систему Четвертой республики к неминуемому кризису. Алжирские колонисты уже давно дистанцировались от правительства, размышляя о создании своей самостоятельной армии. С ними блокировались также представители голлистской правой. Такие, пользовавшиеся

большим авторитетом деятели, как Мишель Дебре и Жак Сустель, поддерживали эти инициативы. Сдержанность военных была преодолена, когда главнокомандующий войсками в Алжире генерал Рауль Салан высказал президенту республики Рене Коти свое несогласие по поводу новых уступок алжирцам, которые стали необходимы с учетом последствий бомбардировки деревни Сакиет.

Это бурлящее недовольство, страх и стремление к военному перевороту привели 7 мая 1958 г. к открытому военному мятежу. Генерал Жак Массю согласился возглавить комитет общественного спасения, заявивший о готовности к сопротивлению до последнего. Из Алжира волны мятежа, казалось, вот-вот распространятся на территорию метрополии. Именно в той обстановке, то есть перед лицом опасности государственного переворота, большинство политических сил в Париже сошлось на том, что только личность такого политического масштаба, как де Голль, способна вернуть ситуацию под контроль. Генерал, имевший среди мятежников множество своих последователей, но наблюдавший за развитием ситуации с абсолютной отстраненностью, ответил, что он готов откликнуться на обращенный к нему призыв, выдвинув в качестве единственного условия то, что его вступление в должность должно происходить законным образом. 1 июня 1958 г. он взял на себя власть во Франции в качестве нового председателя Совета министров, а в конце года — Президента республики.

Обстановка, в которой проходила смена власти в Париже, быстро превратившаяся с созданием новой конституции и рождением Пятой республики в смену режима, была нестабильной. Позиция де Голля, чье возвращение к руководству страной приветствовалось алжирскими путчистами как победа их дела, была, однако, двусмысленной и осторожной. Он сразу же отправился в Алжир, где дал торжественные обещания относительно равенства между алжирцами и колонистами, а также относительно выборов по единой избирательной курии. Можно предположить, что несмотря на его персональные предпочтения в пользу интеграции, генерал уже тогда был склонен к разрешению ситуации путем предоставления Алжиру независимости или, по крайней мере, автономии как присоединившемуся государству с тем, чтобы свободная Франция могла направить свои ресурсы прежде всего на необходимую модернизацию внутренней административной и производственной структуры. Эта модернизация должна была стать основой внешней политики великой державы, протагонистом которой намеревался стать генерал с целью вновь поднять престиж и роль Франции в мире. И можно, следовательно, предположить, что он избегал четкого изложения такой перспективы с целью избежать

реакции колонистов и армии, а также возможной гражданской войны или отделения Алжира. Все это позволяет объяснить почему, хотя партизанская война и носила тогда оборонительный характер и представлялась возможностью добиться военного успеха, силовое решение не было навязано. Давление, оказываемое в этом направлении, было преодолено, и, начиная с лета 1959 г., все более четко определялся курс на предоставление независимости Алжиру, в соответствии с процессом, который охватил всю французскую колониальную систему.

Разочарование и недовольство, распространившиеся вследствие такого непредвиденного развития политики Парижа среди колонистов, а также правых голлистских политиков (и не голлистских, как в случае с Жоржем Бидо), вылились в 1960 г. в формирование гражданских движений сопротивления центральной администрации и в попытку военного переворота в следующем году в Алжире, возглавленную генералом Саланом. Оба движения провалились, добившись лишь укрепления решимости де Голля вести переговоры.

Переговоры с алжирцами начались в июне 1960 г. в сложной обстановке, в момент, характеризовавшийся острым противостоянием де Голля и французских колонистов, а также недоверием со стороны ФНО. Они были с серьезными намерениями возобновлены во Франции в Эвиане в мае 1961 г., но затем вновь заблокированы мятежом Салана в Алжире и террором, который осуществляла ОАС¹. Переговоры возобновились в марте 1962 г., когда было, наконец, достигнуто соглашение относительно прекращения огня и создания независимого Алжира, связанного с Францией только соглашениями, регламентировавшими переходный период и последующее экономическое сотрудничество. На три года алжирцы сохраняли двойное гражданство и могли выбрать одно из них. На этот же период времени французские войска должны были оставаться в Алжире. В течение пяти лет они сохраняли за собой аэропорты и военные базы в Сахаре и пятнадцати — военно-морскую базу Мерс-Эль-Кебир. Обе страны должны были вместе эксплуатировать алжирские нефтяные ресурсы, а Франция — финансировать планы развития нового независимого государства.

Два референдума, один во Франции — 8 апреля, другой в Алжире — 1 июля, высказались подавляющим большинством голосов в пользу соглашений. Однако, в период между референдумами

¹ ОАС — сокращенное от французского Organisation de l'armée secrète (Секретная вооруженная организация) — нелегальная крайне правая организация, созданная в феврале 1961 г. и выступавшая против предоставления независимости Алжиру. — *Прим. редакции.*

ОАС развернула в Алжире оголтелое и бесполезное сопротивление, заставившее французских колонистов покинуть страну, которая становилась независимой, но была наполнена обидами, связанными с жестокостью заключительного этапа борьбы. Из немногим более миллиона французов, проживавших тогда в Алжире, около 800 тыс. нашли убежище в других местах, прежде всего, в метрополии.

Эвианские соглашения завершили эпоху во французской истории, которая только в целях сохранения ясности изложения не была проанализирована во всей ее многогранности. Если самым острым моментом французского имперского кризиса был тот, что с конца войны до 1962 г. характеризовал отношения с арабским миром, то не менее тяжелыми во внутривосточном и внешнеполитическом плане были последствия войны в Индокитае. Не менее обременительными были обязательства французского правительства, направленные на постепенное изменение отношений со всеми другими территориями, входившими в состав империи.

10.2.8. КОНЕЦ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА В ИНДОКИТАЕ

Вплоть до 1950 г. конфликты, связанные с холодной войной в Северо-Восточной Азии, и процесс деколонизации в Юго-Восточной Азии рассматривались — вероятно, так оно и было — как отдельные явления, которые следует обсуждать независимо друг от друга, несмотря на наличие неизбежного взаимодействия между различными театрами конфликтов, трактовавшиеся, впрочем, как второстепенные элементы общей картины. Создание Китайской Народной Республики, китайско-советский договор и война в Корее изменили общее восприятие событий западными державами. Наличие общей границы между Народным Китаем и Вьетнамом вынуждало рассматривать различные аспекты ситуации как части неразрывного целого, в котором цели деколонизации переплетались с целями продвижения к коммунизму. Впрочем, близость к коммунистическому Китаю оказала сильное влияние также на Вьет-Минь, который в значительной мере испытал на себе притягательность китайской модели как в идеологическом плане, так и благодаря существенным военным поставкам, которые стали возможными с того времени. Это побудило западные державы изменить свое отношение к ситуации во Вьетнаме.

В конце 1949 г. Трумэн решил, при определенных условиях, увеличить военную помощь Франции и присоединившимся к ней государствам в Индокитае. Условия, выдвинутые американцами,

состояли, главным образом, в требовании, чтобы помощь способствовала формированию реальной независимости присоединившихся государств, которые, таким образом, стали бы ближе к Западу в идеологическом отношении в конфликте с коммунистическим правительством Ханоя. Под этим политическим нажимом и под военным давлением коммунистов французы стремились навести порядок в системе отношений, сложившихся в результате заключения договоров 1949 г. На конференции, состоявшейся в По, во Франции 27 ноября 1950 г., они предложили проект, предусматривавший своего рода четырехсторонний союз, благодаря которому политика трех индокитайских государств (Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) должна была бы согласовываться с Парижем, а Франция сохраняла бы контроль над коллективной безопасностью и системой государственного управления. Крайняя внутренняя неустойчивость присоединившихся государств сделала, впрочем, тщетными попытки осуществить на деле формулы полузависимого правительства, вроде тех, что были придуманы в По.

На всем Индокитайском полуострове власть элит, призванных осуществлять управление, периодически оспаривалась мощными группами давления, требовавшими реальной независимости, или коммунистическими организациями, которые постепенно стали простыми ответвлениями Вьет-Миня. Таким образом, попытка создать жизнеспособные в политическом отношении национальные образования закончилась крахом. Тем временем военные действия Вьет-Миня активизировались до такой степени, что в конце 1950 г. коммунистические силы контролировали около половины территории Тонкина. Весной 1951 г. французский верховный комиссар де Латтр де Тассиньи с успехом провел контрнаступление. Однако это был эфемерный результат. Тассиньи, вынужденного из-за серьезных проблем со здоровьем оставить командование. Его сменил генерал Салан, менее энергичный и в меньшей степени способный завоевывать поддержку коренного населения. В начале 1952 г. положение французов снова ухудшилось, и в 1953 г. войска Хо Ши Мина стали угрожать непосредственно границам Лаоса и Камбоджи, завершая таким образом окружение колониальных сил, сосредоточенных в южной части центрального Вьетнама.

В международном плане расширение конфликта ставило проблемы перед союзниками Франции и, прежде всего, перед Соединенными Штатами. Хотя Эйзенхауэр и Даллес отдавали себе отчет в том, что значительная часть неудач зависела от неэффективности действий французов, они продолжали оказывать свою военную помощь, и, более того, наращивали ее в геометрической прогрес-

сии. Интернационализация конфликта повлекла за собой начало дипломатических и стратегических консультаций между крупнейшими западными державами. Трехсторонние встречи становились все более частыми, и в октябре 1952 г. было решено создать военную комиссию из представителей пяти держав (Франции, Соединенных Штатов, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии) с целью согласования и координации вмешательства этих стран, но, прежде всего, с целью сгладить принципиальные различия между американской концепцией и концепциями европейских стран, в особенности, французской. Действительно, некоторые круги в Белом доме считали, что потеря Вьетнама произведет «эффект домино», то есть приведет к неизбежному распространению влияния коммунистов во всей Юго-Восточной Азии; они предлагали осуществлять прямые нападения на базы военных поставок Вьет-Миню на территории Китая. Это решение обсуждалось, но не было принято. Выход конфликта за пределы вьетнамских границ привел бы фактически к еще более серьезным последствиям, чем те, что имели место в Корее.

В середине 1953 г. Салана сменил генерал Анри Наварр, перед которым была поставлена задача провести реорганизацию войск и создать сильную оперативную войсковую группу, способную противостоять отрядам Вьет-Миня, которые под блестящим руководством Во Нгуен Зиапа снискали славу непобедимых. Однако для того, чтобы задача, поставленная перед Наварром, была осуществима, требовался военный потенциал, которым Франция не располагала и который могли предоставить только Соединенные Штаты. Жорж Бидо, вдохновитель плана Наварра, передавал тем самым Соединенным Штатам право решать избежать ли катастрофы во Вьетнаме или же сразу взять на себя прямые обязательства.

На этом этапе советское правительство, на протяжении конфликта державшееся в тени, но в то же время поставлявшее Вьет-Миню значительную военную помощь через Народный Китай, 4 августа 1953 г. выдвинуло предложение созыва международной конференции для разрешения кризисов в Корее и Индокитае. Неожиданно эта инициатива предстала как своего рода общее подведение итогов для западных держав, которым было предложено извлечь выводы из всей совокупности изменений в Европе и в мире, делавших необходимыми перемену или корректировку политического курса. Франция, то есть страна, самым непосредственным образом вовлеченная в кризис, запуталась в опасных противоречиях. Общественное мнение, и не только находившееся под влиянием крайне левой, все более отчуждалось от мотиваций далекого кон-

фликта, в котором, казалось, были заинтересованы только определенные военные, экономические и финансовые круги. Даже в самом правительстве Жозефа Ланьеля были министры, настроенные против продолжения «грязной войны». И хотя ключевые министры (сам Ланьель, Бидо и Плевен) поддерживали войну, другие выступали за переговоры.

Недоверие французов и вытекающее из него бездействие, лишившее смысла принятие военных решений в Индокитае, отражались на британской позиции. Англичане были категорически против ухудшения ситуации в Индокитае, поскольку опасались последствий этого для новой политики разрядки, которую начали проводить преемники Сталина, а также поскольку действительно боялись «эффекта домино» от углубления кризиса: на полуострове Малакка, где продолжали борьбу очаги коммунистического сопротивления, и в Гонконге, где эскалация кризиса усилила страхи перед возможностью неожиданных действий с китайской стороны. Кроме того, лондонское правительство понимало, что британское влияние на Дальнем Востоке, а также европейские проблемы, связанные с перевооружением Германии, легче будет контролировать, если вьетнамский кризис, вместо того, чтобы развиваться в русле военного конфликта, будет переведен в дипломатический контекст.

Если позиция двух крупнейших европейских колониальных держав, казалось, склонялась к идее переговоров, то позиция Соединенных Штатов существенно отличалась. В глазах Белого дома индокитайский конфликт ставил под сомнение имидж и авторитет Соединенных Штатов во всей Азии. Такая непримиримая позиция была обусловлена тем, что теория домино становилась все более популярной, а также убежденностью в несвоевременности проявления слабости в тот момент. За идеей компромисса просматривалась опасность, что после формального достижения атомного равновесия Советам удастся подтолкнуть развитие событий в нежелательном направлении, навязав диалог на основе полного и действительного политического равенства, которое пока не подтверждалось реальным соотношением сил.

Таким образом, страны западного блока отвечали на советское предложение будучи разрозненными, разделенными различными мотивациями и противоположными устремлениями и, следовательно, оказавшись поставленными под удар инициативой СССР. В противоположность противникам, единым в политике сдерживания, но разделенным разногласиями по колониальному вопросу, социалистический лагерь в тот момент обладал временным единством, характеризовавшим первый этап пребывания у власти

правительства Маленкова. Для СССР предложение решить индокитайскую проблему с помощью проведения конференции давало некоторое преимущество, во-первых, поскольку кризис касался периферийного элемента в глобальной стратегии Советского Союза, и, во-вторых, поскольку позитивный результат мог бы повлиять на политику перевооружения Западной Европы. Кроме того, успех в разрешении кризиса в Индокитае представил бы Советам в качестве лидера борьбы против колониализма. Наконец, дипломатическая победа, легко предсказуемая с учетом позиций на полях сражений и настроений, преобладавших во Франции, обеспечила бы Советам успех, который они разделили бы с Китайской Народной Республикой, чье участие в конференции считалось необходимым, и увеличила бы их авторитет защитников интересов КНР.

Китайцы были благожелательно настроены к идее созыва конференции по многим причинам. Прежде всего, она помогла бы им выйти из международной изоляции, в которой их продолжали держать Соединенные Штаты. Это также означало бы фактическое признание роли Китая как великой державы в деле поддержания мира в Индокитае в момент, когда французское присутствие казалось шатким. Наконец, конференция ограничила бы возможность того, чтобы чрезмерные успехи Вьет-Миня обострили ситуацию, вызвав тем самым американское вмешательство, которое снова поглотило бы китайские ресурсы и отвлекло бы их от сфер, связанных с едва начавшейся экономической реконструкцией. Однако китайская политика расходилась с советской политикой по двум фундаментальным вопросам: для Народного Китая Вьетнам являлся не периферийным элементом мировой политики, а ближайшим соседом, которому он оказывал помощь из геополитических соображений, но от которого, по тем же самым причинам, в духе традиций китайского империализма, он стремился дистанцироваться во избежание рождения новой, слишком самостоятельной и слишком авторитетной власти.

Советское предложение обсуждалось в Берлине на совещании министров иностранных дел четырех держав в январе—феврале 1954 г. Англичане склоняли своих союзников к его принятию, убеждая французов своим примером выйти из состояния неопределенности и стараясь смягчить непримиримую позицию американцев в отношении участия китайцев. Русские и китайцы убедили Хо Ши Мина выступать менее категорично. После преодоления этих препятствий было назначено начало работы совещания на апрель того же 1954 г. в Женеве. Совещание должно было рассмотреть два отдельных вопроса: возможность превращения пере-

мирия в Корею в мирный договор и поиск мирного решения вьетнамского вопроса.

После заявления о созыве совещания Вьет-Минь начал наступление с целью расширить, насколько это было возможно, сферу своего контроля с тем, чтобы вести переговоры с позиции силы. Интенсивная дипломатическая деятельность весной 1954 г. сосредоточилась вокруг американской попытки организовать контрнаступление союзников в ответ на военное давление коммунистов. Однако из-за непреклонной позиции британского правительства и неопределенной французской позиции, усилия Даллеса с целью создания международной коалиции потерпели неудачу. В такой обстановке победили военные инициативы Вьет-Миня. Войска генерала Зиапа осадили укрепленный лагерь Дьенбьенфу, оплот французов, защищавший лаосскую долину реки Меконг, и 7 мая сломили их сопротивление, одержав громкую и сокрушительную победу.

Именно эта победа оказалась для французов окончательным толчком для решения об ускорении темпов работы совещания, начавшегося в Женеве 26 апреля, что быстро привело к конкретным результатам. В самом деле, немногим более чем месяц спустя после падения Дьенбьенфу Мендес-Франс стал премьер-министром, дав торжественное обещание достичь соглашения в Женеве в течение ста дней со дня вынесения вотума доверия правительству, которое он получил 18 июня. С этого момента стало ясно, что цель Франции состояла в том, чтобы достойно выйти из борьбы, которую она была неспособна далее вести. Китайцы и русские лавировали с целью сдержать наиболее далеко идущие требования Вьет-Миня и способствовать заключению перемирия на основе условий, приемлемых для французов, в расчете на то, что такое развитие ситуации, хотя и будет препятствовать полной ликвидации французских интересов в Индокитае, по крайней мере снизит вероятность непосредственного американского вмешательства в регионе.

Согласие было достигнуто в июле, и приняло форму трех отдельных военных соглашений, подписанных 20 и 21 июля французским верховным командованием и верховным командованием Вьет-Миня соответственно от имени Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Согласно этим соглашениям, Вьетнам разделялся по 17-й параллели на две военные зоны (одна отдавалась ханойскому правительству, другая — французам), создавались также буферные демилитаризованные зоны. После окончания военных действий должен был состояться обмен пленными. В течение 300 дней каждая из сторон должна была перегруппировать свои силы, переведя их

в отведенную ей зону. Главным пунктом политических договоренностей было решение о том, что вопрос об окончательном устройстве всего Вьетнама должен определяться путем свободных выборов, которые должны состояться в течение двух лет под контролем комиссии по перемирию в составе индийского, канадского и польского представителей. Наконец, Соединенные Штаты, со своей стороны, отказались подписать заключительные соглашения, включавшие в себя военные договоренности, и выразили свое несогласие отъездом Даллеса (замененного его заместителем) из Женевы в момент, когда конференция рассматривала индокитайский вопрос. Кроме того, они в одностороннем порядке объявили, что принимают к сведению три подписанных соглашения о перемирии и заключительную декларацию, обязуются воздерживаться от каких бы то ни было военных инициатив, которые могли бы помешать ее исполнению, но в то же время поддерживают протест правительства Южного Вьетнама по поводу отсутствия консультаций с ним, относительно чего оно выражало сожаление. Что касается Лаоса, то соглашения признавали власть монархического режима и его полную независимость, отвергая протесты коммунистического правительства в изгнании, но соглашаясь с тем, чтобы части Патет-Лао временно оставались в двух провинциях. Была также признана и полная независимость Камбоджи.

Женевские соглашения представляли собой с юридической точки зрения набор разнородных и двусмысленных деклараций, куда каждая из сторон постаралась вставить пункты, защищающие ее интересы, которые в будущем можно было использовать с пользой для себя. Для французов, однако, их ценность состояла в том, что они позволяли почти полностью покончить с проблемой Вьетнама. То, что демаркационная линия была проведена по 17-й параллели, являлось к тому же частичным, хотя и временным, поражением для Вьет-Миня, поскольку он был вынужден вывести гораздо больше войск из южной части Вьетнама, чем французы — из северной. Однако соглашения вписывались в обстановку всеобъемлющего компромисса, который Москва стремилась создать накануне дискуссии во Франции о Европейском оборонительном сообществе; на них сказалось влияние давления на Вьет-Минь со стороны Китая. Чжоу Эньлай разъяснял сопротивлявшемуся Хо Ши Мину, что будущее будет зависеть от силы Вьет-Миня, поскольку Вьетнам мог объединиться под властью коммунистического правительства «путем выборов, когда наступит подходящий момент». Тем временем, считал Чжоу, соглашения изолировали Соединенные Штаты и Южный Вьетнам, чье

правительство, разместившееся в Сайгоне, должно было на деле доказывать свою способность ответить на вызов Севера.

Это правительство, возглавлявшееся католиком Нго Динь Зьемом, провозгласило в 1955 г. создание республики Южный Вьетнам и постепенно начало опираться не на остатки французского влияния, а на растущее американское присутствие. В 1956 г. последние французские представители покинули Сайгон, заявив, что они отказываются от какой бы то ни было ответственности за выполнение Женевских соглашений. Прошел июль 1956 г., — дата, до которой должны были быть назначены предусмотренные соглашениями выборы, но ничего не было сделано. Небольшая группа американских военных советников, находившихся в Сайгоне, не превышавшая по численности лимиты Женевских соглашений, взяла на себя задачу помочь правительству Южного Вьетнама создать свою армию. В 1958 г. на юге вспыхнуло восстание коммунистов, а в мае 1959 г. Центральный комитет Вьетнамской компартии решил возобновить борьбу и поддержать коммунистическое движение на юге страны. Зимой 1959—1960 гг. стали ощущаться первые результаты этого решения. Однако в тот момент проблема не была больше связана с французской деколонизацией. Теперь она касалась Соединенных Штатов.

10.2.9. БАНДУНГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Во взаимосвязи с процессом деколонизации и сопровождавшими его вооруженными конфликтами развивался параллельный процесс, в котором в значительной степени отражались основные кризисы (хотя при этом они и проявлялись по-разному). Постепенно в нем выходили на авансцену две тенденции. Первая — все более отчетливое стремление политических элит всех колониальных территорий к завоеванию независимости своей страны, вторая — склонность колониальных держав к более внимательному подсчету соотношения между растущими затратами на содержание имперских систем и все уменьшающимися выгодами, которые они обеспечивали. Это явление касалось не только подопечных территорий Объединенных Наций, в отношении которых Совет по опеке уже давно стал осуществлять все более строгий контроль за выполнением обязательств державами, получившими их в управление, но также и, прежде всего (учитывая географический масштаб данной категории), колоний, которые в системе ООН назывались «несамоуправляющиеся территории» (гл. XI, ст. 73 и 74 Устава). Обязательство, предусмотренное пунктом «е» статьи 73,

в соответствии с которым все колониальные державы должны были ежегодно посылать в Секретариат ООН доклад, содержащий «статистические» сведения по некоторым аспектам развития управляемых территорий, постепенно трансформировалось в обязательство посылать все более обширную и детальную информацию. Наряду с Советом по опеке в декабре 1946 г. была создана *ad hoc* временная комиссия, работа которой первоначально должна была продлиться один год. В ее цели входило представить перечень «несамостоятельных территорий», а также сформулировать требования относительно информации, упоминавшейся в ст.73. Комиссия обновлялась каждый год, затем срок ее деятельности начал продлеваться каждые три года, и требования антиколониальных сил, чтобы она стала своего рода «теневым советом по опеке» стали все более настоятельными.

Впрочем, атмосфера, в которой колониальная система продолжала существовать, только подкрепляла эту тенденцию, поскольку она способствовала созданию стимула к расширению круга информации, требуемой от отдельных правительств, осуществлявших управление территориями, вплоть до собственно политической сферы.

Получение независимости, хотя и ограниченной, новыми государствами, их массовое вступление в ООН в 1955 г. и распространение нейтрализма как противодействия колониализму, события в Северной Африке и Индокитае — все это способствовало консолидации формирующейся коалиции афро-азиатских стран, которая нашла опору для своей деятельности в системе Организации Объединенных Наций. Критика колониализма за короткое время превратилась в его открытое осуждение, и напрасно колониальные державы пытались воспрепятствовать этой тенденции, используя право вето в Совете Безопасности. Генеральная Ассамблея стала органом, где молодые независимые государства при поддержке коалиции коммунистических стран, настойчиво обвиняли колониальные державы в несоблюдении общих принципов самоопределения, которые лежали в основе деятельности ООН.

Важную роль в создании нового климата в международных отношениях, благоприятного для обсуждения колониального вопроса, сыграла конференция, проходившая с 18 по 24 апреля 1955 г. в Бандунге, в Индонезии. Конференция была созвана в результате дискуссий, развернувшихся в азиатских странах в период завершения кризиса в Индокитае и после подписания в сентябре 1954 г. договора, учреждавшего СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии). Правительства пяти азиатских стран — Индии, Пакистана, Цейлона (в настоящее время — Шри Ланка), Бирмы

(в настоящее время — Мьяма) и Индонезии — выступили с инициативой созыва встречи азиатских стран, получивших в последние годы независимость и заинтересованных в своем развитии.

Вначале у конференции не было общей концепции неприсоединения к одному из лагерей, порожденных холодной войной, поскольку среди приглашенных стран был и Пакистан, тесно связанный с Западом договором СЕАТО и вообще всей своей политикой, и Китай, бесспорно поддерживавший СССР, а также Филиппины и Япония, опорные пункты Соединенных Штатов в Тихом океане. На конференцию были приглашены арабские страны и некоторые африканские государства, уже получившие недавно независимость, либо ожидавшие ее получения в скором будущем, а также государства, обладавшие среди молодых стран большим авторитетом. В конференции участвовали и азиатские, и африканские страны. Так, среди приглашенных были Египет, Сирия, Ливан, Либерия, Судан, Эфиопия, Золотой Берег (впоследствии Гана) — всего в Бандунгской конференции участвовало 29 делегаций. Они представляли очень разные страны, проводившие различную внешнюю политику, но все обостренно воспринимали проблему блоков в связи с советско-американским противостоянием, что отражалось на всех странах мира и деформировало действия тех, кто ратовал за развитие экономики. В этом отношении показателен разработанный в 1950 г. для азиатских стран Британского Содружества Наций план Коломбо, принципы которого вдохновляли организаторов конференции, стремившихся придать большую значимость экономическому развитию, а не военным конфликтам.

Первоначальная цель конференции в ходе ее работы была изменена под влиянием таких известных деятелей как Неру, Сукарно, Насер, У Ну и Чжоу Эньлай, которым удалось, вместо проблем участия в том или ином лагере, привлечь внимание делегатов к выработке некоторых общих принципов проведения политики неприсоединения. Право на национальное самоопределение и осуждение колониализма занимали важное место в работе конференции. По второму вопросу разгорелись жаркие споры, поскольку страны, наиболее тесно связанные с Соединенными Штатами (например, Пакистан), требовали, чтобы Советский Союз и международное коммунистическое движение были осуждены вместе с колониальными державами.

С большим вниманием делегаты отнеслись к принятию обязательства, одобренного в целом, «воздержаться от участия в соглашениях по вопросам коллективной безопасности, которые служат особым интересам великих держав». Такова была идея «неприсое-

динения», выраженная, однако, очень расплывчато, что породило самые различные ее толкования. По ряду проблем (Израиль, Тайвань, Индокитай) конференция предложила серьезные решения на основе компромисса, которые не получили широкого практического применения. Бандунгская конференция приобрела значенные символы, она впервые утвердила новые принципы будущего мироустройства. Конференция выступила в защиту независимости колониальных народов, что получило широкий отклик в мире; она объявила о рождении новой коалиции, стоящей на позициях нейтралитета, хотя с первых шагов ее раздирали внутренние противоречия; на конференции впервые проявилось стремление Китая вести в афро-азиатском мире политику, не полностью совпадающую с политикой Советского Союза.

После участия в Женевской конференции (1954 г.) министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай понял, что подлинное значение Китая выходило за рамки формального признания. Позиции, которые Чжоу Эньлай занял в отношении Соединенных Штатов и вообще относительно ситуации в мире, были всегда умеренными и отличались гибкостью и готовностью к диалогу, что стало новым явлением в международной жизни. Итак, неприсоединение многих стран «третьего мира», как тогда стали называть страны, получившие независимость в недавнем прошлом, и то, как Чжоу Эньлай выступал в роли министра, предваряли процесс формирования самостоятельной позиции Китайской Народной Республики относительно СССР.

*10.2.10. КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ЭТАП ДЕКОЛОНИЗАЦИИ:
1956–1963 гг.*

Совокупность этих мотиваций позволяет объяснить, почему с начала 50-х годов разными темпами и разными методами основные колониальные державы встали на путь постепенной деколонизации зависимых от них территорий, хотя порой в противодействовали независимости определенных территорий,

Развитие английской имперской политики в 50-е годы по новому пути стало оперативным ответом английской администрации на появление концепции, согласно которой укрепление на новой основе солидарности внутри Содружества могло оказаться наилучшим инструментом сохранения достойной перспективы для участи Британии. На Ближнем и Среднем Востоке это было в большей степени результатом воздействия более влиятельной силы, чем свободного выбора. Государственный переворот 1958 г. в Ираке, в ходе которого была свергнута Хашимитская династия

и потерпело поражение умеренное правительство Нури Саида, верного союзника Великобритании, показало, что британские позиции в регионе значительно ослабли. В 1967 г. Южная Аравия (Аден и прилегающие территории) стала Народной Демократической Республикой Йемен, которая в 1990 г. объединилась с Северным Йеменом, создав Йеменскую Республику. Из стран Персидского залива в 1961 г. получил независимость Кувейт, в 1970 г. — Оман, в 1971 г. — Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. В те годы стратегические интересы Великобритании все больше смещались к востоку от Суэца, преследуя цель усиления ее позиций в Индийском океане и блокирования проникновения в регион других держав, в особенности советского блока. Эволюции в этом направлении способствовал переход контроля над Средиземноморьем от Великобритании к Соединенным Штатам и обеспокоенность англичан как по поводу стабильности в Персидском заливе, так и по поводу коммунистической экспансии в Южной и Юго-Восточной Азии. Новая тенденция, постепенно утвердившаяся в центральной администрации, стала формой приспособления имперских целей к сократившимся возможностям контроля центра над периферией и поэтому позволила более открыто и объективно подойти к рассмотрению требований независимости африканскими странами.

Для того, чтобы стабилизировать роль Великобритании в мире, то есть привести ее в соответствие с локальными вызовами и позициями других держав, необходимы были, однако, благоприятные обстоятельства в международной и колониальной сферах, а также способность страны до конца осуществить трудное преобразование прямого контроля во влияние. Сочетание таких позитивных факторов впоследствии встречалось все реже, вынуждая Великобританию постепенно оставлять позиции, которые она занимала в мире. В Восточной Азии это стало очевидным после создания Малайзии (1963 г.), включившей в себя Малайю, Северное Борнео, Сабах, Саравак, а также Сингапур, восстановивший, однако, в 1965 г. полную независимость. В Малайзию не вошел также Бруней, ставший независимым султанатом с 1 января 1984 г.

Начиная с 1955 г. Великобритания должна была считаться с вооруженной борьбой за независимость и объединение с Грецией, которая велась на Кипре под руководством партии АКЭЛ и которая освящалась авторитетом архиепископа и этнарха (лидера греческой общины) Макариоса. Ответ англичан вначале был жестким, прежде всего по стратегическим соображениям. Когда соотношение сил в регионе после провала английской политики во время Суэцкого кризиса в 1956 г. изменилось, правительству Мак-

миллана удалось разблокировать ситуацию, подтолкнув Макариоса к отказу от целей объединения с Грецией и добившись, таким образом, заключения соглашения между Великобританией, Грецией и Турцией, вылившегося в 1960 г. в предоставление острову независимости. В таком же стратегическом контексте позднее, в 1964 г., происходило предоставление независимости острову Мальта.

В Африке гибкость англичан была связана также с желанием избежать кризиса, сравнимого с воздействием алжирской войны на Францию, и, с другой стороны, с влиянием голлистской политики на французские колонии.

В Западной Африке, в Гане (известной до предоставления независимости как Золотой Берег) под влиянием восстания в Аккре в 1948 г. англичане пошли на удовлетворение требований умеренных националистов, но были вынуждены затем перейти к сотрудничеству с Кваме Нкрумой и созданной им новой массовой партией — Народной партией Конвента (*Convention People's Party*). Эта партия отказалась от первоначального экстремизма и посчитала выгодным сотрудничество с администрацией для ускорения конституционного процесса. Гана первой из стран черной Африки добилась права на самоуправление в 1957 г., через год после получения независимости Суданом, а также Тунисом и Марокко (в результате переговоров с Францией).

В Нигерии, в силу отсутствия территориальных предпосылок для возникновения национализма, который соответствовал бы ожиданиям британцев, связанным с предоставлением независимости, т.е. стабильного правительства, эффективного административного контроля, ускоренного экономического развития — сама колониальная администрация отстаивала необходимость продвижения к самоуправлению. При этом она обуславливала его достиганием соглашения между деятелями трех главных регионов, что гарантировало бы функционирование федеральной конституции. После создания такой коалиции страна получила в 1960 г. независимость, однако была ввергнута в последующие годы в продолжительный внутренний кризис. Его кульминацией стало отделение в январе 1967 г. Биафры, северо-восточной области Нигерии, которую нигерийцам удалось вновь включить в состав страны только в 1970 г. после ожесточенной войны. В 1961 г. и в 1965 г. добились независимости соответственно Сьерра-Леоне и Гамбия.

Развитие событий в Западной Африке могло бы показаться ошибкой или провалом британской политики, только если предполагать, что целью ее управления на протяжении 50-х годов оставалось сохранение прямого контроля над регионом. Но если таковой и могла быть первоначальная цель англичан, то затем

они пришли к выводу, что предоставление независимости странам в регионе, имевшем второстепенное стратегическое значение, но представлявшем значительный экономический интерес, являлось разумной ценой за продолжение своего неформального влияния на основе сотрудничества с местными деятелями.

Иной была ситуация в Восточной Африке и, в особенности, в Кении, где стратегические проблемы сочетались с заметным присутствием белых колонистов и азиатских меньшинств. Восстание «Мау Мау» (тайного общества, состоявшего из членов племени гикуйю, главой которого был Джомо Кеньятта, бывший студент Лондонского университета, и ставший позднее политическим лидером и председателем Союза африканцев Кении — *Kenian African Union*), длившееся с 1952 г. до 1956 г., было полностью подавлено. До этого перспектива участия местного населения в управлении страной вообще не обсуждалась. Еще в 1960 г. любая политическая организация африканцев, выходящая за локальные рамки, запрещалась. Восстание, однако, вызвало политические и социальные трансформации, которые, постепенно размывая власть белого сообщества, привели того же Кеньятту к диалогу и сотрудничеству с англичанами. В течение трех лет политические силы Кении были разделены дискуссиями относительно юридической формы будущего Кенийского государства. Но в декабре 1963 г. оно получило независимость и было объявлено республикой (1964 г.). Премьер-министром стала сам Кеньятта, а правящей партией — централизованная единая партия, у которой уже был свой харизматический лидер, возглавивший продвижение страны к независимости, и сильный человек в правительстве, молодой соратник президента Том Мбойя.

В Танганьике, превратившейся в территорию, находившуюся под опекой ООН, англичане пытались ввести в действие сложный конституционный механизм для разделения власти между меньшинствами, направленный на сдерживание требований местных националистов и на концентрацию большей части власти в руках европейцев и азиатов, проживавших в стране. С этой целью предпринимались попытки создать межрасовую партию, однако осуществлению этого проекта помешал рост влияния партии Джулиуса Ньерере (Африканский национальный союз Танганьики — *Tanganila African National Union*), который победил на выборах 1958 г., опираясь на поддержку знати в сельских районах, озабоченной перспективами включения представителей меньшинств в органы местного управления. Ньерере, возглавившему процесс завоевания независимости, с трудом удалось укрепить свою власть и добиться в 1961 г. независимости. Предусматривалось,

что новое государство получит название Танзания и включит в свой состав также остров Занзибар. Однако этот союз оказался возможен только в 1964 г., после того, как на острове было распущено сформированное там полунезависимое правительство, где преобладали прокитайские (или считавшиеся таковыми) элементы.

Кениятта и Ньерере создали в своих странах стабильные и авторитарные правительства, которые на какое-то время сделали их символами эффективности британской модели перехода к независимости. Более сложным был случай Уганды, ставшей независимой в 1962 г. Угандийскому обществу была присуща чрезвычайная раздробленность властных полномочий даже по африканским меркам. В стране присутствовали также националистические силы, связанные с традиционным влиянием отдельных монархических образований, на которые была разделена территория. Продвижение к независимости сопровождалось улаживанием англичанами глубоких разногласий, разделявших представителей местных властей. Только когда Милтон Оботе создал свою партию (Народный конгресс Уганды — *Uganda People's Congress*), появился политический субъект, достаточно сильный для завоевания парламентского большинства, что сделало возможной передачу ему власти. Уганда стала независимой республикой в октябре 1962 г., но союзы, которые позволили сформировать большинство вокруг Оботе, оказались недолговечными и, в отличие от двух других стран Западной Африки, Уганда с 1966 г. вступила в полосу нарастающей нестабильности.

Еще более сложным был комплекс проблем, касавшихся Центральной Африки. После начавшейся в 1953 г. и продолжавшейся десять лет попытки создать из этих территорий федерацию, основанную на власти белого меньшинства, администрация и здесь смирилась с преобладанием черного большинства в местных органах власти, формировавшихся по куриям. В 1959 г. вспыхнули волнения в Ньясаленде, и доклад британской комиссии по расследованию выдвинул серьезные обвинения против методов и целей местной администрации, дав толчок движению страны к независимости. В 1964 г. она добилась независимости, и власть была передана африканскому правительству, а страна стала называться Малави. Несколько позднее, в этом же году состоялась передача власти в Северной Родезии, означавшая рождение Замбии. Напротив, никакого компромисса не смогли достичь в Южной Родезии, где после провала переговоров с Лондоном белые, чтобы удержать политическую монополию в условиях натиска африканцев, в конце 1965 г. провозгласили независимость односторонне приняв декларацию. Год спустя формальная передача власти

состоялась, напротив, по всем правилам в Бечуаналенде и Басутоленде, получивших новые названия Ботсваны и Лесото. В 1968 г. за ними последовали Свазиленд и Маврикий, а в 1976 г. — Сейшельские острова.

В 70-е годы националистические движения африканцев в Родезии, поставленные вне закона Родезийским фронтом Яна Смита, возглавлявшего правительство белого меньшинства, перешли к вооруженной борьбе. Начиная с 1972 г. организации африканцев повели самую настоящую партизанскую войну, поддержанную Советским Союзом и Китаем, в то время как белые получили поддержку Южной Африки и Португалии. Таким образом, продвижение африканцев к власти вписалось в более широкий контекст борьбы за освобождение Южной Африки. Британские санкции и санкции ООН оказались малоэффективными, и отношения с Родезией остались в последующие годы незаживающей раной британской внешней политики в связи с длительным неповиновением колонии. Только в 1979 г. удалось достичь компромиссного соглашения, подписанного в Ланкастер-хаус. Год спустя, в 1980 г., после победы на выборах Мугабе, лидера ведущего освободительного движения, новое государство Зимбабве получило международное признание.

Что касается более фрагментированных частей Британской империи, то после провала идеи создания федерации стран Вест-Индии в британской части Карибского бассейна, из ее владений в Центральной и Южной Америке в разное время (в течение 20 лет) добились независимости: Ямайка, Тринидад и Тобаго (1962), Барбадос и Гвиана (1966), Багамские острова (1973), Гренада (1974), Доминика (1978), Антигуа и Барбуда, а также Белиз, известный ранее как Британский Гондурас (1981), Сент-Китс и Невис (1983). В Азии в 1965 г. независимость получили Мальдивы. В Океании передача власти продолжалась вплоть до 80-х годов. Независимость получили: Самоа (1962), Науру (1968), Фиджи и Тонга (1970), Папуа Новая Гвинея (1975), Соломоновы острова и Тувалу (1978), Кирибати (1979) и Вануату — бывший англо-французский кондоминиум на островах Новые Гебриды (1980).

Что касается Южно-Африканского Союза, то происходившие там процессы можно отнести к британской деколонизации только в расширительном смысле. В 1961 г. Союз, где у власти находилась Националистическая партия, представлявшая белое население бурского происхождения и проводившая политику строгого расового разделения, вышел из Содружества для того, чтобы оградить себя от давления системы стран Британского сообщества и продолжать спокойно проводить политику апартеида, т.е. полного

отделения цветного населения и его подчинения белым. Случай Южно-Африканского Союза вписывается, тем не менее, в процесс деколонизации, поскольку после Первой мировой войны он получил в управление мандат категории «С» на бывшую германскую колонию в Юго-Западной Африке. В 1966 г. под воздействием призывов афро-азиатских стран ООН аннулировала мандат Южно-Африканской Республики на эту территорию, которой, впрочем, южноафриканцы всегда отказывали в переходе на режим опеки. Начиная с 1968 г. эта территория стала называться Намибией, а СВАПО (*South West African's People Organization* — Народная организация Юго-Западной Африки) стала рассматриваться в качестве единственного представителя ее населения. Как бы то ни было, страна оставалась под управлением Южно-Африканской Республики вплоть до 1990 г. После того, как дипломатия развязала многие узлы запутанной международной ситуации, была провозглашена независимость Намибии.

В сравнении с развитием событий в североафриканских колониях, в черной Африке политика Франции достигла больших успехов, поскольку ей удалось в период с окончания войны до 1956 г. приглушить наиболее опасные требования, касавшиеся ликвидации колониального господства. Париж почти во всех случаях сумел найти доверенных партнеров для сохранения влияния метрополии в будущем. Если стратегия французского правительства в этой сфере была аналогична применявшейся в Индокитае или Алжире, то, напротив, совершенно иным был ответ местного национализма, в целом менее организованного, более слабого и разделенного на группировки, более склонного к союзу с колониальным центром для того, чтобы «удержаться в седле» в ходе долгожданной передачи властных полномочий. Различие между отдельными владениями было связано в большей степени с местными переменными факторами (способностью правящей партии привлечь к себе массы и различные силы, способностью добиться доверия Парижа и, следовательно, масштабом помощи, которую просили у метрополии для удержания у власти), нежели с французскими инициативами.

Сенегал обладал политической традицией, глубже связанной, благодаря Ламину Гюю и Леопольду Седару Сенгору, с социалистами метрополии. За этим исключением создание местных партийных организаций стимулировалось главным образом трансформациями, вызванными Второй мировой войной сначала в Западной Африке, а только затем — в Экваториальной Африке. Наиболее солидная организация, предназначенная сначала для противостояния политике французских социалистов в Африке, была создана на территории Берег Слоновой Кости Феликсом Уфуэ-Буаньи.

Устав Французского союза, определенный вторым вариантом конституции Франции в 1946 г. в менее либеральных положениях, чем в предыдущем варианте, вызвал ответную негативную реакцию в стране, что привело к созыву конференции в Бамако, куда собрались сотни делегатов из всех стран Французской Африки. В отсутствие Сенгора и сенегальцев, которые по указанию Парижа и из чувства солидарности в отношении социалистов метрополии решили бойкотировать встречу, Уфуэ-Буаьи и его сторонники проявили себя как наиболее значительная сила африканского национализма во французских владениях и создали на межтерриториальной основе новую группу, названную Африканское демократическое объединение (*Rassemblement Democratique Africain*), которая временно вступила в союз с Французской компартией. После беспорядков, происшедших в 1949 г. на территории Берега Слоновой Кости, Уфуэ безоговорочно избрал умеренный путь, сблизившись с социалистами и сделав ставку на союз с метрополией с целью укрепления своей власти и стимулирования экономического развития страны. Сенгор, напротив, после конгресса в Бамако отошел от социалистов и вошел в новую группу «Независимых заморских территорий» (*Independents d'Outremer*), которая в 1953 г. предложила создать Африканскую федеративную республику в рамках Французского союза. Против проекта выступил Уфуэ, опиравшийся на поддержку метрополии на сей раз не против внутренних противников, а против потенциального преобладания сенегальцев в проектируемом союзе и возможного экономического ущерба для Берега Слоновой Кости.

В июне 1956 г. правительство социалиста Ги Молле, стремясь к развитию отношений с африканскими колониями, добилось принятия закона-рамки (*loi-cadre*), ставшего необходимым, в том числе, и в результате изменений, вызванных в конституционном устройстве Французского союза развитием событий в Северной Африке. Закон вводил всеобщее избирательное право и единые избирательные округа для всех выборов на территориях колоний. Каждая территориальная ассамблея получала расширение своих полномочий, становившихся определяющими, и состоявших в возможности выбирать Совет министров, ответственный, в первую очередь, перед самой ассамблеей. Связь с Францией определялась тем обстоятельством, что председатель Совета министров всегда являлся французским губернатором, и только вице-председатель был африканцем. Это был решительный, но еще не окончательный шаг в направлении «африканизации» полномочий правительства и автономии отдельных территорий. Закон, прошедший благодаря министру-социалисту Гастону Дефферу, хотя

и исходил из принципа единой и неделимой республики, был обусловлен также необходимостью уравнивать различные территории в соответствии с достигнутым уровнем институционального развития, а также для того, чтобы ответить на давление ООН в отношении территорий, переданных Франции в качестве подопечных, например, Того. Такой принцип соответствовал французскому подходу, противоположному практике британской колониальной администрации, концентрировавшейся преимущественно на специфике каждого отдельного случая.

Закон-рамку обвиняли в том, что он стимулировал преждевременный уход из колоний или в том, что он, по мнению критиков, представлял собой коварную попытку разделения Африки на маленькие государства, не способные достичь подлинной независимости. Возможно, Деффер не прислушался к тем, кто задумывал закон именно как средство усиления связей территорий с метрополией, но следует также отметить, что французская администрация, в отличие от британской в Нигерии или в Судане, не сделала ничего для сдерживания центробежных тенденций в разных странах. Впрочем, сами африканцы не имели единого мнения относительно альтернативы между автономией в сложившихся колониальных границах и автономией в рамках французской региональной федерации. Для последующего развития событий определяющим было то, что Уфуэ, главный противник федерализма (решения, против которого не случайно выступали такие богатые страны, как Берег Слоновой Кости и Габон), после триумфальной победы на выборах в собственной стране в 1956 г. стал наиболее авторитетным советником французской администрации по вопросам африканской политики, в особенности после возвращения к власти де Голля.

Учитывая, что сторонники федерации одновременно в целом поддерживали идеи panaфриканизма, возможно, Париж стремился предотвратить формирование блоков на континенте с тем, чтобы было легче его контролировать. Как бы то ни было, закон-рамка отставлял открытой возможность создания федерации и, решительно порывая с французской традицией, создал мощный стимул, прежде всего на территориях Западной Африки, для лихорадочной политической деятельности, в отношении административных новаций, вводимых законом.

После возвращения к власти де Голля в 1958 г., Уфуэ, с одобрения председателя Совета министров Дебре, принял участие в подготовке глав новой конституции, относившихся к преобразованию Французского союза в новое Сообщество (*Communaute*). Оно было задумано генералом как наиболее соответствующее

средство для придания размаха и преемственности мировому величию Франции, позволяющее избежать ошибок, совершенных в Индокитае и в Алжире. Новая конституция, которая трансформировала различные территории в страны-члены самого Сообщества, была поставлена на референдум и принята всеми странами Французской Черной Африки, за исключением Гвинеи, которая таким образом стала в 1958 г. независимой под руководством прокоммунистического лидера Секу Туре (его лозунгом было: «Мы предпочитаем бедность в условиях свободы богатству в условиях рабства»).

Эксперимент с созданием Французского Сообщества был, однако, непродолжительным. Препятствиями к его успеху стали продолжение войны в Алжире, все более осложнявшее африканским странам объединение с Францией; прецедент Гвинеи и сама готовность де Голля к обсуждению наиболее продвинутых решений; а также продвижение британской и бельгийской деколонизации. Как вспоминает Морис Вайс, де Голль, исходящей из приоритета концепции национальной независимости, утверждал, однако: «В мире, таком, как он есть, маленьком, тесном и взаимосвязанном... реальной независимостью, полной независимостью в действительности не обладает никто».

В июне 1960 г. независимость получили Мадагаскар и Федерация Мали; два месяца спустя Сенегал отделился от Мали и подтвердил собственную независимость в качестве самостоятельного государства. За период с июля по ноябрь вся Французская Черная Африка провозгласила независимость и заключила соглашения о более или менее тесном экономическом и военном сотрудничестве с метрополией. Еще в первые месяцы того же года состоялась формальная передача власти в Камеруне и в Того, являвшихся подопечными территориями. В 1961 г. южная часть Камеруна, находившаяся под британской опекой, проголосовала за присоединение к новому государству, в то время как северная часть высказалась за вхождение в Федерацию Нигерии. Британское Того еще в конце 1956 г. проголосовало за объединение с создававшейся Ганой. В 1975 г. получили независимость Коморские острова, а в 1977 г. — Джибути.

Случай Бельгийского Конго (затем Заира, а сегодня — Конго) являлся, без сомнения, частью процесса деколонизации, оказавшего большое политико-юридическое влияние на международные отношения, ибо он в наибольшей степени способствовал формированию нового *ius gentium* (международного права), в соответствии с которым право на колонизацию объявлялось незаконным. Он также не только способствовал серьезному изменению

общественного мнения и содействовал уверенности в возможность преобразования структуры международной экономики, но и сразу же привел к изменениям в международных отношениях.

Бельгийская колониальная политика явно не способствовала проявлению местных политических сил и носила в значительной степени патерналистский характер. Эта линия поведения начала меняться только в 1954 г., с приходом в министерство колоний Огюста Бюисре, который, хотя и был приверженцем осторожного подхода, забрал контроль над образованием у религиозных миссий и начал поощрять политическую деятельность африканцев. Два года спустя он опубликовал сначала в Голландии, а затем в Бельгии исследование, в котором высказывалось пожелание освобождения бельгийских колоний и намечались его этапы на тридцать лет. С другой стороны, именно в июле того же 1956 г. в Леопольдвиле (сегодня — Киншаса) появился первый националистический манифест, подготовленный двумя местными общественными деятелями при участии двух профессоров университета Лувена. С тех пор процесс деколонизации в Конго развивался чрезвычайно быстро по сравнению с другими африканскими владениями. Это было ускорение, превратившееся затем в стремительное падение, чреватое непредсказуемыми последствиями. В период, последовавший сразу же за этими первыми проявлениями национализма, несмотря на ситуацию растущего социального неблагополучия, в стране почти всегда сохранялась спокойная обстановка, за исключением некоторых беспорядков в 1957 г.

Однако националистическое движение радикализировалось, перейдя от примирительной позиции в отношении колониальной власти, выраженной в манифесте 1956 г., к выдвижению в течение двух лет более продвинутых требований, которые не оказали немедленного практического воздействия на политическую борьбу. Исключение составили коммунальные выборы, проведенные с разрешения бельгийцев в трех основных городах. Эти переломные годы характеризовались лихорадочной идеологической работой, подпитываемой примером событий, проходивших в то время в остальной Африке и в колониальных владениях в целом. В январе 1959 г. в Леопольдвиле вспыхнуло националистическое восстание, на которое бельгийцы ответили неадекватным образом как с точки зрения примененных репрессий, так и с точки зрения неожиданно последовавших словесных уступок. Было заявлено не только о желании проводить политику реформ, но даже о возможности независимости, еще не достаточно ясно сформулированной.

Колониальная администрация при недостаточной подготовке оказалась, таким образом, перед необходимостью противостоять одновременно национализму, ставшему внезапно настойчивым и агрессивным под руководством так называемых «продвинутых», то есть наиболее образованных слоев, и назревшему восстанию в деревнях, в особенности на юге, под руководством Ассоциации народов баконго (АБАКО), созданной в 1956 г. Жозефом Касавубу на племенной основе. Последовавшие переломные решения принимались узкой группой лиц в составе министра по делам колоний, политических деятелей и экспертов по колониальным проблемам, а также некоторых представителей колоний, действовавших от себя лично. Африканская администрация и даже некоторые отделы министерства по делам колоний в Брюсселе, а также, практически, и бельгийский парламент были отстранены от процесса выработки ответов на требования националистов.

Основные намерения брюссельской группы первоначально состояли в том, чтобы с учетом ошибок других метрополий, жестко реагировавших на антиколониальные выступления, обеспечить мягкую передачу власти по согласованию с ведущими местными политическими деятелями в течение точно не определенного, но несомненно очень длительного периода. Восстание 1959 г. подорвало иллюзии относительно плавности переходного периода в Конго и вынудило нового министра по делам колоний Мориса ван Хемельрийка пообещать независимость, не указывая пока необходимых для ее достижения сроков. Его преемник, Огюст де Шрайвер уже в октябре 1959 г. представил более детальную программу, которая предусматривала передачу власти в течение приблизительно четырех лет. Два месяца спустя в новой декларации он заявил о предоставлении независимости в следующем году. В начале 1960 г. бельгийско-конголезская конференция назначила дату на июнь того же года.

Эта поспешность может объясняться основным соображением, которым руководствовалась брюссельская группа. Она исходила из предпосылки, что независимость должна быть достигнута в полном согласии с руководством националистов, и что экстремистскими требованиями, выдвинутыми после 1959 г. партиями и движениями, готовыми отстаивать их в борьбе, нельзя пренебречь, даже если их реализация приведет к крайне нежелательным последствиям. В этой перспективе, используя выражения самого Шрайвера, оставалось только надеяться на «ставку», сделанную самими конголезцами. Репрессии привели бы к уничтожению абсолютного преобладания АБАКО в районах, жизненно важных для осуществления внутренних коммуникаций в Конго, а это сделало

бы военные операции невозможными без использования войск метрополии, то есть того типа вмешательства, с которым население Бельгии никогда бы не согласилось.

В самом деле, с первых дней 1959 г. стало очевидно, что никто в Брюсселе не намеревался допустить, чтобы Бельгия втянулась в повторение войны в Алжире, и что правительство для того, чтобы использовать войска в Конго, должно было преодолеть сопротивление мощной оппозиции, возглавляемой социалистами. Очевидно, что протагонистами конголезской борьбы за освобождение были люди вроде Патриса Лумумбы, возможно, самого авторитетного из «продвинутых», или Касавубу и других местных политиков, которые своей деятельностью перечеркнули осторожные планы бельгийцев. Но верно и то, что администрация метрополии и ее небольшая руководящая группа должны были бы в большей мере считаться с влиянием внутренних факторов, а не международных. Что касается традиционных сил, которые доминировали в Конго или осуществляли над ним контроль, то есть местная администрация, церковь и крупные горнодобывающие и торговые компании, то первая из них лишилась всякого влияния, а вторая пыталась избежать отождествления с колониальной политикой для того, чтобы не быть исключенной из игры после получения независимости, и поэтому ограничилась осторожными одобрениями в отношении освободительного движения. Крупные торговые, промышленные и финансовые компании, застигнутые врасплох событиями, также оставались пассивными в отношении действий бельгийского правительства в надежде, вероятно, что получение независимости не поставит под сомнение их позиции на территории Конго. Поэтому они стремились заручиться расположением всех партий и, в особенности, после попытки отделения богатой минеральными ресурсами (ураном, медью, железом, углем, оловом, марганцем) провинции Катанга — лидера сепаратистов М. Чомбе.

Независимость была провозглашена 30 июня 1960 г. Теоретически Конго должен был управляться министерской командой под руководством Лумумбы, а Касавубу должен был стать президентом республики. На деле через несколько дней страна оказалась в совершенно неуправляемом состоянии. Армия была раздроблена серией мятежей, которые ввергли Конго в хаос. 11 июля Чомбе, при поддержке мощной компании «Юньон миньер», провозгласил отделение Катанги. То, чего до этого момента бельгийцы старались по возможности избежать, а именно, превращения процесса деколонизации Конго в еще один глубокий международный кризис, стало неизбежным. На основе обращения премьер-министра Лумумбы Совет Безопасности ООН 18 июля принял

решение быстро вмешаться в ситуацию, направив «чрезвычайные силы», состоявшие из войск нейтральных стран, предоставленных в распоряжение конголезского правительства для того, чтобы помочь ему сохранить порядок и защитить жизни людей. С этого момента Объединенные Нации, оказывая поддержку «законному» правительству Конго, оказались вовлеченными в кризис с непредсказуемыми поворотами, постепенно втянувший их в один из самых серьезных процессов миротворчества (*peacemaking*) за историю ООН. Это имело особые последствия как для внутренней ситуации в Конго, так и для жизни ООН.

Ситуация, с которой войска ООН столкнулись в Конго, была такова, что вынудила их, после серии непрерывных согласований изменить роль, которую Совет Безопасности отводил «чрезвычайным силам». В самом деле, перед Объединенными Нациями предстала картина хаоса — внезапные проявления регионального и племенного соперничества в огромной африканской стране. Правительству Лумумбы, которому они должны были оказать помощь, пришлось столкнуться с медленными темпами вывода бельгийских войск (относительно медленными, учитывая ситуацию, однако понятна была и неотложность этой акции с учетом обстоятельств последних событий). Конголезскому правительству приходилось лавировать между сепаратистскими движениями и попытками международного вмешательства, направленного на подрыв его, впрочем, и без того весьма ограниченного авторитета. Столкнулись две позиции: централистская, которую отстаивал сам Лумумба, и федералистская, поборником которой, помимо самых настоящих сепаратистов, вроде катангца Чомбе, являлся и президент республики Касавубу.

В этой ситуации ООН была вынуждена изменить свои подходы. «Чрезвычайные силы» более не соответствовали масштабам кризиса, а задачи, поставленные перед генеральным секретарем шведом Дагом Хаммаршельдом, оказались слишком ограниченными. 22 июля Совет Безопасности высказался за уход бельгийцев и одобрил быстрое вмешательство Генерального секретаря, призвав все заинтересованные стороны поддержать его действия. Деятельность «чрезвычайных сил» была заменена «Операциями ООН в Конго» (*Operations des Nations Unies au Congo — ONUC*), которые доверили нейтральным войскам, представлявшим в своем большинстве африканские страны. Самой опасной представлялась попытка Катанги к отделению, которая в международном плане трактовалась как последняя попытка бельгийцев оказать сопротивление, защищая свои интересы в горнодобывающей сфере, в чем их поддерживали западные державы. Советский Союз

и его союзники отвергали эту позицию, желая предстать в качестве подлинных защитников единства страны, которой угрожали пережитки колониализма и слабость вмешательства ООН. Хаммаршельда критиковали за его равноудаленную и, следовательно, способствующую сепаратизму позицию.

В действительности, войска ООН должны были столкнуться с решительным протестом Чомбе против их вмешательства в Катанге, вынуждавшим Совет Безопасности занять позицию по сложному вопросу — о внутреннем устройстве Конго. Шла ли речь о компетенции Объединенных Наций? Полемика Лумумбы с ООН по этому вопросу была острой, его поддерживал весь советский блок, а также многие страны, недавно получившие независимость. В сентябре ситуация еще больше ухудшилась, вследствие решения президента Касавубу сместить Лумумбу, а также военного переворота, осуществленного начальником генерального штаба армии полковником Жозефом Мобуту, который ликвидировал все существующие государственные органы, закрыл советское и чехословацкое посольства в Леопольдвиле и взял всю власть в свои руки. В этом ему помогали своим молчаливым согласием Касавубу, санкционировавший также арест Лумумбы и выдачу бывшего премьер-министра для заключения в тюрьму правительству Катанги, по приказу которого его казнили 13 февраля 1961 г.

Под властью Мобуту Конго пережил краткий период стабильности, прерванный возобновлением борьбы против центральной власти партизан сторонников Лумумбы, с одной стороны, и сепаратистов Катанги — с другой. Именно эта ситуация вынудила Объединенные Нации постоянно корректировать масштабы и направленность своего вмешательства. 24 ноября 1961 г. Совет Безопасности осудил сепаратистскую деятельность Катанги и уполномочил Генерального секретаря использовать силу для изгнания из Конго всех иностранцев, которые являлись противниками такого решения (Конго в те месяцы был переполнен наемниками, находившимися на содержании у сепаратистских сил или отдельных группировок). Сопrotивление, оказанное Чомбе этим директивам, вынудило Генерального секретаря в декабре 1961 г. отдать приказ ONUC о проведении широкомасштабной операции против катангского режима. С этого момента территориальное единство Конго оставалось неизменным требованием в позиции Объединенных Наций, использовавших весь свой престиж, при поддержке западных держав и противодействии Советов, наблюдавших, как ООН ускользает от их преобладания, на которое они надеялись в 1960 г. Однако, это была медленная, трудная и длительная работа. Только в 1964 г. войскам ООН удалось восстановить единство

Конго, и они смогли покинуть страну. Лишь концу 70-х годов страна вернулась к нормальной жизни. Тем временем, после окончания бельгийской опеки над Руандой-Урунди в 1962 г. стали независимыми два новых государства — Руанда и Бурунди.

В самые трудные месяцы кризис привел к еще одной печальной жертве: 17 сентября 1961 г. Даг Хаммаршельд, находившийся в Конго с одним из своих периодических политических визитов, погиб в авиационной катастрофе (что, однако, не исключало подозрений в покушении) за день до встречи с Чомбе.

Конголезский кризис, имевший принципиальное значение сам по себе, сыграл также большую роль как выражение столкновения, которое деколонизация породила в Африке и в мире между двумя сверхдержавами, а также благодаря совпадению его кульминационного момента с трансформацией, происходившей в 1960 г. внутри ООН, как с точки зрения ее состава, так и вдохновлявших ее политических принципов. После приема в 1955 г. сразу 16 стран наблюдался постоянный рост числа членов Организации из числа новых независимых государств. Только в 1960 г. целых 15 освободившихся от колониальной зависимости государств вступили в Организацию, где они усилили блок афро-азиатских и нейтральных стран. Неоспоримая гегемония, которую в течение десятилетия (с 1946 по 1955 г.) осуществляли в Организации Соединенные Штаты, была ликвидирована. В Генеральной Ассамблее господствовала коалиция стран, антиколониальных по политической традиции и по идеологическому выбору. Было также очевидно стремление советского блока поддержать эту коалицию с тем, чтобы подорвать превосходство Соединенных Штатов, хотя оно и не увенчалось успехом. Если Совет Безопасности оставался зависимым от правил голосования, то есть наличия права вето у пяти крупнейших держав, то в Ассамблее преобладали новые силы, стремившиеся изменить акценты дискуссий и саму общую политическую ориентацию в интерпретации принципов международного права.

В этом плане важную роль сыграла XII сессия Генеральной Ассамблеи, состоявшаяся в сентябре — декабре 1960 г., в разгар обострения конголезского кризиса. Уже сам факт, что в работе Ассамблеи принимало участие большое число глав государств, указывает на исключительное значение, придававшееся этому событию. В кульминационный момент дискуссии на Ассамблее присутствовали даже Хрушев и Фидель Кастро, несколько месяцев тому назад ставший кубинским диктатором.

В центре дискуссии оказалось одобрение резолюции, которая впервые рассматривала законность колонизации как правовую

проблему. Рассчитывая на политический успех, Хрущев поддержал формулу «полной и немедленной ликвидации колониальной системы». Афро-азиатские страны (сложная коалиция, тесно связанная со странами, к которым прежде принадлежали ее члены) предложили более умеренную формулировку. Колонизация должна была прекратиться «без промедления» — эта формулировка создавала возможности для более гибкой интерпретации. Однако, хотя этот аспект дискуссии и был важен, поскольку он продемонстрировал как стремление Советского Союза возглавить антиколониальную коалицию, выполняющую антиамериканскую роль, так и неудачу этой попытки, но еще более важным с точки зрения принципов было утверждение резолюции афро-азиатских стран, что колониализм «противоречил Уставу ООН». Когда 12 декабря 1960 г. обе резолюции были поставлены на голосование, советская резолюция не была принята, а афро-азиатская — одобрена 89 голосами за, при отсутствии голосов против и девяти воздержавшихся. Это было, таким образом, голосование, означавшее радикальный поворот с точки зрения правовых принципов, которыми руководствовалась ООН. Здесь присутствовала определенная натяжка, поскольку феномен колониализма все-таки регламентировался XI и XII главами Устава, и в качестве такового считался допустимым. Но фактически новая почти единогласная воля Объединенных Наций санкционировала распространение на всех права на самоопределение и конец колониализма. То, что происходило потом, было лишь вялыми арьергардными боями, не имевшими шансов на успех.

*10.2.11. ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СЕВЕР–ЮГ*

Бандунгская конференция, пронизанная духом антиколониализма, отвергла раскол мира на два противостоящих лагеря, порожденный холодной войной. С 1955 г. до конца 60-х годов экономика за пределами Европы не развивалась так же динамично. Борьба за уничтожение традиционных империй приобрела приоритетное значение, поскольку она ставила вполне осуществимые цели; она была обречена на успех. Пропаганда нейтралитета не была столь впечатляющей, она предполагала неучастие в существующих блоках и поиск своего особого места в системе противостояния холодной войны, а это означало взаимодействие с реальностью, которую молодые независимые государства не могли изменить и, в лучшем случае, они надеялись вырваться из нее. Поэтому термин «нейтралитет» утратил свою актуальность и был

заменен другим, менее обязывающим термином «неприсоединение». Эта семантическая тонкость более точно передавала противоречивую реальность. Нейтрализм ограничивал число участников новой коалиции, а термин «неприсоединение» позволял даже членам противостоящих блоков более гибко интерпретировать свою позицию.

После Бандунга значительная часть работы была выполнена благодаря представителям не афро-азиатских государств, круг заинтересованных стран постоянно расширялся. Ведущую роль играли известные политические деятели Насер, Неру и маршал Тито (который после долгих лет колебаний нашел, наконец, место, где Югославия могла играть важную роль в международной жизни). В конце декабря 1957 г. — начале января 1958 г. в Каире состоялась новая конференция, в которой участвовали 44 делегации. В тоне конференции слышались отголоски Суэцкого кризиса 1956 г. Представитель Египта Садат, который председательствовал на заседаниях, весьма категорично определил цель конференции: «Нейтрализм, который мы исповедуем, означает, что мы должны быть вне международных блоков и прилагать усилия к их сближению». Первые шаги к независимости черной Африки означали, что курс выбран правильно. Премьер-министр Ганы стал рупором независимых африканских стран и в декабре 1958 г. созвал в Аккре первую конференцию этих африканских государств, а затем, еще и конференцию с участием всех народов Африки. В таких случаях активный нейтрализм превращался в инструмент антиколониализма. Как сказал Нкрума, конференция народов Африки должна была подготовить «генеральный штурм империализма и колониализма».

Следующий активный период пришелся на 1960–1961 гг. В это время прошла серия конференций солидарности с народами Азии и Африки и, что особенно важно, в декабре 1960 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций благодаря договоренности между Насером, Тито и Сукарно, который принял эстафету от стареющего Неру одобрила документ, осуждающий колониализм. И Генеральная Ассамблея, и последующая подготовительная конференция в Каире в июне 1961 г. заложили основы для конференции в Белграде (1–6 сентября 1961 г.), официально заявившей о создании движения «неприсоединившихся» стран. Но в Белграде понятие «неприсоединения» еще толковалось достаточно жестко: имелись в виду страны, которые не принимали участия в многосторонних военных союзах и которые не имели тесных военных связей с великими державами. Это объясняет, почему на конференции в Югославии не были официально пред-

ставлены ни Народный Китай, ни Япония, ни Пакистан, ни Турция. Приезд делегата Кубы расширял круг участников и на Латинскую Америку, но правила приема в «клуб» были настолько жесткими, что они сразу же были подвергнуты критике.

С 1961 г. был поставлен вопрос о правильной интерпретации концепции «неприсоединения», чтобы не превратить широкую коалицию в замкнутую группу стран, которая не имела бы достаточного влияния. Уже во время работы Белградской конференции впервые к этому вопросу подошли с других позиций: трактовка движения только как инструмента противодействия холодной войне (именно в это время наметились первые признаки разрядки напряженности между сверхдержавами) означала отказ от политической целесообразности, присущей более гибкому подходу. При таком подходе определение могло быть истолковано как отход от линии на широкую и прямую поддержку многосторонних союзов, даже если бы участники движения «неприсоединения» и входили в них. Таким образом, движение «неприсоединения» могло расширяться, а его влияние в международной жизни возрастать, прежде всего в таких крупных международных организациях как ООН. И еще одна возможность — образование организации, занимающейся определенными проблемами — вообще не принималась во внимание.

Белградская конференция не устранила основные противоречия и не разработала систему регулярных консультаций, что содействовало бы укреплению политического курса коалиции. В сложившихся условиях победило более широкое толкование концепции движения: страны, не участвующие непосредственно и активно в многосторонних соглашениях, объявлялись «неприсоединившимися» и могли участвовать в конференциях движения «неприсоединения», созывавшихся с различной периодичностью в последующие годы. Таким образом, движению удалось завоевать ведущие позиции в Организации Объединенных Наций, т.е. коалиция смогла устранить господство американцев в ООН и противостоять попыткам Советского Союза установить свою гегемонию. В 60-е годы она оказалась в руках небольшой, но самой сильной группы участников движения «неприсоединения» — арабских стран, которые оказывали решающее влияние на принятие резолюций Генеральной Ассамблеи. В то же самое время широкое толкование концепции участия в движении «неприсоединения» выявило непрочный и противоречивый политический характер этого движения.

Когда ограничительный характер нейтрализма был преодолен, а противоречия между афро-азиатскими странами даже стали перерастать в войну (китайско-индийский конфликт в 1962 г.), сложилась

новая ситуация. У стран «третьего мира» (не все страны, участвовавшие в движении «неприсоединения», а только те, перед которыми стояла проблема экономического развития) действительно имелись общие интересы, что придавало им вес в международной жизни, но в политическом плане их разделяли столь глубокие противоречия, что термин «неприсоединение» утрачивал свое содержание. Во время официальных заседаний, например, на Генеральной Ассамблее ООН, когда обсуждались общие принципы мирового правопорядка, или на конференциях самого движения, термин, несмотря на обилие риторики, вновь обретал прежнюю притягательность.

В действительности, международные отношения стали настолько сложными, что большая часть неприсоединившихся стран, которым надлежало бороться за нейтралитет, были тесно связаны в экономическом или военно-политическом плане с одним из блоков, в которых руководящую роль играли сверхдержавы. Начавшийся процесс разрядки, казалось, давал основания для развития движения «неприсоединения», в действительности же он лишал его самой сути, так как за распутывание узлов холодной войны взялись ее главные участники. В политическом плане исторический итог движения «неприсоединения» оказался не столь значительным, скорее создается впечатление неиспользованных возможностей. В конце 70-х годов движение «неприсоединения» насчитывало более 80 активных членов, а в широком плане более 100, если к активным членам добавить «наблюдателей» или «приглашенных» участвовать в отдельных конференциях. В общих чертах, движение обладало количественной силой, чтобы пользоваться влиянием в мире, но практически могло сделать очень немного.

Перед странами, получившими политическую независимость, встал вопрос об экономическом развитии, о проведении индустриализации, о росте производительности и сельскохозяйственного производства, об улучшении торговых отношений с развитыми индустриальными странами, в особенности в связи с экспортом сырья, главным источнике богатства развивающихся стран. Результаты были разочаровывающими, если принять во внимание демографический рост, в результате которого общее увеличение валового национального продукта (ВНП) оборачивалось снижением дохода на душу населения. С 1950 г. по 1967 г. доход на душу населения в развивающихся странах, взятых вместе, рос в среднем за год на 2,8% (при очень резких различиях между странами); за те же годы экспорт 22 развивающихся стран, взятых для репрезентативной выборки, увеличивался ежегодно на 4%, а экс-

порт пяти наиболее развитых стран мира (Соединенных Штатов, Великобритании, Федеративной Республики Германии, Франции и Италии) за тот же период рос в среднем на 9% в год. Нефтяной кризис, вызванный арабо-израильской войной 1973 г., изменил это соотношение только частично и только временно, потому что страны-производители нефти превратились в особую категорию развивающихся стран.

Причины такого положения следует искать в характере экспорта из развивающихся стран: в ценах на сырье, которые устанавливались в большей степени рынком, чем производителями, в различиях между спросом на товары широкого потребления, импортируемые в развитые страны, и спросом на товары длительного пользования, импортируемые в развивающиеся страны. В середине 70-х годов цены на сырье (за исключением нефти) продолжали падать, а на промышленные товары расти. Соотношение между доходами от экспорта и расходами на импорт становилось все менее благоприятным для развивающихся стран.

Другой аспект проблемы связан с непрофессиональным руководством экономикой в странах, недавно получивших независимость. Непомерных расходов требовали формировавшаяся бюрократия и раздутые вооруженные силы; стремление производить товары с наименьшими затратами, но невысокого качества, а потому не имевших спроса ни на внутреннем, ни на международном рынке; политика протекционизма и автаркии вела к росту расходов — всё это были элементы одной составляющей, которая усугубляла дальнейшую отсталость.

Немаловажную роль играла и проблема капиталов. Для осуществления инвестиций в экономику страны необходимо накопление капитала, которое в колониальный период происходило исключительно в интересах метрополии, а новые государства вынуждены были начать накопление с низкого уровня или обращаться за помощью к мировому финансовому рынку, где царят железные правила и жесткий контроль. Финансы могли поступать и в виде международной помощи, но политика кооперации делала в это время лишь робкие шаги, и ее масштабы не соответствовали экономическим потребностям более сотни стран. Ничего не оставалось, как терпеливо идти по пути, уже пройденному странами, которые начали свое восхождение к модернизации в XVIII веке, или надеяться, что по политическим мотивам в страны третьего мира будут направлены значительные ресурсы, или ждать, когда международный капитал сочтет выгодным для себя осуществлять инвестиции в развивающиеся страны.

Однако это предполагало радикальное изменение исходных экономических условий в отдельных странах, и, прежде всего, преодоление идеологических предубеждений некоторых деятелей, которые видели в международном капитале, а чаще в транснациональных корпорациях истинных противников развития, виновников эксплуатации и отсталости, производства, основанного на низкой стоимости рабочей силы и небольших капиталовложениях: короче, видели в них олицетворение «неоколониализма». Но ни одно молодое государство не могло ни согласиться с необходимостью сохранения этих уз, ни отказаться от собственных национальных целей, чтобы дать увлечь себя сладкими речами о развитии, предполагавшем интеграцию в систему международного капитализма. Прежде чем это произошло, необходимо было пройти через ряд неудач и дожидаться важных перемен в международной ситуации.

Эти обстоятельства объясняют трудности установления экономически и политически корректных отношений между промышленно развитыми странами и развивающимися странами. Отношения осложнялись и застарелым недоверием к западным странам, болезненными воспоминаниями о колониальном периоде, неготовностью развитых стран решать экономические проблемы, рассчитанные на длительную перспективу и требовавшие разработки многосторонних проектов. Считалось, что эти проблемы чужды основным потребностям западной экономики, либо далеки от нее. Промышленно развитые страны были уверены, что обладают достаточной экономической и политической властью и могут диктовать условия международной торговли. Поэтому до 1973 г. (хотя примеры имелись и в недавнем прошлом) они проводили протекционистскую политику, особенно в отношении сельскохозяйственной продукции развивающихся стран, их основного экспорта, благодаря которому они могли бы занять свою нишу на международном рынке товаров, поскольку отсутствовал рынок для их промышленной продукции; производство ее тогда только начиналось.

Страны «третьего мира» сочли Организацию Объединенных Наций наиболее подходящим местом, где можно было выступить с предложением реформы мирового рынка, хотя проблема была изложена в общем виде и в выражениях, характерных для недавней борьбы за независимость. Уже в декабре 1960 г. Генеральная Ассамблея заявила, что предстоящее десятилетие должно стать «десятилетием развития», что является условием мира и стабильности в мире. В 1962 г. в резолюции ООН была выдвинута формула «Trade not aid» — «Торговля, а не помощь», что означало

смену гуманитарного подхода методами, больше соответствующими характеру экономических проблем.

Организация Объединенных Наций в 1964 г. (23 марта — 15 июня) в Женеве провела конференцию по проблемам торговли и развития (United Nations Conference on Trade and Development), хорошо известную как ЮНКТАД, во время которой впервые были рассмотрены важнейшие экономические и политические аспекты проблемы развития. На конференции обсуждались предложения реформы международной экономической системы, согласно которым было необходимо, чтобы развивающиеся страны открыли свои двери для экспорта и интегрировались в экономику, находящуюся на подъеме. Но еще больше было необходимо, чтобы индустриально развитые государства гарантировали благоприятные цены на сырье и сельскохозяйственную продукцию, экспортировавшиеся из развивающихся стран; выплачивали субсидии странам, не готовым к торговому обмену; пошли на снижение пошлин на тропические и субтропические продукты; провели реорганизацию ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), которая содействовала бы торговле с развивающимися странами.

Соперничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами заставило страны «третьего мира» лучше понять различные аспекты международной ситуации. Страны советского блока, также недавно освободившиеся от колониальной зависимости, не участвовали в диалоге, начатом ЮНКТАД. В рамках конференции, собравшей представителей 123 государств, сложилась так называемая «группа 77», в рамках которой участники движения «неприсоединения» стремились достичь единства позиций в области экономики, не сумев добиться его в политической сфере. Вес развивающихся стран в Организации Объединенных Наций был настолько значительным, что позволил осуществить институционализацию отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами. ЮНКТАД была преобразована в постоянный консультативный орган, который разрабатывал рамочные условия для проведения переговоров.

Тогда начался жесткий диалог, долгий и трудный. Агрессивность политики «группы 77» (в частности, на заседании в Алжире в 1967 г.) привела к обратным результатам. Индустриально развитые страны не были заинтересованы в том, чтобы пойти на уступки, которые могли оказаться напрасными или же пошли бы на пользу политическим противникам. Действительно важного успеха удалось добиться только однажды, во время второй конференции ЮНКТАД, состоявшейся в 1968 г. в Дели, когда развитые страны обязались ежегодно отчислять 1% своего ВВП развиваю-

щимся странам в качестве помощи их экономическому развитию. Следует учесть, что страны советского блока были в состоянии перечислить менее одной пятой от общей суммы, которую предусматривал такой ничтожно малый процент.

Рост цен на нефть, совершивший скачок во время первого нефтяного шока в 1973 г., привел к изменению общей ситуации. В следующем году развитые государства приняли предложение, выдвинутое благодаря преобладанию в «группе 77» стран с умеренным подходом, согласно которому необходимо было начать обсуждение основ нового международного экономического порядка. Этот вопрос был в центре внимания Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1974 г., когда обсуждалась «Хартия экономических прав и обязанностей государств». С тех пор был возобновлен, хотя и со значительными трудностями, более конструктивный диалог.

С 1964 г. Европейское экономическое сообщество начало проводить политику содействия развитию. 18 бывших французских колоний заключили конвенцию в Яунде (Камерун), благодаря которой был создан фонд развития, но, прежде всего, конвенция отражала намерение стран ЕЭС с большей ответственностью решать проблемы развивающихся стран. Впервые конвенция Яунде была изменена в 1974 г., после вступления Великобритании в ЕЭС, и в 1975 г. заменена Ломейской конвенцией. С ее подписанием политика Сообщества охватывала уже 46 стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (отсюда аббревиатура АКТ). С тех пор отношения между ЕЭС и странами АКТ регулировались посредством внесения поправок в Ломейскую конвенцию, что способствовало стабилизации торговли и более рациональной организации помощи, эти меры оказали значительное воздействие на всю систему международных отношений.

Со временем характер отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами менялся. Развивающиеся страны решали основную проблему их экономической жизни с разными результатами. Считать их однородной группой, требовавшей одинакового подхода, становилось невозможным. Даже страны «третьего мира» больше не представляли собой однородную общность. Часть развивающихся стран благодаря росту цен на нефть, позволившему осуществлять инвестиции, вырвалась из пут отсталости и даже должна была решать проблему избытка финансовой ликвидности. Ряд стран, в особенности в Азии, благодаря тесным связям с транснациональными концернами и низкой стоимости рабочей силы, вошли в группу новых индустриально развитых стран — Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и, частично, Индонезия.

Страны Латинской Америки, преодолев трудный период политической нестабильности и колебаний в выборе экономического курса, решив, по крайней мере на том этапе, проблему международного долга, возобновили свое развитие, не опасаясь вновь оказаться в состоянии отсталости. Индия и Китай нашли в себе силы развиваться самостоятельно, а в случае с Китаем даже очень интенсивно.

Большая группа стран, преимущественно на Африканском континенте, по разным причинам осталась на исходном уровне развития. Для них родилось определение «четвертый мир», которое включало ряд стран, где неспособность правительств руководить страной, суровая политическая жизнь и нестабильность, перераставшая порой в гражданскую войну, довели их до нищеты. Сюда же следует причислить государства, где темпы демографического роста превышали темпы экономического развития. В связи с этим возникла новая проблема, во главу угла ставились не отношения между промышленно развитыми странами и «третьим миром», а соотношение между Севером и Югом: Север — почти всегда богатый, и даже купающийся в роскоши, и Юг — испытывающий трудности экономического развития и не имеющий возможности совершить в нем рывок.

В 1978 г. неофициальная группа политических деятелей мирового масштаба, которую назвали «Независимой комиссией по проблемам международного развития» под руководством Вилли Брандта, бывшего канцлера Федеративной Республики Германии, приступила к изучению проблемы. Результаты исследования были опубликованы в начале 1980 г. в работе, получившей известность как «Доклад Брандта. Север-Юг. Проблема выживания»; в последующие двадцать лет географическая характеристика несколько изменилась в связи с изменением ситуации в отдельных странах, но общая концепция развития указывала, что это важнейшая международная проблема будущего.

В 80-е годы перипетии международной жизни и болезненные перемены в системе международных отношений превратили эту проблему из ведущей в маргинальную, затрагивающую интересы лишь небольшого числа стран. В 90-е годы, когда структура мировой системы была поколеблена в самой своей основе и миру предстали новые зоны отсталости, проблему отношений между Севером и Югом, между развитыми и развивающимися странами, вновь стали считать основополагающей для любого нового миропорядка, в особенности потому, что бедные страны были не в состоянии выбраться из долговой зависимости от международных кредиторов.

Глава 11

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ 1956 г.

11.1. Выработка норм сосуществования-соперничества

11.1.1. НЕКОТОРЫЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Автор этих страниц полагает, что задача историка — реконструировать в соответствии с доступным материалом источников перипетии прошлого, выявляя моменты, когда ход событий приобретает более или менее быстрые темпы, и выделяя периоды, во время которых разные исторические процессы сплетаются в проблемные узлы. Вокруг них и следует строить изложение проблематики, позволяющее понять совокупность тенденций как систему, показать взаимосвязь различных действующих сил, решений, вырабатываемых в связи с возникающими проблемами и результатов, достигаемых экторами политического процесса.

Если 1946–1949 гг. были отмечены созданием двух блоков, которые, группируясь вокруг Соединенных Штатов и Советского Союза, пережили самые напряженные периоды холодной войны, то в 1957–1963 гг. (при некоторой условности хронологических границ) произошел переход от этапа острых конфликтов к этапу взаимного признания завоеванных позиций. Стороны попытались установить правила, позволившие перейти если не к совместным действиям, то к признанию границ, внутри которых каждая из сверхдержав признавала за другой приоритет в отношении позиций третьих стран или во внутренних конфликтах в соответствующих блоках. Конечно, еще нельзя говорить о «разрядке» в том смысле, который термин приобрел несколько лет спустя, но сегодня можно сказать, что именно в то время, которое было названо «равновесием страха», лидеры сверхдержав осознали серьезную необходимость определить границы собственных интересов и одновременно оценить намерения противника.

Надлежало предугадать соответствующую линию поведения, уважая ценности противника, другими словами, определить элементы параллельного приближения к выработке норм сосуществования в биполярной системе соперничества.

Кажущаяся простота биполярной конструкции позволяет упрощать анализ сложных ситуаций. Однако этого не достаточно, так как упрощение не всегда охватывает многообразие элементов, сливающихся воедино в процессе перехода. В самом деле, процесс перехода относится как к тематике непосредственных взаимоотношений между сверхдержавами, так и к тематике, связанной с отношениями между сверхдержавами и их сателлитами. Его анализ позволяет обозначить пределы, в которых малые державы могли пользоваться «влиянием» внутри своего блока или даже оказывать воздействие на политику ведущей державы, а также выявить те «высшие интересы», которым должны были подчиниться второстепенные национальные интересы.

Раздел Европы или азиатских регионов на сферы влияния более не являлся предметом конфликта сверхдержав. Этот процесс завершился в 1956 г., и тот факт, что Запад не вмешался в венгерский кризис 1956 г., а Советский Союз — в Суэцкий кризис, говорит о последовательности, с которой противники придерживались неписаных правил. После 1956 г. изменился характер противостояния или, лучше сказать, соперничества: это касалось молодых независимых стран и глобализации биполярности; относилось к дискуссиям о космическом и ракетном вооружении — возможности непосредственно поразить противника собственным оружием; затрагивало проблему ядерного соперничества и соответственно способности вызывать у противника реальный, но неопределенный страх (по крайней мере, до 1963 г.) и создавать впечатление, что атомная бойня может разразиться неожиданно, причинив неисчислимые бедствия.

Руководители обеих сверхдержав стремились к завоеванию ядерного превосходства, но в то же время они знали, что оно будет иметь главным образом символическое значение, поскольку невозможно даже приблизительно оценить соотношение издержек и преимуществ, связанных с ядерным конфликтом, учесть разрушения, к которым он приведет. Ставка в игре была и оставалась весьма ощутимой. Однако этот аспект проблемного узла не исчерпывает всей его сложности. Действительно, каждой из сверхдержав приходилось сталкиваться с трудностями внутри собственной системы, при этом они старались не допускать (не всегда успешно) ситуаций, в которых была бы поставлена под сомнение их способность действовать в глобальном масштабе.

Положение Соединенных Штатов было сложным, но не драматичным. После создания в 1955-1957 гг. Европейского экономического сообщества США предстояло пересмотреть свои отношения с Западной Европой. Они должны были заняться решением

проблем, порожденных Суэцким кризисом, и выработать новую концепцию отношений с колониальными странами. Британская политика деколонизации являла собой пример менее болезненного развития этих отношений, а война в Алжире показала всю сложность и важность решения колониальных вопросов.

С приходом де Голля к власти во Франции произошло временное осложнение колониальных проблем и возникла напряженная ситуация в Североатлантическом союзе. А перед Соединенными Штатами встали еще более серьезные проблемы, связанные с глобальными проектами французского президента и его намерением создать автономные ядерные силы, возможно, в сотрудничестве с Италией и Федеративной Республикой Германии. Германский вопрос, таким образом, занял центральное место в европейской политике Соединенных Штатов, поскольку канцлер Аденауэр, хотя и придерживался атлантических обязательств, но был весьма критичен в отношении американской гегемонии в Европе и нацелен на тесное сотрудничество с голлистской Францией. США беспокоила складывавшаяся перспектива, которую следовало учитывать при формировании глобальной мировой политики. Предположения о франко-германском ядерном соглашении не могли расцениваться просто как внутренние расхождения в Западном блоке, этот фактор неизбежно отражался на разработке стратегии отношений с Советским Союзом.

Советскому Союзу, со своей стороны, необходимо было свести воедино гораздо более разнообразные интересы. Во-первых, его руководителям приходилось иметь дело с долговременными последствиями десталинизации и, кроме того, с давлением Ульбрихта, лидера Германской Демократической Республики, требовавшего гораздо более жесткого ответа на ядерные проекты Аденауэра и на проблему межгерманских отношений, которая приобрела драматическое звучание из-за постоянного потока нелегальной эмиграции из Восточной Германии в Западную. Однако наибольшие трудности для Советов принесла с собой ситуация в Азии, где ухудшение отношений с Китайской Народной Республикой, проявившееся уже в 1957-1958 гг., привело к уменьшению советского влияния, что вскоре открыло большие возможности для проникновения туда американцев, нейтрализовавших значение событий, происшедших в начале 60-х годов во Вьетнаме. Наконец, в Центральной Америке приход к власти на Кубе Фиделя Кастро, с одной стороны, предоставлял Советам новые возможности давления на Соединенные Штаты, с другой, подвергал их проверке с точки зрения пределов подобного давления. В этом смысле определяющим был промежуток времени начиная с 1957 г. —

шумного начала космической гонки, 1958 г. — второго Берлинского кризиса, в 1959-1960 гг. — первых попыток прямого диалога русских и американцев, 1960 г. — решающего для процесса деколонизации, 1961 г. — года возведения Берлинской стены, 1962 г. — года Кубинского кризиса и вплоть 1963 г., когда завершилась непрерывная цепь ядерных испытаний в атмосфере. Весь этот промежуток времени, с только что обозначенными темами и многими другими, с ними связанными, может действительно рассматриваться как период, когда две сверхдержавы, осмысливая ситуации внутри соответствующих сфер влияния, фактически или путем специальных переговоров взяли на себя обязательства определить правила сосуществования в биполярной системе, в которой господствовало соперничество, но которая стремилась освободиться от комплекса неизбежности ядерного уничтожения.

11.1.2. СОДЕРЖАНИЕ «СОСУЩЕСТВОВАНИЯ-СОПЕРНИЧЕСТВА»

При всем разнообразии исторически сложившихся ситуаций именно процесс деколонизации значительно изменил сущность международных отношений, в которых раньше доминировал биполярный конфликт. Сверхдержавы и все другие субъекты международной системы должны были по-новому взглянуть на мировой порядок, число участников которого выросло более чем вдвое, а после 1960 г. — более чем втрое.

Сами по себе изменения, даже очень существенные, не имели бы такого влияния на международные отношения, если бы все (или почти все) страны, получившие в недавнем прошлом независимость, не отличала одна общая черта — экономическая отсталость. Перед ними встала одна общая задача — совместить независимость с началом экономического роста. С освобождением народов от империалистического рабства новые политические силы, которые взяли на себя (или получили на свободных выборах) управление той или иной страной, должны были показать, что они в состоянии, победив колониализм, положить конец политической зависимости и экономической эксплуатации, а также начать новую эпоху экономического роста и благосостояния.

Деколонизация, таким образом, изменила ситуацию во многих отношениях. Мы не можем здесь рассматривать все аспекты изменений, однако они неизбежно проецировались на международную атмосферу. В самом деле, появление новой сферы международных отношений вынуждало сверхдержавы менять форму их конфликта и расширять его масштабы. Что касается формы, то

после стабилизации ситуации в Европе проблема представляла уже в ином виде. Если аспекты, связанные с космическим и ядерным соперничеством, не касавшиеся недавно освободившихся стран, теперь отошли на задний план, то, напротив, стала актуальной тема так называемого «существования-соперничества» — какая страна, используя помощь одной из сверхдержав, сможет эффективнее решать проблемы собственного развития: та, что осваивала формы политико-экономической организации, характерные для рыночной экономики, либо, наоборот, та, что следовала экономическим методам «реального социализма».

Биполярный конфликт превращался в соперничество, когда ставился вопрос о необходимости выбора между моделями развития, с совершенно явным намерением способствовать тому, чтобы выбор имел прямые последствия с точки зрения международного влияния. Поэтому конфликт переместился из Европы, он проник в Средиземноморье, распространился на весь мир (включая Латинскую Америку), охватил все аспекты жизни народов. Одновременно отмечалась тенденция к росту взаимосвязей всех стран, недавно добившихся независимости, несмотря на тенденцию к «неприсоединению», которая рассматривалась как альтернатива зависимости, как надежда на свободное развитие.

Проблемы деколонизации не создавали для Соединенных Штатов особых трудностей. Они сами родились в результате первой антиколониальной войны нового времени и всегда боролись с европейским империализмом. Принцип самоуправления был провозглашен Вильсоном как одно из кардинальных условий новой американской внешней политики и подтвержден Рузвельтом во время второй мировой войны. Как вспоминает Эйзенхауэр в своих мемуарах, Соединенные Штаты сражались в двух мировых войнах, не требуя для себя никаких территориальных приращений. «Соединенные Штаты, — пишет он, — не вынашивая никаких планов захвата чужих земель и богатств, были традиционно последовательны в своей антиколониальной политике».

Эти принципы потускнели по мере установления финансово-экономического господства Соединенных Штатов в Латинской Америке и по мере упрочнения изменений глобалистской политики Рузвельта во время второй мировой войны. «Большой план» Рузвельта часто интерпретировался как способ замены откровенного колониализма менее заметным, но более ощутимым влиянием. Кроме того, Соединенные Штаты подвергались упрекам за двойственность позиции, которую они проявили в борьбе за колонии с участием их союзников — Великобритании и Франции. Выдержка из заявления Даллеса, сделанного на заседании Совета

Национальной Безопасности 1 ноября 1956 г., помогает правильно подойти к этой теме: *«На протяжении многих лет, Соединенные Штаты балансировали между обязательством, с одной стороны, сохранять свои давние и крепкие связи со своими английскими и французскими союзниками, а с другой, — попыткой заручиться дружбой и согласием недавно освободившихся стран [...]. Больше мы не можем балансировать на этой тонкой грани. Если нам не удастся сейчас утвердить наше лидерство в отношении этих стран, то они повернутся в сторону Советского Союза».*

Действительно, Советский Союз, хотя и оставался в 1960 г. во главе одной из немногих существовавших в мире империалистических систем, мог гордиться антиколониальными заслугами, которые восходили еще к основоположникам коммунизма и сохранились до эпохи деколонизации.

Н. Хрущев в 1956 г. на XX съезде КПСС также обратил внимание на потенциальные возможности новой ситуации: *«В отличие от довоенного периода, подавляющая часть стран Азии выступает теперь на мировой арене в качестве суверенных государств или государств, упорно отстаивающих свое право на самостоятельную внешнюю политику. Международные отношения вышли за рамки отношений государств, населенных по преимуществу народами белой расы, и начинают приобретать характер подлинно всемирных отношений».*

В действительности антиколониальная революция открыла рынки, поставила проблемы ликвидных средств и стоимости сырья, создала новые сферы господства тех или иных государств, выдвинула проблемы экономического развития перед двумя сверхдержавами, но ни в одной из них не было руководителей, способных быстро реагировать на новые чрезвычайные ситуации.

Вопреки категоричным постулатам марксистско-ленинской пропаганды и теоретической традиции, а также несмотря на четкое понимание Хрущевым решающего значения нового конфликта разрыв, существовавший с точки зрения экономических и финансовых ресурсов, гибкости методов вмешательства и уже достигнутых силовых позиций, был, однако, таков, что исход соперничества, несмотря на иллюзии первого этапа, был предreshен. Советы базировались на идеологической системе, только внешне способной автоматически трансформироваться в идеологию освобождения. Несмотря на большие траты на открытие в Москве учебных заведений для подготовки элиты недавно освободившихся стран советские позиции оставались по ряду причин слабыми.

С геополитической точки зрения Советы пользовались достаточно ограниченным влиянием. В Восточной Азии их влияние

было сильным в Корее и во Вьетнаме, но было подорвано латентным конфликтом с Китайской Народной Республикой. В островных государствах Юго-Восточной Азии они занимали маргинальные позиции (несмотря на присутствие просоветски настроенных партизан) в связи с тем, что Филиппины были тесно связаны с Соединенными Штатами, а в Индонезии Сукарно пользовался доверием разных политических сил, среди которых была и прокитайская коммунистическая партия, то есть опирался на откровенно нейтралистскую коалицию, которую поддерживали Советы.

Впрочем, в сентябре 1965 г. попытка прокоммунистического государственного переворота, предпринятая несколькими высшими армейскими офицерами, послужила поводом для развязывания кровавых репрессий (с сотнями жертв, действительное число которых варьируется в зависимости от источников). В результате к руководству Индонезией пришел генерал Сухарто, положивший конец советскому влиянию. Бирма, которую ее основатели, такие как У Ну, хотели сделать нейтральной, колебалась между китайским влиянием и независимой позицией. С 1962 г. генерал Не Вин, хотя и заверявший китайцев в желании сохранить добрососедские отношения с пекинским правительством, вооруженным путем захватил власть, которую с тех пор он монопольно удерживал, установив тиранию, настроенную отнюдь не благожелательно к внешним влияниям и полностью закрытую для них.

В остальной части Азии Советский Союз мог рассчитывать на дружеские отношения с Индией, но проблемы и масштабы Индийского государства были настолько огромными, что мешали СССР заключить с индийцами договор, который навязывал бы неравноправные отношения стране, недавно получившей независимость. Советский Союз рассчитывал предложить Индии новую модель отношений и установить дипломатическое и техническое сотрудничество, возможно, подразумевавшее и антикитайскую направленность. Подобная линия лишь в немногих случаях сочеталась с отдельными попытками проникновения в некоторые органы государственной администрации.

Что касается исламских стран, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, то, за исключением Афганистана, у которого со второй половины XIX века были тесные отношения еще с царской империей, Советский Союз испытывал большие трудности и сталкивался со значительными препятствиями: от религиозных и культурных различий до политического недоверия. Наличие в СССР республик с исламским населением, относительно свободным в исполнении религиозного культа, одновременно способствовало и препятствовало распространению советского влияния в оставшейся части региона.

Надежды СССР заменить англо-французское влияние на Ближнем и Среднем Востоке советским быстро рассеялись из-за американского вмешательства и установления в Турции режима, тесно связанного с Западом и вступившего в Атлантический союз. Неудачи Советского Союза объяснялись тем, что Иран выражал недовольство советским давлением, а страны-производители нефти проявляли недоверие в отношении экономического конкурента, вдохновлявшегося концепциями политических преобразований. В действительности только страны, непосредственно затронутые арабо-израильским конфликтом, испытывали заинтересованность в отношении советского вмешательства. Советский Союз проводил традиционную политику помощи и сотрудничества в отношении Египта, Сирии и Ирака, и если бы не грубые ошибки, то подобная политика принесла бы более существенные результаты. Открывались некоторые возможности для советского проникновения в Латинскую Америку: в Чили, где демократические силы развивались и укреплялись до сентября 1973 года, но, прежде всего, на Кубу, которая после победы революции Кастро, стала настоящим, но очень ограниченным опорным пунктом советского влияния на страны Западного полушария.

Эти геополитические границы, хотя и менялись, были достаточно определенными и сдерживались противодействующим американским влиянием. Но в Африке они отсутствовали полностью. На Африканском континенте в наибольшей степени могло проявиться соперничество Советов с Западом, прежде всего в Северной Африке, в особенности в Алжире, благодаря связям с Египтом и продолжению освободительной борьбы. Это относилось и к другим африканским странам, где новые руководители с доверием относились к Советскому Союзу, который никак не участвовал в колонизации и, более того, воспринимался как образец борьбы с колониализмом. Поэтому Африка стала ареной, где, в сущности, и развернулось соперничество, а точнее говоря, борьба за вовлечение молодых независимых стран в различные направления развития. С этой целью Советский Союз стремился убедить их, что его модель и предлагаемые им средства являются единственно пригодными для нужд африканских стран, даже в большей степени, чем американские рецепты или непродуманные предложения и экономически скудные возможности Народного Китая.

В действительности для СССР возможности соперничества были ограничены недостатками самой советской системы. Во-первых, число стран, к которым она была применима, оказалось невелико, и возникла необходимость приспособлять формы содействия к меняющимся потребностям, что противоречило единообразию

планирования, характерному для советской системы. Во-вторых, трудно было поколебать представление о советской модели как о модели однопартийного государства, что воспринималось положительно в странах, где только одна политическая сила хотела укрепить свои позиции с помощью более или менее социалистической идеологии, адаптированной к местным условиям, и негативно расценивалось там, где существовали традиции политического плюрализма, которые диссонировали с советской моделью.

Как отмечает Алвин З. Рубинштейн, «самым уязвимым моментом советского вмешательства в дела третьего мира была [именно] советская модель развития». В 50-е и в начале 60-х гг. многие представители первого постколониального поколения стремились избавиться не только от тисков политико-дипломатических союзов, но также и от груза слаборазвитости, ведя с ним борьбу с помощью программ ускоренной индустриализации, позаимствованных из советского опыта. *«Сталеплавильный завод, — пишет далее Рубинштейн, — являлся символом модернизации. Надежды на прогресс, социальную справедливость и выход из бедности, а также всяческие проявления враждебности к капиталистической системе, толкали этих деятелей к социализму и Советскому Союзу. Готовность СССР участвовать в финансировании и осуществлении индустриальных проектов в общественном секторе сочеталась с их туманной верой в эффективность централизованной, плановой экономики, в основном национализированной, основанной на развитии городов, в чем они усматривали основные черты советской модели».* Попытки применить такие концепции на практике почти всегда заканчивались провалом. Неудача была в значительной мере связана с мощным контрнаступлением американцев, но прежде всего, с общей концепцией и теми методами, которые Советы использовали, осуществляя свое вмешательство.

Если Сталин концентрировал все свое внимание на евро-азиатском регионе, а у Маленкова не было времени разработать новую стратегию, то Хрущев выразил готовность предоставить развивающимся странам долгосрочные кредиты под небольшие проценты, но на четких условиях в ожидании, возможно, отдаленных, но совершенно определенных по своему духу результатов. Основным условием был отказ от заключения многосторонних соглашений и предпочтение двусторонних договоров, чтобы советские кредиты не были бы распределены среди многих участников, а содействовали укреплению прямых связей.

Первая из этих программ (которую, однако, трудно рассматривать как элемент новой советской стратегии) относится к январю 1954 г. и касалась Афганистана. Затем программы содействия

были разработаны в отношении Индии, Египта, Ирака, Бирмы, Камбоджи, Индонезии, Йемена, Судана, Аргентины. Позже список дополнили африканские страны. К началу шестидесятых годов советские программы охватывали 25 стран «третьего мира», которым были предоставлены кредиты на общую сумму шесть миллиардов долларов: две трети предназначались на оказание экономической помощи и одна треть — на закупку вооружений. Этот аспект советской помощи заслуживает отдельного внимания. Программы экономического содействия зачастую касались строительства таких грандиозных сооружений, как, например, Асуанская плотина или сталелитейные заводы в Бхилаи и Бокаро в Индии и в Эль Хаджар в Алжире. Это свидетельствовало о явной склонности Советов к впечатляющим проектам огромного размаха, но сомнительной пользы, если учесть скромные экономические результаты и ужасающие последствия для окружающей среды.

Что касается военных поставок, то в 1956 г. Советский Союз приступил к созданию океанского флота, которым до 1985 г. командовал адмирал Сергей Горшков. Значение военно-морской мощи для проведения политики мирового масштаба было оценено сразу, и флот получал все более совершенное вооружение, в особенности для ядерных подлодок, способных запускать ракеты. Эта новая политика демонстрации силового присутствия, которая не предполагала действительно использовать военную мощь, но требовала наличия большого числа баз, рассредоточенных по всему миру для того, чтобы сила из демонстративной могла бы в случае необходимости стать реальной. Так появились новые формы советского вмешательства, которые выражались в поставках вооружений для вновь сформированных армий в обмен на создание ряда военно-морских баз в дружественных странах в разных частях мира — от Индийского океана до Северной Атлантики, от Средиземного до Южно-Китайского моря — в полном соответствии с традиционной политикой империализма.

За несколько лет советское влияние, особенно в Африке, значительно возросло. После Египта и Судана, Танзания, Замбия, Зимбабве, Уганда, Мадагаскар, Сомали, а в дальнейшем Эфиопия, Алжир и Ливия установили тесные отношения с Советским Союзом, что, впрочем, не исключило дистанцирования от советской модели, когда ее недостатки стали очевидны, а условия сотрудничества неприемлемы и более обременительны, чем предложения Запада об улучшении отношений. Постепенно увеличивался разрыв между экономическими возможностями и политическими амбициями Советского Союза.

Импорт из стран «третьего мира» в СССР и союзные с ним государства оставался на низком уровне и колебался от одного до двух процентов мировой торговли, и его характер не претерпел существенных изменений. В этом импорте преобладало сырье (в шестидесятые годы сырье составляло 90% всего импорта); экспортировались промышленные товары, изделия металлургии, оборудование, оружие. Идеологические установки не меняли характера торговли, хотя даже прямое участие институтов и предприятий коммунистической системы в сфере образования и торговли, а затем в сельском хозяйстве и горнорудной промышленности стран «третьего мира» рассматривалось в идеологическом плане как средство борьбы с проникновением капитализма. Реализация экономической кооперации и технического содействия зачастую была поручена техническим специалистам из СССР и стран советского блока, но в целом эти меры никогда не были масштабными. В 1978 г., когда в советской системе стали накапливаться кризисные явления, экономическая поддержка, оказанная Советами странам «третьего мира», составляла менее 5% от общего объема получаемой ими помощи.

Неудивительно, что в соперничестве с Западом СССР потерпел неудачу. За десять лет после кульминационной фазы деколонизации Советский Союз не смог установить контроль над обширными районами Африки, за исключением отдельных случаев, когда ему удалось ввести свои войска непосредственно в некоторые страны, а местные власти не могли или не хотели от них освободиться (как это произошло в Египте в 1972 г.). Исключения составляли страны, получившие независимость после 1975 г. и оказавшиеся ввергнутыми в пучину гражданских войн, участники которых обращались за помощью к Советскому Союзу: так случилось в Анголе, Мозамбике, Эфиопии. Но в этих случаях вмешательство, осуществлявшееся кубинскими вооруженными силами и советскими военно-техническими специалистами, приняло характер державной политики, которая не имела ничего общего с великими ожиданиями шестидесятых годов.

С другой стороны, позиции Запада в колониальной сфере имели столь глубокие корни, что кризис формальных отношений не мог устранить наличие серьезных связей, порожденных зависимостью или сохранившимся влиянием прежних колониальных держав. Кроме того, Запад был в состоянии в большей мере удовлетворить потребности развивающихся стран. Французы, покинув свои колонии в Африке, за исключением — и то временным — Алжира и более длительным Гвинеи, сумели привязать страны прежней колониальной империи к системе франка, французской

культуре и экономике. Постепенно напряжение острой фазы деколонизации ослабевало, и французы стали даже гарантами внутривнутриполитической стабильности и защиты границ в местных конфликтах между разными государствами или кланами в их борьбе за власть. История последующих десятилетий изобилует частыми обращениями к правительству Парижа с просьбой вмешаться и восстановить порядок, т.е. подтвердить свое влияние.

Иной была судьба бывших британских колоний. Практика управления на основах автономии не способствовала интеграции между колонизаторами и колонизированным населением, поэтому вслед за получением независимости последовала, за исключением Родезии, полная смена руководящих группировок. Именно эти новые государства были наиболее подвержены коммунистическому влиянию. Однако они представляли относительно небольшую часть Африки в сравнении с новыми государствами, находившимися под американским влиянием.

На Ближнем и Среднем Востоке, за исключением Египта времен Насера, господство Соединенных Штатов прочно держалось на союзе с Саудовской Аравией. Напротив, в Ираке во время революции 1958 г., которой руководили военные, к власти пришли молодые офицеры-сторонники Насера, возглавлявшиеся генералом Абделем Керимом Касемом, и затем последовал длительный период нестабильности, отмеченный рядом политических поворотов во внутренней и внешней политике, в течение которого офицеры-нейтралиты, прокоммунистические политики, представители социалистической партии Баас вели кровавую борьбу за власть. Росло советское влияние, но Иракской нефтяной компании удавалось контролировать производство и реализацию иракской нефти-сырца до ее национализации в 1972 г.

В Африке Соединенные Штаты могли опереться на Ливию, где они поддерживали вместе с британцами правительство эмира ас-Сенуси (до революции в 1969 г. под руководством полковника Муамара Каддафи), располагали военно-воздушной базой Уилус-Филд и приступили к эксплуатации ливийских нефтяных ресурсов. У них были прочные связи с Тунисом и султаном Марокко; сохранялись тесные отношения с Южно-Африканским Союзом. Соединенным Штатам удалось, и это весьма важно, навязать свое решение очень тяжелого кризиса, пережитого Африкой в переходный период: они поддержали вмешательство Организации Объединенных Наций с целью сохранить единство Конго, и понесли большую часть расходов, оказав помощь правительству Леподовилля (Киншаса), когда его возглавил Мобуту. В то же время Советы приостановили выплату кредитов, чтобы выразить свою

оппозицию предпринятой акции, которую, тем не менее, одобрило большинство членов ООН, что со всей очевидностью показало ограниченность финансовых и военных возможностей Советского Союза.

Советы предлагали помощь в ограниченных размерах, а ее оказание было поручено техническим специалистам, которые по установившейся в СССР традиции действовали вне местного социально-политического контекста отдельных стран и не сумели интегрироваться в экономико-политическом плане; они лишь работали на строительстве предприятий, проектировавшихся по желанию новых государственных деятелей. Эти лидеры видели в «монументальных» формах советской помощи основание для удовлетворения собственных амбиций, желания оставить свой след благодаря огромным общественным сооружениям. Так решалась проблема экономического роста, при этом не проводился точный анализ технологических вопросов и характера самого роста, не ставилась задача необходимого накопления капиталов, чтобы обеспечить непрерывность роста.

Напротив, там, где существовали элиты, способные руководить развитием в условиях рыночной экономики и традиционной эксплуатации дешевой рабочей силы (что казалось настолько одиозным, что воспринималось как воссоздание своего рода «неоколониализма»), достигались более существенные результаты. Это объяснялось эффективностью и быстрым оборотом капитала, тесно связанным с логикой прибыли, которая была получена благодаря ресурсам, накопленным в других местах. Подобная политика включала страны «третьего мира» в круг развивающихся стран и не создавала иллюзий волшебных «скачков».

Таким образом, «мирное соревнование» превратилось для Советов в упущенный шанс. Деколонизация открывала возможности произвести в новых частях земного шара разрыв рыночной экономики, который в 1917 г. был совершен русской революцией и пространство которого в 1947–1949 гг. включило всю Восточную Европу и Китай. Возможно, если бы перемены происходили не так быстро, то централизованная экономическая система СССР смогла бы найти подходящие средства для решения проблем развития. Но медлительность в одних случаях, неповоротливость и ошибки в других привели к тому, что за начальными успехами последовали серьезные поражения. Благодаря гибкости система рыночной экономики переварила политические перемены, произошедшие в «третьем мире», и использовала их в собственных целях.

Однако это не позволяет утверждать, что во всех случаях принимались четкие и правильные решения: переплетение полити-

ческих, экономических и стратегических факторов сделало переходный период очень сложным, и одни страны оказались в менее благоприятном положении, чем другие. Наиболее бедные страны, не имевшие богатых природных ресурсов, остались на обочине процесса экономического развития, но многие азиатские и некоторые африканские страны, используя предоставленные возможности, поднялись в своем развитии с самого низкого уровня на шкале бедности и добились прогресса в условиях жизни. Это было результатом не советского содействия, а разнообразных методов деятельности представителей западной капиталистической системы: хотя над ними и довлел груз наследия империализма, но они были более приспособлены к использованию любых возможностей местной ситуации, оказавшейся не столь уж безнадежной.

11.1.3. ЯДЕРНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО СВЕРХДЕРЖАВ

Расширение театра борьбы между сверхдержавами порождало новые политико-экономические проблемы длительного характера. Доктрина сдерживания, развитая резолюцией СНБ-68 и общей стратегической ориентацией Джона Фостера Даллеса, относилась прежде всего к Европе и Восточной Азии. Оставалась в силе идея, высказанная Дж. Кеннаном, что в течение достаточно длительного времени следует терпеливо выжидать, пока проявятся противоречия советской коммунистической системы. В западной культуре сохранялось убеждение в политическом превосходстве институтов плюралистической системы и в большей эффективности рыночной экономики. Вызывала удивление способность Советов вклиниваться в свободные сферы, не открытые Западом. Хрущев был непредсказуем в своих поступках, а Сталин был, напротив, неизменным европоцентристом. Новые обстоятельства, порожденные деколонизацией, выявили умение Советов использовать лакуны, оставленные Западом.

Наряду с необходимостью приспособления к новым условиям политико-дипломатической стратегии великих держав, еще более остро встал вопрос о балансе военных сил. Обе сверхдержавы должны были подвергнуть суровой проверке соотношение их военных потенциалов. Более того, тот факт, что обе стороны, насколько возможно, хранили в секрете собственную подлинную военную мощь, заставил их включиться в бесконечную гонку вооружений. Проблема военных расходов была разрешена следующим образом: как Соединенные Штаты, так и Советский Союз с середины пятидесятых годов стали сокращать расходы на обычные

вооруженные силы. В 1955 г. численность вооруженных сил СССР составляла 5 763 000 человек, а в 1958 г. — 3 623 000. В 1955 г. численность вооруженных сил Соединенных Штатов составляла 2 935 000 человек, в 1958 г. — 2 600 000, а в 1960 г. — 2 476 000. Сокращение расходов на обычные вооружения производилось столь тщательно, что учитывались даже мелочи. Средства для компенсации уменьшения военной мощи и для сохранения оборонительных и наступательных систем изыскивались за счет повышения производительности труда и увеличения эффективности привлекаемых ресурсов.

Центральное место отводилось ядерным вооружениям. Таким образом другой стороной изменения биполярных отношений стала погоня за ядерным превосходством. В политическом плане оно обернулось соперничеством двух моделей; в военном плане ослабление ощущения гарантированной безопасности было вызвано подлинно глобальным присутствием двух сверхдержав. Экономический контекст не позволял ни одной из них неограниченно увеличивать инвестиции в военные отрасли, что превращало ядерное соперничество в центральный элемент соотношения вооруженных сил в общемировом масштабе. «Атомная дипломатия», которая после ядерного взрыва в Хиросиме вяло обсуждалась в течение нескольких месяцев, десятилетие спустя стала обязательным элементом биполярных отношений.

С 1955 г. отношения между Соединенными Штатами и СССР были отмечены очевидным противоречием: обе сверхдержавы, каждая в своих интересах, создавали огромный атомный арсенал, который в случае конфликта мог привести к «гарантированному взаимному уничтожению», и одновременно вели почти непрерывные дипломатические переговоры. С одной стороны, убежденность, что социалистическая система смогла бы вытеснить капиталистическую систему, с другой стороны, убежденность, что реальный социализм рухнет в силу внутренних противоречий, хотя никто не может предвидеть, когда это случится, — все это порождало в отношениях между сверхдержавами перманентное противостояние, которое могло прекратиться только с исчезновением одной из них.

Эта несовместимость была основополагающим элементом, который даже время не могло устранить, поэтому в международной практике она привела к поиску форм возможного сосуществования. Итак, необходимость постоянной уверенности в возможности «уничтожить» другого сочеталась с необходимостью сосуществовать с ним. Выражение «необходимо уничтожить» следует понимать не буквально, а как элемент состояния неопределенно долгого

выживания. Необходимость была лишь абстрактной, на практике она означала ожидание того, что «другой» будет уничтожен силой обстоятельств. Но противник всегда представлял настолько серьезную опасность, что нельзя было, даже под страхом собственной гибели, отказаться от постоянного парирования его намерений. «Враг» теоретически мог нанести неожиданный удар, к которому всегда следовало быть готовым. Но поскольку исторические «абсолюты» смягчаются на практике, никто в пятидесятые годы всерьез не думал, что одна из сверхдержав близка к краху, поэтому наряду с формами сосуществования сверхдержавам были необходимы существенные гарантии их собственной безопасности. В практике международной жизни господствовал страх перед растущей угрозой «грибовидного облака», но дипломатические отношения развивались как бы на другом уровне, и только в исключительные моменты кризисов наступало понимание возможной катастрофы.

Гонка ядерных вооружений началась в 1945 г. Ее первым важным этапом стала утрата американцами в августе 1949 г. атомной монополии, затем в начале 1950 г. Трумэн принял решение о создании водородной бомбы. Вскоре сюрприз преподнесли Советы, которые в августе 1953 г. первыми произвели взрыв в атмосфере двух прототипов водородных бомб (ограниченной мощности в 400 килотонн). С февраля по май 1954 г. американцы произвели шесть экспериментальных взрывов водородных бомб, проводившихся лабораторно с 1952 г. Первый из этих взрывов, осуществленный 28 февраля, имел мощность 15 мегатонн. Что касается разрушительной силы, то соотношение между мощностью американских и советских бомб оставалось неизменным до конечной фазы экспериментальных взрывов термоядерных бомб в атмосфере в феврале 1962 г., когда Советы взорвали бомбу мощностью в 100 мегатонн.

Ядерное соперничество породило две серьезные проблемы. Обладание определенным типом бомбы обеспечивало и определенный разрушительный потенциал. Однако его нельзя было отделить от проблемы средств доставки, с помощью которых можно было поразить намеченные объекты. Такими средствами сначала были лишь самолеты; затем к ним добавились ракеты наземного базирования, а еще позже и ракеты на подводных лодках. Самолеты могли поражать цель достаточно точно, но имели ограничения радиуса действия и мощности доставляемого заряда. С этой точки зрения, бомбардировщики *B-52*, способные выполнять длительные автономные полеты и оснащенные для доставки бомб средней мощности, были сильным компонентом американской мощи. Советы создали серию реактивных межконтинентальных

бомбардировщиков, названных на Западе «Бизонами», но по автономности полета и мощности они уступали американцам, и только в конце пятидесятых годов Советы смогли создать более эффективные межконтинентальные бомбардировщики, но затем они отказались от этого средства доставки, так как добились лучших результатов в производстве ракет. В 1964 г. у Советов было 175 бомбардировщиков с ядерным оружием, а у американцев 630.

Что касается подводных лодок, то их стали использовать в 1960 г., когда американцы произвели первые испытания ракет «Поларис», которые подводные лодки могли запускать, не поднимаясь на поверхность. Во время войны немцы проводили эксперименты с запуском самолетов-снарядов Фау-1 и Фау-2, после войны эта технология была усовершенствована, в частности благодаря сотрудничеству с немецкими учеными, вывезенными в Соединенные Штаты и Советский Союз. С 1953 г. в ФРГ были размещены артиллерийские орудия, способные использовать ядерные заряды. Первые ракеты малого радиуса действия появились в 1954 г., но находились на вооружении лишь американской армии.

Проблема соперничества в ядерных вооружениях обострилась, когда начались экспериментальные запуски ракет промежуточного радиуса действия, которые могли поражать советскую территорию с американских баз, расположенных вокруг нее. В 1957–1958 гг. они появились в арсеналах США и СССР. Американцы проводили эксперименты с ракетами «Юпитер» и «Тор» с радиусом действия 2700–2800 км, некоторое число которых после нелегких переговоров было размещено на территории Великобритании, Италии и Турции (в 1960 г. первые из этих ракет были установлены на английских и итальянских базах и приведены в оперативную готовность).

Вопрос о ядерных вооружениях осложнялся стремлением европейцев располагать автономной возможностью соответствующего ответа. В сотрудничестве с Соединенными Штатами такую возможность получила Великобритания, но иначе стоял вопрос для Франции, Федеративной Республики Германии и еще более туманно для Италии. Поведение американцев во время Суэцкого кризиса вызвало недовольство не только французов, но и немцев. Аденауэр расценил его как «полное презрение» к интересам европейцев и разделял недоверие некоторых европейских стран к доктрине «массированного возмездия», провозглашенной в 1954 г. Даллесом. В самом деле, Суэцкий кризис рассматривался атлантическими союзниками как угроза американским интересам на Ближнем Востоке, а во время венгерского кризиса американские

руководители не пошевелили и пальцем. Какой же европейский кризис мог бы вызвать американское «массированное возмездие», учитывая, что технологические достижения Советов стали прекрасным сдерживающим фактором и они могли бы ответить на «массированное» вмешательство США столь же разрушительным образом?

С января 1957 г. начала формироваться согласованная франко-германская военная политика. 28 ноября 1957 г. был подписан франко-германско-итальянский протокол, который предусматривал в качестве ответа на неравенство, навязанное англо-американцами, сотрудничество трех стран в области «производства ядерных вооружений», разработанных во Франции. Речь шла — как отмечал Жорж-Анри Суту — «о документе исключительной важности, который закладывал основы подлинного стратегического сообщества». В апреле 1958 г. казалось, что тройственное соглашение имеет перспективы. В ходе проходившей в Риме конференции, в которой участвовали министры обороны ФРГ, Италии и Франции (Франц-Йозеф Штраус, Паоло Эмилио Тавиани и Жак Шабан-Дельмас), была достигнута устная договоренность об участии Италии и Федеративной Республики Германии в строительстве французской установки по разделению изотопов урана, что было бы первым шагом к производству ядерного оружия.

Приход к власти де Голля в июне 1958 г. стимулировал французские ядерные программы, но вызвал некоторые сомнения, в первую очередь, у итальянцев, а затем и у немцев. В целом вопрос зависел не от решений двух младших партнеров Франции, а от сложности глобальных проблем, от отношений между блоками; следовательно, затрагивал отношения ФРГ и США, с одной стороны, Восточной Германии и Советского Союза, с другой. Проблема участия европейцев в ядерных вооружениях включалась в общее регламентирование мирного сосуществования. Если западные немцы должны были отказаться от собственного ядерного оружия в связи с противодействием американцев, то бремя расходов на оборону Германии ложилось, прежде всего, на Соединенные Штаты и вынуждало их взять на себя полную и абсолютную ответственность за оборону Европы, что лишало Германию всякой надежды на быстрое объединение страны. Но американская военная опека предполагала консолидацию НАТО в противоположность идее нейтрализации Центральной Европы, которую продолжали отстаивать Советы.

В 1955 г. Советы приняли на вооружение первые ракеты среднего радиуса действия, названные СС-3, а в 1957 г. — СС-4. Но наибольшие трудности были связаны с созданием ракет дальнего

радиуса действия (8-10 000 км) — межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных достигать с советской территории американскую и наоборот. Поскольку Советы не располагали базами, с которых они могли бы поразить американскую территорию, в то время как Советский Союз был окружен базами НАТО или США, то можно понять всю важность возникшей проблемы.

Наличие у Советов межконтинентальных ракет превратило территорию Соединенных Штатов из неуязвимого «священного храма» в мишень для советских ракет. Вопросы о средствах доставки и о ядерных вооружениях составляли поэтому единую проблему. Ядерное соперничество с 1955 г. по 1958 г. переживало мучительный этап, что в значительной мере отразилось на развитии дипломатических отношений.

Поворотный момент в сложившейся ситуации обозначился в 1957 г., когда было произведено, преимущественно американцами, 44 экспериментальных ядерных взрыва. Результаты носили противоречивый характер. После того как американцы провели в 1954 г. испытания бомб мощностью до 15 мегатонн, они приступили к решению проблем их размеров и радиоактивных осадков. Президент Эйзенхауэр проявил особое внимание к этому аспекту проблемы, который вызывал очень большой резонанс в мире, что наносило ущерб имиджу Соединенных Штатов. Поскольку Советский Союз производил испытания на собственной территории, а США производили взрывы в пустыне Невада, а также на атоллах в Тихом океане (Бикини или Эниветок), то их обвиняли в неуважении к чужой территории и проживавшему там населению.

Однако более важным было ожидание результатов испытаний, которые проводили обе стороны, межконтинентальных ракет. Американцы были уверены, что относительно этого типа ракет они обладают значительным преимуществом и запланировали производство по крайней мере 150 МБР в кратчайшие сроки, а также стремились первыми запустить в космос искусственный спутник. Но неожиданный запуск Советским Союзом *спутника* 4 октября 1957 г. вызвал в Соединенных Штатах почти истерическую реакцию. Советский Союз обогнал США в области космической технологии, в то время как американцы считали, что в этой сфере Советы никогда не смогут превзойти их. Поражение в соревновании за первый космический запуск и, прежде всего, успехи Советов в области ракетостроения, усилиями опасения американцев, что они могут не только теоретически, но и практически превратиться в мишень неожиданного атомного нападения, и породили в Соединенных Штатах настоящую панику. Возникшие пессимистические настроения господствовали в стране несмотря

на объективное положение вещей в течение всего последнего этапа президентства Эйзенхауэра, вплоть до января 1961 г.

В обстановке паническо-пессимистических настроений складывались различные политические ориентации: одни требовали активизации гонки ракетных вооружений и намеревались превзойти Советы именно в той области, где они впервые доказали, что могут победить американцев; другие настаивали на пополнении и усовершенствовании атомного арсенала; третьи стремились к возобновлению диалога с Советским Союзом, чтобы проверить его готовность заключить соглашение о запрете на ядерные испытания, а затем и о сокращении стратегических вооружений. Срочного решения требовала проблема проведения испытаний, так как с 1958 по 1962 г. обе державы осуществили десятки экспериментальных взрывов бомб, а Советы впервые взорвали бомбу мощностью 50 мегатонн, а затем и 100 мегатонн, не обращая внимание на тревогу мировой общественности в связи с опасным увеличением радиоактивных выбросов в атмосферу и несмотря на возмущение, которое вызывали испытания, в особенности, у азиатских народов, находившихся наиболее близко к экспериментальным полигонам.

Что касается космического соперничества, то американские ученые и военные быстро поняли, что советское преобладание было случайным и временным. С 1952–1954 гг. атомным оружием располагала и Великобритания, ставшая единственной страной, с которой американцы в знак примирения после Суэцкого кризиса восстановили в 1957 г. сотрудничество, прерванное в 1946 г. Актом МакМагона, который запрещал правительству Вашингтона обмен информацией по ядерной тематике. Поэтому в общей сложности число средств доставки и атомных боеголовок, которыми располагали Соединенные Штаты и Великобритания, значительно превышало советские ядерные вооружения.

Но пропагандистский успех Советов в связи с запуском спутника придал соперничеству бешеный темп. В течение всего 1957 г., несмотря на борьбу за приоритет между отдельными видами американских вооруженных сил, в США работали над ракетой «Вэнгард», испытания которой проводились в декабре того же года и закончились неудачно, что способствовало росту страхов в общественном мнении. И только 31 января 1958 г. произошел первый успешный запуск спутника, названного «Эксплорер I», за которым последовал в марте успешный запуск спутника весом три фунта ракетой «Вэнгард». Между тем, Советы продемонстрировали масштаб своих программ, запустив сначала спутник, на котором находилась собака, вернувшаяся живой на землю, а в мае

1958 г. вывели на орбиту «Спутник III» весом 3000 фунтов: сравнение с «Вэнгардом» было неутешительным.

Американская администрация ответила со свойственной ей энергией трудных времен и продолжала ту же линию и после прихода в январе 1961 г. в Белый Дом президента Джона Кеннеди. Не вдаваясь в технические детали противостояния США и СССР, достаточно отметить, каково было итоговое соотношение сил в 1964 г., когда Хрущев был отстранен от власти и прошел год после убийства Кеннеди. К этому времени у Соединенных Штатов было 834 МБР, у СССР — 190; у США было 416 ракет, расположенных на подводных лодках, у СССР — 107; США располагали 630 стратегическими бомбардировщиками, а СССР — 175. Сложившаяся ситуация никогда не претерпевала радикальных изменений, она подтверждала сохранение американского превосходства в ракетно-ядерных вооружениях, несмотря на сильное впечатление, произведенное запуском первых спутников. Американцы приняли вызов Советов в области соперничества в космосе и, расценив его как кампанию, формировавшую имидж страны, вложили в нее огромные средства и вскоре восстановили престиж, утраченный в 1957 г.

Несмотря на то, что в течение следующего десятилетия сохранялось американское ракетно-ядерное превосходство, успех Советского Союза в создании межконтинентальных ракет оказал достаточно существенное влияние на характер стратегического соперничества между сверхдержавами. Сам факт, что Соединенные Штаты из «священного храма» превратились в потенциальную мишень, лишил смысла доктрину «массированного возмездия» еще до того, как развитие процесса деколонизации привело к утрате ее политического содержания. Этот новый аспект ситуации вместе с огромным ростом разрушительного потенциала ядерных вооружений предполагал пересмотр подходов к проблеме. Строго говоря, Соединенные Штаты должны были поставить вопрос о так называемой «способности к первому и ответному удару», т.е. способности первыми внезапно поразить противника, обеспечив сохранность своих ядерных сил в такой мере, чтобы можно было полномасштабно ответить на удар врага.

Этот аспект проблематики был тесно связан с равновесием сил, т.е. с переменной величиной, находившейся в постоянном изменении, но всегда сохранявшей политическое значение. При этом требовалось, чтобы ракетные вооружения обеих сверхдержав имели бы специальную защиту, для чего необходимо было начать строительство противоатомных убежищ и проектирование противоракетных систем, способных перехватывать ракеты в полете к цели.

Все эти средства частичной защиты не устраняли опасность в принципе. Складывавшееся «равновесие страха» становилось образом жизни, к которому мир мог (или должен был) приспособиться, но человеческий разум не мог с ним смириться.

Поэтому в новой напряженной обстановке необходимо было искать пути к диалогу. Пересмотр американцами стратегии предполагал возможность переговоров о сокращении вооружений и мерах контроля, хотя противники не питали ни малейшего доверия друг к другу. Возникла атмосфера «мирного сосуществования», которая оценивалась как необходимый элемент безопасности. Предполагалось, что даже непреклонные противники могли бы найти проблемы, представляющие взаимный интерес для переговоров. Это помогло бы создать климат доверия, который из очень ограниченных сфер обсуждения мог бы распространиться на другие более значимые области. Об этом стали говорить сразу после смерти Сталина. Теперь непрочность американской позиции толкала Соединенные Штаты к пересмотру своей ориентации. Такой пересмотр не мог быть ни быстрым, ни безболезненным, но, тем не менее, он был неизбежным. Поскольку политическое соперничество вышло за рамки Европы и приобрело глобальный характер, постольку ни одна держава не могла считать себя вне опасности.

На первом этапе этого процесса считали целесообразным укреплять собственные позиции, чтобы избежать внезапного нападения и сохранить способность осуществить контрудар. Но более тщательный анализ показывал, что решение этих вопросов могло привести к столь апокалиптическим ситуациям, которые можно было бы представить как результат ошибки, а не как результат продуманных человеческих решений. Поэтому впечатляет та атмосфера страха, которая поставила человечество перед столь огромной опасностью, что не верилось в возможность действительного использования накопленных вооружений. Перед всем человечеством стояла дилемма, которую государственные деятели, руководившие странами в течение десятилетий после 1955–1957 гг., решали порой успешно, с большой осторожностью в моменты наибольшего напряжения, корректируя германские (и итальянские), а также французские центробежные тенденции и направляя в нужное русло развитие китайского ядерного потенциала.

Первые шаги к контролю над неограниченным наращиванием ядерных вооружений были сделаны под давлением ширящегося протеста против вредных воздействий атомных частиц, попавших в атмосферу вследствие испытаний. Речь шла не о пустых опасениях, рожденных антиядерной пропагандой, а о научно выверенных

данных, которые позволяли сделать вызывающие тревогу заключения о последствиях радиоактивных осадков. Эти опасения были распространены в Соединенных Штатах и Японии после первых испытаний водородных бомб в 1953 г. Сообщение о том, что радиация была зафиксирована на катерах японских рыбаков и привела к смерти одного из них, вызвало огромную тревогу. Во время предвыборной президентской кампании в 1956 г. кандидат от демократов Эдлай Стивенсон включил вопрос о прекращении атомных испытаний в свою избирательную программу. Хотя проблема была важной, но тот факт, что Хрушев тут же поддержал это предложение, не принес электорального успеха Стивенсону. Вместе с тем он показал, что Советский Союз, несмотря на огромные усилия в развитии своего ядерного арсенала, весьма восприимчив к проблеме прекращения испытаний атомного оружия.

В январе 1957 г. делегат Соединенных Штатов в ООН Генри Кэбот Лодж представил официальный проект соглашения о прекращении ядерных испытаний при создании системы международного контроля. Ответ Советского Союза был в принципе положительным, но негативным в отношении международного контроля. Только 16 июня 1957 г. представитель СССР в ООН Валериан Зорин предложил мораторий на испытания ядерного оружия на два или три года и впервые допустил возможность системы международного контроля за соблюдением принятых обязательств. В то время предложение не получило развития, но в сравнении с прошлым оно означало качественные изменения. Используя эту брешь, в июле 1958 г. в Женеве, после ряда дальнейших ядерных испытаний, стороны начали двусторонние переговоры о разработке технических методов возможного проведения инспекций. На переговорах отражались перипетии дипломатических отношений между СССР и США, проявившиеся после начала прямого диалога между Хрущевым и Эйзенхауэром осенью 1959 г.

В ходе переговоров были благоприятные и критические моменты, особенно в 1960 г. под влиянием срыва встречи в верхах в Париже. Переговоры были возобновлены после избрания Кеннеди и второго Берлинского кризиса, который был тесно связан с ядерной проблематикой. За периодом затишья в 1959–1960 гг. последовало двухлетие, когда было проведено наибольшее число испытаний: только в 1962 г. американцы взорвали 86 боезарядов различной мощности, а Советы в 1961 г. взорвали 50 боезарядов и 40 — в 1962 г. В 1960 г. в «атомный клуб» вступила Франция.

За Берлинским кризисом последовал Кубинский кризис в октябре–ноябре 1962 г. При возобновлении сдержанного диалога после завершения Кубинского кризиса вновь был поднят вопрос,

который всегда оставался в повестке дня, несмотря на кризисы и конфликты между сверхдержавами: предпринять, наконец, конкретные шаги в области, столь популярной в общественном мнении. 5 августа 1963 г. после коротких переговоров Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобритания (не было ни Франции, которая отказалась присоединиться, ни Китая) подписали бессрочный Договор о запрещении ядерных испытаний, в котором они брали на себя обязательства прекратить ядерные испытания в атмосфере, в космосе и под водой. Это был первый шаг к серии договоров, которые содействовали ограничению опасности использования ядерной энергии в военных целях.

11.1.4. *БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958–1961 гг.
И «ФЕНОМЕН КЕННЕДИ»*

В последние годы президентства Эйзенхауэра, с 1957 по 1961 г., американцы считали, что их позиции в мире значительно ослабли. Во внутреннем плане администрация столкнулась с мощным движением черного населения, которое под руководством таких деятелей как Мартин Лютер Кинг, а также под влиянием политиков, не склонных к диалогу и интеграции в систему, в которой доминировали белые, вело борьбу за «гражданские права» и выступало против расовой дискриминации в южных штатах страны. Эйзенхауэр видел в движении протеста, прежде всего, массовые волнения в крупных городах, которые жестоко подавлялись. Только при Кеннеди и, в большей степени, при Линдоне Джонсоне (1963–1968 гг.) было принято законодательство против сегрегации черных граждан, которое заложило юридические основы (и меньше затронуло экономические и нравственные аспекты) для прекращения дискриминации. Напряжение несколько спало, но никогда не прекращалось вовсе. В отношении черных американская концепция «плавильного котла» для всех рас подвергалась ежедневным испытаниям.

Внутренний кризис был отягощен также настроениями пессимизма и неуверенности, вызванными у американцев политикой равновесия страха. Царившие в послевоенное время и в первой половине пятидесятих годов настроения уверенности, порожденные мужеством и храбростью победителей, были приглушены чувством страха. Появились сомнения в том, что Соединенные Штаты являются самой могущественной и самой цивилизованной страной в мире. Глобальный характер международной политики и распад колониальной системы европейских держав приветствовались как новые возможности для Соединенных Штатов. Но эти огромные возможности таили в себе и скрытые угрозы.

Антиколониализм стран, недавно получивших независимость, стихийно трансформировался в антизападные настроения и в вызов Соединенным Штатам как соперничающей сверхдержаве, что само по себе не было негативным фактором. Более серьезным обстоятельством стало географическое расширение с крахом колониализма зон, чуждых рыночной системе экономики. Сначала Советы и страны, находившиеся под их влиянием, затем Китай и Индия вышли из экономической системы, в которой доминировали США. Расширение этой зоны вызывало опасения, что в борьбе между двумя лагерями не удастся добиться поражения Советов, по крайней мере, в Восточной Европе, как полагал Даллес; более того, одержит верх плановая экономика, и усилится влияние СССР.

Напротив, стала очевидной слабость, даже физическая, американских лидеров. В сентябре 1955 г. у Эйзенхауэра был первый из серии последовавших сердечный приступ, но он смог выполнять полностью свои президентские обязанности и сохранять отличавшую его военную выправку (он умер в 1969 г., когда ему было 79 лет), хотя ощущение слабости сохранялось. Джон Фостер Даллес заболел в 1958 г. раком и умер в следующем году. В сравнении с бьющей через край жизненной энергией Хрущева оба главных представителя американской внешней политики производили впечатление изношенности и усталости, что накладывалось на восприятие их политической деятельности. Излишне говорить, что это представление не соответствовало действительности, но необходимо уточнить, что в действительности, не будучи связанными узлами личной дружбы, Эйзенхауэр и Даллес испытывали глубокое уважение и доверие друг другу. Их сотрудничество было стержнем американской внешней политики. Но их болезненный вид имел отрицательное политическое воздействие. Создавалось впечатление уходящей эпохи, чувствовалась необходимость и рождалась надежда на глубокое обновление политической стратегии, которая могла бы ответить на вызов нового времени.

Победа Джона Кеннеди, который на выборах в ноябре 1960 г. одержал верх над своим соперником Ричардом Никсоном, бывшим вице-президентом Эйзенхауэра, была результатом стремлений к возврату утраченного влияния и к ожидаемым многими американцами переменам. Джон Кеннеди был первым американским президентом, родившимся в XX веке (точнее в 1917 г.). В момент избрания ему было 43 года — символ молодости. Он олицетворял собой роскошь, знания и аристократизм благодаря семье, окончанным учебным заведениям, написанным работам, большому политическому опыту; это был не аутсайдер, и именно

такого политика ждали американцы, чтобы начать новую эпоху. В инаугурационной речи он дал понять, что является президентом «новых рубежей», президентом, который поведет Соединенные Штаты к самым амбициозным заманчивым целям и который не намерен уклоняться от вызова, вновь брошенного Советами.

«С этого момента и с этого времени, — сказал он 21 января 1961 г., — пусть к друзьям и врагам придет весть, что эстафета передана новому поколению американцев, родившихся в этом веке, закаленных войной, воспитанных в условиях сурового и горького мира, гордых своим славным наследием прошлого». Он напомнил о «новом начале»: «Вспомним все, что цивилизованное поведение не означает слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Мы никогда не ведем переговоры из страха, тем более не боимся вести переговоры». Задача была трудной: «Нельзя все сделать ни за сто дней, ни за тысячу дней, ни за весь срок наших полномочий и даже за всю нашу жизнь на этой планете. Но мы начинаем». Борьба будет трудной и долгой: «Поэтому, граждане Америки, не спрашивайте, что может сделать для вас ваша страна, спросите себя, что можете сделать вы для вашей страны. Сограждане мира, не спрашивайте, что может сделать для вас Америка, а что мы вместе можем сделать для свободы человека».

Инаугурационные речи президентов являются «литературным жанром», у которого существуют свои правила. Но Кеннеди наполнил эти правила новым смыслом — необходимостью поворота, который он намерен был придать стране своей деятельностью. Годы страха и пессимизма в Соединенных Штатах сменились временем, когда президенты-демократы с присущим им рвением выполняли добровольно взятые на себя обязательства, движимые желанием оставить глубокий след в жизни человечества. За время его короткой деятельности на посту президента (Кеннеди был убит 22 ноября 1963 г.) проявлений этой новой воли было достаточно.

Хрущев должен был учитывать изменения, произошедшие в американском руководстве. На смену старому и больному, но опытному мужественному деятелю, знающему материальную и человеческую цену войне, пришел молодой и честолюбивый противник, решительно принявший вызов и уверенный в победе. Это способствовало выявлению скрытых противоречий динамичного советского лидера. Соединенные Штаты нашли в лице Кеннеди политика, способного совершить переход от старой к новой системе международных отношений: Советский Союз не был больше противником, «сдерживаемым» материальным барьером внутри своего собственного союза, он мог проявить себя в любой части мира. Чтобы противостоять противнику в новых условиях,

нужна была полная мобилизация всех американских сил и ресурсов. Несмотря на грубые ошибки и периоды колебаний и неуверенности, Кеннеди с 1961 по 1963 г. добился своей цели. Если на первом этапе сосуществования-соревнования преимущество было на стороне Советского Союза, то затем выявилась внутренняя ограниченность его системы и впервые обозначились пределы, за которые он не мог выйти.

Глубокие изменения в международных отношениях существенным образом трансформировали американский подход к мировой системе. Даже Даллес должен был пересмотреть свои теории в более прагматическом плане. Эти перемены показали иллюзорность военных концепций, на которых строились стратегические доктрины Соединенных Штатов. Гипотеза о возможности держать противника под контролем с помощью обычного и ядерного оружия оказалась нереалистичной. Уже в 1957 г. американцы должны были пересмотреть стратегию Атлантического пакта и привести ее в соответствие с менее апокалиптическими прогнозами.

Доктрина «массированного возмездия» постепенно заменилась доктриной «гибкого реагирования», т.е. дифференцированного ответа в зависимости от характера и масштабов грозящей опасности. Доверие американцев к «сдерживающей способности» (неудачный неологизм, который означал способность предупредить на основании расчетов возможный ответ и опасность внезапного нападения) было непосредственно связано с доктриной «гибкого реагирования», потому что никто не испытывал бы доверия к гарантиям безопасности, основанным на действительной угрозе превращения американской территории в мишень ядерного нападения. Перемены не могли быть быстрыми и легкими. Американская администрация поняла это уже на последнем этапе президентства Эйзенхауэра и решительно перешла к новой доктрине в годы правления Кеннеди, но НАТО официально приняла ее только в 1967 г.

Перед советскими руководителями изменения в международных отношениях создали те же проблемы в военной области, но совершенно иные — в плане дипломатических отношений. В международной жизни Советы действовали, руководствуясь больше партийными интересами, чем интересами государства как субъекта системы международных отношений. Они привыкли воспринимать отношения с внешним миром как отношения с ведущими политическими силами, которые готовы были считать КПСС и правительство Москвы неоспоримым руководителем, определяющим их решения, или как отношения с лагерем, чуждым и враждебным социализму. В советском лагере, переживавшем внутренние

трудности после окончания войны, до 1956 г. решалась проблема содержания так называемого пролетарского интернационализма, который мог бы стать основой для проведения политического курса, отличавшегося от указаний Москвы. Советская система основывалась на том, что существуют враги, над которыми надо одержать победу. Холодная война приобрела тотальный характер, не оставляя «серых зон». Нейтрализм и деколонизация, напротив, создавали бесчисленное множество «серых зон».

Сначала Советы, занятые борьбой за наследство Сталина, не проявили интереса к происходившим международным переменам. Но захватив власть, группа под руководством Хрущева, в которую входили маршал Николай Булганин, ставший после Маленкова председателем Совета министров, первый заместитель председателя Совета министров Анастас Микоян, министры иностранных дел Дмитрий Шепилов и Андрей Громыко (с 1957 г.), быстро поняла, какие новые возможности открывались в связи с изменениями в международных отношениях. Освободившись от необходимости совмещать международную деятельность с привлечением идеологических союзников, Хрущев, Булганин и их сторонники поняли, что настало время традиционной дипломатии, и оценили ее возможности: личные контакты, политические компромиссы, общие обязательства, обещания солидарных действий. Другими словами, не обремененные идеологией в отношениях с внешним миром, они впервые развернули дипломатическую деятельность, которая позволила превратить Советский Союз в субъект международной жизни, представленный во всех регионах мира.

Таким образом, и советские руководители приспосабливались к переменам, к политике сосуществования-соперничества, боролись за превосходство в ракетно-ядерной области, стремились экспортировать советскую модель в другие страны мира. Они пытались подорвать влияние рыночной экономики и доказывали, что в состоянии сменить в идеологическом и экономическом плане Соединенные Штаты и старые колониальные державы и при этом не вынашивали тайных замыслов неокapиталистического характера (т.е. не были намерены расширять свое влияние).

Подобное мировосприятие господствовало в годы руководства страной Хрущевым, оптимизм и энтузиазм которого столкнулись с реальными возможностями и ресурсами, но превалировала вера в победу, несмотря на несоответствие использовавшихся средств. Внешняя политика Хрущева была переплетением противоречий: он был готов бросить открытый вызов Соединенным Штатам и западным державам в ядерной области или в кризисных точках,

существовавших в мире, в то же время он был склонен принять или даже предложить диалог, так как видел возможность начать процесс реальной разрядки между сверхдержавами. Одновременно сосуществовали соперничество и диалог. Итак, во внешней политике Хрущева существовала кажущаяся антиномия, которую необходимо учитывать, чтобы понять резкие и неожиданные действия советского лидера и столь же внезапные отступления: диалог и столкновение, присутствовавшие одновременно, не следует объяснять только характером личности Хрущева, который, конечно, был импульсивным и необычным политиком, но он был также достаточно дальновидным деятелем, рассчитывавшим результаты предпринятых действий.

Кажущаяся противоречивость политической деятельности Хрущева объясняется положением внутри страны и ситуацией на международной арене, в контексте которых он строил свою внешнюю политику. Дипломатическая инициатива, предпринятая им в 1955 г. в отношении Египта и Югославии, ясно продемонстрировала, каких результатов можно добиться благодаря гибкой политике. Но Суэцкий кризис и десталинизация 1956 г. со всей очевидностью показали, что существовала связь между прочностью советского блока и свободой маневра в международных отношениях.

Политика десталинизации и модернизации новых советских руководителей привела к тому, что Советский Союз стал способен ответить на вызов Запада и даже превзошел Соединенные Штаты в области технологии, где всегда отмечалось американское преимущество, но это требовало мирного периода, свободы маневра и перспективы на достаточно длительное время. Было также необходимо некоторое ослабление напряженности как в отношениях с Соединенными Штатами и Западной Европой, так в отношениях внутри советского блока после потрясшего его в 1956 г. кризиса. Только однородный и умиротворенный блок мог соперничать с противниками, не опасаясь за собственную сплоченность. Другими словами, сосуществование-соперничество было возможно только при условии прочности советского блока. Напротив, любые внутриблоковые разногласия затрудняли Хрущеву задачу предстать за рубежом соперником, вызывающим доверие. Сплоченность означала разрядку, раскол означал дипломатические трения.

Но все же у Хрущева почти всегда существовала оппозиция, что приводило к острым кризисам, как, например, в 1957 г., когда Молотов был отстранен от власти. В периоды относительного внутреннего спокойствия Хрущев мог позволить себе продемонстрировать за пределами блока склонность к разрядке. В периоды

обостренной полемики политика разрядки уступала место напряженности и столкновениям. Прямой зависимости между двумя сторонами одной медали не было, но только так можно объяснить перепады в дипломатии Хрущева. Двудликая дипломатия могла продемонстрировать склонность к многообещающему диалогу и сразу же начать резкую и жаркую полемику.

В октябре 1957 г. польский министр иностранных дел Адам Рапацкий вновь выступил с планом создания безъядерной зоны в Германии, Польше и Чехословакии, который Советы немедленно поддержали и сделали своим. Параллельно, несмотря на чередование разных этапов, продолжались переговоры о возможности подписания соглашения о прекращении ядерных испытаний; в апреле 1959 г. вице-президент Никсон нанес демонстративный дружественный визит и посетил Московскую ярмарку; в мае в Женеве проходила встреча министров иностранных дел четырех великих держав. Некоторое время спустя Хрущева пригласили посетить Соединенные Штаты, и в сентябре 1959 г. он совершил десятидневную поездку по Америке, которая вызвала противоречивые отклики. Визит Хрущева в США завершился двухдневной встречей в Кэмп-Дэвиде, в Вирджинии, во время которой он договорился с Эйзенхауэром о проведении встречи в верхах, которая должна была состояться на следующий год в Париже.

После шумного фиаско несостоявшегося саммита в Париже в мае 1960 г., Хрущев встретился с Кеннеди в Вене в июне 1961 г. для свободного обмена мнениями. Встреча не имела практических результатов, но была полезна для обоих политиков, поскольку позволила Кеннеди лучше узнать динамичного Хрущева. Во время встречи из-за очевидной неопытности Кеннеди Хрущеву удалось добиться существенного поворота в вопросе о Берлине: советский лидер одержал верх над американским президентом и воспрепятствовал стремлениям к атомному вооружению Федеративной Республики Германии. Встреча отражала готовность рассмотреть возможность переговоров о разрядке напряженности на высшем уровне, а не только периодически обсуждать в различных комиссиях Организации Объединенных Наций оттенки изменений определенных позиций в проблеме разоружения.

К диаметрально противоположным результатам привело соперничество, порой весьма острое, в связи с утратой Западом влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также деколонизацией в Африке. Выявились открытое стремление вернуться к европейским проблемам, что создавало впечатление иллюзорности стабилизации, достигнутой в 1955 г., и вызывало опасения, что правительство Москвы намерено подготовиться к новой фазе

столкновений в сердце Европы. Возникло беспокойство из-за поддержки, оказанной Советами кубинским революционерам до победы Кастро в 1959 г., и в дальнейшем союза, заключенного в 1960 г. между Кастро и Советами, еще более опасного для американских интересов в связи с распространением влияния кастризма в обширных регионах Латинской Америки. Особую тревогу вызвали события осени 1962 г., когда Советы попытались установить на Карибском острове свои ракеты среднего радиуса действия, которые были бы нацелены на американскую территорию.

Эта двуликость может быть объяснена переходным этапом в системе международных отношений, который был отмечен выработкой правил мирного сосуществования в биполярной структуре, ставшей более сложной в связи с разнообразием ситуаций, складывавшихся внутри блоков.

С первых шагов разрядки сначала Маленков, а затем Хрущев столкнулись с оппозицией не только внутри страны, но и других стран советского блока. Среди них была Албания, которая занимала стратегически важное положение, но ее политическая изолированность привела к тому, что она не оказывала существенного влияния на выбор Советами курса в международных отношениях. Напротив, большое значение имела позиция Народного Китая, который после захвата власти коммунистическим правительством и после войны в Корее переживал один из наиболее трудных этапов. Он находился в состоянии противоборства с Соединенными Штатами, которые поддерживали националистическое правительство, укrywшееся на Тайване, и требовали от всех своих союзников рассматривать его как единственное законное китайское правительство, что ставило в затруднительное положение новые государства, выразившие намерение признать правительство Пекина.

В сердце Европы происходило то же, что и на Дальнем Востоке: признание существования Германской Демократической Республики, *само по себе* воспринималось как проявление враждебности к Федеративной Республикой Германии. Уже само это сходство было красноречивым, так как ассоциировалось по аналогии с первой фазой войны в Корее. Кроме того, правительство Пекина, действительно, должно было утвердить свой контроль над всей страной (включая Тибет) и показать, что оно в состоянии добиться прогресса в экономике — это было одним из выигрышных аргументов Мао.

Подобные задачи требовали экономических ресурсов и вооружений. Частично ресурсы можно было выжать из китайского народа, которого с помощью утопичных лозунгов побуждали включиться в качестве дешевой рабочей силы в проект модернизации

сельского хозяйства (значение и реальную эффективность которого никогда не разъясняли) и в создание автономной промышленной инфраструктуры. Китайцы рассчитывали получить экономическую и военную помощь из-за рубежа, чтобы противостоять давлению США и угрозе контрреволюции, исходившей с Тайваня. В таком контексте то, что националисты Чан Кайши удерживали под своим контролем два острова (Куэмой и Мацзу), расположенных вблизи континентального побережья, воспринималось в Пекине как демонстрация постоянной угрозы. С 1954 г. КНР регулярно обстреливала эти острова. Националисты также намеревались сохранить свой контроль над островами Дачен, которые находятся в 300 км от Тайваня, но в начале 1955 г. коммунисты предприняли штурм и заняли их. Присутствие националистов на острове Тайвань расценивалось в КНР как перманентная опасность, в связи с чем Мао Цзедун требовал от СССР полной солидарности.

Эта солидарность не была ни безусловной, ни достаточно надежной, чтобы удовлетворить ожидания китайцев. Примирение с Тито было для китайцев первым симптомом угрозы уклонизма в идеологической области. В дипломатической сфере тревожным симптомом для китайцев стала поездка Хрущева и Булганина в Индию в 1955 г., она отражала намерения Советов поддержать возможных противников Китая в Азии. Действительно, правительство Москвы не хотело иметь внутри собственного блока другую державу, которая могла сдерживать его в разных вопросах. После потрясений 1956 г. Китай и Советский Союз в октябре 1957 г. подписали секретное соглашение о кооперации в ядерной сфере, в соответствии с которым китайцы должны были получить помощь для создания своего атомного потенциала. Однако соглашение стало формальной паузой в эволюции обстановки, становившейся все менее дружественной. К тому же невыполнение соглашения еще больше усилило трения в отношениях между Китаем и Советским Союзом.

Летом 1958 г. в напряженных отношениях между странами наступил новый острый этап. В то время как китайские националисты численностью до 100 000 человек сконцентрировались на островах Куэмой и Мацзу, готовые, казалось, высадиться на континент, Хрущев заговорил о необходимости созыва встречи в верхах по проблемам Тихого океана. В ней должны были участвовать четыре великие державы и Индия (но не Китай, поскольку он не занимал место в Совете Безопасности). Формальный предлог (Индия тоже не была постоянным членом Совета Безопасности) приобрел значение антикитайской направленности.

Сразу после завершения заседания Военного комитета Коммунистической партии Китая, который обсудил и одобрил начало

нового решительного выступления против двух островов, Хрущев совершил неожиданный визит в Пекин 31 июля 1958 г. Этот визит обострил кризис, чему способствовало жесткое осуждение китайцами «югославского ревизионизма». Это определение едва прикрывало выступление против хрущевского «ревизионизма». Хрущев остался в Пекине до 5 августа, и в отличие от предыдущих действий он подтвердил свою готовность помочь Китаю в вопросе об островах, но рекомендовал, чтобы проблема Тайваня решалась мирным путем. Напряжение в отношениях между странами в тот момент не нашло прямого выражения.

Несколько дней спустя после отъезда Хрущева из Пекина, обстрелы островов Куэмой и Мацзу возобновились с новой интенсивностью. Концентрация войск националистов создавала для коммунистов удобный повод, но сам выбор момента говорил о том, в какой мере китайцы были готовы дистанцироваться от советской политики сосуществования, он также показывал Советам опасность слишком открытой поддержки политики Мао. Не углубляясь в анализ китайско-советского разрыва, мы можем лишь отметить, что осенью 1958 г. китайская внешняя политика была совершенно иной, чем политика Москвы. В сентябре месяце обстрелы островов Куэмой и Мацзу постепенно были прекращены, так как США не дали вовлечь себя в экстремистскую политику Чан Кайши и убеждали его отказаться от использования силы как средства для завоевания Китая. Хрущев, анализируя состояние советско-китайских отношений, понял, что его призывы к мирному решению вопроса о Тайване не были услышаны. Отношения с Китаем серьезно испортились, когда китайцы впервые выдвинули территориальные требования к Советскому Союзу.

Как писал Марк Трахтенберг, если Тайвань был причиной напряжения между Китаем и СССР, то Берлин стал причиной разногласий между СССР и Германской Демократической Республикой. Когда в сентябре 1959 г. во время встречи с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде Хрущев отметил, что как неоправданно существование двух Германий, так же неоправданно существование двух Китаев, Эйзенхауэр пренебрег этим замечанием, хотя оно помогает понять, что эти два аспекта одной проблемы не могут быть изолированы друг от друга. Советскому Союзу предстояло разрешать два схожих конфликта, доставшиеся ему в наследство от наиболее напряженного этапа холодной войны, в то время, когда он был намерен начать диалог с Соединенными Штатами.

В Германии их союзники тоже подталкивали американцев к непримиримости (Аденауэр), а руководители ГДР (Ульбрихт) занимали жесткую позицию относительно попыток пересмотра

подходов и смягчения напряженности. После завершения процесса интеграции двух германских государств соответственно в Атлантический блок и в Варшавский договор, а также после поездки Аденауэра в Москву западные немцы подтвердили основополагающий характер доктрины Хальштейна в их отношениях с другими странами. Стремление выступать единственной Германией превалировало во внешней политике Федеративной Республики Германии, несмотря на некоторую осторожность Аденауэра и его сторонников, старавшихся несколько смягчить жесткость этого принципа.

Участие Западной Германии в учредительном договоре ЕЭС (март 1957 г.) усиливало подход в духе доктрины Хальштейна. Различные факторы питали идею единственной Германии. Несмотря на улучшение экономических условий, вследствие политики закручивания гаек, проводившейся Ульбрихтом в культурной и политической жизни Германской Демократической Республики, постоянно сохранялась довольно высокая эмиграция в Западную Германию. С 1949 по 1958 г. около 2 200 000 восточных немцев переехали в Западный Берлин и покинули ГДР. В последующие годы поток оставался неизменным, и в 1961 г. общее число эмигрировавших было немногим меньше трех миллионов. В этой ситуации правительство Ульбрихта предлагало, но безуспешно, перестроить отношения между двумя Германиями, объединившись в конфедерацию. Аденауэр в 1958 г. выступил с ответным предложением «решения по-австрийски»: провести свободные выборы в Восточной Германии, и только в ней, после чего Германская Демократическая Республика могла стать нейтральной, а Берлин (весь Берлин) стал бы столицей нового государства, которое позже могло быть признано Федеративной Республикой Германии как суверенное государство. За этим предложением скрывалось намерение Аденауэра превратить Восточную Германию в буферное государство между двумя блоками, что позволило бы ФРГ играть роль всеми признанной «единственной» Германии, а разделение страны стало бы постоянным.

В середине 1958 г. Хрущев понял, что изменение ситуации в Германии привело бы к ухудшению положения СССР в сердце Европы. Сама мысль, что подобное могло бы произойти, вызывала беспокойство как в Советском Союзе, так и в ГДР. Оба государства с тревогой наблюдали за развитием плана Франца-Йозефа Штрауса интегрировать Федеративную Республику Германии в оборонительную систему, обладающую ядерным оружием, который обсуждался в эти месяцы с Францией и Италией. Особенно был озабочен Ульбрихт, который, как стало известно благодаря

изучению советских и восточно-германских источников (недоступных до 1992 г.), оказывал давление на Хрущева и требовал, чтобы он занял решительную позицию в отношении грозящей опасности.

Две ситуации развивались параллельно, наметив возможную ось Пекин-Панков. Китайские коммунисты влияли на политику Хрущева в Тихом океане и требовали силовых решений; восточные немцы подталкивали Хрущева к подобным же действиям; со своей стороны, он должен был проводить такую политику, которая не подорвала бы перспективы диалога с Западом. Берлинский кризис 1958–1961 гг., свидетельствовавший о продолжении холодной войны в Европе, имел глубокие и разнообразные причины. СССР был поставлен перед необходимостью выработать политическую линию, которая уравновесила бы тенденции к непримиримости, исходившие из регионов, наиболее остро ощущавших конфликт с Западом. Кроме того, перед Советами стояла задача не ослаблять усилий, направленных на разрядку международной напряженности, а Хрущев должен был стараться не раздражать оппозиционно настроенных членов Политбюро. В 1958 г. не все сознавали сложность положения СССР, и заслугой Эйзенхауэра и Даллеса было понимание того, что действия Хрущева были инспирированы, чтобы прояснить намерения американцев в отношении Германии, хотя, на первый взгляд, они отражали стремление вызвать новый серьезный кризис, как это было в 1948–1949 гг.

27 ноября 1958 г. советское правительство направило западным державам длинную ноту, в которой объявляло о своем намерении подписать как можно быстрее сепаратный мирный договор с Германской Демократической Республикой. Права западных держав на Западный Берлин сохранялись бы в течение шести месяцев со дня опубликования ноты, т.е. до 27 мая 1959 г., но восточную часть города советское правительство намеревалось передать правительству Ульбрихта, и ему как главе правительства, становившегося суверенным и полностью независимым, надлежало бы вести переговоры с западными державами об их правах в Западном Берлине и о путях коммуникаций, которые вели к бывшей германской столице. В итоге Восточная Германия получала возможность воспрепятствовать передвижениям по этим коммуникациям, а если в результате этого шага она подверглась бы нападению, то могла рассчитывать на поддержку Варшавского договора, либо западные державы вынуждены были бы признать ГДР, что привело бы к ослаблению позиций Аденауэра. Примечательно, что 21 декабря правительство Пекина выступило с одобрением советской ноты.

Нота не была подлинным ультиматумом, но указание срока, в течение которого заявленное намерение могло стать фактом, придавало ей характер ультиматума. Выбор несколько неопределенной формы был связан с желанием не разочаровать восточных немцев и китайцев, а также со стремлением дать понять адресатам, что Советы были намерены вести дело не к разрыву, а к диалогу. Диалог, но о чем? Очевидно, что цели, о которых заявили Советы, могли бы быть реализованы только слишком высокой ценой — ценой прямого столкновения с Западом. Поэтому следует предположить, что подлинная цель этой акции была иной. В широком смысле сама политическая ситуация вынуждала Хрущева выступить с какой-либо инициативой. Если подходить более конкретно, то советская акция должна была показать решимость Советов не оставлять Восточную Германию даже ценой отказа от воссоединения на неопределенный срок и убедить тем самым Ульбрихта в эффективности советской поддержки. Вместе с тем она должна была повлиять на Аденауэра и заставить его отказаться от надежды на автономное ядерное вооружение Федеративной Республики Германии (а не только размещавшихся там американских вооруженных сил). Подлинное стремление Советов к объединению Германии вызывает большие сомнения, точно также можно было бы сказать и о позиции Франции.

Эйзенхауэр должен был включиться в разрешение сложившейся ситуации в тот момент, когда Даллес из-за болезни вынужден был покинуть политическую сцену, не подавая в отставку. Обязанности государственного секретаря сначала фактически, а затем и официально были возложены на Кристиана Гертера. Эйзенхауэр справился с кризисной ситуацией умело и с чувством меры. Он сразу понял, что Хрущев блефовал, поэтому проводил американскую линию гибко и осторожно, даже когда усиление советского контроля западных коммуникаций с Берлином заставляло бояться худшего. В конце концов, несколько недель спустя Хрущев дал понять, каковы его подлинные намерения, пригласив Эйзенхауэра в Москву, где обещал принять его «с сердечным гостеприимством». В свою очередь, американский президент выразил понимание мотивов восточно-германских, а, следовательно, и советских действий.

Несколько месяцев спустя, в разгар споров в связи с установкой ракет промежуточного радиуса действия в союзных с США странах, Эйзенхауэр понимал недовольство СССР, представляя, как должны были бы реагировать Соединенные Штаты, если бы Мексика или Куба стали коммунистическими и установили бы на своей территории советские ракеты. Поэтому на протяжении

всего кризиса он отвергал советские претензии как незаконные, но не оказывал давления, дабы не спровоцировать столкновения, а приветствовал шаги, направленные на разрядку напряженности, выступал за продолжение переговоров о прекращении ядерных испытаний.

Эйзенхауэр поддержал предложение премьер-министра Великобритании Макмиллана, сделанное им во время визита в Москву, созвать встречу министров иностранных дел в Женеве. Однако встреча, состоявшаяся 11 мая 1959 г., оказалась безрезультатной, ее участники фактически проигнорировали советский ультиматум. Вопрос остался открытым; пропало ощущение необходимости срочного решения, которое производил сам тон ноябрьской ноты 1958 г. Приглашение Хрущева в Соединенные Штаты в сентябре и встреча в Кэмп-Дэвиде привели к безрезультатным поискам компромисса. Но они свидетельствовали о том, что первый секретарь ЦК КПСС не был склонен к экстремистским решениям, несмотря на давление со стороны восточных немцев (которое, впрочем, корреспондировалось с жесткостью Аденауэра, непреклонно отстаивавшего принцип свободных выборов как предпосылку любого диалога).

За диалог нужно было платить. Вести переговоры с Хрущевым означало оказывать на него давление стратегией «массированного возмездия», но вместе с тем избегать запугивания СССР проектом предоставления Германии ядерного оружия. С этой точки зрения, акция Хрущева достигла желаемого результата. Проект был снят с повестки дня, что не устранило полностью опасений Советов; в дальнейшем проблема предоставления Германии ядерного оружия всегда рассматривалась как многосторонняя. Как отмечал Марк Трахтенберг, это оказало «глубоко разрушающее действие на Атлантический пакт». В самом деле, в те годы, когда проблема ядерных вооружений была одной из главных в международных отношениях, подход к ней Эйзенхауэра (а затем и Кеннеди) убедил союзников в решимости американцев защитить их в случае советского нападения. Но постепенно закрадывались сомнения, им казалось, что крепнет ядерная мощь Советского Союза, а Соединенные Штаты ему уступают, выдвинув концепцию «гибкого реагирования»: щит казался недостаточно надежным, чтобы вызывать доверие и порождать уверенность. Поэтому вскоре Хрущев мог убедиться в своем успехе.

Между тем решения относительно Берлина не были приняты. Вопрос должен был обсуждаться на встрече в верхах в Париже в середине мая 1960 г. Но встреча не состоялась, Хрущев и на этот раз избежал обсуждения берлинского досье. Причины несостояв-

шейся встречи были связаны с более общими проблемами, лежавшими в основе инициатив сверхдержав.

В 1955–1956 гг., чтобы наблюдать за развитием советских ракетно-ядерных вооружений, американцы создали около тридцати сверхзвуковых самолетов, названных У-2, способных совершать продолжительные полеты на высоте, недостижимой (как предполагалось) для советских противовоздушных средств. Это был способ получения информации, типичный для времен холодной войны, который представлял намерения американцев в неблагоприятном виде. Впрочем, они должны были реагировать на отказ СССР от контроля над атомными испытаниями, и пока подобное соглашение не было достигнуто, секретные полеты были альтернативой шпионской информации. Даже де Голль, не питавший симпатии к Соединенным Штатам, отмечал, что полеты У-2 были так же незаконны, как полеты в космосе советских спутников, которые, возможно, были оснащены фотоаппаратурой. Больше, чем сам факт полетов У-2 (о которых Советский Союз знал и сначала не протестовал против них), поразило то, как они были раскрыты, что поставило в затруднительное положение американцев, которые неожиданно оказали большую услугу Хрущеву.

1 мая 1960 г. самолет У-2 вылетел с базы, расположенной в Пакистане, чтобы пересечь всю территорию СССР и приземлиться в Норвегии. Он был сбит советской ракетой. Пилот Гарри Пауэрс сумел спастись, а большая часть разбитого самолета попала в руки советских специалистов. Когда 5 мая Хрущев заявил об инциденте, американцы попытались опровергнуть его утверждения, но попали в еще более затруднительное положение, когда Советы показали фотографию пилота и обломки самолета, которые за это время были доставлены в Москву. Не могло быть большего унижения. Советский Союз заявил, что считает полет У-2 военной акцией. Тем не менее он не отменил встречу в верхах в Париже. Эйзенхауэр прибыл в столицу Франции 14 мая, а на следующий день ему была передана нота, врученная де Голлю непосредственно Хрущевым, в которой проведение встречи в верхах было обусловлено требованиями к президенту США: осудить шпионскую акцию, отказаться от подобных акций в будущем и наказать лиц, ответственных за полет. Было ясно, что Хрущев постарается извлечь наибольшую выгоду из сложившейся ситуации. Однако он не смог осуществить свои намерения, так как Эйзенхауэр отказался пойти на какие-либо уступки. Более того, временный разрыв был для него полезным.

Кажущееся противоречие объясняется событиями, предшествовавшими поездке в Париж. Противники советского премьера

и диалога с Соединенными Штатами (Суслов, Громыко, представители КГБ, высшее командование армии, которым удалось сместить Жукова, сторонника Хрущева, с поста министра обороны) оценили отрицательно предполагавшуюся поездку Эйзенхауэра в Москву и готовились к тому, чтобы оставить первого секретаря в меньшинстве. Как подтвердил Михаил Наринский, Хрущев во время заседания Президиума ЦК КПСС, проходившего 7 апреля 1960 года, понял масштабы разногласий и был вынужден найти какой-либо предлог, чтобы сорвать встречу в верхах. Инцидент с У-2 вывел его из состояния растерянности, хотя он и должен был спросить себя, почему советские ракеты-перехватчики не сумели этого сделать в предыдущие месяцы.

Советский лидер прибыл в Париж 16 мая, как будто бы он считал, что встреча в верхах возможна. Отношение Эйзенхауэра, которого поддержали французы и англичане, дало возможность первому секретарю громко заявить о своей позиции. Затем он уехал в Берлин. Как отмечал Улам, «мир замер, дрожа от страха», потому что не могло быть момента лучше, чтобы подписать мирный договор с Восточной Германией и вновь создать кризисную ситуацию. Но этого не случилось. Наоборот, Хрущев не аннулировал полностью приглашение Эйзенхауэра посетить Советский Союз, хотя повторил свое предложение провести встречу в верхах при более благоприятных обстоятельствах.

В этой позиции было два аспекта: внешний, «театральный», и основной, «сторонника жесткой политической линии». «Театральность» предназначалась внутренним оппонентам. Жесткость была составной частью внешнеполитической стратегии Хрущева: упорное соперничество, острота проблем, по которым между СССР и США возникали глубокие противоречия, но вместе с тем поиск точек совпадения позиций. Учитывая ядерное отставание Советского Союза, Хрущев пытался удержать ситуацию под контролем: как в Европе в случае ядерного вооружения Западной Германии или нейтрализации Восточной Германии по предложению Аденауэра либо их объединения, так и в Азии, где Хрущев не хотел превращения Китая в ядерную державу. Этот сложный для советского лидера момент совпал с кульминационной фазой предвыборной президентской кампании в США, что позволило ему начать осторожный поиск возможностей для маневра.

Пауза 1960 года в Берлинском кризисе, тем не менее, не означала, что проблема Берлина была забыта, потому что для Восточной Германии эта проблема всегда оставалась открытой. Постоянный поток эмигрантов, который и после 1958 г. устремлялся в Западную Германию, стал наиболее выразительным показателем

нестабильности, что наносило тяжелый урон престижу режима Ульбрихта. Решения, принятые коммунистическим правительством в 1959 г. по вопросу о розничной торговле и занятиях ремеслом, сократили в дальнейшем возможности для частной экономической деятельности. Еще более жестким было решение о завершении в 1960 г. «коллективизации» в сельском хозяйстве. В 1960 г. беженцев было 200 000, и почти все они прошли через Берлин, а за восемь месяцев 1961 г. их число превысило за 275 000 человек.

Еще до того, как Кеннеди официально занял пост президента Соединенных Штатов, Хрущев 6 января 1961 г. неожиданно возобновил кампанию за подписание мирного договора с Восточной Германией. По-видимому, он надеялся воспользоваться трудностями периода перехода от прежнего президента Эйзенхауэра, которого отличал спокойный стиль в решении кризисных моментов, к новому руководству, доверенному молодому государственному деятелю, не имевшему опыта внешнеполитической деятельности.

В феврале Кеннеди решил выступить с инициативой и предложил провести встречу в верхах двух лидеров. Хрущев ответил ему после провала попытки антикастровского вторжения в заливе Кочинос на Кубе, предложив встретиться в июне в Вене. Кеннеди согласился, хотя обстановка для встречи в психологическом плане была не очень благоприятной. Встреча не дала серьезных результатов и завершилась взаимным непониманием. Кеннеди предложил конкретное обсуждение проблем, а Хрущев вновь проявил свой бурный темперамент и повторил свои требования относительно Берлина.

Кеннеди действовал спокойно и сдержанно, Хрущев расценил подобное поведение как проявление слабости и неуверенности. Он вновь стал вести переговоры в свойственном ему агрессивном стиле и впервые на встрече в верхах поставил вопрос о реформе генерального секретариата Организации Объединенных Наций, потребовав, чтобы его представлял не один человек, а трое (один — от западных стран, один — от Советского Союза и один — от нейтральных стран). Между двумя государственными деятелями не произошло дружеского сближения, как в Кэмп-Дэвиде между Хрущевым и Эйзенхауэром. Впрочем, Кеннеди не был молодым неопытным политиком, как полагал Хрущев, он быстро осваивал ремесло президента и стал более хладнокровным и осторожным, чем в первые месяцы своего пребывания у власти. Пока же он увидел, что Хрущев намерен действовать агрессивно, и приготовился к энергичному отпору.

Кеннеди изложил принятые им решения в своем выступлении 25 июля 1961 г., которое было ответом на угрозы Хрущева. Он заявил, что его правительство разработало ряд мер по наращиванию как обычных, так и ядерных вооружений. Он дал понять, что Соединенные Штаты отказываются от спокойного политического стиля Эйзенхауэра и что теперь, даже формально, не позволят считать себя державой, находящейся в состоянии упадка, почти смирившейся с советским превосходством. Соединенные Штаты никогда первыми не нанесут ядерный удар (этого они твердо придерживались), но Советам должны знать, что ядерное преобладание Соединенных Штатов позволяет им противостоять советским угрозам. Таким образом, Кеннеди положил начало формированию динамичного имиджа страны и тем самым к концу 1962 г. вернул американцам веру в самих себя, которую подорвала паника, охватившая их после 1957 г. Теперь Хрущеву предстояло искать выход.

3 августа 1961 г. состоялось совещание руководителей стран Варшавского договора, во время которого Ульбрихт вновь изложил свои требования полного признания ГДР и немедленного подписания мирного договора, который придаст бы Восточной Германии узаконенный международный статус; в противном случае, заявил он, будут предприняты военные меры в отношении Берлина. Во время обсуждения шел поиск компромисса, и в этой ситуации строительство Берлинской стены, которое делало невозможным просачивание эмигрантов на Запад, представляется не как провокационная мера, а как компромисс между непримиримостью Ульбрихта и осторожностью Хрущева.

Теперь Хрущеву надлежало снизить полемический тон, что он и сделал в своей речи 7 августа 1961 г., когда заявил, что у советской стороны не было намерения нарушить законные интересы западных держав на коммуникациях к Западному Берлину и в самом городе. Он показал, что понимает причины, определявшие линию Кеннеди, и изменил тон в отношении Берлина и ядерных проблем. Больше не повторялись антиамериканские инсценировки в стиле, который был продемонстрирован в декабре 1960 г. в Нью-Йорке, когда Хрущев афишировал свое намерение вызвать недовольство противников, встречаясь с Фиделем Кастро, открытым врагом американцев, либо привлекая к себе внимание сценами, которые потом стали широко известны благодаря международным репортажам, как это было во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН, когда в ответ на критику Советского Союза он снял с ноги ботинок и стал непрерывно стучать им по скамье.

Что касается Берлина, то с точки зрения отношений между сверхдержавами вопрос остался неурегулированным, его решение было отложено на неопределенно долгий срок. Статус самого города и его положение на территории Германской Демократической Республики определялись директивами Варшавского договора. Два дня спустя после другого выступления Хрущева, в котором он допускал, что ядерное превосходство США вынуждало Советский Союз «терпеть атомный шантаж», 13 августа 1961 г. власти Восточного Берлина начали строить барьеры из колючей проволоки, которые быстро превратились в высокую стену, разделившую город, а также и Германию, на две части. Эти меры должны были воспрепятствовать нарушению запрета на транзит и любой попытке тайного перехода границы, они свидетельствовали о решимости правительства Ульбрихта положить конец уходу беженцев.

Стена стала символом позора и слабости. С точки зрения международной политики она расценивалась очень негативно. Своим видом она как бы утверждала, что берлинская ситуация не может быть изменена, что нельзя касаться западной части города, не идя на слишком большой риск, что Восточная Германия должна быть заперта внутри собственной границы, если хочет положить конец ситуации нестабильности и неуверенности, которая сложилась вследствие полемики, открытой в 1958 г. Это означало, что Кеннеди так же, как раньше Даллес, принял ситуацию, сложившуюся в Центральной Европе. Более того, это означало, что Хрущев должен был посоветовать Ульбрихту в решении проблем, касавшихся стабильности его режима, полагаться на собственные силы, а не надеяться на возможность скорого изменения германской ситуации.

Проблема Берлина сохранялась как замороженный дипломатический вопрос, и стена превращалась в символ невозможности для Хрущева дать Ульбрихту то, что тот просил. Существование-соперничество неизбежно включало правило, что территориальные изменения в Германии недопустимы. Можно согласиться с замечанием Трахтенберга, что события 1958–1962 гг. превратили раскол Германии в «жизненную реальность».

Если после 1957 г. казалось возможным, что Западная Германия получит в какой-либо форме и под определенным контролем ядерное оружие, то в начале шестидесятых годов стало ясно, что этого не будет. Оборона Центральной Европы была доверена Соединенным Штатам на стабильной основе, предусматривавшей их пребывание в Европе неопределенно долгое время. Альтернатива, т.е. появление Германии, располагавшей ядерным оружием, изменила бы границы зон влияния двух сверхдержав слишком угрожающим образом, чтобы обе стороны могли с этим согласиться.

Итак, кризис 1958-1961 гг. лишь подтвердил стабильность ситуации, сложившейся к 1955 г. в Европе. Он показал, что усилия Хрущева решить в Европе проблемы, которые не были европейскими, поскольку касались отношений Советского Союза с Китаем или новых сфер соперничества с Соединенными Штатами, требовали пробы сил в других регионах, например на Кубе.

11.2. Вступление Латинской Америки в мировую политику

11.2.1. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Латинская Америка завоевала свою независимость с помощью британского флота и сохраняла ее благодаря английскому влиянию, уравновешенному формулой, содержащейся в доктрине Монро 1823 г., которая робко, но небезрезультатно настаивала на том, чтобы европейцы не превращали территории Западного полушария в объект своих завоеваний. Именно таким образом большая часть стран Латинской Америки сохранила свою независимость и воспользовалась в первой половине XIX в. плодами британского неокOLONIALИЗМА. Поскольку Соединенные Штаты все еще были заняты формированием собственного национального единства, то возможность осуществлять значительные инвестиции в богатые малонаселенные земли с почти всегда благоприятным климатом и уже сложившейся за века испанского колониального господства традицией отношений с европейцами предоставлялась британцам, обладавшим бесспорным превосходством на море.

После войны 1846-1848 гг. стало ощущаться давление Соединенных Штатов на Мексику. Однако только после испано-американской войны 1898 г. Соединенные Штаты стали державой-гегемоном в Карибском бассейне и начали проводить действительно панамериканскую политику. После нескольких лет дискуссии на рубеже веков о выборе между колониальным экспансионизмом традиционного типа и инвестициями в сочетании с политикой гегемонии возобладали антиколониалистская направленность. Панамериканские конференции, первая из которых состоялась в 1889 г., стали первой формой проявления превосходства Соединенных Штатов. Второй, и более эффективной, формой стало «дополнение», сделанное Теодором Рузвельтом в декабре 1904 г. к доктрине Монро. Обеспокоенный попытками немецкой экспансии и желая также ограничить британское присутствие, президент уточнил, что действия, предпринимаемые латиноамери-

канскими правительствами с целью противостоять попыткам капиталистического проникновения, могли бы спровоцировать репрессии со стороны стран, заинтересованных в защите своих инвестиций. Поскольку доктрина Монро эффективно предотвращала прямое вмешательство европейских держав, то теперь следовало добавить, что Соединенные Штаты, хотя они этого и не желают, могут прибегнуть к военному вмешательству для защиты интересов инвесторов «в явных случаях нарушения закона или беспомощности» (латиноамериканских правительств). Иными словами, Латинская Америка объявлялась сферой влияния Соединенных Штатов, взявших на себя роль «международной полицейской силы». Сам способ, каким Теодор Рузвельт действовал в 1903 г. для того, чтобы сделать возможным начало работ по строительству Панамского канала, преодолевая сопротивление колумбийского правительства и способствуя созданию независимой Панамской республики, стал ярким подтверждением того, что Рузвельт намеревался сформулировать свое «дополнение» еще до того, как публично изложил его.

Участие в Первой мировой войне, несмотря на неудачу реформистских проектов Вильсона, означало появление Соединенных Штатов на международной сцене в качестве основы нового мирового порядка. Несмотря на возросший военный потенциал, немедленного усиления господства над Латинской Америкой не произошло. Многие деятели этих стран с удовлетворением наблюдали за провалом Вильсона и несостоявшимся участием США в Лиге наций, в которую латиноамериканские страны, напротив, вступили отчасти для того, чтобы сбалансировать преобладание Соединенных Штатов в панамериканских механизмах. Первое послевоенное десятилетие характеризовалось, следовательно, постоянными противоречиями между экспансией американского присутствия, в ряде случаев даже военного, и сопротивлением региональных сил, часто поддерживаемых европейскими странами.

Избрание президентом Ф.Д. Рузвельта положило начало проведению новой политической линии, менее интервенционистской и более примирительной, которую Рузвельт определил как «политика доброго соседа» и которая была продемонстрирована Корделлом Хэллом на седьмой Панамериканской конференции, состоявшейся в Монтевидео в декабре 1933 г. Сразу же после конференции Рузвельт заявил об отказе от какой бы то ни было политики одностороннего вмешательства. В 1934 г. по инициативе самих Соединенных Штатов была отменена так называемая «поправка Платта», которая была насильно включена в кубинскую конституцию и гарантировала Соединенным Штатам право

на вмешательство во внутренние дела Кубы, устанавливая, таким образом, своего рода протекторат над островом. В 1936 г. был подписан новый договор с Панамой, снижавший уровень контроля, который осуществляли Соединенные Штаты за зоной канала. В 1938 г. вашингтонское правительство присоединилось к протоколу об отказе от прямого и косвенного вмешательства американских государств в жизнь других государств.

Однако изначальная двусмысленность этой политики, как и в целом всех отношений между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами, состояла в стремлении местных консервативных сил управлять по своему усмотрению богатыми, но отсталыми странами, перекалдывая на плечи крестьян и рабочих издержки начального этапа индустриализации. Американцы же, напротив, проводили свою политику, ставя перед собой цель достижения экономического роста, функционального по отношению к потребностям рынка и американских финансов; политику, всегда затрагивавшую глубоко укорененные интересы. Конфликт заключался в противоречиях между латифундистским капитализмом, союзником военных режимов и зачастую коррумпированных политиков, и предпринимательским капитализмом, подчиненным целям извлечения прибыли из инвестиций и готовым в поисках надежных союзников поддержать политические силы, в меньшей степени связанные с традиционными слоями общества. Эта ситуация совпала с трансформацией, последовавшей в Латинской Америке за периодом «великой депрессии», а также с началом политики индустриализации, изменившей внутреннюю социальную структуру отдельных государств и создавшей новые объективные возможности для союза с Соединенными Штатами, в том числе и с целью проведения некоторых социальных и экономических реформ. Рузвельт добавил к этой общей сложной картине отказ от наиболее явных проявлений американского превосходства, однако он не мог устранить расхождение интересов, представавшее в слишком разных обличьях для того, чтобы его можно было свести к единой формуле.

Укрепление панамериканской структуры смягчило стратегические разногласия только в международном плане, поскольку всему американскому сообществу отводилась задача защиты Западного полушария. Однако даже это, по крайней мере, вплоть до Второй мировой войны, не помешало Латинской Америке стать сферой проникновения европейской пропаганды и европейских коммерческих интересов. Так, несмотря на принцип невмешательства, содержащийся в доктрине «добраго соседа», оставалось пространство для укрепления традиционных позиций не

только британцев, но также немцев и итальянцев, которые стремились к экономическому участию в Латинской Америке. Немцы действовали в том числе и методами интенсивной пропагандистской политики нацистов, после проникновения на континент сразу же принявшей антиамериканскую направленность; итальянцы — при помощи фашистского прозелитизма, находившего в сплоченных рядах итальянской эмиграции в Аргентине и почти во всей Латинской Америке благодатную почву, хотя на первых порах и не всегда враждебную к Соединенным Штатам.

Опасности, связанные с этой ситуацией, и выгоды от политики «доброго соседа» стали очевидными во время Второй мировой войны. Соединенные Штаты должны были сделать все возможное для того, чтобы опереться на антифашистские элементы и, более того, противодействовать нацистскому проникновению. Пока Соединенные Штаты официально не вступили в войну, это было чрезвычайно трудно, поскольку не было законных оснований для антинемецкой деятельности, которую проводило Управление по координации межамериканских отношений (*Office of the Coordinator of Inter-American Affairs*), возглавлявшееся Дэвидом Рокфеллером. Оно было создано в 1940 г. с целью способствовать экономическому и гуманитарному сотрудничеству в Западном полушарии, но, прежде всего, с целью «внести вклад в дело союзников».

После Пёрл Харбора ситуация прояснилась. Положение улучшилось благодаря атмосфере доброй воли, которую сумела создать администрация Рузвельта, — в особенности деятельности Сэмнера Уэллеса. Сразу же после Пёрл Харбора правительство Соединенных Штатов сочло своевременным сосредоточить свои усилия на Латинской Америке, используя сущность и практику панамериканизма. С этой целью оно созвало консультативное совещание министров иностранных дел американских республик для обсуждения проблем сотрудничества в борьбе против сил «оси». Для вашингтонского правительства важно было создать сплоченный фронт стран, готовых вступить в войну, или, по меньшей мере, разорвать дипломатические отношения с противниками Соединенных Штатов. Отклик на это предложение был огромным, однако Аргентина, поддержанная Чили, отказалась принять какое-либо конкретное предложение. Аргентину и Соединенные Штаты разделяли давние противоречия. Среди латиноамериканских стран Аргентина была вплоть до 1945 г. наиболее восприимчива к нацистской и фашистской пропаганде и в наименьшей степени склонна действовать по подсказке вашингтонского правительства. Таким образом, принятие единогласного решения не состоялось.

Однако через несколько дней латиноамериканские страны разорвали дипломатические отношения со странами «оси» и с Японией. Исключения составили Чили (до января 1943 г.) и Аргентина (до 1944 г.), отложившие свое решение до завершающего этапа войны.

Эти два исключения были важны, однако они не уменьшали значения американского успеха. Противостояние, которое во время Первой мировой войны было столь сильным, в этом случае оказалось всего лишь маргинальным. Соединенные Штаты получили помощь в виде проявления сплоченности и солидарности, а взамен применили к Латинской Америке закон о ленд-лизе. В особенности это касалось Бразилии, которая участвовала в войне, используя свои войска (находившиеся в Италии), и Мексики, вовлеченной в воздушную войну на Тихом океане.

Аргентинская рана оставалась открытой вплоть до марта 1945 г., когда объявление войны стало необходимым условием для участия в конференции в Сан-Франциско по вопросу о создании ООН. В основе конфликта лежала оппозиция США политическому режиму, а затем военной диктатуре, находившимся у власти в Буэнос-Айресе. Деятельность американцев значительно затруднялась тем откровенным покровительством, которое оказывала Аргентине Великобритания, обнаружившая в этой части Западного полушария незанятое пространство для своего экономического присутствия в Латинской Америке. Сначала генерал Эделемиро Фаррелл, а затем полковник Хуан Доминго Перон, избранный президентом только в 1946 г., но уже в то время являвшийся центральной политической фигурой в Аргентине, создали в стране режим, получивший поддержку благодаря национализму, направленному против Соединенных Штатов, а во внутренней политике — благодаря патерналистской политике, защищавшей интересы нового рабочего класса посредством очень развитой социальной политики. Последняя базировалась, однако, на проекте экономического развития, искажавшем естественные перспективы (в основе которых лежали богатое сельское хозяйство и животноводство). Режим ориентировался на неконкурентоспособную индустриализацию, защищенную протекционизмом, что вскоре привело Аргентину к экономической стагнации и чуть ли не к экономической отсталости.

В период войны панамериканский консенсус (исключение составляла Аргентина) внес безоговорочный вклад в дело Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство, со своей стороны, сделало все возможное, чтобы превратить исключительные обстоятельства, смягчавшие традиционное противостояние, в постоянную ситуацию. Все латиноамериканские страны, за исклю-

чением Аргентины, были приглашены к участию в деятельности союза Объединенных Наций: подготовительных работах по созданию ФАО (FAO — *Food and Agricultural Organization of the United Nations*); в Бреттон-Вудской системе, в создании Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития. Более сложной была проблема участия в подготовительной работе по созданию ООН, доверенной только представителям крупнейших держав, что вызвало разногласия, связанные с требованием предоставить определенное количество мест в Совете Безопасности странам Латинской Америки. Память о первостепенной роли, которую играла Лига наций, все еще оказывала свое влияние на подготовку послевоенного устройства.

Для преодоления этих разногласий и для обсуждения аргентинского вопроса Вашингтонское правительство согласилось на то, чтобы собрать в феврале—марте 1945 г. в Чапультепекском замке (Мехико) панамериканскую конференцию. Проблемы, стоявшие в центре дискуссии, касались роли Латинской Америки в новом мировом устройстве, будущей межамериканской системы и социально-экономических трудностей, связанных с переходом от войны к миру. Что касается первого вопроса, то Соединенные Штаты были ограничены соглашениями с Великобританией и Советским Союзом. Поэтому им пришлось ограничиться предложением, чтобы позиция латиноамериканских государств была свободно изложена на конференции в Сан-Франциско. Перестройка отношений между американскими государствами привела к более конкретным результатам. Латиноамериканские государства стремились к созданию континентальной оборонительной системы, которая автоматически связала бы обязательствами Соединенные Штаты, без необходимости голосования в Сенате. Результатом стал компромисс из трех пунктов, получивший название Чапультепекский акт (принят 8 марта 1945 г.), предусматривавший обязательства по совместной обороне на весь (теперь уже короткий) период войны; обязательство подписать договор, устанавливающий аналогичные гарантии на будущее; определение достигнутых договоренностей как «регионального соглашения, относящегося к вопросам мира и международной безопасности», которое должно применяться в Западном полушарии и должно соответствовать принципам создаваемой глобальной организации. В тот момент были заложены лишь основы политики, которую следовало, по мере возможности, сформировать. Что касается Аргентины, то было решено, что Чапультепекский акт будет открыт для присоединения к нему, но только 21 апреля, накануне начала

работы конференции в Сан-Франциско правительство Буэнос-Айреса преодолело свои колебания. Соединенные Штаты с трудом добились затем, чтобы оно участвовало в конференции, в рамках компромисса, позволившего Советам добиться отдельного представительства для Украины и Белоруссии.

11.2.2. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПАКТ РИО

Статьи 51–54 Устава ООН предусматривали возможность подписания региональных соглашений и возможность их вступления в силу в целях самообороны до того момента, пока Совет Безопасности не вмешается в конфликт и не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Принцип самообороны, включенный в статью 51 Устава, составлял основное содержание Чапультепекского акта. Однако, латиноамериканские страны полагали, что наличие общей нормы не исключает необходимости подписать договор о межамериканской присутствия в Латинской Америке. Сначала генерал Эделемиро Фаррелл, а затем полковник Хуан Доминго Перон, избранный президентом только в 1946 г., но уже в то время являвшийся центральной политической фигурой в Аргентине, создали в стране режим, получивший поддержку благодаря национализму, направленному против Соединенных Штатов, а во внутренней политике — благодаря патерналистской политике, защищавшей интересы нового рабочего класса посредством очень развитой социальной политики. Последняя базировалась, однако, на проекте экономического развития, искажавшем естественные перспективы (в основе которых лежали богатое сельское хозяйство и животноводство). Режим ориентировался на неконкурентоспособную индустриализацию, защищенную протекционизмом, что вскоре привело Аргентину к экономической стагнации и чуть ли не к экономической отсталости.

В период войны панамериканский консенсус (исключение составляла Аргентина) внес безоговорочный вклад в дело Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство со своей стороны сделало все возможное, чтобы превратить исключительные обстоятельства, смягчавшие традиционное противостояние, в постоянную ситуацию. Все латиноамериканские страны, за исключением Аргентины, были приглашены к участию в деятельности союза Объединенных Наций: в подготовительных работах по созданию ФАО (FAO — *Food and Agricultural Organization of the United Nations*); в Бреттон-Вудской системе, в создании Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития.

Более сложной была проблема участия в подготовительной работе по созданию ООН, доверенной только представителям крупнейших держав, что вызвало разногласия, связанные с требованием предоставить определенное количество мест в Совете Безопасности странам Латинской Америки. Память о первостепенной роли, которую играла Лига наций, все еще оказывала свое влияние на подготовку послевоенного устройства.

Для преодоления этих разногласий и для обсуждения аргентинского вопроса Вашингтонское правительство согласилось на то, чтобы собрать в феврале-марте 1945 г. в Чапультепекском замке (Мехико) панамериканскую конференцию. Проблемы, стоявшие в центре дискуссии, касались роли Латинской Америки в новом мировом устройстве, будущей межамериканской системы и социально-экономических трудностей, связанных с переходом от войны к миру. Что касается первого вопроса, то Соединенные Штаты были ограничены соглашениями с Великобританией и Советским Союзом. Поэтому им пришлось ограничиться предложением, чтобы позиция латиноамериканских государств была свободно изложена на конференции в Сан-Франциско. Перестройка отношений между американскими государствами привела к более конкретным результатам. Латиноамериканские государства стремились к созданию континентальной оборонительной системы, которая автоматически связала бы обязательствами Соединенные Штаты, без голосования в Сенате. Результатом стал компромисс из трех пунктов, получивший название Чапультепекский акт (принят 8 марта 1945 г.), предусматривавший обязательства по совместной обороне на весь (теперь уже короткий) период войны; обязательство подписать договор, устанавливающий аналогичные гарантии на будущее; определение достигнутых договоренностей как «регионального соглашения, относящегося к вопросам мира и международной безопасности», которое должно применяться в Западном полушарии и должно соответствовать принципам создаваемой глобальной организации. В тот момент были заложены лишь основы политики, которую следовало, по мере возможности, сформировать. Что касается Аргентины, то было решено, что Чапультепекский акт будет открыт для присоединения к нему, но только 21 апреля накануне начала работы конференции в Сан-Франциско правительство Буэнос-Айреса преодолело свои колебания. Соединенные Штаты затем с трудом добились того, чтобы оно участвовало в конференции: в рамках компромисса, позволившего Советам добиться отдельного представительства для Украины и Белоруссии.

11.2.2. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПАКТ РИО

Статьи 51-54 Устава ООН предусматривали возможность подписания региональных соглашений и возможность их вступления в силу в целях самообороны до того момента, пока Совет Безопасности не вмешается в конфликт и не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Принцип самообороны, включенный в статью 51 Устава, составлял основное содержание Чапультепекского акта. Однако латиноамериканские страны полагали, что наличие общей нормы не исключает необходимости подписать договор о межамериканской безопасности, предусмотренный самим актом. Давление по этому вопросу на Соединенные Штаты продолжилось в преддверии конференции в Рио-де-Жанейро, запланированной на 20 октября 1945 г., в ходе которой должен был быть заключен официальный союз. Отказ Соединенных Штатов подписаться под гарантиями, распространявшимися также на Аргентину, обрек переговоры на неудачу. Вопрос был надолго отложен: конференция в Рио собралась только в августе 1947 г., а 2 сентября был подписан межамериканский договор о взаимной обороне. Все статьи договора идеально соответствовали Уставу ООН, а сам договор увенчал усилия Соединенных Штатов, направленные на юридическое закрепление латиноамериканскими странами позиции, в соответствии с которой любая внешняя агрессия и любой внутренний мятеж могли представлять угрозу для безопасности всего континента и делать легитимным вмешательство (ст. 3 договора). Статья 6, впрочем, добавляла: «Если неприкосновенность и целостность территории, суверенитет или политическая независимость какого-либо американского государства окажутся под угрозой в результате агрессии, представляющей собой вооруженное нападение, или же в результате конфликта за пределами континента, или вследствие какого-либо другого обстоятельства или ситуаций, способных угрожать миру в Америке, то Консультативный орган [то есть исполнительный орган межамериканской системы] соберется немедленно для того, чтобы определить меры, которые в случае агрессии должны быть предприняты для оказания помощи жертве агрессора или, в любом случае, те, что следует предпринять для совместной обороны и для поддержания мира и безопасности на континенте». Формулировка статьи была настолько гибкой, что оставляла широкое поле для интерпретаций того, что является агрессией, и, следовательно, требует вмешательства, — это соответствовало намерениям Вашингтона постоянно иметь в распоряжении гибкий инструмент для сдерживания внутренних противоречий на Американском континенте

и для осуществления посредничества, если таковое понадобится. Как и в случае с Атлантическим пактом, который для Пакта Рио послужил моделью, и даже с гораздо большей тщательностью Пакт Рио формулировал нормы, утверждавшие дипломатический контроль Соединенных Штатов над американским континентом. Он отражал специфику момента, когда полное исчезновение противников и ослабление Британии привели к отсутствию антагонистов и позволили включить в пакт и Аргентину с ее особой позицией, ставшей теперь более взвешенной.

Несколько месяцев спустя, в марте 1948 г., на конференции в Боготе (девятой Панамериканской конференции) была создана Организация Американских Государств (ОАГ). Учредительный договор утверждал постоянную организацию, замышлявшуюся, однако, как вспомогательная по отношению к ООН. Высшим органом ОАГ стала Межамериканская конференция, которая должна была созываться, в соответствии с установленной нормой, каждые пять лет, а в исключительных случаях — по требованию не менее двух третей членов. Прежний Панамериканский союз был преобразован в своего рода Совет и Генеральный секретариат с местопребыванием в Вашингтоне. Совет, имевший функции консультативного органа, состоял из одного представителя от каждой страны-члена и осуществлял свои функции в случае агрессии. По требованию одного из государств-членов могло быть созвано консультативное совещание министров иностранных дел. Учредительный договор определял также формы вмешательства в различные сферы межамериканского сотрудничества и устанавливал цели, принципы, права и обязанности, которые должны были соблюдать государства-члены. Цели и принципы объединяло общее стремление облегчить процедуру мирного разрешения конфликтов, усилить межамериканскую солидарность и повысить уровень социальной, экономической и культурной жизни на континенте.

Создание ОАГ и оформление межамериканской системы стали наивысшей точкой усилий по организации совместной политики, в значительной мере характеризовавшейся полным преобладанием Соединенных Штатов. В те годы холодная война лишь изредка затрагивала Западное полушарие. Соперничество с европейскими государствами почти не имело значения, а сотрудничество в военные годы, казалось, укрепило солидарные связи, существовавшие между странами, столь различающимися с этнической, экономической, социальной и политической точек зрения. Однако, после конструктивного этапа политики «добраго соседа» за этим внешним развитием сотрудничества начали образовываться трещи-

ны новых и более глубоких разногласий. Война ускорила социальные и экономические перемены в Латинской Америке, и финансовые обязательства Соединенных Штатов ставили теперь перед руководством каждой страны проблемы разного, и зачастую противоположного, плана. Разрывы не замедлили проявиться. На отношениях между Соединенными Штатами, ставшими уже ведущей державой системы внесоветского мира, и Латинской Америкой не могли не сказаться как смещение центра интересов самих Соединенных Штатов, так и растущее влияние американской сверхдержавы в мире. Это вновь и вновь выдвигало вопросы панамериканской лояльности, тесно связанные с проблемами экономических и политических отношений.

Отношения с Аргентиной были связаны не с проблемой коммунизма, а с продолжением соперничества, существовавшего до и после Второй мировой войны. Процесс трансформации, который переживала Аргентина, касался системы сельскохозяйственного экспорта, который доминировал вплоть до двадцатых годов, ослабления зависимости от внешнего мира и развития автономной, но пока еще слабой индустриальной системы. Рост промышленности и пролетариата вывел на сцену новые группы и новые потребности, тогда как традиционным силам не удалось адекватно отреагировать на изменения. Существующие институты утратили свою легитимность, а государственная структура проявила всю свою слабость, создав самый настоящий политический вакуум. В этот контекст событий включились (как отмечает Анджело Тренто) «народные массы, в значительной мере открытые для политики и поиска экономической и социальной интеграции». Движения, уловившие эти ожидания, заполнили лакуны, оставленные партиями, связанными с более традиционными социальными силами (консерваторами или прогрессистами). Такой была в общем виде социально-экономическая почва, на которой после войны удалось выйти на авансцену Хуану Доминго Перону как харизматической фигуре, доминирующей в аргентинской политической жизни. 24 февраля 1946 г., преодолев сопротивление традиционных партий и соперничество своих коллег в мире военных, Перон был избран президентом при активной поддержке части *descamisados* (пролетариев), одобрявших его «хустисиалистскую» программу, с ее обещаниями социальной справедливости.

Перон управлял Аргентиной почти десять лет, большую часть из которых он находился в состоянии непримиримых противоречий с Соединенными Штатами: «Глубоко демагогичному и патерналистскому популизму [Перона] были свойственны абстрактные

антиимпериалистические, антиолигархические и националистические заявления, авторитарная институциональная структура, этатистская и индустриалистская экономическая направленность, харизматическое руководство, поощрение бюрократического клиентелизма. Одновременно он дал ответ на ряд требований общества и воплотил их в жизнь, проводя обычно политику перераспределения доходов и ресурсов и способствуя формированию и распространению национальной идентификации, часто шовинистического характера» (Анджело Тренто).

Данные черты, которые порой заставляли причислять Перона к диктаторам фашистского типа, объясняют мотивы его внутренней политики. Своим прямым призывом, обращенным к политическому обществу, он добился высокой степени легитимации своей системы правления, хотя при этом и отменил и сделал излишними традиционные институты. Это был новый союз, оставивший вне своих рамок сельских батраков и уменьшивший роль латифундистов, которые, однако, примирились с режимом из-за сохранения своего социально-экономического господства на местах. Это был также заразительный пример для других латиноамериканских республик, поскольку он добавлял к персоналистскому характеру «каудильизма» реальность очень широкого социального консенсуса, хотя и искаженного национализмом или обещаниями, которые вели не к структурным реформам, а лишь к возникновению новой олигархии, связанной с изменившейся системой производства и ее потребностями.

В плане международных отношений политическая линия Перона представляла собой постоянный раздражитель, как колючая проволока в горле, но не реальную угрозу для Соединенных Штатов. Примеру Перона в Чили последовал генерал Карло Ибаньес, в Эквадоре — Хосе Мария Веласко Ибарра, в Колумбии — генерал Густаво Рохас Пинилья, в Боливии — Херман Буш. Предшественником Перона был Жетулиу Варгас, избранный президентом Бразилии по конституции 1934 г. и остававшийся у власти до 1945 г., а затем с 1951 по 1954 г. Варгас возглавил преобразование Бразилии из преимущественно аграрно-латифундистской в страну, где началась социальная трансформация, связанная с индустриализацией. Сначала Варгас имитировал институты фашизма, но в период войны проявил прозорливость и открыто выступил на стороне Соединенных Штатов, что позволило ему преодолеть послевоенный кризис и продолжить президентскую деятельность под знаком экономического национализма, популизма и патернализма, обращенного к широким слоям народа.

11.2.3. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ

Перон зачастую не боялся противопоставить себя Соединенным Штатам или Великобритании, обсуждая вопрос о принадлежности архипелага Фолклендских (Мальвинских) островов, являвшихся британской колонией, Аргентине. Но какой бы ни была международная политика названных выше стран, безграничный популизм или наличие авторитарных или умеренных правительств в других странах Латинской Америки никоим образом не создавали серьезных проблем для Соединенных Штатов. В международном плане, несмотря на некоторую усталость материала, прочность межамериканских связей оставалась незыблемой. Реформы, проведенные правительством Перона, также не представлялись опасными для интересов Соединенных Штатов. Действительно, они не являлись симптомами коммунистического влияния, а на том этапе в американской политике доминировало стремление «сдержать» советскую угрозу, где бы она ни появилась.

Уже в Боготе в 1948 г. Панамериканская конференция одобрила резолюцию, объявлявшую «политическую деятельность международного коммунизма» несовместимой с американской концепцией свободы. Эти же позиции воспроизводились в последующие годы без изменений, однако ощущение спокойствия было нарушено в начале 50-х годов. Антиамериканизм, то есть распристранное чувство враждебности к Соединенным Штатам, являлся константой жизни Западного полушария. Лишь в период проведения политики «добраго соседа» он был смягчен, однако в послевоенный период он снова возродился как массовый феномен. Аргентинский пример оказался заразительным. Он начал беспокоить американцев, поскольку они увидели в нем просоветские и прокоммунистические признаки. После избрания президентом Эйзенхауэр подверг критике своего предшественника за пренебрежение делами Латинской Америки и начал реализовывать в этом отношении более активную позицию. В июне 1953 г. он послал свое доверенное лицо, брата Мильтона Эйзенхауэра, способного политика, часто выступавшего в качестве советника президента по проблемам политико-культурной стратегии, с разведывательной миссией. По возвращении Мильтон изложил свои выводы в длинном докладе (ноябрь 1953 г.), в котором акцент делался, в первую очередь, на необходимости улучшить отношения с Латинской Америкой через политику экономического сотрудничества, которая способствовала бы преодолению разрыва в уровне благосостояния в разных странах, в особенности в Центральной

Америке. Такой разрыв следовало уменьшить для того, чтобы избежать больших опасностей, и принять для этого срочные меры с целью предотвращения коммунистического влияния. Впервые в данной связи упоминалось появление конкретной опасности.

Сигнал тревоги по этому поводу подавал также генерал Уолтер Б. Смит, доверенный сотрудник Эйзенхауэра еще со времен войны: коммунистические элементы тайно и незаметно проникли в Гватемалу, где они оказывали решающее влияние на демократическое правительство во главе с Хакобо Арбенсом. Этот тревожный диагноз возник из-за того, что Арбенс инициировал и реализовал политику аграрной реформы, направленной на то, чтобы вывести из-под контроля «Юнайтед фрут компани», американской транснациональной компании, земли, которые она использовала для производства бананов, с тем, чтобы распределить их между мелкими гватемальскими собственниками. Сам по себе этот эпизод имел ограниченное значение, однако следует учитывать, что с тех пор случай с «Юнайтед фрут» рассматривался как символ той роли, которую крупные транснациональные компании играли в эксплуатации слаборазвитых стран, извлекая прибыль в пользу крупных мировых финансовых кругов и игнорируя реальные интересы отдельных стран.

Действительно, проблема обсуждалась в государственном департаменте, где склонялись к благожелательной оценке реформистской политики Арбенса, и считалось, что коммунистической опасностью размахивали как «красным флагом» многочисленные друзья «Юнайтед фрут» среди советников Эйзенхауэра (братья Даллес, Генри Кэбот Лодж и даже Анн Уитмен, личный секретарь президента). Эйзенхауэр, по версии его последнего биографа, солидаризировался с противниками Арбенса отнюдь не для того, чтобы защитить интересы транснациональной компании, но потому, что он был убежден, что сам Арбенс был коммунистом или, по меньшей мере, находился под контролем коммунистов. Поэтому в конце 1953 — начале 1954 г. он дал указание американским спецслужбам (ЦРУ) подготовить необходимые планы для свержения правительства Арбенса и замены его другим, более приемлемым для Соединенных Штатов. В строжайшей тайне был определен преемник. Им стал полковник гватемальской армии Карлос Кастильо Армас, которому была оказана необходимая помощь для подготовки мощных повстанческих сил.

В апреле 1954 г. план был готов. 15 мая шведское торговое судно доставило в Гватемалу груз с оружием и легкой артиллерией чехословацкого производства. Несколько дней спустя Даллес созвал пресс-конференцию для того, чтобы осудить нарушение

«доктрины Монро». Нарушение действительно имело место и было преподнесено американцам на блюдечке с золотой каемочкой, дав им повод для вмешательства. На самом деле Арбенс доставал оружие не для собственной армии, на которую, как он знал, не мог положиться, а для создания народной милиции с тем, чтобы на нее можно было опереться именно в борьбе с армией.

План Соединенных Штатов вступил в действие. Большое количество оружия было послано в страны, граничащие с Гватемалой и управляемые фанатичными антикоммунистами; был отдан приказ о морской блокаде; было созвано совещание ОАГ, и ЦРУ отдало приказ о начале своих операций. В то время как Советы реагировали на ситуацию, готовясь послать помощь Арбенсу, а Вашингтон безуспешно просил у союзников предоставить ему право на проверку в нейтральных водах судов, направляющихся в Гватемалу, Кастильо Армас с горсткой людей 19 июня вторгся на гватемальскую территорию. В течение нескольких дней ситуация оставалась неопределенной, а затем американцы дали указание никарагуанскому диктатору Анастасио Сомосе бомбить столицу страны г. Гватемалу двумя самолетами. Напрасно Арбенс требовал вмешательства Совета Безопасности ООН, в котором США, хотя и находились в изоляции, имели право вето. Под воздействием бомбардировок Арбенс капитулировал, и Кастильо Армас, теперь уже открыто поддержанный армией, вошел со своими людьми в столицу Гватемалы.

В конце июня кризис завершился так, как того хотели в Вашингтоне. При незначительном риске американцы добились впечатляющего результата. Трудно сказать, был ли он также убедительным и полезным. Французы и англичане не скрывали своего отрицательного отношения, вызвав большое недовольство в Соединенных Штатах, где в те же самые месяцы обсуждались британско-французские колониальные проблемы и ратификация договора о создании ЕОС. В общественном мнении свободного мира этот эпизод оставил горький осадок. Несмотря на оправдания, было понятно, что страх перед коммунистическим влиянием заставил Соединенные Штаты еще раз, как во времена Теодора Рузвельта, использовать «большую дубинку», суковатую палку, которая должна была служить в качестве предупреждения всем, кто будет вынашивать планы, аналогичные планам Арбенса. Роль «Юнайтед фрут компани», получившей назад конфискованные у нее земли, впоследствии была преувеличена пропагандой, однако связь между защитой интересов транснациональной компании и борьбой против коммунизма стала восприниматься как отрицательная коннотация той битвы, которую американцы вели за свободу

и демократию в других местах. В других местах, а не в Западном полушарии? Кроме того, мнение, что применение репрессий могло остановить коммунистическое влияние, было совершенно ошибочным.

11.2.3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТИАМЕРИКАНИЗМА И УСПЕХ КАСТРО НА КУБЕ

Опыт революции под руководством Кастро явился самым важным поворотным моментом в послевоенный период для отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой как с точки зрения ее истоков, социального контекста, способа осуществления, так и последствий для Центральной и всей Латинской Америки, ее воздействия на отношения между блоками.

Остров Куба, который до войны 1898 г. являлся испанской колонией, имеет свою особенную социальную историю, ставшую предметом понятного интереса и дискуссий в историографии, в которой она четко отделяется от истории других латиноамериканских стран. Тип экономики, основанный на экспорте сельскохозяйственной продукции (который до «великой депрессии» был аналогичен экспортной модели других латиноамериканских стран), восходит к первым десятилетиям XIX века и оставался в целом неизменным, несмотря на внутренние метаморфозы, вплоть до кануна революции Кастро. Как подчеркивает Антонио Аннино, главным было противоречие между экономикой, основанной на монокультуре сахара, и постепенной утратой контроля со стороны правящей олигархии над производственными факторами и низшими социальными классами. Американское влияние, заменившее испанское колониальное господство, оказалось встроенным в уже существовавший ранее дисбаланс внутри колониальной системы и усугубило его. Неспособность умеренной кубинской олигархии сформировать руководство (*leadership*), способное стать альтернативой испанской власти, привело к тому, что к моменту краха колониализма американское вмешательство не могло опираться на присутствие сильного внутреннего партнера, который выступил бы посредником в реализации господства Соединенных Штатов.

В неоколониальном порядке, установившемся после проникновения американского капитала, олигархия и слабая кубинская буржуазия не смогли удержать контроль над возникшими антиколониальными силами. Одна из них — демократическо-националистическая, связанная с движением за независимость, протагонистом которой в конце XIX в. был Хосе Марти. Другая — пролетарская,

ставшая выражением интересов трудящихся, занятых в процессах выращивания сахарной свеклы, производства сахара и торговли им, а также интересов широких масс средних городских и сельских слоев, находившихся в состоянии упадка. Союз этих двух сил составил питательную среду для революционного движения. Роль Кастро состояла в объединении двух тенденций в одно движение с его ориентацией на революцию.

Существует множество интерпретаций образа Фиделя Кастро, сегодня изрядно пострадавшего из-за того, что ему приходилось приспосабливаться к резко менявшимся обстоятельствам. В центре этих интерпретаций — вопрос о характере его перехода от «прагматического» этапа к откровенно марксистскому этапу. Он родился в 1926 г. и с юных лет посвятил себя политике. Вскоре после начала адвокатской деятельности он возглавил попытку восстания — штурм 26 июля 1953 г. казарм Монкада. Это стоило ему ареста и судебного процесса, где он произнес речь в свою защиту, которую тогда восприняли как первый манифест его программы, поскольку в ней впервые был выражен отказ от понимания революции как постепенного перехода через межклассовый опыт, а также дано четкое определение концепции «народа» как совокупности сельскохозяйственных и промышленных рабочих, мелких торговцев, интеллектуалов и специалистов, лишенных надежной перспективы работы, безработных. Оставшись неизменным до сих пор, это определение предоставляет, по словам Антонио Аннино, «основные данные, благодаря которым можно установить преемственность между восстанием против Батисты (Фульхенсио Батиста был кубинским диктатором), борьбой за национальное освобождение и социализмом». Это, конечно, не означает, что начиная с 1953 г. Кастро «намеревался осуществить социалистическую революцию». Однако поскольку он последовательно добивался достижения цели борьбы, поставленной в 1953 г., то это «не могло не привести к углублению классового конфликта и не поставить руководящую группу перед лицом необратимого выбора». «Прагматизм Кастро трансформировался, таким образом, в способность эффективно подчинить тактику стратегии». А стратегия состояла в том, чтобы развивать борьбу масс, которая заложит основы нового режима.

Амнистированный в 1955 г., Кастро укрылся в Мексике, где он основал Движение 26 июля. В Мексике он познакомился с Эрнесто (Че) Геварой, аргентинским врачом, пережившим гватемальский опыт и сразу ставшим его товарищем по борьбе. В ноябре 1956 г. вместе с 82 товарищами Кастро попытался высадиться на Кубе. Результат был катастрофичным. Только дюжина тех,

кто уцелел, смогли скрыться в горах Сьерра-Маэстра на востоке острова. Оттуда в течение немногим более двух лет Кастро возглавлял борьбу против диктатуры, которую Батиста установил в 1952 г. Количество партизан росло, но никогда не превышало нескольких сотен, возможно, двух тысяч человек. Однако им удалось завязать контакты с крестьянским миром, принявшим их как своих, и с городскими средними слоями. Последние подвергались все большему угнетению режимом Батисты, испытывали сильное влияние антиамериканизма, к которому их толкала неспособность США найти на Кубе политические силы, отличные от тех, что собрались вокруг диктатора, и с которыми можно было бы сотрудничать. Эти слои привлекала программа движения Кастро, не подрывная, а реформистская. Немногим более чем за два года группе революционеров удалось стать центром притяжения всех сил, оппозиционных режиму. 1 января 1959 г. Батиста, чувствуя свою неспособность оказывать сопротивление и сознающий, что его больше не поддерживают США, покинул Гавану, куда триумфально вошли «партизаны» Кастро.

4.1.5. КУБА

Политическая коалиция, во главе которой стоял Фидель Кастро вместе со своим братом Раулем, командующим вооруженными силами (умеренный Мануэль Уррутиа стал при этом президентом республики), сразу же продемонстрировала сильное стремление к моральному обновлению и другим изменениям. Правительство Кастро в социальной сфере развернуло борьбу за ликвидацию безграмотности и бесплатное медицинское обслуживание, имевшие огромный успех и означавшие объективное улучшение условий жизни народа. Единство начало давать трещину, когда Кастро стал проводить свою социально-экономическую политику (резкое снижение арендных платежей, аграрная реформа, наносившая удар по владениям, превышающим 400 гектаров, сельскохозяйственные кооперативы). Уррутиа подал в отставку с поста президента. Народная поддержка революции нарастала, однако возрастала также и потребность в эффективной организационной структуре и в надежной международной поддержке. Кубинская проблема становилась международной проблемой.

Соединенные Штаты своевременно признали режим Кастро, пользовавшийся огромной симпатией в американских либеральных кругах. Эти симпатии были связаны с надеждой разрушить не нравившуюся многим американским политическим деятелям традиционную практику, когда отношения с Латинской Америкой

неизменно должны были проходить через этапы острого столкновения или же через этапы зависимости, слегка прикрытой присутствием у власти олигархических (часто — семейных) групп, чей демократический характер был весьма сомнительным и чья репрессивная политика в конце концов дискредитировала сами Соединенные Штаты. Кастро представлял новую реформистскую модель, укорененную в народе, сотрудничество с которой при определенных условиях представлялось Соединенным Штатам возможным, хотя секретные службы и предупреждали о массовом проникновении коммунистов в движение Кастро. Союз между сторонниками Кастро и коммунистами стал поводом для беспокойства Соединенных Штатов и подтолкнул вашингтонское правительство к оказанию некоторых форм давления на новый кубинский режим.

Кастро ответил национализацией без компенсации или с символической компенсацией имущества, принадлежавшего американским компаниям. С этого момента начался массовый выезд с Кубы, приведший к тому, что несколько сотен тысяч людей, враждебно настроенных к Кастро, эмигрировали главным образом во Флориду, где они стали базой для любого антикастровского движения в будущем.

Атмосфера накалялась все больше, чему способствовали также визит первого заместителя Председателя Совета министров СССР Микояна на Кубу в феврале 1960 года и подписание соглашения, по которому Советский Союз обязался покупать урожай кубинского сахара по цене, меньшей, чем та, что платили американцы, но взамен предоставлял кредит в 100 миллионов долларов под 2,5% годовых. Было ясно, что в атмосфере того особенного года Куба также стала одной из новых арен соперничества между сверхдержавами, и в гораздо большей степени, чем Гватемала в 1954 г., она представляла собой первую серьезную проекцию конфликта США-СССР на Западное полушарие. Соединенные Штаты впервые в своей истории близко столкнулись с опасностью, которой они не могли пренебречь. Первой реакцией Эйзенхауэра было путешествие в Аргентину, Бразилию, Чили и Уругвай, где американскому президенту был оказан восторженный прием. Очевидно, что если многие сомневались в антикоммунистическом «предлоге» применительно к Гватемале в 1954 г., то советское присутствие на Кубе в 1960 г. было настолько явным, что вызвало цепную реакцию, которая заставила олигархические силы забыть о каком бы то ни было искушении опереться в поисках популярности на такое легко возбудимое чувство, присущее массовому сознанию, как оппозиция *yankees*.

В июне 1960 года государственный департамент предложил ввести эмбарго на импорт кубинского сахара, и после одобрения конгресса в следующем месяце Эйзенхауэр провозгласил введение этой меры. Кастро обратился с жалобой в Совет Безопасности ООН по поводу американской «экономической агрессии», и Хрущев ее поддержал, угрожая использовать атомное оружие против Соединенных Штатов в случае, если те вторгнутся на Кубу. Хотя это был чистый блеф, его слова значили очень многое.

Обострение кубинского кризиса вызвало цепную реакцию последствий для политики Соединенных Штатов в отношении Кубы, в частности, и Латинской Америки в период. Оно открыло новую арену советско-американской конфронтации именно в то время, когда кампания по поводу Берлина стала ослабевать, однако своего апогея достигла антиколониальная полемика, и процесс чередования ядерных испытаний и переговоров за их же запрещение переживал сложный момент. Наконец, это обострение имело последствия более общего характера — для отношений между Соединенными Штатами и Европой и, в еще более широком плане, для американской политики в мире. Иными словами, кубинский вопрос начинал перерастать в другой кризис, открытый для разноплановых решений. Такой была почва, на которой основные черты сосуществования в условиях конкуренции были подвергнуты испытанию при большом шуме.

Отношения между Соединенными Штатами и Кубой неуклонно ухудшались как на заключительном этапе правления администрации Эйзенхауэра, так и во время президентства Кеннеди. Для ответа на советские угрозы Вашингтон пытался использовать солидарность ОАГ, не добившись от нее, однако, решительного осуждения вмешательства или угрозы вмешательства держав, находящихся за пределами континента, в американские дела (заявление совещания в Сан-Хосе, в Коста-Рике, в августе 1960 г.).

Кастро объявил об установлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой и о том, что Куба принимает советское покровительство. С этого времени начался поток экономической, технической и военной помощи со стороны Советского Союза, направляемой на остров в Карибском море. Когда в начале января 1961 г. Кастро потребовал, чтобы американское посольство в Гаване сократило свой персонал со 130 до 11 человек, вашингтонское правительство решило прервать дипломатические отношения между двумя странами.

Когда Кеннеди стал президентом, он оказался, следовательно, перед существенно ухудшившейся ситуацией, однако позиции правительства в данном вопросе не изменил. Он скорее стремился

ответить на вызов, развернув политическую деятельность большего масштаба, направленную на уменьшение опасности распространения идей Кастро в остальной Латинской Америке, отдавая в первую очередь предпочтение подготовке самой сложной системы экономического сотрудничества, которая когда-либо планировалась Соединенными Штатами в отношении Латинской Америки. Одновременно в 1961 г. он санкционировал осуществление плана, разработанного прежней администрацией (начиная с марта 1960 г.), по решительному перевороту всей ситуации на Кубе — плана, закончившегося полным провалом. 17 апреля 1961 г. около 1200 кубинских беженцев высадились на южном побережье острова Куба, в бухте Кочинос, рассчитывая на то, что их десант послужит искрой для восстания, сравнимого с победоносным восстанием Кастро, начатого с еще меньшими силами.

Предприятие основывалось на ошибочном предположении, что кубинский народ хочет вернуться к «демократии» батистовского типа, которую интервенты — какова бы ни была их настоящая политическая программа — естественным образом представляли. К тому же отсутствовала информация относительно отношения кубинцев к Кастро и популярности, которую он завоевал в первые месяцы правления. Интервенцию готовили секретные службы, не выполнившие свою работу должным образом. Она была санкционирована президентом, который, проявив некоторое легкомыслие, поверил в возможность быстрого успеха до такой степени, что отказался предоставить интервентам поддержку с воздуха для того, чтобы продемонстрировать нейтралитет, в который никто не верил.

В течение трех дней все высадившиеся на берег были взяты в плен войсками Кастро, однако десант не разжег в стране ни малейшего очага восстания. Кеннеди пытался отрицать свою ответственность, подтверждавшуюся многочисленными фактами. Очень скоро стало ясно, что «добровольцы» прошли обучение в ЦРУ и что последнее несло ответственность за всю операцию. Кеннеди попытался переложить ответственность за неудачу на своего предшественника, что было справедливо, но лишь отчасти, поскольку Эйзенхауэр, как он сам нашел возможность сказать Кеннеди, никогда бы не позволил, чтобы, раз уж был затронут американский престиж (как это и было в действительности), «захватчики» двигались почти в темноте, подобно пиратам неизвестного происхождения с непонятными целями. **INS XXIII**

Престиж США потерпел значительный урон. Кастро получил возможность обвинить Соединенные Штаты в агрессивных целях, а все его усилия самозащиты подтверждались историей с провалом

десанта в бухте Кочинос. 1 мая он объявил Кубу социалистической республикой, и с тех пор ее путь в направлении полной трансформации кубинской системы в марксистско-ленинском смысле (то есть смоделированной по советскому образцу) стал необратимым. Однако этот эпизод имел не только позитивное значение для кубинского диктатора. Хрущев, как он написал в своих мемуарах, начал взвешивать бремя обязательств, связывавших — в удачах и опасностях — Советский Союз и Кубу, остров, расположенный слишком близко от Соединенных Штатов, чтобы они могли пассивно воспринимать то, что там происходило. Как отмечает Джон Льюис Гэддис, энтузиазм Кремля в отношении успеха Кастро начинал угасать.

11.2.4. «СОЮЗ РАДИ ПРОГРЕССА»

Кеннеди, испытав сначала некоторую растерянность, тоже извлек правильный вывод из поражения и постарался поставить латиноамериканскую политику Соединенных Штатов на конструктивную основу. Вернувшись к идее, выдвинутой Эйзенхауэром год назад и одобренной конгрессом в марте 1961 года, об ассигновании 500 миллионов долларов Межамериканскому фонду за социальный прогресс, он развил ее до более обширного проекта, которому дал торжественное название «Союз ради прогресса».

5 августа 1961 г. в Уругвае, в Пунта-дель-Эсте, началась конференция министров экономики американских государств, подписавших после двенадцати дней работы документ — декларацию Пунта-дель-Эсте, которая закладывала основы Союза, программы, предназначенной для всех стран континента, за исключением Кубы. По существу речь шла об обязательствах оказать массированную помощь на сумму не менее 20 млрд долларов, предназначенную для программ развития. Это была попытка возобновить с целью сдерживания угрозы со стороны Кастро проведение политики добрососедства, наполнив ее видимым конкретным содержанием. В дополнение к экономической стороне дела в январе 1962 г. на другой конференции министров иностранных дел стран-членов ОАГ большинством голосов (воздержались Аргентина, Чили, Боливия, Эквадор и Мексика) было принято решение об исключении Кубы из организации. Позиция представителей наиболее населенных стран латиноамериканского мира продемонстрировала наличие глубокого несогласия с теми методами, которыми Кеннеди боролся против Кастро. И хотя страны, представленные на конференции, почти единодушно осудили марксистско-ленинский режим Кастро как «несовместимый» с межамериканской

системой, различие позиций Соединенных Штатов и большей части стран Западного полушария проявилось со всей очевидностью.

Обещания значительной экономической помощи не компенсировали многих лет невнимания и действий, откровенно направленных на подчинение других стран. Соединенные Штаты в психологическом и политическом отношении были все еще гораздо более далеки от стран своего полушария, чем от европейских и некоторых азиатских стран. Конечно, экономическая изоляция Кубы усиливалась, однако не таким образом, какого желала американская администрация. Впрочем, возвращение перонистов к власти в Аргентине (март 1962 г.) или, напротив, трудности, с которыми администрация Кеннеди столкнулась в Перу в условиях конфликта между военной диктатурой и АПРА (APRA — Американский народно-революционный альянс), одной из самых старых организаций демократических левых сил на континенте, выявили ограниченность демократии Кеннеди, вынужденной идти на двусмысленные компромиссы.

«Союз ради прогресса» обнаружил конструктивные моменты, а также ограниченность и двойственность латиноамериканской политики Соединенных Штатов. Его концептуальный замысел был аналогичен плану Маршалла и ориентирован на то, что маховик американских капиталов или капиталов, предоставленных крупными международными финансовыми организациями и другими капиталистическими странами, сможет привести в движение механизм развития подобно тому, как это произошло в Европе сразу после второй мировой войны. Недостаток этой концепции коренился в глубоком различии ситуаций в Западной Европе и в Латинской Америке. В Европе план Маршалла также соответствовал потребности придать конструктивный импульс экономическому развитию в противовес проникновению коммунистического влияния, вызванного экономическим застоєм или спадом. Однако в Европе система, на которой основывался план Маршалла, была самой развитой в мире и правящие классы могли руководствоваться антикоммунистическими намерениями: ничего общего ни с латиноамериканскими олигархами, ни с популистски настроенными военными, ни даже (в лучшем случае) с искренними сторонниками демократического развития, не имевшего политических корней.

Психологический эффект Союза мог оказаться даже значительным, как констатировал Кеннеди в июне 1962 г., когда он был восторженно принят во время своего визита в Мехико, столицу страны, одновременно самую близкую и психологически самую отдаленную от Соединенных Штатов из-за этнических и экономи-

ческих различий, а также политических конфликтов, имевших место в прошлом, в том числе и далеком. Однако практический результат оставался все-таки ограниченным. По существу было сложно различить, была ли программа помощи предназначена для *desarrollo*, то есть экономического подъема Латинской Америки, или она была обусловлена принятием программ развития, согласованных с Соединенными Штатами и связанных с процессом демократизации. Теodoro Москосо, руководитель программ Союза смело предсказывал, что через десять лет лицо Латинской Америки изменится. Неграмотность (составлявшая тогда около 90%) будет побеждена, также как и детская смертность (составлявшая около 11%), и во всех странах получит распространение и укоренится современная технологическая культура.

Кеннеди увязывал программу помощи с развитием процесса демократизации; однако политический реализм вынуждал его считаться с ситуациями, которые не предоставляли возможностей для альтернатив. Конечно, вашингтонская администрация содействовала приходу к власти глав государств, избранных демократическим путем, однако она не останавливалась и перед установлением отношений сотрудничества, когда это было необходимо, также и с представителями старых олигархий или новых социальных союзов, которые постепенно складывались вокруг вооруженных сил. Зачастую именно так формировался самый настоящий правящий класс отдельных стран. После смерти Кеннеди и после того, как администрация Джонсона оказалась почти полностью поглощенной войной во Вьетнаме, коммунистическое проникновение в Латинскую Америку стало реальностью. Образ Че Гевары, покинувшего Кубу в 1965 г. для распространения партизанской войны на весь остальной континент, «создав два, три, много вьетнамов», стал символом начала длительной борьбы с неясным исходом, несмотря на то, что действия латиноамериканских повстанческих движений оставались фактически ограниченными отдельными эпизодами.

Поэтому присутствие антикастровских элементов в процессе создания «Союза ради прогресса» не должно удивлять.

Уже в конце 1961 г. Кеннеди распорядился, чтобы была начата подготовка специальных сил для ведения партизанской войны в кубинских джунглях и дестабилизации режима (так называемая «Операция мангуст»). Это наводит на мысль о том, что Союз являлся лишь средством прикрыть традиционное вмешательство в непосредственной форме, характерное для холодной войны. На самом деле военное внимание Соединенных Штатов было направлено в тот период на Кубу, а право на всякое другое вмеша-

тельство в остальной части полушария предоставлялось местным вооруженным силам. Таких эпизодов было немало, однако придавать им значение сущностной основы программы экономического развития означает искажать реальный смысл американского участия, неудавшегося, но как бы то ни было впервые задуманного как способ конкретного выражения добрососедства и демонстрации понимания Соединенными Штатами того, что сосуществование в условиях конкуренции, хотя и проявлялось в тот момент в Африке, в качестве потенциальной арены рассматривало также Латинскую Америку.

Любой успех Советского Союза в Африке или на Кубе способен был осложнить Вашингтону всю ситуацию. Поэтому американское правительство не могло осуществлять свою деятельность лишь по не связанным между собой направлениям, но должно было координировать ее в качестве однородного целого, понимаемого как долгосрочный ответ на новый вызов. «Союз ради прогресса» являлся одним из аспектов новой латиноамериканской политики администрации Кеннеди. Эту политику следует рассматривать не как средство для введения в очередной раз в заблуждение латиноамериканцев относительно подлинных намерений Соединенных Штатов, но как первую серьезную попытку установить отношения сотрудничества и интеграции, менее отравленные негативными прецедентами и историческими разногласиями в рамках Западного полушария. Это был бы медленный процесс, требовавший смены значительной части правящих классов, надежного продвижения Латинской Америки по пути устойчивого экономического развития. Куба и Кастро обостряли осознание проблемы.

11.2.5. КУБИНСКИЙ «РАКЕТНЫЙ КРИЗИС»

Союз Кубы с СССР давал Соединенным Штатам повод для очевидной тревоги. С июня 1959 г. Эйзенхауэр предвидел, что Куба, став коммунистической, обретет ядерное оружие, на которое Соединенные Штаты должны быть готовы реагировать подобно тому, как русские реагировали на размещение ракет среднего радиуса действия на территории Турции (а также и на итальянской территории, что не упоминалось Эйзенхауэром, но являлось прецедентом, равноценным турецкому). Уязвимость советской позиции по существу оставалась той же, что и в начале Берлинского кризиса 1958 г., прежде всего из-за того, что американцы вместе с западными немцами отказывались от признания легитимности устройства, сложившегося в восточной части Германии.

Новые отношения, сложившиеся между Кубой и СССР, предоставляли чрезвычайно благоприятные условия для попытки завершения, по крайней мере отчасти, операции, начатой Москвой в 1957 г. запуском первых межконтинентальных баллистических ракет. Однако русские еще ощутимо отставали от США, обладавших превосходством как по числу атомных боеголовок, так и по их размещению. Советские МБР могли нанести мощный «первый удар» по Соединенным Штатам, которые в любом случае сохранили бы на базах, окружавших советскую территорию, свой ядерный потенциал, более чем достаточный, чтобы пережить первое нападение и поразить русских вторым ударом.

Конечно, речь шла о теоретической гипотезе, однако о гипотезе, на которой строились стратегические расчеты обеих сверхдержав. С этой точки зрения, кубинская территория представляла собой идеальную базу как для того, чтобы сократить разрыв в ракетно-ядерном потенциале, так и для того, чтобы решить проблему, отложенную в результате замораживания Берлинского кризиса, — заставить Соединенные Штаты осознать политический смысл угрозы, слишком приблизившейся к их национальной территории. Американская сторона уже предвидела эту проблему и рассматривала возможность демонтажа системы ракет «Юпитер» и «Тор», которыми были оснащены итальянские, турецкие и британские базы, и принятия программы, основанной на преимущественном использовании ракет «Поларис», запускаемых с ядерных подводных лодок. Эта программа должна была интегрировать национальные вооруженные силы в НАТО с тем, чтобы избежать повторения эпизодов, подобных германскому, и ограничить амбиции де Голля относительно совершенно автономной «ударной силы». Однако в тот момент, когда Советский Союз принимал свои решения в отношении Кубы, новый курс американской стратегии едва обозначился и московское правительство могло основываться только на тех фактах, которые ему были известны.

Идея размещения советских ракетных баз на Кубе родилась в узкой группе членов советского руководства в апреле—мае 1962 г. Она имела в виду три цели: предоставить лучшую защиту оплоту коммунизма в Западном полушарии; уравновесить американское ядерное превосходство; заронить опасение, что кубинская инициатива является новым этапом дипломатического наступления по ядерной проблеме, уже начатого в Берлине. Иными словами, американцы не должны были обольщаться относительно того, что СССР согласится оставить нерешенным такой важный вопрос, как германский, и забывать, что он может возникнуть вновь и уже в непосредственной близости от их территории.

Эта идея в целом была по душе советским руководителям, а также Фиделю Кастро. Когда Рауль Кастро, кубинский министр обороны, в июле 1962 г. отправился в Москву (в августе за ним последовал Че Гевара), был разработан проект договора, предусматривавшего как посылку на Кубу советского военного контингента приблизительно из 45 тыс. человек, так и размещение на острове, в абсолютной секретности, пяти специальных полков, способных произвести запуск в общей сложности не менее 40 ракет типа SS-4 и SS-5 по объектам на территории Соединенных Штатов, а также серии тактических ракет, предназначенных для применения против возможного американского вторжения с моря. По мнению Раймона Л. Гартхофа, советские вооруженные силы, располагавшие в тот момент только 44 межконтинентальными баллистическими ракетами в состоянии боеготовности, благодаря увеличению их числа в результате размещения ракет на кубинских базах (что фактически придавало им значение межконтинентальных ракет среднего радиуса действия, удваивали свои ядерные стратегические силы. В тот момент им противостоял арсенал из 176 американских МБР, усиленных 114 ракетами, размещенными на подводных лодках, и еще около 2700 других видов ядерного оружия (не все из них «стратегического» характера и поэтому — различной дальности и мощности).

Первая информация о более активных, чем обычно, передвижениях войск на кубинской территории стала появляться у американских спецслужб начиная с августа. В конце августа возникли предположения, что русские собираются строить ракетные базы, однако за первыми опасениями последовало несколько недель затишья. Только в начале октября американским спецслужбам удалось встревожить президента и его окружение. 9 октября Роберт Кеннеди, министр юстиции, санкционировал разведывательный полет самолета У-2. 15 октября фотосъемки, сделанные с самолета, показали ясно и недвусмысленно: русские завершали строительство ракетных баз для развертывания баллистических ракет среднего радиуса действия, уже доставленных на Кубу. 16 октября президент Кеннеди был проинформирован о происходящем и инициировал процесс подготовки ответа на советскую инициативу. В тот же самый день группа наиболее близких сотрудников президента собралась на специальное заседание в качестве Executive Committee of National Security Council (сокращенно ExComm), то есть Исполнительного комитета Совета национальной безопасности. С тех пор этот орган (в который входили госсекретарь Дин Риск, министр обороны Роберт Макнамара, директор ЦРУ Джон Маккоун, Роберт Кеннеди и узкий круг высших чиновников и по-

литических, военных и дипломатических советников) заседал почти без перерывов в течение 12 дней вплоть до завершающего момента кризиса и продолжал работать в течение нескольких недель после того, как критическая фаза была преодолена.

Военные угрозы оценивались в связи с возросшей способностью оказывать непосредственное давление на Соединенные Штаты, которую приобрел СССР; стало очевидным, что это привело к важным для Советского Союза, но не решающим изменениям. Более существенными представлялись дипломатические и политические риски в широком смысле. Дипломатические угрозы касались взаимосвязи между действиями на Кубе и событиями в Берлине. Возможно, как полагали некоторые, русские намеревались оказать на Кубе давление, которое они должны были уменьшить в Берлине, для того, чтобы вынудить американцев вновь начать диалог по поводу той же самой Германии. Существовали, однако, и более общие политические аспекты, относившиеся к влиянию американской державы на весь мир (прежде всего — на латиноамериканский континент) и к прочности НАТО, которая после 1956 г. не была еще полностью восстановлена.

Итак, были рассмотрены разные варианты ответа. В то время как некоторые (среди них Роберт Кеннеди, который, впрочем, почти сразу же изменил свое мнение) предлагали немедленные ответные меры, рассчитывая на то, что русские не будут отвечать; другие (в первую очередь президент Кеннеди) ориентировались скорее на промежуточные решения, которые поднимали бы уровень конфронтации, оставляя, однако, обеим сторонам путь к выходу во избежание крайних решений. Из анализа фотографических данных американцы могли получить неопровержимые доказательства относительно того, что происходило на Кубе, поэтому их проблема состояла не в том, чтобы продемонстрировать, что там происходит, сколько в том, чтобы сделать соответствующие выводы. Еще большую парадоксальность этому обстоятельству придавал тот факт, что 18 октября в соответствии с договоренностью, достигнутой еще до того, как было обнаружено размещение ракет, президент принял советского министра Громыко, посетившего его, чтобы потребовать от Соединенных Штатов прекращения угроз в адрес Кастро и заявить, что советская помощь Кубе состоит только из продуктов питания, предназначенных для предотвращения в стране голода. Кеннеди подтвердил позиции, уже высказанные публично, относительно того, что не существует американской угрозы Кубе, но что Соединенные Штаты не потерпят размещения на острове наступательных вооружений. Громыко ответил, что этого никогда не произойдет и у Соединенных Штатов нет никакого повода для беспокойства.

Колебания и дискуссии внутри Исполкома СНБ продлились до 22 октября, когда были обнародованы решения, принятые президентом. В речи к нации, аналогичной обращению, представленному Совету Безопасности Организации Объединенных Наций американским делегатом Эдлаем Стивенсоном, и в личном письме, направленном Хрущеву, Кеннеди разоблачил то, что происходило на Кубе, подчеркнул серьезность опасности и заявил, что Соединенные Штаты устанавливают линию «карантина», за которую они не будут пропускать советские суда, направляющиеся на Кубу с грузом оружия. Суда, которые нарушат запрет, будут подвергаться досмотру и в случае подтверждения подозрений силой поворачиваться обратно. В это же время ветеран американской дипломатии, бывший госсекретарь, Дин Ачесон был отправлен в основные европейские столицы для «информирования» о создавшейся ситуации и о решениях, принятых президентом (и, следовательно, как обратил внимание генерал де Голль, не для «консультаций» с союзниками об ответных мерах, которые следует принять), а также для обращения с призывом к солидарности.

В последующие дни напряжение достигло такого накала, какого оно не достигало со времени войны в Корее и первой блокады Берлина. Это были дни чрезвычайно интенсивных дипломатических контактов и лихорадочного ожидания. Первая реакция Советского Союза и Кубы была негативной, но в Совете Безопасности ООН Стивенсону удалось продемонстрировать основательность имевшихся у него доказательств. Однако на фоне непримиримости шел также процесс размышления и распутывания сложных советских ходов и американских ответных действий. Опасения связывались не столько с непосредственной реакцией Советского Союза на американский «карантин», сколько с ответными мерами против Берлина; и у Хрущева были советники, которые оказывали на него давление в этом направлении. Подобные ответные действия привели бы к ухудшению американских позиций. Соединенные Штаты категорически не могли позволить советским ракетам, будучи обнаруженными, оставаться на Кубе, поэтому они должны были найти способ выйти из кризиса с максимально возможным успехом, однако не переходя при этом критической черты. Не могли недооценивать опасностей возможных ответных мер и в Германии. Следовательно, необходимо было пойти в политическом плане на ряд уступок, сопоставимых с выводом советских ракет, уже размещенных на Кубе.

Под воздействием мирового общественного мнения, воодушевленного также пацифистским выступлением папы Иоанна

XXIII, первый шаг в направлении компромисса сделал Хрущев, который уже 24 октября приказал советским судам не нарушать блокаду. 26 октября он обратился с личным письмом к Кеннеди (которому предшествовал небольшой дипломатический зондаж), где он выражал готовность объявить, что советские суда, направляющиеся на Кубу, не везут ракетное оружие, а также обещал вывезти уже размещенные ракеты. В ответ условия Кеннеди предлагалось публично заявить об отсутствии намерений вторгаться на Кубу, а также обязаться не поддерживать попытки других стран вторгнуться на остров, что сделало бы ненужным присутствие советских «специалистов».

Сразу же после этого письма Хрущев написал второе, гораздо более обстоятельное (переданное по радио в Москве утром 27 октября), в котором вывод ракет с Кубы увязывался с отказом американской стороны от использования ракет «Юпитер», размещенных в Турции. Различие двух позиций очевидно. Первая отражала подход, благодаря которому решительность Кеннеди одерживала верх над решительностью Хрущева, поскольку обмен обязательства отказаться от ракет на обязательство не вторгаться на Кубу был формально самым легким из того, с чем могли согласиться американцы в тот момент (даже «Операция мангуст» была прервана самим ходом событий). В итоге американская администрация «примирилась» бы (или продемонстрировала, что примирилась) с существованием режима Кастро на Кубе. Напротив, вторая позиция усматривала компромиссный путь разрешения кризиса: Куба в обмен на Турцию, причем без консультаций Соединенных Штатов с союзниками по НАТО.

Для того чтобы выйти из тупика, Кеннеди решил действовать довольно хитроумно. Он ответил на два письма Хрущева двумя различными способами так, что они были почти лишены внутренней связи, и для своих ответов выбрал формы, позволяющие ему предстать победителем в схватке. В самом деле, он предпочел публично ответить на первое из двух посланий Хрущева, представляя его как выполненное в риторическом жаре и делая некоторые формальные уточнения. Соглашаясь на обмен по формуле «отказ от ракет в обмен на гарантию отказа от вторжения», он употребил фразу, на первый взгляд общего характера, однако полную смысла, если сравнить ее со вторым письмом Хрущева и с тем, что в это время происходило в дипломатической сфере. Кеннеди написал: «Результат такого соглашения — уменьшение международной напряженности — позволил бы нам работать в направлении заключения более широкого соглашения, касающе-

гося других видов вооружения, как это предложено в Вашем втором, оглашенном публично, письме».

Между тем если говорить о переговорах (как стало известно в 1969 году, когда был опубликован дневник, который вел Роберт Кеннеди во время кризиса), то 27 октября он встречался с новым советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным и обсуждал с ним главный компромисс, о котором не говорилось публично и существование которого даже опровергалось госсекретарем Раском в выступлении перед американскими сенаторами. В основе компромисса лежало заявление американцев о намерении вывезти ракеты «Юпитер» из Турции и Италии. Выраженный таким образом компромисс приобретал существенно иной смысл, поскольку представлял как проект сопоставимых и почти равноценных уступок, по крайней мере как его видимость (если учитывать проектом создания многосторонних ядерных сил, над которым между тем работали американцы).

После достижения соглашения острота кризиса быстро уменьшилась. В течение нескольких недель сохранялись следы полемики и моменты колебаний, однако 28 октября 1962 г. стало ясно, что столкновения удалось избежать благодаря умелому сочетанию жесткости и гибкости, которое Кеннеди использовал в управлении кризисом, а также благодаря присутствию у Хрущева чувства меры. Немногие тогда отдавали себе отчет в том, что кризис разрешился благодаря достойному компромиссу и Кеннеди значительно увеличил свой престиж, в то время как Хрущев представлял деятелем, бросившим вызов американскому колоссу и оказавшимся в положении побежденного. В этой ситуации остается объяснить, почему он согласился на самоограничение вплоть до того, чтобы поставить на карту свое политическое влияние внутри советской правящей группы. С точки зрения логики представляется вероятным, что внутри советского пространства характер компромисса со стороны Хрущева получил понятное объяснение. А то, что Хрущев не бросил более откровенный вызов тем, кто оценивал кризис как большой успех твердости Кеннеди, можно отнести на счет более общих причин, не касающихся непосредственно кубинской проблемы, но связанных с целым комплексом проблем, которые обсуждались с 1957 г. и в отношении которых могло быть найдено компромиссное решение. Приближался момент подведения баланса внутри западного блока, советского блока и в отношениях между двумя сверхдержавами.

Для Западной Европы, то есть для отношений внутри атлантической системы, Кубинский кризис означал начало прояснения

некоторых важных моментов. Первое, что бросалось в глаза, — кризис управлялся исключительно двумя державами. Франция, Великобритания, Федеративная Республика Германия и Италия полностью солидаризировались с Вашингтоном, и в связи с проблемой Италии в значительной степени отказались от безопасности, обеспечиваемой им ракетами «Юпитер» (в отношении которой они, впрочем, всегда оставались достаточно скептическими). Однако, принимая решения, вашингтонское правительство не проконсультировалось предварительно ни с одной из этих стран, ни с Советом НАТО. Де Голль, энергично поддерживавший твердость Кеннеди, и Аденауэр, считавший Кубинский кризис своего рода «манной небесной», поскольку он отдалил повторение Берлинского кризиса, усматривали в американском поведении желание полностью взять на себя задачу стратегического руководства всей западной политикой. Отсюда соответствующее решение двух немолодых государственных деятелей осуществить процесс быстрого сближения (из которого оказалась исключена Великобритания, слишком тесно связанная с Соединенными Штатами, что непосредственно отразилось на реакции на просьбу Англии о вступлении в ЕЭС), подтвержденный франко-германским договором от 22 января 1963 г.

Впрочем, разногласия, которые стали проявляться внутри Атлантического союза, совпадали с намерением Кеннеди придать своей внешней политике характер, в большей степени вдохновляемый национальными интересами. В своем выступлении в Совете национальной безопасности 22 января 1963 г. Кеннеди среди прочего говорил: «В ближайшие месяцы будет необходимо сосредоточиться на интересах Соединенных Штатов. Наша [европейская] политика была очень благородной, но мы утратили нашу экономическую мощь и наше влияние на эти страны. Не думайте, что европейцы сделали бы для нас то, что Соединенные Штаты сделали для них. Необходимо, следовательно, чтобы наши представители с большей энергией защищали американские интересы».

Многосторонние ядерные силы являлись одним из возможных выражений этой политики, поскольку, объяснял Кеннеди, они «усилили бы зависимость [европейцев] от Соединенных Штатов». Кубинский кризис являлся моментом поворота. Отказ от ракет «Юпитер» и «Тор», размещенных в Италии и Турции, привел к тому, что ни одна ядерная ракета не была более размещена на территории континентальной Европы вплоть до решений 1979 г. Поэтому в некотором смысле это столкновение завершило определенный этап в истории отношений двух сверхдержав в годы Кеннеди и Хрущева.

11.3. Атлантическая политика и европейская политика

11.3.1 НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ЕВРОПА

Кубинский «ракетный кризис» со всей очевидностью обнаружил решимость, с которой американцы собирались осуществлять свои новые программы. Формула «новых рубежей», которую Кеннеди избрал в качестве лозунга своей президентской деятельности, относилась к двум направлениям: внутреннему и внешнему. В международном плане она несла с собой пересмотр позиции Соединенных Штатов в отношении всех аспектов глобальной политики. Основным побудительный политический мотив оставался неизменным, а именно — твердость в защите западной системы от коммунистической «угрозы». Однако эта твердость приобретала новые формы. С первых месяцев своего президентства Кеннеди придавал мощный импульс политике возвращения превосходства в области космоса, а также усилению американского ядерного превосходства, что ярко проявилось в ходе Кубинского кризиса. Начиная с марта 1961 г. Кеннеди предложил военный бюджет, который предусматривал строительство 41 ядерной подлодки (по сравнению с 29 планировавшимися) и 700 новых установок для МБР с разделяющимися боеголовками в дополнение к 500, уже предусмотренным. Именно эта ядерная программа вновь ставила проблему внутреннего устройства западного союза и, в особенности, проблему отношений с другими ядерными державами, такими как Великобритания и Франция, а также с державами, которые могли стремиться к обладанию ядерным оружием, такими как Западная Германия и Италия. Наследство, которое Кеннеди получил от предыдущей администрации, состояло из набора различных амбициозных целей, контрастировавших с подчас унижительными поражениями.

Берлинский и Кубинский кризисы имели важный терапевтический эффект. Впервые оказавшись на своей территории перед угрозой массированного нападения, хотя и не решающего удара, американцы отказались от концепции «массированного возмездия» по отношению к любым наступательным действиям Советского Союза или стран коммунистической ориентации в мире — доктрины, с которой Даллес связывал военные аспекты своей внешней политики. Вашингтон перешел к выработке доктрины так называемого «гибкого реагирования», автором которой был министр обороны Роберт Макнамара и которая стала известна

представителям стран НАТО из речи, произнесенной в Афинах 6 мая 1962 г., когда американский министр обороны выступил даже против создания таких небольших национальных ядерных арсеналов, как французский. На практике речь шла о формальном утверждении того, что было реализовано на практике: американское правительство не считало себя больше обязанным отвечать массированным атомным ударом на агрессию, но предполагало вначале использовать (или предоставить кому-либо возможность использовать) обычные вооружения и лишь затем перейти к тактическому ядерному оружию, и наконец — к стратегическому в зависимости от эскалации ситуации. Следовало избегать умножения числа атомных арсеналов. Другую же сторону медали представлял, хотя и трудный, поиск соглашения с Советским Союзом по контролю за вооружениями.

Новая стратегия, и прежде всего ее концептуализация, имела важные политические и военные последствия. Главное из этих последствий было проверено во время Берлинского и Кубинского кризисов: никто больше не мог предвидеть, будут ли сохранять свое значение обязательства, принятые Соединенными Штатами в рамках их военных союзов. В своих речах Кеннеди высокопарно говорил о необходимости создавать великое атлантическое партнерство, однако фактически действовал так, чтобы сконцентрировать процесс принятия решений в руках Соединенных Штатов. Именно это открывало путь для веера интерпретаций, первой из которых было вновь появившееся ощущение неуверенности в Европе. Как отмечал Аденауэр, если американцы были не в состоянии даже воспрепятствовать прибытию советских военных сил на Кубу, расположенную менее чем в 100 милях от их территории, то что можно предположить относительно их обязательств в отношении Европы, находящейся на далеком расстоянии.

В этой атмосфере недоверия представлялась оправданной решимость, с которой де Голль продолжал создание французских ударных сил, решение о котором было принято Мендес-Франсом и в практическом плане начатое правительством Ги Молле без всякой технической помощи со стороны американцев (весьма немаловажная деталь), так как изменения в Акте Мак-Магона были на руку только Великобритании. Помимо этих трудностей, существенными были также опасения немцев. Германия являлась ареной любого возможного столкновения сверхдержав. Если стратегия «массированного возмездия», по крайней мере теоретически, позволяла думать о столкновении на неизвестном театре военных действий, то стратегия «гибкого реагирования», основанная на превентивном использовании обычных вооружений (или даже

тактических ядерных вооружений), не оставляла сомнений в том, что полем конфронтации, в случае нежелательного возникновения войны, будет Германия. Таким образом, проявлялось противоречие, содержащееся в отказе американцев согласиться с европейским ядерным вооружением.

Сделанное стратегическое вступление создает картину, в рамках которой развивались международные отношения в Европе с 1958 г. вплоть до конца 60-х годов, и представляет конечный результат процесса, начавшегося в 1957 г. и завершившегося односторонними решениями Кеннеди, закрывавшими возможности для автономных инициатив западных союзников подобно тому, как Хрущев на Кубе обозначил периметр советского присутствия в Атлантике. Это вступление дает также отправную точку для исследования, позволяющего объяснить как резкие попытки Франции и Германии уйти от этих сковывающих ограничений, так и эволюцию позиции Великобритании в отношении Европейского Экономического Сообщества.

11.3.2 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Сдержанное отношение Великобритании к ЕЭС было связано в первую очередь с идеей, что договор не будет иметь большого практического успеха, а также с мнением, что приход во Франции к власти де Голля парализует всю структуру Сообщества. Скорость, с которой европейская система была запущена и начала функционировать, и способ, которым де Голль стремился придать ЕЭС новое политическое звучание, не выхолащивая, однако, основ объединенной Европы, а напротив, сближая их с британским прагматизмом, убедили правительство Макмиллана в необходимости сменить курс. Проект, разработанный британским премьер-министром и его сотрудниками в 1960 и первые месяцы 1961 г., был очень амбициозным и сложным. В соответствии с ним все британские интересы должны были быть сформулированы и ориентированы в направлении сближения с ЕЭС, но в то же время все значительные силы «свободного мира» должны были быть реорганизованы в рамках единого проекта, способного оказать сопротивление глобальному давлению коммунистов. Великобритания, благодаря «особым отношениям» с Соединенными Штатами, должна была стать мостом для нормализации отношений США с Францией, возможно, приняв тезис де Голля, требовавшего создания военно-политического англо-франко-американского «триумвирата» в качестве высшего руководящего органа

западной политики, а возможно, трансформировав это предложение, неприятное для американцев, в формулу, основанную на посреднической роли Великобритании и нацеленную на подчинение всех трех элементов одной цели (как, например, при предоставлении британской помощи ядерной программе де Голля). Однако, сближаясь с Европой, Великобритания стремилась остаться центром системы имперских преференций, предоставляемых Содружеством, которые следовало совместить с существованием европейского Общего рынка.

Очень скоро, в результате интенсивных переговоров с американскими и французскими государственными деятелями, Макмиллан понял первостепенную важность ядерного вопроса для благоприятного исхода реализации своего проекта. Французская программа создания «ударной силы» была не плодом националистического «приступа», а результатом последовательной проработки. Раймон Арон, крупный французский ученый и публицист, сыграл в те месяцы важную роль в том, чтобы попытаться (безуспешно) разъяснить в серии статей, появившихся в «Фигаро», что если американцы хотели бы любой ценой сохранить ядерную монополию, то результатом этого было бы подталкивание европейцев к атомному оружию. «Ни одно французское правительство, голлистское или любое другое, — писал он, — не согласится, чтобы американцы поддерживали Великобританию в ядерной области, но отказывали бы в такой же помощи Франции, аргументируя это тем, что французская политика была в меньшей степени, чем британская, ориентирована на Соединенные Штаты». В данной связи Арон писал Макджорджу Банди, советнику президента по национальной безопасности, что если Вашингтон не будет помогать Парижу в его ядерных усилиях, то нельзя исключить выработку общей франко-германской ядерной политики: «Мне кажется, надо исключить возможность того, что европейцы в конце концов предоставят всю полноту ответственности за свою безопасность другой державе, какой бы дружественной она не была».

С самого начала Макмиллан думал, что можно смягчить позицию Кеннеди по этому вопросу и убедить его одобрить концепцию «ударной силы» при условии, что французы согласятся с вступлением Великобритании в Общий рынок. Но эта гипотеза была лишь предположением, на котором строилась британская попытка сблизиться с Европой, не слишком разрушая «особые отношения». Однако понимание сути проблемы не означало наличие способности ее решить. Макмиллану не удалось изменить отношение ни американцев, ни французов. Американцы позитивно оценивали сближение Великобритании с ЕЭС в качестве

долгожданного изменения в соотношении сил внутри Сообщества, слишком зависевшего от экономического роста Германии. Они, следовательно, не видели причин делать уступки британской точке зрения, поскольку лондонское правительство, вступая в ЕЭС, преследовало лишь собственные интересы, и, более того, они полагали, что опоздание англичан было только их ошибкой.

В этом политическом климате было принято решение лондонского правительства о формальном представлении 9 августа 1961 г. председателю Совета министров ЕЭС предложения начать переговоры со странами-участницами о присоединении Великобритании к Сообществу. Британское правительство требовало, чтобы в ходе переговоров учитывались «особые отношения», существующие в Содружестве, структурные интересы британского сельского хозяйства и интересы других стран — членов ЕАСТ (Европейской Ассоциации Свободной Торговли). Темы, обозначенные Макмилланом, составляли основные вопросы дискуссии. Их обсуждение должно было определить условия сначала вступления, а затем участия Великобритании в ЕЭС при неизменном политическом фоне, то есть неспособности Великобритании сделать выбор между «особыми отношениями» с США и вступлением в ЕЭС, включая открытое и безусловное признание французской ядерной политики. Два эти аспекта переговоров были полностью взаимосвязаны, однако решение основной политической проблемы влияло на преодоление технических трудностей.

В торгово-экономическом плане сложность проблемы становилась очевидной. Американцы во имя принципов свободной торговли отказались поддержать требования англичан к ЕЭС в части сохранения имперских преференций. Однако именно при обсуждении ядерной темы проекты Макмиллана столкнулись с наиболее сильными препятствиями, которые, более того, выявили открытый конфликт между британскими целями и французскими концепциями.

«Специальный» англо-американский доклад имел свою сферу применения, особенно важную именно в контексте обсуждения ядерных вопросов. Не следует забывать, что первые атомные бомбы были плодом англо-американского и канадского сотрудничества; ограничения Акта Мак-Магона на некоторый период затруднили такое сотрудничество, хотя и не препятствуя ему в практическом плане. С 1954 г. эти ограничения были сняты в том, что касалось мирного использования атомной энергии, а после встречи на Бермудах в 1957 г. — также и в отношении военного использования. Сотрудничество, следовательно, было довольно интенсивным и еще больше усилилось в 1960 г. после

предоставления Соединенным Штатам британской военной базы в Шотландии в обмен на обещание продать определенное количество ракет «Скайболт», которые тогда испытывали американцы и массовое производство которых они обещали наладить. Кроме того, сотрудничество стало более тесным благодаря обязательству американцев совместно с англичанами проводить некоторые подземные ядерные испытания в обмен на уступку американцам острова Рождества в Тихом океане как места, подходящего для проведения испытаний в атмосфере.

В течение всего 1962 года Макмиллан стремился определить параметры компромисса, который сохранил бы центральное место Великобритании в западной системе международных отношений. Поворот произошел сразу же после Кубинского кризиса. Еще до того, как кризис разразился, специалисты, работавшие с ракетой «Скайболт», испытали технические неудачи и финансовые трудности. Макнамара начал размышлять над целесообразностью продолжения проекта. Неудача первого запуска «Скайболт» поставила под сомнение всю намеченную схему и уже заключенные с Великобританией соглашения. Только месяц спустя англичан проинформировали о новой ориентации американцев, и только 19 декабря, на встрече с Кеннеди в Нассау, на Багамах Макмиллан услышал то, о чем британские дипломаты уже предупреждали его — что программа создания «Скайболт» аннулирована и американцы будут продолжать ее только при условии, что англичане возьмут на себя половину расходов и их производство будет ограничено только потребностями Великобритании.

Неудача, которую предсказывали в прессе, поставила Макмиллана в трудное положение. Предложение Кеннеди было, кроме всего прочего, почти унижительным, поскольку состояло в принятии на себя американской стороной технологического и экономического бремени, предназначенного, по крайней мере в глазах общественного мнения, только для того, чтобы компенсировать слабость Великобритании. В поисках альтернативы в Нассау по существу было решено предложить англичанам взамен «Скайболт» ракеты «Поларис», размещенные на подводных лодках, с тем, чтобы английские подразделения, которые будут ими оснащены, были бы включены Великобританией в оборонительную систему НАТО, возможно в контексте создающихся многосторонних ядерных сил — МЯС. Тем самым Кеннеди стремился не только помочь Макмиллану, но и дать толчок созданию МЯС. Кроме того, Кеннеди и Макмиллан согласились, хотя и после долгих колебаний, попытаться заложить основы переговорного процесса по французской атомной проблеме посредством комп-

ромисса, уже давно предлагавшегося английским премьером: британская ядерная помощь Франции в обмен на принятие Великобританией в ЕЭС. Однако то, что обе стороны представляли как длительный процесс секретных переговоров, было сразу же прервано заявлениями де Голля. Макмиллан надеялся, что создание ядерного оборонительного союза внутри НАТО сможет удовлетворить оборонительные потребности как Великобритании, так и Франции, не демонстрируя откровенно, что Великобритания перед альтернативой выбора между системой, все еще контролируемой одними американцами, и системой, в контроле над которой участвуют также европейцы, предпочла «особые связи» с США сближению с Европой. Он намеревался убедить де Голля в правильности своего выбора, но вынужден был вскоре отказаться от своих надежд.

Генерал Пьер Галлуа, один из главных французских экспертов в ядерной области, к мнению которого внимательно прислушивался сам де Голль, выразительно разъяснил критику французов в отношении англо-американского проекта: «Если Соединенные Штаты и хотели действительно вывести свои баллистические ракеты из Европы [...] , то это было связано не с устареванием этих вооружений, учитывая, что ракеты «Юпитер» состояли на вооружении менее четырех лет, а с тем, что с того момента, как территория США оказалась в зоне досягаемости советских межконтинентальных баллистических ракет, Вашингтон стал стремиться к снижению рисков, вытекающих из общих обязательств, связывавших его с союзниками. Кампания против ракет «Юпитер» и «Тор» вписывалась в новую стратегию: отказ от концепции массированного возмездия, ликвидация части тактического ядерного оружия, принятие доктрины гибкого реагирования [...]. Подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис», должны были убедить [...] турок и итальянцев, что они совершили выгодный обмен, учитывая, что ракеты «Поларис» были более новыми и, без сомнения, более точными, чем «Юпитер». Это означало, что генеральные штабы этих двух стран считались гораздо более наивными, чем они были на самом деле».

Действительно, если бы русские напали на турецкую территорию, не уничтожив ракеты «Юпитер», то они были бы поражены этими ракетами на своей собственной территории; если бы они атаковали базы, где размещались ракеты «Юпитер», то были бы убиты американские военнослужащие и Соединенные Штаты были бы вынуждены реагировать немедленно. «Напротив, с момента, когда подводки, оснащенные ракетами «Поларис», заменили наземные установки, Белый Дом вновь становился ответственным

ным за приказ о запуске ракет “Поларис” и нанесение удара, в первую очередь, по советским городам и базам, однако американские военнослужащие при этом не подвергались нападению. Впрочем, такой удар был нереален, поскольку он, в свою очередь, вызвал бы советский ответный удар».

Эта жесткая аргументация завершается столь же категоричным выводом: «Кризис на Кубе показал, что если Соединенные Штаты не могли терпеть присутствие баллистических ракет и ядерных бомбардировщиков в непосредственной близости от своей территории, они, тем не менее, достаточно легко мирились с уязвимостью своих европейских союзников в отношении угрозы такого же типа. Эта констатация разрушила союз в одно мгновение... Вывоз ракет “Тор” и “Юпитер” на двадцать лет оставил европейские страны НАТО лишенными эквивалента ракетам SS-4 и SS-5, которые русские устанавливали в большом количестве».

11.3.3 ДЕ ГОЛЛЬ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕЭС

Стратегический анализ генерала Галлуа совпадал с представлениями де Голля о конъюнктурной политической ситуации и подтолкнул французского президента к радикальному решению. Вопрос о вступлении Великобритании в ЕЭС утрачивал все свое политическое значение. Более того, ее принятие включило бы в европейскую систему страну, связанную военными соглашениями, делавшими ее зависимой от Соединенных Штатов, будь она членом ЕЭС или нет.

Этим объясняется быстрота и жесткость двойного маневра, предпринятого де Голлем в январе 1963 г. Действительно, 14 января французский президент созвал пресс-конференцию, в ходе которой демонстративным и категоричным образом выразил свое несогласие с британской кандидатурой на вступление в ЕЭС. Он напомнил, как Великобритания препятствовала созданию самого Сообщества, а затем создала ЕАСТ, договорившись с шестью другими государствами. Новая английская позиция поставила, по мнению де Голля, проблемы «огромного масштаба»: «Действительно, Англия — островное, морское государство, зависящее в своих торговых обменах, в поставках и рынках от самых разных и зачастую самых отдаленных стран». Иными словами, сама экономическая структура, природные и коммерческие характеристики отличали Великобританию от других стран континентального Сообщества. Конечно, вступление Великобритании в Сообщество повлекло бы за собой вступление многих других стран мира, при-

ведя к непредсказуемым последствиям и изменениям в структуре Сообщества: «Сообщество, которое расширилось бы подобным образом, столкнулось бы со всеми проблемами, касающимися его экономических отношений с рядом других государств и с Соединенными Штатами. Следует предвидеть, что сплоченность его членов... долго не устоит, и оно превратится в колоссальное атлантическое сообщество, зависимое от американцев и руководимое ими». Этих акцентов было достаточно для выражения соотношения концепции «атлантической Европы» и «европейской Европы», посредством которой министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль утверждал самоидентификацию европейцев и обобщал основные моменты антибританских тезисов.

При режиме единогласия французского вето, в соответствии с уставом, было достаточно для того, чтобы воспрепятствовать в тот момент продолжению переговоров. Пять партнеров по ЕЭС по-разному отреагировали на позицию, занятую Францией, — в зависимости от характера их отношений с Соединенными Штатами и от той меры, в которой они были затронуты личностным стилем де Голля в проведении международной политики. Как бы то ни было, в тот момент он не мог не делать необходимых выводов из констатации того, что британский политический выбор был направлен в большей степени на поиск решения внутренней политической проблемы (сохранение престижа Макмиллана) посредством соглашения с Соединенными Штатами, чем на решение фундаментальной европейской политической проблемы — проблемы доверия к атлантической оборонительной системе. Это доверие отсутствовало уже давно, и де Голль стремился своей деятельностью восстановить его основы.

Второй реакцией на соглашение в Нассау было подписание 22 января 1963 г. договора о сотрудничестве с Федеративной Республикой Германии. Во время пресс-конференции 14 января де Голль уже заявил о том, что сотрудничество между двумя странами «абсолютно необходимо» для их жизни и современного развития. Оно составляет также «условие и самое основание для построения Европы и в потенциале может в настоящее время стать важнейшим элементом безопасности на нашем континенте и, возможно, в будущем важнейшим элементом равновесия и мира» между Востоком и Западом.

Определение франко-германского союза как элемента, «важнейшего для европейской безопасности», означало отрицание такого характера англо-американской политики и противопоставление ей сильной и решительной инициативы (учитывая, что речь шла еще и о расширении ЕЭС за счет Испании).

Впрочем, как отмечает теперь М. Вайс, за договором скрывались подоплеку различного характера. Для де Голля он был выражением стремления не связывать оборону Европы лишь с атомным вооружением Соединенных Штатов и недоверия в отношении «глубокого желания достигнуть когда-либо соглашения с русскими», которое он вынес из рассмотрения американской политики. Для Аденауэра договор не противоречил дружбе с Соединенными Штатами, но рассматривался как средство для оказания давления на американское правительство с тем, чтобы добиться от него уступок по германскому вопросу.

Эта двойственность обнаружилась, когда «договор примирения» был вынесен на ратификацию, поскольку Бундестаг предпослал ему одобренную единогласно преамбулу, в которой недвусмысленно подтверждалась необходимость сотрудничать с Соединенными Штатами и решать проблемы безопасности в рамках атлантической зоны, что, по сути, лишало договор его стратегического значения. Франция оставалась, таким образом, довольно изолированной, учитывая также политический закат и скорую отставку с поста канцлера Конрада Аденауэра. Поэтому значение договора ограничилось его сиюминутным и конкретным политическим смыслом, состоявшим в создании реалистической альтернативы англо-американскому союзу. Однако проблема, поставленная де Голлем, оставалась открытой и определяла развитие как ЕЭС, так и НАТО. Значение проекта де Голля, вписанного в более широкий контекст, было переосмыслено так, что немцы могли использовать поддержку французов в целях воспрепятствовать возможным соглашениям с Советским Союзом, которые привели бы к изменению юридической основы, на которой создавалась крепнущая Федеративная Германия.

11.3.4. ФРАНЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Деятельность де Голля влияла также на другие аспекты деятельности НАТО и ЕЭС. Усилия американской администрации по спасению проекта создания Многосторонних ядерных сил продолжались даже и после убийства Кеннеди (22 ноября 1963 г.), правда, безо всякого успеха. Почти одновременно (в октябре 1963 г.) ушли со своих постов Аденауэр и Макмиллан, в то время как новый американский президент Линдон Джонсон мог уделять европейским проблемам незначительное внимание, будучи поглощенным как решением вопросов внутренней политики, так и ситуацией широкомасштабного вмешательства Соединенных Штатов во Вьетнаме.

В 1965 г. проект создания Многосторонних ядерных сил был отложен, в то время как конкретные проблемы ядерной безопасности атлантической Европы оставались открытыми. В данной связи еще одним элементом, способствовавшим кризису, стало объявленное французами в марте 1966 г. решение о выходе из Объединенного командования НАТО. То есть речь шла о том, чтобы оставаться политически связанной с Атлантическим пактом, но освободиться от обязательств, возникших начиная с 1950 г. в связи с созданием вооруженных сил НАТО и верховного главнокомандования, размещавшегося в Париже. Необходимо было постепенно, до 1969 г., переместить это командование из Парижа в Брюссель, однако, прежде всего, было очевидно, что проблемы, поставленные де Голлем, касались вопросов, которые нельзя было обойти. В отношении этих вопросов от Франции и других атлантических стран требовалось проявление последовательной сдержанности с тем, чтобы избежать перерастания организационной разобщенности в политические расхождения.

Провал или, точнее, пауза в переговорах, относящихся к созданию Европейского политического союза, а также к вступлению Великобритании в ЕЭС, не затормозила, тем не менее, процесс создания органов Сообщества. Речь шла в значительной степени об интенсивной работе по устранению препятствий и барьеров для создания зоны свободной торговли, и скорее о принятии мер по выходу из затруднительных ситуаций, чем о решениях, относящихся к созданию подлинной политической альтернативы. Следовательно, эти решения не вступали в противоречие с различными подходами стран ЕЭС к главной политической проблеме. Однако такое противоречие не замедлило проявиться в момент, когда Комиссия, то есть исполнительный орган ЕЭС, вместо того, чтобы принять решения, направленные на отмену различных ограничений, должна была принять решения, наполненные политическим содержанием. В этом случае возражения де Голля по поводу способности Комиссии вести «политическую деятельность» были подробно аргументированы.

Одной из задач Комиссии была разработка сельскохозяйственной политики внутри Сообщества. Члену Комиссии голландцу Сикко Мансхольту было поручено изучить все аспекты проблемы, и в течение 1964 г. были представлены первые результаты его работы. Он утверждал, что совместная аграрная политика должна гарантировать минимальные цены на каждый сельскохозяйственный продукт, что означало, что Комиссия должна вмешиваться в регулирование сельскохозяйственного рынка, когда цены снижаются ниже предусмотренного минимума, с целью их выравнивания.

Но это предполагало, что Сообщество располагает финансовыми ресурсами для проведения такой сельскохозяйственной политики и, следовательно, «собственными» ресурсами, то есть взятыми из собственного бюджета со специальных счетов, непосредственно принадлежащих Сообществу, а не из ассигнований, выделяемых время от времени Советом министров. Это означало, что Сообщество, то есть Комиссия должна будет определить критерии проведения своей сельскохозяйственной политики.

Эти технические вопросы ставили важные политические проблемы. Каким образом обеспечить Сообщество «собственными» ресурсами и как их контролировать? Доверить их Европейскому парламенту или Совету министров? В декабре 1964 г. Комиссия разработала серию проектов, представленных Совету министров 1 апреля 1965 г. в качестве «пакета» мер, которые не могли быть приняты в отдельности. Они касались финансирования общей аграрной политики, получения самим Сообществом ресурсов от системы таможенных пошлин на импортируемые Сообществом сельскохозяйственные продукты, устанавливаемых Европейским фондом планирования и управления сельским хозяйством (FEOGA), а также предложения укрепить роль Европейского парламента в бюджетных вопросах. А это означало — больше полномочий Парламенту и, прежде всего, больше полномочий Комиссии.

Это было именно то, чего не хотели французы. Они благосклонно относились к концепциям, на которых основывалась аграрная политика, поскольку знали, что французские земледельцы получают от нее наибольшую выгоду, однако они были против любого усиления институтов Сообщества, в том виде, в каком это представлялось в тот момент. Для характеристики политической ситуации, стал показательным способ, каким Комиссия пришла к своим решениям. В самом деле, они были одобрены Комиссией посредством резолюции, принятой большинством в семь голосов против двух (двух французских представителей). Это делало предложения пригодными для процедуры утверждения, в соответствии со ст. 201 и 203 Римского договора, и в итоге президент Комиссии немец Вальтер Хальштейн представил их в таком виде Европарламенту. Но этот шаг отражал желание форсировать политические решения, с которыми французское правительство вовсе не стремилось солидаризоваться. В нем имплицитно присутствовало намерение превратить сотрудничество между Комиссией и Европейским парламентом в непосредственное взаимодействие, что при устранении некоторым образом Совет министров усилило бы наднациональный характер институтов ЕЭС и ускорило бы их развитие.

Вопрос был вынесен на заседание Совета министров Сообщества 30 июня 1965 г., и Хальштейн должен был в этой ситуации взвесить последствия своего шага. Учитывая концептуальные приоритеты генерала де Голля, можно было не сомневаться, что он отвергнет компромисс. Представители Франции в Совете министров оспорили позицию Хальштейна и законность решений, принятых Комиссией. Хуже того, они объявили, что начиная со следующего дня они прекращают свое участие в деятельности всех органов ЕЭС (так называемая политика «пустого кресла»).

9 сентября де Голль в своей речи уточнил французскую позицию в теоретическом плане, еще раз изложив уже известные концепции. Он подтвердил желание Франции не выходить из Сообщества, но открыто заявил об «узурпации» компетенций Комиссией и Европарламентом, «не избранным», а назначенным отдельными национальными парламентами. В политическом плане де Голль противостоял давлению в федералистском направлении; его выбор соответствовал видению генералом будущего Европы в качестве конфедерации национальных и суверенных государств. Впрочем, это не помешало ему тогда же добавить, что хотя Франция как таковая не будет участвовать в жизни Сообщества, но примет участие в обсуждении проблем сельского хозяйства, если к ним будет применяться принцип единогласия и как только «прекратится противопоставление вредных и обманчивых мифов здравому смыслу и реальности». Иными словами, Франция вновь займет свое место в ЕЭС при условии, что Комиссия откажется от давления в пользу федералистской интеграции и, в особенности, если Совет министров продолжит и после 1 января 1966 г. принимать решения в соответствии с правилом единогласия.

В результате французской инициативы Сообщество вновь оказалось на распутье. Комиссия продолжила свою работу, однако в течение немногих месяцев стало ясно, что ее деятельность не будет иметь никакого смысла без достижения компромисса, который отодвинет европейские надежды, однако спасет Сообщество, точнее, поможет избежать ускорения развития общеевропейских институтов с опережением возможностей в политической, экономической и социальной реальности Европы того времени. Альтернатива состояла в выборе между формально более совершенным институтом, но лишенным реального содержания, и институтом, зависящим от воли суверенных государств, которому будет суждено более медленное, но более конкретное функционирование.

Компромисс был достигнут посредством соглашений, заключенных в Люксембурге 29 января 1966 г., и хотя они подтверждали

приоритет власти национальных государств над общеевропейскими институтами, но, тем не менее, устанавливали, что начиная с 1970 г. (как это предусматривалось еще с 1962 г.) бюджет ЕЭС сможет располагать «собственными» ресурсами. В политическом плане Люксембургские соглашения подразделялись на четыре пункта:

1. В случае необходимости принятия решений на основании предложений Комиссии, которые затрагивали бы «очень важные интересы» одной или нескольких стран-участниц, Совет министров приложит усилия для того, чтобы в течение разумного времени найти решения, которые все страны-члены сообщества смогут выполнять, не ущемляя своих интересов.

2. Французская делегация, при интерпретации предыдущего параграфа, полагала, что в случае, затрагивающем «очень важные» интересы, следует проводить обсуждение «вплоть до достижения единогласного одобрения».

3. Стороны констатировали расхождение, которое продолжало существовать при отсутствии взаимоприемлемых договоренностей.

4. Однако они не считали, что это расхождение должно препятствовать возобновлению нормальной деятельности институтов Сообщества.

Помимо этого, компромиссные соглашения рекомендовали Комиссии наладить более тесные контакты с Советом министров; оказывать консультации правительствам в случаях «особой важности»; обязаться не обнародовать одобренные предложения до того, как страны-участницы будут о них проинформированы. Последний пункт обязывал Совет министров и Комиссию определить, каким образом можно сделать более эффективным функционирование финансового механизма и осуществление расходов Сообщества.

Люксембургский компромисс создал для ЕЭС лишь видимость возвращения к нормальной ситуации. В действительности он привел к изживанию значительной части надежд или, по выражению де Голля, иллюзий, которые вдохновляли создание европейских институтов. Продвижение к таможенному союзу продолжалось, как это и было предусмотрено, и даже ускоренными темпами, однако разработка «политики Сообщества» продвигалась по все более тернистому пути. Де Голль не скрывал своей нетерпимости по отношению к организации, которой, как он полагал, не достает демократической легитимности, вследствие чего она не способна выразить подлинные чувства и подлинные потребности разных стран Европы, наций, составлявших, по его определению, «Европу отечеств» (единственная концепция, на основе которой

мог возникнуть европейский синтез с учетом традиций, амбиций или особых интересов).

В политическом плане единственным позитивным шагом стало решение, принятое лейбористским правительством во главе с Гарольдом Вильсоном (сменившим в 1964 г. у власти консервативное большинство), о пересмотре отношений между Великобританией и ЕЭС и о возобновлении в новой международной обстановке (обусловленной вьетнамским кризисом и политикой разрядки между США и СССР) переговоров о присоединении Великобритании к ЕЭС. Официальная просьба была представлена 10 мая 1967 г. Она еще раз натолкнулась на враждебность де Голля, в меньшей степени раздраженного двойственностью позиции британцев, проявленной в 1962 г., но все еще озабоченного расширением Сообщества, которое привело бы к чрезмерному увеличению обязательств и финансового бремени ЕЭС из-за связей Великобритании со странами Содружества. Поэтому 27 ноября 1967 г. де Голль снова наложил свое вето, однако на этот раз ни одна из стран-участниц не позволила, чтобы ситуация привела к кризису. Вето де Голля привело не к разрыву переговоров, а скорее стимулировало этап размышлений.

В октябре 1968 г. министр иностранных дел Бельгии Пьер Армель предложил, чтобы страны ЕЭС институционализировали свое политическое сотрудничество в рамках Западноевропейского Союза, расширили в его рамках сотрудничество в сфере обороны, технологической области и в сфере денежной политики. Смысл предложения был очевиден: для изоляции французской оппозиции бельгийский министр намеревался переместить дискуссию в рамки ЗЕС, где не существовало права вето и где связи этой организации с НАТО создавали прочные узы с Соединенными Штатами. Министру иностранных дел Италии Пьетро Ненни было предложено представить оперативные предложения по созыву Совета ЗЕС, планировавшегося на февраль 1969 г. Де Голль еще раз вынужден был противостоять тому, что он считал коварной попыткой англичан проникнуть в европейские институты, не отказываясь от своих «особых отношений» с Соединенными Штатами. Он прибегнул к острой дипломатической полемике, ставшей, однако, его последней политической акцией. 28 апреля, потерпев поражение на референдуме по региональной реформе во Франции, он подал в отставку.

Преемник де Голля в Елисейском Дворце Жорж Помпиду, не обуруаемый глобальными устремлениями генерала, возобновил европейский диалог. 10 июля 1969 г. на пресс-конференции он затронул европейскую тему, резюмировав ее в красноречивом

триптихе — завершение, усиление, расширение — политическая установка, доминировавшая все последовавшее трехлетие. Помпиду не имел возражений по поводу вступления Великобритании, однако считал необходимым, чтобы прежде чем принимать решение о расширении Сообщества, была выработана общая аграрная политика и заложены основы экономического и валютно-финансового союза. Состоявшееся 21 октября 1969 г. заседание руководящих органов ЕЭС в Гааге, в котором впервые принял участие новый германский канцлер социал-демократ Вилли Брандт, ознаменовало начало медленного подъема. Были одобрены меры по финансовому регулированию аграрной политики Сообщества, и таким образом значительная часть связанных с этим проблем была решена.

22 апреля 1970 г. страны ЕЭС подписали соглашение относительно того, чтобы определять как «собственные» ресурсы Сообщества (налоги на сельскохозяйственную продукцию, сборы от общеевропейской таможенной политики и даже 1% от НДС). В марте 1971 г. было положено начало созданию экономического и валютно-финансового союза, проводившемуся под контролем и руководством Совета министров, то есть организации, не полностью включенной во внутреннюю институциональную систему ЕЭС. Впрочем, из-за финансового кризиса, спровоцированного в августе того же года решением Никсона приостановить свободную конвертацию доллара, стало еще труднее преодолеть инертность заинтересованных сторон. Поэтому единственным важным новшеством было заключение, наконец, соглашения относительно присоединения к ЕЭС Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии на основании их заявлений, представленных начиная с 1967 г. Серия переговоров завершилась 22 января 1972 г в Брюсселе подписанием договоров о присоединении четырех стран, которые вступали в силу 1 января 1973 г (следует, впрочем, учесть, что норвежцы, поставившие вопрос о присоединении на референдум, провалили решение своего правительства и остались вне Сообщества).

Расширение состава изменило характер и политическое влияние ЕЭС. Одновременно в этом же направлении действовали и стимулы для возобновления конструктивного диалога, направленного на то, чтобы экономический союз был обогащен более тесным политическим сотрудничеством. Вновь вставала тема, выдвинутая де Голлем, а именно — необходимость придать технократическому сотрудничеству более широкое политическое содержание, но в то же время такое, чтобы оно не привело к рождению субъекта, полностью выходящего из-под контроля национальных государств. Воспроизводилась диалектика взаимоотношений между федера-

листами и функционалистами, характерная для всей эволюции ЕЭС. Но прежде, чем эта тема обрела конкретность, необходимо было, чтобы объединенная Европа прошла еще одну проверку — энергетический кризис 1973 г. Учитывая сложность момента, преемник Помпиду Валери Жискар д'Эстен проявил инициативу по принятию принципов, которые фактически меняли институциональную структуру ЕЭС, хотя и открывали путь к большей роли парламентского представительства.

Парижские соглашения 9–10 декабря 1974 г. трансформировали Сообщество, превратив Совет министров в орган, являющийся его подлинной движущей силой, а Комиссию — в исполнительный орган, организующий деятельность Сообщества. Для обеспечения связи между странами-участницами необходимо было, в соответствии с соглашениями, чтобы главы правительств вместе с министрами иностранных дел «собирались три раза в год и каждый раз, когда это будет необходимо, в качестве Совета Сообщества и по вопросам политического сотрудничества». В соглашениях подтверждалось стремление осуществлять «согласованную политику» во всех областях международной жизни, которые затрагивали бы интересы ЕЭС. В качестве компенсации этого институционального поворота, предполагавшего принятие концепций де Голля, соглашения предусматривали проведение выборов в Европейский парламент на основе всеобщего избирательного права по правилам, которые следовало установить не позднее 1978 г. Кроме того, вновь поднималась тема европейского политического союза, и бельгийскому премьер-министру Лео Тиндемансу было поручено подготовить специальный доклад и представить его до конца 1975 года. Наконец, соглашения предусматривали создание Европейского фонда регионального развития, предназначенного для корректировки неравномерности развития внутри Сообщества, наибольшую выгоду от которого в тот момент получали Италия и Великобритания.

Парижскими соглашениями заканчивался первый этап истории Сообщества — этап новаторства, сомнений, принципиальных дискуссий, колебаний в институциональных вопросах, опасений, что ЕЭС может попасть в орбиту других политических и экономических влияний, в особенности, — Соединенных Штатов. В тот момент ЕЭС оставалось тесно связанным с политикой Запада в целом, однако оно стало доминирующим элементом европейской и мировой жизни, новым субъектом системы международных отношений, не обладающим военной силой, но необходимым в политическом плане, а также влиятельным с экономической точки зрения. В этой связи приводимые ниже таблицы дают убедительные

подтверждения зависимости между принадлежностью к ЕЭС, экономическим ростом и интеграцией в сфере торговли стран-участниц.

Доход на душу населения в странах ЕЭС и США (в долларах)

Страны	1955	1960	1964	1966
Бельгия	1033	1260	1671	1910
Франция	1132	1320	1835	2060
Великобритания	1051	1380	1711	1920
Италия	486	680	1036	1180
Люксембург	951	1592	1951	2030
Нидерланды	739	990	1422	1670
ФРГ	867	1280	1786	2010
США	2433	2830	3530	3840

Источник: Main Economic Indicators, OECD. November 1968.

Торговля в рамках ЕЭС в процентах к общему экспорту

Страны	1958 (шесть)	1969 (шесть)	1979 (девять)
Бельгия и Люксембург	45	68	73
Франция	22	48	53
Италия	24	43	49
Нидерланды	42	60	73
ФРГ	27	40	48
ЕЭС	32	48	54

Источник: СЕЕ, «European Economy». п. 18.

11.4. Изменения на Ближнем и Среднем Востоке

11.4.1. БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ СИТУАЦИЯ с 1956 по 1967 г.

Франко-британское политическое поражение во время Суэцкого кризиса 1956 года не сопровождалось таким же поражением Израиля. Поэтому исход военных операций вынудил Объединенные Нации сделать уступки потребностям безопасности в трактовке Тель-Авива в тот самый момент, когда совпадение устремлений сверхдержав обеспечило Насеру в качестве реванша важный политический успех. Этот успех создавал Египту и его диктатору растущее влияние в регионе, расширявшее сферу влияния панарабизма египетского образца, и в то же время предоставлял Насеру возможность избрать позицию относительного нейтралитета в отношении советского присутствия и американского влияния.

Достаточно напомнить, что, хотя русские осуществляли масштабные поставки вооружений Египту и субсидировали строительство Асуанской плотины, Соединенные Штаты продолжали до весны 1967 г. оказывать Египту экономическую помощь. Естественно, речь шла не о благотворительности, но о самом настоящем политическом вложении капитала, основанного на надежде, что Египет может вернуться в сферу влияния Запада, почвой для таких предложений были некоторые нейтралистские акценты, расставляемые несмотря ни на что, Насером. Американцы и египтяне сохраняли простор для маневра в годы, когда закат французского влияния и быстрый упадок английского оставляли сложный для заполнения вакуум, в котором преобладали внутренние проблемы арабского мира, но на который также оказывало влияние растущее советское и американское присутствие. Отсюда идеальные условия для нестабильности и изменений.

Действительно, панарабизм, который Насер избрал в качестве знамени своей международной деятельности, имел большое влияние во всем регионе, в особенности после получения независимости Тунисом и Марокко. Он приобрел еще большее влияние по мере быстрого, хотя и сталкивающегося с препятствиями, приближения полной победы алжирских националистов (1962 г.). После Суэца британское влияние в арабском мире было подорвано, однако укрепление позиций Насера сдерживалось сопротивлением консервативных режимов, выступавших против его туманного националистического и светского социализма. Кроме того, египетский диктатор должен был считаться с влиянием (которое было сильно сначала в Сирии, а потом и в Ираке) партии Баас (партии возрождения), главный теоретик которой сириец Мишель Афляк пытался соединить элементы панарабизма с мотивами, навеянными исламом, с идеями социальной реформы в качестве программы партии сирийских средних классов (и военных), а также, с необходимой корректировкой, — и других частей арабского мира. Светский характер насеровского социализма препятствовал созданию коалиции со сторонниками «Братьев-мусульман», которые оставались в основном противниками египетского военного режима и стали одной из сил, подготовивших взрыв так называемого исламского фундаментализма, начавшийся через несколько лет.

В Судане в 1958 г. военный переворот привел к установлению проегипетского режима; в Алжире в 1965 г. правительство, созданное в момент получения независимости Мухаммедом Бен Беллой, было свергнуто в результате путча во главе с Хуари Бумедьеном, вдохновленным концепциями, близкими к насеровскому

нейтрализму. В итоге силы, находившие у власти на Ближнем Востоке и в значительной части Северной Африки, стали выражением победоносного антиколониального реванша, амбициозного желания проводить реформы, которое не было, однако, подкреплено в достаточной степени опытом и четким пониманием цели. В этой группе государств, хотя и не разделявших идеалы «реального социализма» (в некоторых из них, как, например, в Египте, компартия была вне закона, а ее члены заключались в тюрьмы), доминировали свои внутренние проблемы. В то же время им угрожала региональная нестабильность. Поэтому эти государства все более благосклонно относились к связям с Советами через соглашения о военных поставках, экономической и технологической помощи в обмен на предоставление таких возможностей влиять на регион, каких у Советского Союза никогда не было в Средиземноморье.

Чтобы избежать опасностей, связанных с влиянием Насера, англичане в 1961 г. предоставили полную независимость Кувейту. В последующие годы они продолжали оставлять позиции в Персидском заливе (где позднее возникнут независимые государства, в частности Объединенные Арабские Эмираты). Освобождение Британии от своих обязательств, хотя и подтолкнуло консервативные страны к наращиванию их оборонительных усилий и поиску дополнительной внешней поддержки, привело к тому, что сфера влияния Насера распространилась на Красное море, начиная с 1966 г., когда англичане испытали трудности, связанные с издержками по управлению военной базой и нефтеперерабатывающими предприятиями в Адене и на прилегающей территории, объединенной ими в одну федеративную колонию. Ситуация еще более осложнилась из-за изменений, происшедших в Йемене, где в сентябре 1962 г. коалиция военных и реформистских сил свергла старую династию. В 1964 г. они создали Йеменскую Арабскую Республику (Северный Йемен), политически и юридически отделенную от Южного Йемена, то есть включающую в свой состав территории, которые англичане объединили в федерацию, когда предоставили независимость Адену и прилегающим областям, находившимся под их протекторатом, но юридически принадлежавшим Саудовской Аравии. Теперь уже интересы Египта и Саудовской Аравии определяли некоторые аспекты столкновения между консервативными и реформаторскими силами во всем регионе.

Столь радикальные изменения в регионе, приобретавшем все большее значение в связи с нефтяной проблемой, заставили Соединенные Штаты постепенно отказаться от надежды (которую питали Эйзенхауэр, Кеннеди и Джонсон) вернуть Египет в орбиту

Запада и убедили их в необходимости признать существующее разделение сфер влияния между государствами, заинтересованными в связи с происшедшими изменениями в советской помощи, и государствами, заинтересованными в связи с потенциальными угрозами в том, чтобы оставаться тесно связанными с Западом. Именно на Запад, кстати, они направляли большую часть своего нефтяного экспорта и именно с ним они были связаны соглашениями, заключенными с многонациональными нефтяными компаниями с целью эксплуатации, переработки, продажи сырья и размещения полученной прибыли. Обстоятельства осложнились общими настроениями антиамериканизма, охватившими бывший колониальный мир и арабские страны, а также тем, что в то время шла война во Вьетнаме. С другой стороны, открытая проарабская политика контрастировала с явными произраильскими настроениями президента Джонсона, который в этом вопросе занимал позиции, не отличавшиеся от позиций президента Трумэна.

За несколько лет Соединенные Штаты заменили, следовательно, французов и британцев во всем регионе и установили еще более тесные связи со старыми союзниками — Пакистаном, Ираном, Турцией, Ливией сенуситов, Тунисом (где президент Бургиба проводил политику осторожной модернизации и мягкого авторитаризма), Марокко короля Хасана II (что было во многом обусловлено политической и военной враждой, разделявшей его с Алжиром).

Двумя режимами, на которые должна была опираться арабская политика Соединенных Штатов, были Иордания и Саудовская Аравия. Первая была важна из-за своего географического положения, делавшего ее бастионом и буфером между арабским миром и Израилем. Вторая имела большое значение благодаря своим нефтяным запасам и благодаря влиянию, которым саудовская династия пользовалась на всем Ближнем Востоке, в особенности после того, как король Сауд, больной и подвергавшийся серьезной критике внутри правящей верхушки страны, был заменен в 1964 г. братом Фейсалом, просвещенным монархом, с огромным внутренним престижем и большим опытом международной деятельности, но прежде всего настроенным на решительное противостояние гегемонии Насера в арабском мире.

В Иордании с 1952 г. правил король Хусейн (ему тогда еще не исполнилось восемнадцати лет). Он возглавил страну, раздираемую противоречиями между пронасеровскими импульсами и настроениями лояльности в отношении правящей династии. Эти противоречия создавали сложности для достижения внутривнутриполитического равновесия и для решения проблемы палестинского меньшинства. В 1948 г. арабы, покинувшие оккупированные Из-

раилем территории, были рассеяны. В период их изгнания интенсивная деятельность по политическому воспитанию привела к распространению осознания национальной идентичности палестинским народом, который не может быть интегрирован ни в одной существующей арабской стране и естественным местом проживания которого является Палестина — Палестина, которую предстояло отвоевать. Было создано, в особенности после 1956 г., множество небольших движений. Среди них приобрела влияние группа Фатх, возглавлявшаяся Ясиром Арафатом. В 1964 г. по инициативе Лиги арабских государств, но под непосредственным руководством Египта, была создана Организация Освобождения Палестины (ООП), которую возглавляла группа Фатх, но в которую входили как в движение, претендующее на представительство всей нации, все формирования палестинских арабов. Силы ООП рассеивались по странам, соседствующим с Израилем, однако наибольшей численности они достигли в Иордании, поскольку она занимала часть территории, выделенной еще в 1947 г. арабской Палестине Организацией Объединенных Наций. Именно в Иордании и на западном берегу реки Иордан проживало наиболее многочисленное палестинское меньшинство (за исключением, возможно, сосредоточенного в секторе Газа).

Годы правления Хусейна (1952–1999) прошли, следовательно, в условиях становящегося все более хрупким равновесия, поддерживавшегося благодаря политическим и дипломатическим усилиям и благодаря сознанию необходимости создания между Израилем и большей частью арабского мира (исключая Египет) буферной территории. Таковы были причины, которые, невзирая на обиды израильтян, заставляли Вашингтон оказывать существенную экономическую и военную помощь Иордании, превращая ее в страну, являющуюся союзником Соединенных Штатов и находящуюся под их влиянием. Это создавало противоречие для американской политики растущей поддержки, оказываемой Израилю, и вызывало встревоженную реакцию и сопротивление правительства Тель-Авива, которое считало опасным для собственной безопасности дополнительные вооружения Иордании, чего, напротив, с точки зрения общих американских интересов нельзя было избежать, не опасаясь, что Иордания полностью попадет в орбиту влияния Насера.

Менее сложными были отношения между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией. Еще король Сауд в течение многих лет укреплял связи между двумя странами. Фейсал лишь развил эту политическую ориентацию. Программа просвещенного реформистского абсолютизма, которую собирался осуществлять саудов-

ский режим, была связана в финансовом и технологическом отношении с американскими стратегическими ресурсами.

С самого начала века и даже в первые годы после Второй мировой войны Саудовская Аравия выступала серьезной альтернативой интенсивной эксплуатации нефтяных ресурсов Соединенных Штатов. Несмотря на открытие в мире других месторождений, она оставалась страной, потенциально более богатой ресурсами и нефтяными доходами. Это создавало прочную основу солидарности общества, которую не могли поколебать ни коммунистическая идеология, столь далекая от исламизма хранителей Мекки, ни насеровский национализм (который обрушил бы на Саудовскую Аравию нищету десятков миллионов египтян).

Таким образом, между 1956 и серединой 60-х годов на Ближнем Востоке образовались два лагеря, с достаточно четко определенными, хотя порой и неустойчивыми, границами. В какой-то мере политический вакуум был заполнен продвижением Советского Союза и отчасти — созданием потенциальной антинасеровской коалиции. До какой степени, однако, политика Насера совпадала с советским экспансионизмом? И до какой степени Соединенные Штаты считали волну арабского национализма важной угрозой безопасности Израиля, который, впрочем, к тому моменту еще не стал основной опорой американской ближневосточной системы? Было ли еще возможно примирить соблюдение нефтяных интересов, которые контролировали арабы, с поддержкой Израиля?

11.4.2. «ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА» 1967 г.

Указанная проблема стала проясняться (было бы неуместно употребление слова «решаться») между 1966 и 1967 г., когда два лагеря подвергли свои силы испытанию. В начале 1966 г. американцы преодолели свои колебания и, хотя и продолжали посылать вооружения умеренным арабским режимам, нарушили равновесие в своих предпочтениях, откровенно отдав их израильтянам, которым они продали 50 бомбардировщиков и более 200 танков официально для того, чтобы «уравновесить постоянную арабскую угрозу безопасности Израиля».

С другой стороны, очевидная поддержка, оказывавшаяся Насером все более частым партизанским акциям ООП, наряду с постоянными обстрелами с сирийских Голанских высот израильских кибуцев Галилеи, вела к увеличению напряженности.

Сама революционная активность ООП представляла собой весьма отдаленную угрозу для жизни Израиля, где арабское население составляло в тот период незначительное меньшинство (13% от

общей численности населения, которая с 1948 г., благодаря иммиграции, увеличилась более чем вдвое, превысив 2 млн 300 тыс.), и где — благодаря помощи еврейских общин всего мира (в особенности Соединенных Штатов) и репарациям, выплаченным Западной Германией за гитлеровские преследования, — была создана процветающая экономическая система.

В целом друг другу противостояли одна страна, проникнутая сознанием энтузиазма новой родины для евреев, и коалиция, которая должна была взять реванш за два поражения и которая, благодаря советской помощи, могла, вероятно, рассчитывать на более эффективные вооруженные силы. За кулисами сверхдержавы наблюдали за приближением развязки с вниманием, а возможно, и с надеждой: в особенности русские, которые в результате победы Насера над Израилем приобрели бы возросший престиж и определенное влияние на всем Ближнем Востоке.

Однако говорить о победе в войне значит предполагать войну. В мае — начале июня 1967 г. она стремительно приближалась. Инициатива принадлежала Насеру, использовавшему в качестве предлога предположение, сфабрикованное советскими спецслужбами, о предстоящем израильском нападении на Сирию с целью положить конец обстрелам с Голанских высот. Для того чтобы предотвратить это нападение и поставить Израиль в затруднительное положение, в середине мая Насер потребовал от Объединенных Наций вывести часть войск ООН, которые с 1957 г. патрулировали разграничительную линию между Египтом и Израилем. Генеральный секретарь ООН У Тан истолковал это требование как относящееся не к части международного контингента, а ко всем войскам Объединенных Наций, включая те, которые, располагаясь в Шарм-эль-Шейхе, гарантировали свободную навигацию по Тиранскому проливу и заливу Акаба вплоть до порта Эйлат, единственного выхода Израиля к Красному морю.

В течение нескольких дней президент Джонсон пытался уменьшить напряженность, вступив в прямой контакт с Насером, с израильским премьер-министром Леви Эшколом и советским премьер-министром Косыгиным, а также поддержав предложение У Тана отправиться с миссией в Каир. Это дипломатическое посредничество дало понять Насеру, что американцы не будут вмешиваться в военный конфликт и что, следовательно, он может поднять ставки вплоть до принятия решения, ставшего известным 22 мая, заблокировать проход израильских судов через Тиранский пролив. Иными словами, Насер пытался решить кризис как средством сильного военно-политического давления, так и прибегая к риску развязывания войны, из которой он надеялся выйти победителем.

Никакой другой расчет не был настолько необоснованным. В Тель-Авиве уже настроились на военные решения. Израильцы не знали, что они все еще обладают безусловным военным превосходством, благодаря систематическим поставкам вооружений из Франции, а затем и из Соединенных Штатов, и также знали, что в случае их поражения Соединенные Штаты не смогут сохранить свою нейтральную позицию. Теоретически Израиль был окружен враждебной коалицией, образованной Сирией, Иорданией и Египтом. На практике, как и в предыдущих войнах, единственным настоящим противником являлся Египет. Американская обеспокоенность была продиктована страхом, что война может продлиться долго. Но ход военных действий опроверг это предположение.

5 июня 1967 г. израильская авиация неожиданно атаковала египетские аэродромы и авиабазы, нейтрализовав таким образом авиацию Насера до того, как его самолеты смогли подняться в воздух. В последовавшие за этим дни в действие вступили сухопутные войска и танки. Быстрое продвижение войск под командованием начальника израильского главного штаба Ицхака Рабина лишило смысла стратегические планы египтян. За четыре дня израильцы оккупировали весь Синайский полуостров вплоть до восточного берега Суэцкого канала, который они не форсировали. В первый день войны из Тель-Авива раздалось предупреждение Хусейну: в случае, если иорданские войска не будут участвовать в конфликте, израильцы не сдвинутся со своих позиций. Хусейн не мог или не хотел прислушаться к предупреждению, и ответ Израиля был радикальным: он оккупировал весь западный берег реки Иордан так же, как весь Иерусалим. На севере в последние два дня войны израильцы атаковали Голанские высоты, то есть гряду холмов, составлявших границу с Сирией. 9–10 июня эта территория была оккупирована. В полдень 10 июня, в час, на который Советом Безопасности ООН на заседании днем раньше было назначено прекращение военных действий, они дошли до города Кунейтра.

«Шестидневная война» более чем вдвое увеличила территорию, оккупированную Израилем. Израильцы овладели Голанскими высотами, они осуществляли полный контроль над сектором Газа, западным берегом реки Иордан, всем Синайским полуостровом. 28 июня правительство Тель-Авива приняло решение об объединении еврейского и арабского Иерусалима в одну «окончательно» неделимую единицу, в отношении которой единственно возможные переговоры могли касаться норм доступа к христианским и мусульманским святыням.

11.4.3. ПОСЛЕДСТВИЯ УСПЕХА ИЗРАИЛЯ ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ВСЕГО МИРА

Впечатляющий военный успех Израиля в войне против коалиции, включавшей на бумаге все пронасеровские страны, поддерживаемой общественным мнением всего арабского мира, а в политическом и военном отношении и Советским Союзом, привел к радикальным трансформациям на Ближнем Востоке, затронувшим не только проблемы этого региона, но и международные отношения в целом; более того, он превратил палестинский вопрос и израильскую проблему из проблем, имеющих локальное значение, в проблемы, от которых зависел баланс сил во всем мире. Восточное Средиземноморье вновь стало, как некогда, одним из ключевых регионов политической, религиозной, экономической и культурной жизни мира.

Не все эти аспекты могут быть здесь рассмотрены. И все-таки необходимо дать, по крайней мере, одну общую оценку. Палестинско-израильский вопрос остро выявил проблемы развития, мира, национальных прав, безопасности и свободного доступа к запасам сырья. Он стимулировал более ясное осознание этих проблем в качестве оснований для позиций правительств или дискуссий в общественном мнении (например, в период холодной войны). Страны Западной Европы и американцы узнавали в израильских событиях что-то похожее на их историю: это могли быть остатки колониализма, религиозные мотивы или же воспоминания и угрызения совести по поводу преследований евреев, имевших место главным образом в Европе.

Арабы видели в израильской победе новую демонстрацию своей изоляции, враждебности Запада в их отношении, ограниченности воздействия, которое Советский Союз был способен оказать в защиту палестинского дела. Недавно освободившиеся страны были подвержены двум тенденциям. Часть стран, составлявшая незначительное меньшинство, видела в Израиле модель поразительной трансформации колониального государства в развитую страну. Другая — составлявшая очевидное большинство — видела в Израиле символ сохраняющегося влияния западного капитализма, а следовательно, империализма.

Египет должен был пережить самое унижительное поражение. Влияние Насера как лидера арабских народов в борьбе за реванш заметно уменьшилось. Но поражение поставило также проблему отношений с Советским Союзом, которому ставилось в упрек то, что он не поддержал дело арабов в достаточной мере.

С тех пор в отношения двух стран был привнесён элемент кризиса. Советы были вынуждены усилить свое военное присутствие, увеличив численность своего контингента в Египте приблизительно до 20 тыс. человек, которым придавалась основная военно-техническая инфраструктура, создав шесть аэропортов (что было очевидным симптомом недоверия к военным способностям египтян). Кроме того, они послали военно-морские корабли на базы в Порт-Саиде и Александрии, что стало первым шагом к присутствию крупного советского военного флота в Средиземноморье.

Помимо этого, Советы усилили экономическое вмешательство. Постройка Асуанской плотины была закончена в 1971 г., но одновременно Советский Союз финансировал (всегда на своих условиях, предусматривавших полное возмещение инвестиций, пусть и предоставленных под низкие проценты) сооружение ряда других объектов инфраструктуры и промышленных предприятий в самом Египте и в Иране. Однако именно это усиление вмешательства породило определенные расхождения. Методы, использовавшиеся русскими, не соответствовали потребностям местного населения. Поведение советских специалистов и военных зловеще напоминало поведение оккупационных войск, действовавших в первую очередь в своих собственных интересах, а не в интересах египтян. Это были затруднения, которые не могли проявиться сразу же, в том числе и из-за крайней слабости египтян. Однако, возникнув в тот момент, они привели к неразрешимому противоречию между различными аспектами советского присутствия, что начало проявляться с 1972 г.

Следующим моментом египетского кризиса стала неожиданная смерть 28 сентября 1970 г. президента Насера. Его преемник, полковник Анвар Садат, принадлежал к узкому кругу «молодых офицеров», организовавших в 1952 г. государственный переворот. Опасались, что он будет проводить еще более доброжелательную политику в отношении Советского Союза. Действительно, ему пришлось заняться проблемами укрепления своей власти прежде, чем он смог отойти от внешнеполитического курса (в направлении, противоположном ожидаемому), оставленного в наследство его предшественником.

Не менее тяжелыми были последствия поражения для Иордании и для Сирии. Утрата Западного берега реки Иордан создавала для правительства Аммана и короля Хусейна совершенно новую ситуацию. Иорданию наводнили толпы палестинских беженцев именно в тот момент, когда она потеряла самую плодородную и производительную часть своей территории. Только помощь Сау-

довской Аравии, Кувейта и Ливии (последних двух стран — ограниченная с точки зрения времени и условий) позволила Хусейну выжить. Однако лагеря палестинских беженцев стали также местами для интенсивной антиизраильской деятельности и базой для ведения партизанской войны, которую феодалы ООП вели против врага в соответствии с военными директивами, на которые Иордания не оказывала никакого влияния, но за которые она платила определенную цену в связи с израильскими репрессиями. На практике власть ООП противостояла власти иорданского правительства и поддерживалась Сирией. В сентябре 1970 г. это противоречие обострилось до крайности. Под угрозой заключения соглашения между сирийцами и ООП Хусейн принял радикальные меры против палестинских беженцев. В те дни, позднее получившие известность как «черный сентябрь», тысячи палестинских бойцов были уничтожены, а влияние ООП радикальным образом уменьшилось в результате соглашения, которое Арафат вынужден был подписать с иорданским правительством, в соответствии с которым политическая деятельность ООП в Иордании осуществлялась под контролем правительства Аммана.

Для Сирии последствия поражения также были тяжелыми. Правительство генерала Салах-ад-дин Битара, представителя левого крыла партии Баас, вступило в период глубокого кризиса, который привел в сентябре 1970 г., одновременно с попыткой вмешательства в Иордании, к отстранению самого Салах-ад-дин Битара и его замене представителем этой же партии генералом Хафезом Асадом, использовавшим власть гораздо более прагматичным образом и укреплявшим ее, не стесняясь подавлять противников.

Хотя Ливан и не принимал участие в войне и остался своего рода островом благополучия в регионе, где царил хаос, с 1967 г. он также стал ощущать последствия поражения арабов. Для ООП Ливан, по сравнению с Иорданией, имел пока второстепенное значение в качестве базы для проведения военных операций. Однако рост числа беженцев сразу же выдвинул проблему властных полномочий и регламентации партизанской деятельности. Вмешательство Насера помешало в тот момент развитию ситуации в конфликт, аналогичный тому, что возник в Иордании. В 1969 г. был достигнут компромисс, который ограничивал свободу передвижения ООП южной частью Ливана. После «черного сентября» этот компромисс стал инструментом, благодаря которому ООП удалось обосноваться в Ливане автономным образом в той степени, в какой это не удавалось сделать в Иордании — в качестве государства внутри другого государства.

Иным был характер проблем, с которыми пришлось столкнуться победителям. Неожиданное превращение Израиля из осажденного государства в державу, доминирующую в беспокойном регионе, пронизанном столькими противоречиями, выдвигало проблему придания новой ситуации нового внутреннего и международного смысла. В плане внутренней ситуации оккупация обширных арабских территорий выдвигала перед израильским правительством необходимость регламентировать отношения между двумя этническими группами, которые по численности уже почти сравнялись. Если до войны население Израиля составляло 2 млн 300 тыс. жителей, то в июне 1967 г., несмотря на отъезд многих новых беженцев, израильское население увеличилось до более чем трех с половиной миллионов человек, из которых 1,5 млн — арабы (частично те жители Израиля, которые в 1948 г. не покинули свои дома, частично — более миллиона — арабы, заявлявшие о своей палестинской идентичности).

Впервые Израилю пришлось столкнуться внутри страны и на собственных границах с одной и той же проблемой: признавать ли существование наряду с нациями, которые исторически сформировались после падения Османской империи, также и палестинскую нацию или же отрицать такое признание и отказаться, следовательно, от каких бы то ни было уступок точке зрения арабского мира. Отказу арабов 1948 г. противостоял теперь отказ израильтян, столь же упорный, основывающийся на тезисе, что только отрицание существования палестинской нации создаст гарантии безопасности израильской нации. Однако все это поднимало также юридические проблемы, которые не могли рассматриваться в чисто репрессивных категориях, поскольку внутри Израиля отношение к палестинцам оставалось враждебным, но пока еще пассивным.

Наряду с этой проблемой этнического равновесия возникала также проблема территориального характера. Что делать с оккупированными территориями? Существовало две противоположных тенденции: направленная на создание великого израильского государства, которое аннексировало бы Западный берег реки Иордан, постепенно превратив его в колонию; и тенденция, направленная на поиск компромисса, возможно, с Египтом, который соответствовал бы, по крайней мере частично, резолюциям Совета Безопасности ООН. Два параметра были четко определены: Голанские высоты были главной позицией с точки зрения безопасности Израиля, и их можно было бы уступить только в рамках общего урегулирования, в тот момент еще весьма далекого. Иерусалим должен был остаться столицей Израиля как неделимый город, где находятся святыне для еврейской религии места. Это,

следовательно, исключало переговоры с Иорданией и Сирией. Напротив, проблемы Синайского полуострова рассматривались как поле для возможного компромисса с Египтом. В течение некоторого времени после смерти Насера посредники ООН рассматривали эту гипотезу, однако на том этапе не достигли никакого конкретного результата.

Сверхдержавы ограничились лишь косвенным участием в конфликте. Совокупность проблем, с которыми сталкивалась каждая из них, и желание, чтобы шаги, совершенные в политике разрядки, не были напрасными, не позволяли идти другим путем. Соперничество носило скрытый характер, налагавший на оба правительства строгие ограничения. Однако глубина кризиса ставила под сомнение главные вопросы. Соединенные Штаты, оказавшиеся в ловушке вьетнамской войны, вынуждены были убедиться в том, что Израиль стал доминирующим элементом в Восточном Средиземноморье и что, следовательно, союз с арабским консервативным миром должен совмещаться со все более тесным сотрудничеством с израильским правительством. Это оказалось возможным не сразу, но с избранием в 1968 г. президентом Никсона постепенно становилось все более очевидным и привело к повороту 1972–1973 гг.

Для Советского Союза поражение арабов было болезненным поражением, поскольку косвенно отражало ограниченность того влияния, на которое он мог рассчитывать, и хрупкость антиизраильской коалиции (хрупкость, не восполненную переворотом, который в 1969 г. сверг сенуситскую династию и привел в Ливии к власти полковника Каддафи). Поражение не могло быть принято как таковое, поскольку оно отразилось на всей деятельности Советского Союза в развивающихся странах, что делало необходимым направлять все больше ресурсов в зону, где субъектов, безусловно преданных советским целям, было очень мало. Поддержка Египта являлась императивом с неясными перспективами. С другой стороны, решение Советского Союза порвать в сложившихся обстоятельствах дипломатические отношения с Израилем оказалось необдуманном шагом, вынудившим СССР действовать на Ближнем Востоке только в качестве защитника палестинских интересов и лишив его возможности участвовать в каких бы то ни было посреднических инициативах.

В ходе кризиса границы, которых сверхдержавы вынуждены были придерживаться, и пределы их соответствующего влияния в ближневосточном регионе стали очевидными благодаря тому, каким образом они действовали в Организации Объединенных Наций. Совет Безопасности занялся этим вопросом по инициативе израильтян, разыгравших и в этом случае неожиданную карту. Он об-

судил и одобрил одну за другой несколько рекомендаций с целью положить немедленный конец военным действиям. Израильцы в конце концов согласились со сроками, которые вынуждали их остановить наступление, когда все цели (включая оккупацию Кунейтры) на всех фронтах были достигнуты, — 10 июня. С этого дня сверхдержавы стремились выработать если не полностью идентичную, то, по крайней мере, согласованную линию поведения, как это было в 1956 г.

23 и 25 июня советский премьер-министр Косыгин, участвовавший в работе Генеральной Ассамблеи ООН, встретился в Гласборо, университетском центре штата Нью-Джерси, с президентом Джонсоном. Косыгин пытался побудить своего собеседника твердо осудить действия Израиля с тем, чтобы заставить его немедленно вывести войска с оккупированных территорий. Джонсон, напротив, не намеревался отходить от компромиссных формулировок, приемлемых также и для израильтян. Однако за этой дискуссией просматривалась проблема ограничения стратегических вооружений, и главный вопрос, несмотря на давление русских, в конце концов возобладал над региональными проблемами.

Встреча двух государственных деятелей показала, что региональное соперничество, вовсе не нарушив диалога, сделало его еще более необходимым и что, следовательно, частные противоречия могли быть улажены, если иметь в виду соглашение более широкого масштаба. В этом смысле кризисные дни 1967 г. в том, что касается общей разрядки (то есть тех рамок, в которых происходили региональные кризисы), означали момент гораздо более важного поворота, чем тот, о котором трактуют своеобразные пессимистические оценки, дававшиеся и тогда, и затем в историографии этому этапу робкого возобновления диалога после ухода со сцены Хрущева. Соглашения не последовало, однако сам факт, что два государственных деятеля встретились вскоре после шестидневной войны и во время конфликта во Вьетнаме, демонстрировал, что соображения диалога как никогда преобладали над соображениями соперничества.

В такой атмосфере осуждение израильской агрессии, за которое Генеральная Ассамблея ООН проголосовала 4 июля подавляющим большинством (99 голосов «за», ни одного «против» и 20 воздержавшихся), имело только декларативный смысл. Гораздо более важной была напряженная работа, приведшая к единогласному одобрению Советом Безопасности резолюции № 242, основы для всех дальнейших дискуссий по палестинскому вопросу, в которой был сформулирован мирный план, базировавшийся на двух принципах: вывод израильских войск «с территорий, оккупированных в результате недавнего конфликта» («from territories occupied in the

recent conflict»); прекращение любого состояния войны, уважение и признание «суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех стран региона и их права жить в мире в надежных и признанных границах, свободными от угроз и актов насилия».

Резолюция связывала вывод израильских войск с формированием безопасных, мирных границ, не подверженных угрозам. Но наряду с этой концепцией, однозначной, хотя и допускающей субъективные истолкования, она содержала формулу, которая объективно положила начало бесконечным спорам. Первый из двух одобренных принципов приводился выше в переводе с английского варианта, из которого следовало, что израильские войска должны уйти *«from territories»*, а не *«from the territories»*, то есть с некоторых территорий. Интерпретация этой формулы, в намеренной двусмысленности которой трудно сомневаться, подразумевала, что обязательство вывода войск касалось не всех оккупированных территорий, а могло ограничиваться какой-то их частью, пусть и очень важной. На английском языке статья, следовательно, представляла возможность для различных интерпретаций. Французский текст резолюции был, напротив, гораздо более четким, поскольку предусматривал вывод израильтян *«des territoires»*, то есть со всех оккупированных территорий. Какой из двух языков должен был стать приоритетным также являлось предметом спора, а двусмысленность могла лишь высветить границы компромисса. Однозначная версия, возможно, не была бы принята всеми странами с правом вето в Совете Безопасности. С другой стороны, то, что этот документ был принят, являлось важным результатом как для палестинцев, которых устраивало признание того, что израильтяне должны уйти с оккупированных путем агрессии территорий, так и для израильтян, которых устраивало признание их права на безопасные и мирные границы. С дипломатической точки зрения, английский текст отражал допустимые для сторон пределы компромисса. В последующие годы посредничество ООН с целью выполнения резолюции продолжалось и было поручено способному шведскому дипломату Гуннару Яррингу.

11.5. Вьетнамский кризис 1954–1968 гг.

11.5.1. ПРОВАЛ ЖЕНЕВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ 1954 г.

Ни одна из двух частей, на которые был разделен Вьетнам в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года, не соблюдала данные ими обязательства. Свободные выборы, которые в течение двух лет должны были состояться в стране, превратились

в несбыточные иллюзии. Коммунисты Ханоя и проамериканское правительство, которое после изгнания французов было создано в Сайгоне под руководством католического деятеля старой правящей группы президента Нго Динь Зьема, действовали только в интересах укрепления собственных позиций. После 1954 г. и вплоть до начала китайско-советского конфликта Хо Ши Мин и его режим получали постоянную помощь как от русских, так и от китайцев. В самый критический период китайско-советских разногласий (1963–1964 гг.) Северный Вьетнам сблизился с Китаем, от которого он мог получить немедленную помощь; а затем он занял сначала равноудаленную и, наконец, откровенно просоветскую позицию.

Если «культурная революция», борьба за власть в Китае и Вьетнамская война представлялись со стороны разными, но сводимыми вместе моментами борьбы с империалистическим миром, то в конкретной ситуации они развивались по расходящимся направлениям. Во Вьетнаме требовался не беспорядок, привносимый «красными охранниками», а военный приказ, необходимый на войне, ведущейся с соблюдением суровой дисциплины. В этой войне им способны были помочь только Советы, державшие в своих руках, в определенном смысле, ключи от ее исхода, поскольку индокитайский конфликт был для Москвы одним из способов ограничения свободы действия американцев в других регионах и влияния на диалог с Соединенными Штатами.

Сохранение разделения на два разных государства привело затем к возобновлению борьбы, к проникновению националистических (северовьетнамских) сил на Юг и к эскалации американского вмешательства. Локальный конфликт превратился в масштабный международный кризис и национальную трагедию для Соединенных Штатов. С 1964 г. он возбуждал общественное мнение и потряс Соединенные Штаты до основания, поставив под сомнение (именно в те годы, когда по-новому встала проблема черного меньшинства) базовые ценности американского образа жизни: «внутренне присущая справедливая» природа американских институтов; «свободный и либеральный» характер американской политики; смысл американской международной политики. Это были темы, в отношении которых ранее критически высказывались только незначительные группы «радикалов».

Все это сказалось на многих аспектах американской жизни: от масс медиа (телевидение принесло в каждый дом суровую реальность разрушений войны) до литературы, до академической жизни и научных исследований. Это были годы, когда «ревизионистская» школа переосмыслила базовые основания американской

внешней политики и безжалостно высветила недостатки и основные черты державной политики, — годы антиамериканского ожесточения самих американцев. Это было восстание, начавшееся в черных гетто и в университетских кампусах. Постепенно оно приобрело значение смены поколений, переосмысления значительной части традиций и общих характеристик американского образа жизни. Из Соединенных Штатов движение, приспособившись к различным ситуациям, распространилось по всему миру; особенно сильный отзвук оно имело в Европе, где в 1968–1969 гг. оно находилось у истоков самой настоящей революции нравов.

Однако в целом все эти утверждения, хотя и проясняют масштаб и глубину кризиса, вызванного Вьетнамской войной в Америке, не должны и не могут позволять упускать из вида главное соображение: совокупность феноменов, приведенных в движение войной, «в огромной мере», по словам Карло Пиндзани, способствовала «приданию вьетнамским событиям символического смысла, намного превосходящего их реальное политическое и военное значение». Если рассматривать войну во Вьетнаме как проблему биполярной системы периода с 1961 по 1968 г. и еще более обоснованно — до 1975 г., то она представляла собой региональный кризис, выявивший одновременно трудность и необходимость установления глобальных соглашений, которые ограничивали бы масштаб локальных кризисов, предупреждая их превращение в более масштабные конфликты.

Тот факт, что северных вьетнамцев вооружали русские, а южных вьетнамцев вооружали американцы, которые помогли им на полях сражений, может навести на мысль, что война во Вьетнаме повторяла каким-то образом схему Корейской войны — «войны по доверенности», порученной меньшим странам, однако вовлекающей сверхдержавы, не подвергая их крайнему риску. В действительности два этих конфликта глубоко отличались по двум причинам. Первая касается внутренней ситуации. В Южной Корее режим Ли Сын Мана мог рассчитывать на консенсус, не оставивший места проникновению коммунистов, в то время как в Южном Вьетнаме режим Нго Динь Зьема подтачивался неспособностью создать вокруг себя социальный консенсус.

Вторая причина относится к международной ситуации. В 1950 г. Корейская война являлась одним из острых моментов конфликта, границы которого не были обозначены и в котором США и СССР противостояли друг другу с целью расширить сферу поражения противника. В случае с Вьетнамом, хотя поражения американцев играли на руку русским на фоне трудностей, испытываемых ими внутри коммунистического блока, а также в их деятельности

в отношении третьего мира, конечная цель Московского правительства, как, впрочем, и американского, была не расширение зоны поражения противника, а ее ограничение и, как бы то ни было, удержание под контролем. Хотя невозможно утверждать, что между двумя сторонами существовало осознанное обязательство «совместно управлять» рамками, в которых должна была вестись Вьетнамская война (как позднее утверждали многие критики «державной политики»), очевидно, однако, что ни русские, ни американцы не воспользовались чрезвычайными вьетнамскими событиями для того, чтобы создавать друг другу дополнительные трудности. Достаточно вспомнить, что самые важные соглашения за годы разрядки, подписанные в Вашингтоне в июне 1973 г., совпали с одним из наиболее острых этапов вьетнамского кризиса.

*11.5.2. США И ИНДОКИТАЙ ОТ ДАЛЛЕСА ДО КЕННЕДИ.
ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И СВЕРЖЕНИЕ НГО ДИНЬ ЗЬЕМА*

Задача, выпавшая на долю правительства Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме, была чрезвычайно сложной. В 1954 г. администрация Эйзенхауэра начала оказывать ему серьезную поддержку. О причинах этой поддержки, которая, неожиданно для всех, привела к такому глубокому вовлечению американцев в индокитайскую ситуацию, имела место длительная дискуссия. Эйзенхауэр и Даллес представляли американское вмешательство (являвшееся для договора СЕАТО первым серьезным испытанием) как применение на практике так называемой «теории домино». «Если поставить на ребро одну за другой костяшки домино, — сказал Эйзенхауэр в апреле 1954 г., — и ударить по первой, то в результате обязательно упадет также последняя из них». Вьетнам был первой костяшкой в индокитайском домино. В случае его перехода под контроль коммунистов весь полуостров сразу же был бы обречен на такую же участь, равно как и полуостров Малакка, и Советам открывался путь в Бирму и Индийский океан.

Естественно, столь абстрактная стратегическая концепция опровергалась и может быть опровергнута на основе мотивировок, связанных с более конкретными интересами американцев. Однако не нужно обладать знаниями геополитика для понимания того, что признание тезиса об «эффекте домино» привело бы к катастрофическим последствиям. Если американское правительство действительно было убеждено, что «теория домино» обоснованна (а именно это, пожалуй, являлось темой дискуссии), то оно должно было вмешаться для того, чтобы блокировать продвижение просоветских сил в направлении Индийского океана.

Но серьезность опасности требовала бы обдумывания обязательств, выбора средств и развертывания ресурсов, значительно больших, чем те, которые Вашингтон мог мобилизовать. Поэтому, учитывая средства, задействованные в действительности, трудно поверить, что американская администрация в самом деле рассматривала «эффект домино» как неизбежное следствие победы коммунистов в Индокитае. Предсказывать прошлое слишком легко, но сегодня нельзя не признать, что поражение Соединенных Штатов не привело ни к одному из тех последствий, которых опасались, а, напротив, вызвало ряд схожих действий в противоположном смысле, приведших в этом регионе к «сдерживанию» и даже «изоляции» вьетнамских победителей.

В первые годы политика Зьема, казалось, имела успех. Хотя он должен был продемонстрировать силу демократии в азиатской стране, его методы правления не слишком соответствовали тем принципам, которыми он, согласно его заявлениям, руководствовался. Оппозиционеры (не только коммунисты) были изгнаны или подверглись преследованиям и тюремному заключению. Через несколько лет после 1954 г. Южный Вьетнам представлялся страной, в которой восстановлен мир. Когда в мае 1957 г. Эйзенхауэр нанес визит своему верному союзнику, он оказался более чем удовлетворенным результатом поездки. В заключительном коммюнике по итогам переговоров была даже сформулирована гипотеза, что вскоре после свободных выборов весь Вьетнам будет объединен мирным путем. Впрочем, Эйзенхауэр всегда испытывал чувство восхищения в отношении Зьема, которого он считал «настоящим патриотом», проявившим «большое мужество, талант государственного деятеля и настоящее уважение к институтам свободного общества в ходе своего правления и в процессе развития своей страны».

Видимость умиротворения не соответствовала, однако, реальным фактам. Кое-кто говорил о вьетнамском «чуде», и, конечно, в Южном Вьетнаме в период 1954–1957 гг. наступило кратковременное спокойствие. Но Зьем не предпринял ничего существенного ни для демократической реорганизации армии, ни для изменения ситуации в деревне, где обеспокоенность крестьян по поводу брошенной собственности являлась питательной почвой для коммунизма (она же способствовала позднее развитию партизанской войны). Его политика была, напротив, направлена на консолидацию собственного режима личной власти и на распределение полномочий между людьми, которые были ему верны (или казались таковыми), в том числе и из-за родственных связей с ними. Это относилось к его брату Нго Динь Луену и более влиятельному

Нго Динь Нху, зятю Зьема, уже пользовавшемуся авторитетом в политической жизни страны, в особенности в период становления режима, когда необходимо было отстранить от власти императора Аннама Бао-Дая и взять под контроль бесчисленные религиозные и политические секты, которыми изобилдовал Сайгон.

Пределы «чуда» стали проявляться начиная с 1957 г., когда коммунисты вновь стали проникать на Юг и постепенно восстанавливали или завоевали контроль над большей частью деревень. В декабре 1960 г. с созданием Фронта национального освобождения это проникновение получило также политическую этикетку. Внутри фронта партизаны-коммунисты Вьетконга играли ведущую (но не монопольную) роль, поскольку Хо Ши Мину и его соратникам удалось представить свою борьбу как последнюю битву за освобождение Вьетнама от колониализма, который в течение стольких лет после окончания войны все еще не ослаблял свою хватку. Таким образом, Кеннеди, став президентом Соединенных Штатов, получил плохое наследство. Стратегия сдерживания не привела ни к какому результату, и Кеннеди следовало теперь переформулировать американские обязательства: можно было отказаться от них, попытаться перейти в контрнаступление или попытаться вдохнуть новую энергию в Зьема, который не замедлил обратиться со своими просьбами.

Деятельность Кеннеди развивалась под знаком преемственности, но осложнилась и стала более неуверенной из-за одновременного изменения ситуации в Лаосе. Заявленные программы или выдвигавшиеся стратегические установки позволяли надеяться на большую гибкость американцев в подходе к переговорам, в том числе и с теми, кто не желал рассматривать Запад как абсолютное «добро» и выступать на его стороне, а предпочитал выбрать нейтралитет и уделять большее внимание проблемам экономического развития. Именно в этой сфере мощь американцев могла бы одержать верх над советскими моделями.

В случае Вьетнама Кеннеди косвенно прикоснулся к самой сердцевине кризиса именно после того, как ему пришлось столкнуться с лаосским вопросом. В этой стране сразу же после Женевских соглашений было сформировано прозападное правительство, а коммунистические силы Патет-Лао сначала согласились отойти на территорию двух северных провинций. Однако после заключения перемирия их проникновение на юг возобновилось, что сделало их хозяевами страны. Поддержать в Лаосе антикоммунистов означало вовлечь себя в авантюру с по меньшей мере непредсказуемым результатом, учитывая, что Соединенные Штаты не могли физически добраться до Лаоса и что он, напротив,

граничил с Китаем. Однако, по мнению Генри Киссинджера, такова была стратегическая предпосылка серьезного американского вмешательства.

В марте 1961 г. Кеннеди произнес речь, обращенную к китайцам, русским и Вьетконгу, в которой он утверждал, что Соединенные Штаты не потерпят создания во Вьентьяне, столице Лаоса, коммунистического правительства. Эта тема рассматривалась в дипломатических кругах и в апреле приобрела вид англо-советского проекта, предназначенного для скорейшего обсуждения в Женеве с участием всех заинтересованных сторон. Инициатива имела успех и привела к созданию лаосского коалиционного правительства во главе с принцем Суванной Фумой, состоявшего из представителей крупнейших политических сил. В июне 1962 г., когда ситуация во Вьетнаме еще больше ухудшилась, коммунисты вышли из вьентьянского правительства, и гражданская война, причины которой не были устранены недавним компромиссом, вновь начала определять положение в стране, превращая ее в тыл Вьетнамской войны. Следовало учитывать, что по лаосской территории проходила потом «тропа Хо Ши Мина», то есть коммуникации сил Вьетконга из северной в южную часть территории Вьетнама, по которым доставлялась значительная часть помощи, необходимой для ведения партизанской войны в дельте Меконга.

Ситуация в Южном Вьетнаме не могла быть решена такими же методами, как те, что были применены в Лаосе. Нго Динь Зьем, располагавший широкой поддержкой среди беженцев из Северного Вьетнама (их число составляло в 1954 г. более одного миллиона человек), а также поддержкой американцев, не понимал, что он находится перед лицом неминуемой опасности. В то же время администрация Кеннеди думала, что она сможет организовать эффективный ответ на партизанскую войну, которую вели коммунисты. В соответствии со своим менталитетом представители американской Демократической партии, которых Кеннеди привел к власти, полагались в большей степени на идеологическую последовательность и социально-экономический реформизм, чем на идеологический экстремизм, сочетающийся с политическим прагматизмом (как это делали Эйзенхауэр и Даллес). По аналогии с тем, что произошло в Европе в послевоенный период, можно было победить коммунистов на их собственной почве, а именно — на попроще реконструкции и реформ; главное — чтобы проведение последних было передано в надежные и умелые руки. Кроме того, Южный Вьетнам действительно приобрел значение пробного камня для проверки способности американцев оказывать сопротивление коммунизму в Азии. Кен-

Кеннеди несколько колебался, прежде чем принять свои решения, и немалое влияние на эти колебания оказали события в заливе Ко-чинос на Кубе в апреле 1961 г.

Поворот американской политики в Южном Вьетнаме от оказания внешней поддержки к посылке «военных советников» и прямой помощи созрел в течение 1961 г. В мае Кеннеди послал в Сайгон вице-президента Линдона Б. Джонсона с заданием изучить возможности поставок Зьему другой помощи с целью (как писал Кеннеди вьетнамскому президенту) совместно «активизировать усилия для достижения победы в борьбе с коммунизмом и способствовать социальному прогрессу и экономическому продвижению Вьетнама». Джонсон находился под сильным впечатлением от вьетнамского опыта, возможно, как считали некоторые сопровождавшие его в той поездке, повлиявшим на его будущие решения по данному вопросу. Между тем Совет Национальной Безопасности сделал свой выбор. «Главное решение, которое мы должны принять, — докладывал Джонсон Кеннеди, — ...это должны ли мы пытаться ответить на вызов коммунистической экспансии на Юго-Востоке Азии, приложив еще большие усилия в поддержку сил свободы, или прекратить борьбу». Битва с коммунизмом, заявил также Джонсон, «должна вестись в Юго-Восточной Азии активно и решительно с целью добиться победы в этом регионе, поскольку в противном случае Соединенные Штаты должны будут неизбежно уступить всю зону Тихого океана и готовиться к защите собственного побережья». В действительности, СНБ уже принял решение, что борьба против наступления коммунистов в Южном Вьетнаме являлась «национальным интересом» американской политики, для защиты которого необходимо было прилагать усилия по созданию жизнеспособной страны и демократического общества «военными, политическими, экономическими и психологическими средствами», а также посредством секретных операций (*covert actions*), то есть — вмешательства спецслужб.

С тех пор поездки *in loco* повторялись, превратившись в детальную оценку эффективности, которую постепенно приобретало американское вмешательство. Было избрано два пути: посылка военных советников и вмешательство в сельскохозяйственную политику путем создания «стратегических деревень». Джон Кеннет Гэлбрейт, являвшийся тогда послом Соединенных Штатов в Индии, и Честер Боулс, заместитель госсекретаря, также советовали вести поиск мирного решения. Однако контакты, начатые Гарриманом в Женеве во время конференции по Лаосу, натолкнулись на стену непримиримости. Скептицизм Кеннеди относительно эффективности военного вмешательства был преодолен

позднее благодаря результатам миссии в Сайгон генерала Максуэлла Э. Тэйлора, советника президента, и Уолта У. Ростоу, советника Госдепартамента. Уже укоренившаяся в их умах убежденность в необходимости быстрого принятия решения подкреплялась анализом ситуации на месте. В докладе президенту 4 ноября 1961 г. Тэйлор призывал к своевременному вмешательству: *«Во всех частях Юго-Восточной Азии обращения, касающиеся Вьетнама, одинаковы: необходимы энергичные американские действия с целью выиграть время для того, чтобы Вьетнам мобилизовал и организовал свои реальные силы; однако сроки для реализации этих действий почти исчерпаны. А если мы потеряем Вьетнам, то будет очень трудно, если не невозможно, удержать Юго-Восточную Азию. Мы потеряем не только территорию ключевого стратегического значения, но и веру в то, что Соединенные Штаты и могут, и хотят ответить на наступление коммунистов в этом регионе».*

По мнению Тэйлора, необходимо было предпринять инициативы двух типов: военное вмешательство для демонстрации твердости и «включение» американских подразделений во вьетнамскую армию для улучшения ее подготовленности и поднятия боевого духа. Ответственность за ситуацию несли коммунисты, начавшие агрессию, однако в дезорганизации войск Юга были виноваты коррупция, фаворитизм и неэффективность местных властей. Фигура Зьема еще пока не ставилась под сомнение, но эффективность его деятельности уже попала под прицел критики. Тем временем чрезвычайная ситуация, связанная с поражением, требовала участия по крайней мере 10 тыс. американских военных советников, не считая того, что следовало решить вопрос о масштабном вмешательстве армии Соединенных Штатов. Постепенно в течение 1962 г. рекомендации Тэйлора были выполнены. В январе число американцев, вовлеченных в события в Южном Вьетнаме, составляло 4 тыс. человек, а в октябре оно достигло 10 тыс. Рассчитывая на их действия, Вашингтон считал, что у него есть хорошие шансы на победу.

Подобный оптимизм основывался также на решениях по одновременному осуществлению деятельности, направленной против коммунистического проникновения. Центром этой деятельности, отчасти доверенной специальным войскам, стал проект создания «стратегических деревень», с которого могли начаться восстановление контроля над сельской местностью и завоевание ее поддержки. Этот проект был подготовлен в конце 1961 — начале 1962 г. совместно ЦРУ и разведывательными службами Госдепартамента. Для этой цели директор ЦРУ Уильям И. Колби обратился с просьбой о сотрудничестве к британским офицерам,

имевшим опыт победы над коммунистическим восстанием в Малайе. Именно они подсказали идею «стратегических деревень», то есть действий, предусматривавших большую защиту крестьянских центров с целью сделать их жителей менее подверженными коммунистическому влиянию, дать им почувствовать себя в большей безопасности и повысить их уровень жизни. Весьма амбициозный проект. Роджер Хилсман, директор службы информации и исследований Госдепартамента утверждал: «Проблема Вьетконга — это политическая, а не военная проблема или, точнее, — это проблема гражданских действий». Диагноз был верен, но он относился к давно сложившейся реальности, которую можно было изменить только за длительный период. Надежда на то, что «стратегические деревни» за несколько месяцев изменят менталитет и настроения вьетнамских крестьян, отражала чрезмерную веру авторов американского социального проектирования во всеобщую доброжелательность.

В течение первых восьми-девяти месяцев 1962 г. американский оптимизм, казалось, оправдывался достигнутыми результатами. Кое-кто уже подумал, что победа близка, и несколько месяцев тешил себя надеждой, что можно будет начать сокращать американский контингент. Разочарование наступило осенью 1962 г., когда число критиков возросло. У многих американских представителей, посещавших Сайгон, оставалось все менее позитивное впечатление относительно сложившегося положения вещей. В конце года Кеннеди потребовал от Хилсмана и Майкла Форрестола, советника Госдепартамента по Дальнему Востоку, доклада о ситуации. После посещения Вьетнама они попытались обобщить свои впечатления, которые впервые не были столь оптимистичными. Ситуация улучшилась: «возможно мы одержим победу, но, конечно, гораздо более медленно, чем мы предусматривали». Идея «стратегических деревень» концептуально сохраняла свое значение, но ее следовало лучше реализовывать. В секретном приложении, предназначенном только для президента, дипломаты впервые официально ставили проблему Зьема: «Мы должны убедить Зьема принять нашу политику»; «мы должны активнее стимулировать постепенную либерализацию авторитарной политической структуры». А это означало решить, был ли Зьем все еще подходящей фигурой для проведения американской политики, и не настал ли момент для его замены.

В конце 1962 г. в Южном Вьетнаме находилось около 11 тыс. 500 американских военнослужащих, однако ситуация не улучшалась. Увеличить степень участия, которое в тот момент было еще незначительным и малозаметным для общественного мнения,

можно было только ценой поднятия уровня напряженности; ценой превращения Вьетнамской войны во вторую Корейскую кампанию. Кеннеди не решался предпринять шаги в этом направлении. Позднее писали, что он думал отложить свои решения на период после выборов 1964 г. для того, чтобы избежать травмирующих воздействий во время выборов. Но эти утверждения были авторитетно опровергнуты госсекретарем Дином Раском и не нашли фактического подтверждения. Впрочем, пессимизм бюрократов еще не стал широко известен: весной 1963 г. как Раск, так и министр обороны Макнамара еще предсказывали легкую победу, в то время как Кеннеди начинал беспокоиться относительно излишней вовлеченности американцев в то, что, по его мнению, являлось, в конце концов, «гражданской войной».

Действительно, победа без непосредственного участия американских войск (а не только при скромном присутствии «военных советников») предполагала наличие в Сайгоне политической силы, способной повести Южный Вьетнам к этой цели. Зьем же, напротив, стремительно терял свой авторитет. Летом 1963 г. его религиозная политика вызвала реакцию буддистов, начались показательные акции монахов, выразивших свой протест саможжениями в людных местах. Вплоть до этого момента в Соединенных Штатах те, кто руководил политикой во Вьетнаме, расходились в оценке способности Зьема справиться с ситуацией. Начиная с весны 1963 г. эти разногласия проявились в печати и в конгрессе. Когда 11 июня во Вьетнаме поджег себя первый бонза, это произвело огромное впечатление. Из Вашингтона сразу же последовало предупреждение Зьему: если он не изменит своей политики в отношении буддистов, то Соединенные Штаты должны будут публично выразить свое несогласие. Впервые дипломатические протесты вышли за пределы коридоров власти и зазвучали на публике.

В Вашингтоне разрабатывались проекты для формирования правительства под руководством заместителя Зьема-Нгуен Нгок Тхо. Однако, напротив, под влиянием жены президента госпожи Нху преследования буддистов стали более интенсивными, а в конце августа специальные войска, верные Нху, совершили нападение на несколько пагод в разных городах.

В этот момент американцы начали осуществлять проекты, над которыми они давно работали. 21 августа 1963 г., во время встречи в Гонолулу Хилсмана и республиканца Генри Кэбота Лоджа, только что назначенного послом в Южном Вьетнаме, до них дошли известия из Сайгона. 24 августа Хилсман отправил телеграмму в госдепартамент, в тексте которой утверждалось, что

Зьем должен получить достаточно времени для того, чтобы избавиться от антибуддистских фанатиков в своем окружении, но если ему не удастся провести эту чистку, то необходимо лишить его поддержки Соединенных Штатов. Это был первый шаг в направлении государственного переворота, в подготовку которого были вовлечены люди из ЦРУ и разведывательной службы госдепартамента.

Мнения советников Кеннеди полностью разделились. Макнамара и Джонсон были противниками государственного переворота. Гарриман, Джордж Болл, Хилсман и Форрестол считали, что он необходим. 29 августа Кеннеди послал в Сайгон сверхсекретную телеграмму, предлагающую промежуточное решение: он санкционирует «подготовку» к государственному перевороту, но отодвигает его осуществление до момента, пока он сам лично не разрешит действовать. Последовали недели интенсивной дискуссии, во время которой Макнамара и Максвелл Тэйлор еще раз посетили Вьетнам и в начале октября также пришли к выводу, что Соединенные Штаты должны отмежеваться от Зьема, найдя, однако, способ продолжать антикоммунистическое сопротивление. 5 октября самые близкие сотрудники Кеннеди собрались и пришли к заключению, что от Зьема следует избавиться. Когда Кеннеди послал такие указания в Сайгон, он, как отмечает историк Уильям К. Гиббонс, знал, *«что их результатом будет, вероятно, свержение президента Зьема. Он делал это очень неохотно, поскольку несомненно знал, что его личная поддержка помогла бы Зьему завоевать и удержать власть. Но в то же время он, вероятно, чувствовал себя преданным, по его мнению, неспособностью Зьема продолжать осуществлять эффективное политическое руководство и его отказом выполнить обещания, данные Соединенным Штатам»*.

Резолюция № 263, принятая 11 октября Советом Национальной Безопасности, а также предложение сократить, если это возможно, на тысячу человек американский контингент в Индокитае (как бы продемонстрировав отстраненность от событий, рассматриваемых как чисто внутренние) начали осуществляться еще до их официального оформления. Люди из спецслужб и некоторые представители армии Южного Вьетнама приготовились действовать. 27 октября телеграмма относительно «свободы действий», отправленная послу Лоджу, была получена в Сайгоне. 1 ноября президентский дворец был окружен путчистами. Зьем потребовал от американцев предоставить ему самолет для того, чтобы найти убежище за границей. Поскольку ответ задержался, он вынужден был спасаться бегством, попал в руки своих противников, и 2 но-

ября был убит. По различным свидетельствам, эта новость вызвала чувство боли и досады у Кеннеди, который всегда считал, что Зьем должен был лишь подвергнуться изгнанию, и надеялся, что государственный переворот может произойти без кровопролития. Похоже, что такая реакция была искренней, и все-таки следует заметить, что если уж вы санкционируете и организуете государственные перевороты, нелогично потом оплакивать пролитую кровь, какими бы ни были испытываемые вами чувства, учитывая, что кровопролитие имманентно присуще такому типу событий и что обстановка, в которой происходило свержение Зьема, не оставляла надежды на то, что смена власти произойдет идиллическим образом.

После государственного переворота власть перешла к хунте офицеров во главе с Зыонг Ван Минем, а гражданское лицо Нгуен Нгок Тхо, бывший заместитель Зьема, стал вице-президентом. Многие политические заключенные были освобождены; люди, принадлежавшие к «клану» Зьема были убиты, и только некоторым из них удалось спастись. Вдова Зьема, госпожа Нху, находившаяся за границей, сумела спасти сыновей и яростно обвиняла американцев в «предательстве». Для директора ЦРУ Колби убийство Зьема было «самой тяжелой ошибкой Вьетнамской войны... Ужасной и глупой вещью». Другие, не столь непосредственно вовлеченные в события, как, например, Лодж, полагали, что, несмотря на тот способ, каким Зьем сошел со сцены, его смерть могла способствовать успеху борьбы против коммунистов. Впрочем, у Кеннеди не было времени для разъяснения своих решений. Может быть, он и хотел действительно снять с себя ответственность в ближайшем будущем, однако его действия до 27 октября и в последующие недели были направлены на сохранение присутствия американских «военных советников» в Южном Вьетнаме для оказания помощи его правительству в борьбе против Вьетконга. Трагическая судьба, сделавшая Кеннеди 22 ноября также жертвой покушения, полностью переложила на плечи Джонсона, неожиданно ставшего президентом, бремя принятия самых трудных решений.

11.5.3. ДЖОНСОН И «ЭСКАЛАЦИЯ» АМЕРИКАНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Джонсон не стал немедленно менять директивы Кеннеди. Совет Национальной Безопасности, собравшийся 26 ноября, принял резолюцию № 273, даже подтверждавшую идею отзыва тысячи человек, созревшую к началу октября. Однако новому президенту

пришлось сразу же столкнуться с быстро ухудшавшейся обстановкой. Прежде всего ухудшились отношения с Камбоджей, где премьер-министр принц Сианук обвинил ЦРУ в поддержке его противников и отверг впредь всякую американскую помощь, склоняясь к политике нейтралитета, благодаря которой он надеялся спасти собственное правление. Затем накатилась волна наступления Вьетконга в Южном Вьетнаме. В традиционном годовом докладе Макнамары были затронуты самые тревожные вопросы. Новое правительство также неэффективно, как и правительство Зьема, а Вьетконг продолжает продвигаться. Необходимо, следовательно, готовиться к худшему, то есть «к более решительным шагам, если не появятся признаки улучшения ситуации». В конце года картина все еще внушала пессимизм. Тысяча человек были отозваны, но их заменили другие, количество которых стало еще больше. Число американцев, втянутых в события в Южном Вьетнаме, возросло до 20 тыс. человек, что вдвое превышало первоначальные прогнозы, однако никакого положительного результата не было достигнуто. Свержение Зьема оказалось напрасным; затея со «стратегическими деревнями» провалилась.

Предстояло, следовательно, выбрать между двумя путями: элегантным освобождением от обязательств, возможно, путем нейтрализации также и Южного Вьетнама или поворотом в постановке целей американской политики. Путь освобождения от обязательств, нейтрализации, секретных переговоров с представителями ханойского правительства в действительности никогда не отвергался и, более того, имелся в виду на всех стадиях конфликта. Генерал де Голль издали, однако имея за плечами французский опыт и испытывая определенное чувство реванша, связанное с событиями 1954 и 1956 г., в январе 1964 г. рекомендовал начать переговоры об объединении всего Вьетнама. В июне 1964 г. канадский дипломат Дж. Блэр Сиборн, отправившийся во Вьетнам в качестве члена Комиссии по контролю за соблюдением перемирия 1954 г. (!), по поручению американцев вступил в контакт с вьетнамскими представителями и 18 июня впервые встретился (эта встреча состоится еще раз в августе) с премьер-министром Северного Вьетнама Фам Ван Донгом, однако ему не удалось пробить брешь в непримиримости собеседника. У Сиборна сложилось впечатление, что северные вьетнамцы были уверены в том, что они одержат победу, и не считали нужным искать компромиссы.

Джонсон также не хотел унижений. Он говорил, что никогда не будет «первым американским президентом, проигравшим войну». Однако выход из ситуации найти не удавалось. В конце 1964 г.

новый военный переворот устранил генерала Мина и, при поддержке американцев, привел к власти генерала Нгуен Кханя. Было, однако, уже очевидно, что сайгонское правительство превращалось во все менее послушный инструмент в руках американцев. Джонсон был, вероятно, убежден, что вмешательство в Южном Вьетнаме было ошибкой, но он не считал возможным для американцев отказаться от него из-за огромного воздействия, которое это оказало бы на всю антикоммунистическую систему, и из-за последствий для имиджа самого президента. Ведь этот президент в ноябре 1964 г. впервые был вынужден вести кампанию по президентским выборам, где он продолжал играть роль «голубя», то есть пацифиста, против «ястреба» Барри Голдуотера, кандидата от республиканской партии и приверженца политики немедленной интервенции в Северном Вьетнаме.

Таким образом, тревожные новости относительно ухудшения ситуации в Южном Вьетнаме могли привести лишь к одному вынужденному решению: сделать американские обязательства более эффективными и весомыми. Выбор способов выдвигал, прежде всего, одну принципиальную проблему. Если в период правления администрации Кеннеди вмешательство принимало косвенные формы, то теперь, вероятно, наступил момент изменить методы и цели, прибегнув к более массивному вмешательству, иному, главным образом, по своему юридическому характеру, то есть позволяющему американцам непосредственно участвовать в боевых действиях, и, в особенности, в бомбардировках баз противника?

Прошло несколько месяцев колебаний и размышлений, в течение которых было принято единственное существенное решение о дальнейшем увеличении американского контингента, чем фактически было положено начало самой настоящей военной эскалации. Последняя стала позднее самым скандальным и драматическим моментом войны, в наибольшей степени вызывавшим реакцию общественного мнения, которое с течением времени все более болезненно относилось к политике Джонсона.

Поворот созрел в июне-августе 1964 г. В начале июня основные лица, ответственные за военные операции, встретились в Голнолулу. Среди прочих присутствовали генерал Уильям Уэстморленд (недавно ставший главнокомандующим американскими вооруженными силами во Вьетнаме), посол Лодж (который должен был вскоре оставить пост посла в Сайгоне для участия в президентской кампании), Макнамара, Раск, Тэйлор (который несколько позже займет место Лоджа). На встрече категорически не отвергалась и рассматривалась возможность использования в конфликте ядерного оружия. Однако в основном дискуссии сосредото-

точились вокруг двух аспектов: необходимости широкого разъяснения характера американских целей с тем, чтобы рассеять атмосферу враждебности, которую вызвало вмешательство во Вьетнаме, и начала дипломатической деятельности с целью расширить поддержку среди стран, близких к театру военных действий. В ходе дискуссий возникла новая тема: своевременности принятия резолюции конгресса для выражения его мнения относительно происходящих событий. Вплоть до этого момента президент действовал в рамках собственных полномочий. Усиление полемики и подготовка поворота заставили его ощутить потребность в более широкой поддержке, по крайней мере, такой, которая легитимизировала бы его действия.

Эти результаты и дискуссии, вроде бы ограниченные, привели к глубокому повороту. 2–3 августа 1964 г. в международных водах Тонкинского залива, после нескольких недель взаимного наблюдения, во время которого американские и южновьетнамские катера атаковали (ночью 30 июля) северовьетнамские острова, два американских корабля (сначала «*Maddox*», а затем «*Turner Joy*»), вероятно, нарушившие границы территориальных вод Северного Вьетнама, были атакованы тремя вражескими торпедными катерами, которым они дали серьезный отпор.

Инцидент в Тонкинском заливе позднее стал предметом нескончаемых дискуссий. Некоторые подозревали, что он был намеренно спровоцирован американцами для того, чтобы сделать более легкой последующую процедуру в конгрессе. Действительно, хотя многие сомнения и были закономерны, даже самые корректные свидетельства, имевшиеся в распоряжении до сих пор (1999 г.), вынуждены были остановиться на уже известных выводах. Впрочем, сам по себе частный случай имеет второстепенное значение по сравнению с его политическими последствиями. Николас Б. Катценбах, являвшийся тогда заместителем министра юстиции, а позднее заместителем госсекретаря, сказал по этому поводу годы спустя: *«Инцидент в Тонкинском заливе сам по себе был всего лишь пустяком. Конечно, президент Джонсон и правительство воспользовались им, но я не думаю, что характер этих событий имел какое-либо значение. Необходимо было всего лишь найти повод для получения резолюции [конгресса]. И тогда был избран этот инцидент. Если бы его не было, то выбрали бы что-либо другое».*

Действительно, 5 августа президент Джонсон отправил в конгресс проект резолюции, в соответствии с которой, Соединенные Штаты, учитывая жизненную важность безопасности на Юго-Востоке Азии, были готовы (*prepared*) на основе решения президента Соединенных Штатов «предпринять все необходимые шаги,

включая использование силы» для оказания помощи любому государству-члену СЕАТО (а Южный Вьетнам был таковым) «для защиты собственной свободы». Палата представителей одобрила резолюцию единогласно. Сенат обсуждал ее 6 и 7 августа и одобрил 88 голосами против двух, то есть консенсусом, выходящим за рамки всех партийных разногласий и не позволившим выйти на поверхность расколу, который, с другой стороны, стал обнаруживаться в общественном мнении Соединенных Штатов.

Резолюция несла с собой юридические проблемы, на которые обратил внимание только один сенатор (Уэйн Морс), поскольку фактически она предоставляла президенту полномочия, выходящие за пределы положения самой конституции относительно права сената объявлять войну. Однако резолюция была представлена не как шаг к принятию более ответственных решений, а как выражение стремления торжественно продемонстрировать своим противникам и всему миру, что в тот момент президент пользовался поддержкой конгресса, а, следовательно, и страны, вследствие чего прогнозы, опиравшиеся на предположение об американских уступках, были лишены основания. В преддверии выборов резолюция стала большим успехом Джонсона и привела к триумфальной кампании и громкой победе на ноябрьских выборах.

Стоит отметить, что победа Джонсона последовала через несколько дней после смещения Хрущева (14 октября) и известия относительно положительного результата первого китайского испытания атомной бомбы (также в октябре 1964 г.). Обе эти новости предвещали появление у Соединенных Штатов еще более неудобных противников. Однако Джонсон пока еще не намеревался (по всей видимости) превращать Вьетнамскую войну в «американскую» войну. Он был слишком занят внутренней политикой, кампанией борьбы за гражданские права и проведением социальных реформ (где он, выдвигая цель создания «Великого общества» (*Great Society*), то есть более справедливого общества для самых униженных слоев населения Соединенных Штатов, руководствовался рузвельтовским прецедентом). С другой стороны, он, конечно, не хотел равнодушно наблюдать за успехами коммунистов и поэтому был склонен увеличивать американские усилия. Однако он пока еще не думал о прямом вовлечении в войну. Во время избирательной кампании он ясно сказал, что не имеет ни малейшего желания посылать молодых американцев умирать вдали от дома, «чтобы сделать то, что молодые азиаты должны сделать сами». После выборов он не сразу осознал, что механизм косвенного вмешательства поставил американцев перед дилеммой потерпеть военно-политическое поражение или пойти на прямое участие в конфликте.

Эта дилемма возникла с того времени, когда число американских жертв стало внушительным. 1 ноября, накануне выборов, отряды Вьетконга напали на военно-воздушную базу Бьен-хоа, что привело к потерям со стороны американцев пяти человек убитыми; при этом были ранены 76 человек. Момент был неподходящим для немедленных ответных мер (президентские выборы состоялись 3 ноября), но Джонсон именно в день своей победы отдал приказ о подготовке адекватных репрессалий в случае, если инциденты, подобные инциденту с Бьен-хоа, повторятся. Некоторое время спустя сотрудники президента разработали проекты, которые не очень отличались от стратегии предыдущих лет. Они были направлены на то, чтобы сделать сайгонское правительство более решительным и более сильным, не упускать возможность переговорных решений, но в то же время укреплять эффективность армии и полиции, имея в виду также начало прямого военного давления на Северный Вьетнам, если он не прекратит поддерживать Вьетконг и не гарантирует независимость Южного Вьетнама.

Как и можно было предвидеть, выбор в пользу политики умиротворения (*appeasement*) или более решительного вовлечения южных вьетнамцев оказался несостоятельным. Тем временем регулярные жертвы со стороны американских военных продолжались, недоверие между американцами и южными вьетнамцами росло, доходя порой до острого политического конфликта, поскольку американцы не чувствовали, что им в достаточной степени отплатили за их усилия по поддержке коррумпированного и никчемного режима. Вместе с тем вооруженные силы Севера были уже в состоянии контролировать практически всю территорию Юга, за исключением Сайгона и американских баз.

Джонсон преодолел свои колебания довольно быстро. В начале декабря 1964 г. он одобрил, хотя и не заявляя об этом официально, планы бомбардировок Северного Вьетнама. Недоставало лишь повода для их осуществления. Однако он представился в результате еще одного нападения коммунистов. На этот раз целью нападения был Плейку, центр, расположенный на полпути между Сайгоном и 17-й параллелью. Силы коммунистов атаковали неожиданно, убили восемь американских военных и ранили около шестидесяти. Ответ последовал почти незамедлительно, поскольку президент заявил, что американские репрессалии охватят всю территорию, контролируемую коммунистами, включая Северный Вьетнам. Мотивации этого решения были очевидны. Немного менее ясной была общая цель. В конъюнктурном плане бомбардировки лишали северных вьетнамцев своего рода имму-

нитета, которым они до сих пор обладали, напрямую вовлекая их в войну. Надежное убежище, откуда помощь оружием и людьми посылались отрядам Вьетконга, переставало быть таким надежным. Можно было надеяться, что северные вьетнамцы начнут по-другому рассматривать бремя войны, и что, напротив, южные вьетнамцы почувствуют себя воодушевленными на борьбу, будучи менее уверенными в неизбежности поражения.

В общем плане, напротив, бомбардировки имели менее ясные цели, поскольку они представляли не как выражение стремления американцев взять «на себя» тяготы открытого конфликта с Северным Вьетнамом и управление им, но только желания осуществить ограниченное право на репрессалии. Это делало двусмысленным характер вмешательства, развитие которого было легко предсказуемо, но результат не ясен. Предсказуемо, поскольку стойкость северных вьетнамцев перед лицом бомбардировок, уничтожавших города и леса с помощью напалма и дефолиантов, нужных для того, чтобы было легче вести борьбу в джунглях, показала, что они, благодаря своему национальному духу, смогут вынести самые тяжелые лишения, но не отступят. А результат не ясен, поскольку неэффективность бомбардировок вновь ставила перед американцами привычный выбор: продвинуться еще дальше в принятии на себя дополнительных обязательств или пытаться быстро снять с себя обязательства в борьбе, в которую они политически оказались втянутыми по самое горло, но в которой с военной точки зрения они еще не разыграли свои самые важные карты.

В середине марта 1965 г. глава Объединенного комитета начальников штабов американских вооруженных сил генерал Гарольд К. Джонсон был послан в Южный Вьетнам для изучения вместе с Уэстморлендом и Тэйлором вопроса о том, какие дальнейшие меры следует принять. По его возвращении ситуация была глубоко проанализирована, в том числе и в свете новостей из Сайгона, согласно которым в предшествовавшие два месяца коммунисты еще больше увеличили площадь контролируемой территории. Ответ мог быть лишь массивного и военного характера. Когда президент Джонсон встретился с генералом Джонсоном и его ведущими сотрудниками, идея послать подразделения американской морской пехоты в центральную часть вьетнамского плато, вблизи демилитаризованной зоны вдоль 17-й параллели, приобрела конкретные очертания. Вероятно, заявил генерал Джонсон, понадобятся 500 тыс. человек и пять лет войны. Это была мрачная картина, которая постепенно, однако, становилась реальностью. В июле президент объявил о посылке во Вьетнам

около 75 тыс. человек, по-прежнему в качестве военных советников, но используемых также (в соответствии с секретным приказом) в военных операциях. Он все еще не решался перейти к открытой, хотя и необъявленной войне, поскольку печать и телевидение тем временем превратили вьетнамский вопрос в проблему национального масштаба. В середине апреля 1965 г. в Вашингтоне состоялся первый марш протеста против войны. Почти весь мир интеллектуалов и студентов был охвачен волной пацифизма и «ревизионизма». По опросам общественного мнения того времени существовало «молчаливое большинство», которое все еще одобряло политику президента и даже зачастую считало ее слишком слабой. Но это большинство было именно «молчаливым». Напротив, голоса протеста заставляли себя услышать.

В конце июня Уэстморленд потребовал посылки еще 100 тыс. человек. С тех пор вовлеченность американцев непрерывно росла вплоть до конца 1967 г., когда американские вооруженные силы достигли численности более 500 тыс. человек. В течение почти трех лет, в то время как мир переживал глубокие трансформации и сами американцы меняли свои жизненные привычки, вьетнамская проблема стала навязчивым кошмаром для правительства, политиков и многих граждан. Она потребовала высокую моральную, человеческую и финансовую цену. В конце войны подсчитали, что во Вьетнаме погибло 58 тыс. американцев, более чем 300 тыс. было ранено, а издержки достигли в общей сложности 165 млрд долларов. К этим данным следует добавить менее точные в статистическом плане: 200 тыс. погибших в южно-вьетнамской армии и 500 тыс. погибших у Вьетконга и регулярных сил северо-вьетнамской армии.

Здесь не место для рассмотрения хода военных действий. Мы только реконструируем те эпизоды, которые привели сначала Эйзенхауэра и Даллеса, затем Кеннеди и, наконец, Джонсона к принятию ряда мер, которые вовлекли Соединенные Штаты в самый трудный внутренний кризис за всю их историю последнего периода и повлекли за собой принятие ими политических обязательств, смысл которых никогда не был ясен. Процесс принятия решений при разных президентах обладал различными особенностями, но всегда сохранял преемственность с точки зрения его направленности на «сдерживание» национал-коммунистической политики Вьетконга. Действительно, какой смысл имела политика «сдерживания» в Восточной Азии после того, как единство коммунистической системы там было разрушено, а советские правители сделали тогда выбор в пользу продолжения политики

разрядки в отношениях с Соединенными Штатами любой ценой¹ и после того как в Индонезии генерал Сухарто уничтожил «коммунистическую опасность»? Основная причина состояла в стремлении Джонсона показать, что Соединенные Штаты не могут быть побеждены. Однако через сорок лет после войны вполне возможно констатировать, что поражение затронуло бы важную, но, в конечном счете, периферийную для контроля над Тихоокеанским регионом зону. «Теория домино» была абстрактной гипотезой, лишенной реализма. Напротив, более опасным для имиджа Соединенных Штатов было зрелище расколотой страны, президента, действия которого оспаривались, и, что еще хуже, правительства, неспособного окончательно выбрать, вести ли действительно войну, которую оно хотело, должно было и могло выиграть, или мучаться в бесконечных дискуссиях, разрешаемых всегда с помощью частичных и контрпродуктивных паллиативов.

*11.5.4. «ОТРЕЧЕНИЕ» ДЖОНСОНА (МАРТ 1968 г.)
И НАЧАЛО ПАРИЖСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ*

В конце 1967 г. создалось впечатление, что массированное развертывание американских сил принесло положительные результаты. Многие территории были отвоеваны; решимость Вьетконга действовать, казалось, ослабла. Представлялось, что контроль над территорией было легче осуществлять благодаря созданию ряда военных баз, господствовавших над стратегическими для передвижения по стране пунктами. Бомбардировки «тропы Хо Ши Мина», по которой поступала помощь коммунистам с Севера на Юг, как считалось, затруднили регулярное снабжение. Даже южные вьетнамцы демонстрировали, что они хотят более активно участвовать в борьбе и искренне приобщиться к делу демократии. В самом деле, очередной государственный переворот привел к власти в июне 1965 г. группу офицеров во главе с генералами Нгуен Ван Тхиеу и Нгуен Као Ки, настроенных откровенно антикоммунистически. В сентябре 1967 г. они осуществили «демократизацию» своей власти путем проведения выборов, в достоверности результатов которых можно сильно сомневаться. В итоге Тхиеу стал президентом, а Као Ки — вице-президентом.

¹ Советский премьер находился в Ханое в дни после американской бомбардировки Плейку, но Советы не стали увязывать бомбардировку с их отношениями с США хотя бы потому, что растущее американское вмешательство во Вьетнаме делало вашингтонское правительство потенциально более послушным партнером в других областях.

Представлялось, что картина значительно улучшилась. Однако не все были согласны с этим оптимистическим диагнозом. Министр обороны Макнамара, активный сторонник обновления американского ядерного арсенала, начал критиковать эффективность и полезность массированных бомбардировок. Его несогласие стало таким категоричным, что в октябре 1967 г. он принял, в конце концов, предложение о назначении на должность президента Всемирного банка, а его заменил Кларк Клиффорд, ранее входивший в администрацию Трумэна и являвшийся человеком «на все случаи жизни». Однако авторитетные представители демократического большинства в сенате начинали выражать серьезные сомнения. Такие люди, как Майкл Мэнсфилд, лидер сенаторов-демократов, или Уильям Дж. Фулбрайт, председатель комиссии сената по внешним делам, которые раньше держали при себе свои сомнения по поводу действий президента, теперь начали публично высказывать их. Поэтому если сообщения, распространенные до конца января 1968 г. людьми вроде Уолта У. Ростоу о неминуемом крахе Северного Вьетнама, имели значительный отклик, то, когда неожиданно обнаружилась их необоснованность, это получило еще больший резонанс.

31 января 1968 г., в первый день Тэт буддистского нового года, те силы, которые должны были находиться на грани поражения, неожиданно развернули обширное и мощное наступление на почти все провинциальные центры Юга, ряд американских баз и сам Сайгон. Внезапность привела к впечатляющим результатам. Тридцать шесть административных центров Юга попали в руки Вьетконга, который овладел также городом Гуэ, древней императорской столицей, и Бен че, главным городом провинции дельты Меконга.

Американский ответ был очень жестким. После упорной борьбы коммунисты были изгнаны из Сайгона; в результате месячных боев наступление коммунистов могло считаться отбитым. Гуэ стал центром и символом борьбы. Чтобы отразить наступление, американцы целыми днями бомбили город и, в особенности, его монументальные укрепления императорского периода. В конце февраля, после того как погибло около 10 тыс. военных и гражданских лиц, морские пехотинцы смогли водрузить американский флаг над развалинами Гуэ. Таким образом, с военной точки зрения наступление, начатое в день Тэт, завершилось поражением для северных вьетнамцев. В иной политической ситуации это могло бы стать подтверждением поворота в пользу американских сил, уже обозначившегося в предшествовавшие месяцы. Участие южных вьетнамцев в борьбе на этот раз также было впечатляющим. Однако военная победа пришла в неподходящий мо-

мент и стала тревожным сигналом. Сигнал заключался в том, что обнаружилась способность северных вьетнамцев сражаться и в самых безнадежных условиях и сопротивляться, перечеркивая все возможные прогнозы. Окончательная победа над ними представлялась нереальной (возможно, с военной точки зрения, это и было ошибочно), тем более с учетом эволюции внутренней ситуации в Соединенных Штатах.

Жестокость войны, впервые благодаря телевидению вошедшей в дома всех американцев, тот факт, что у большого числа семей кто-то был на фронте, рисковал жизнью или же эти семьи уже были сражены горем, придали полемике по Вьетнаму невиданно острый характер. Всю страну охватила волна выступлений против правительства, оправдывавшего жестокость во имя интересов, которые оно не могло толком разъяснить. Американцы разделились на «ястребов» и «голубей». Однако, «голуби», то есть те, кто требовал прекращения бомбардировок и политического решения конфликта, хотя и не представляли очевидное большинство общественного мнения (поскольку опросы, опубликованные в то время, дают противоречивые данные), являлись его самой влиятельной частью, как бы то ни было, наиболее близкой к президенту и в большей мере способной на него повлиять. В год президентских выборов, каким и был 1968 г., тот, кто хотел продолжать войну, мог выбирать только «ястреба», то есть, по всей видимости, республиканца. Демократы находились в гораздо более сложной ситуации. Во-первых, их позиции в предвыборной кампании были ослаблены присутствием кандидатуры Джорджа Уоллеса, возглавлявшего тогда силы противников интеграции черных американцев и того законодательства, которое Джонсон принял в их пользу. Во-вторых, левые демократы выдвигали своим кандидатом сенатора Юджина Маккарти, сторонника отказа от вмешательства во Вьетнаме, и тот добился на предварительных выборах в Нью-Гэмпшире (первых и часто самых важных американских «праймериз») шумной победы над Джонсоном, который, однако, еще не выставил свою кандидатуру. В-третьих, в середине марта Роберт Кеннеди, брат президента, убитого в 1963 г., выставил свою кандидатуру в качестве символа сплоченности и спасения американской нации.

Военная победа вписывалась, следовательно, в политическую ситуацию, где присутствовали только отрицательные моменты. Именно в таком состоянии духа Джонсон произнес 31 марта речь, которая должна была обозначить коренной поворот и в то же время ответить на требование генерала Уэстморленда, не известное широкой публике, относительно отправки во Вьетнам еще 200 тыс. человек. Джонсон развивал в своей речи три момента. Он утверж-

дал, что американские вооруженные силы выиграли «битву дня Тэт», но признал, что война была для Соединенных Штатов огромным грузом, который было все труднее нести. Поэтому он снова поднимал тему мира и предлагал немедленно начать переговоры с этой целью. Для демонстрации американских намерений он объявил о частичном прекращении бомбардировок территории Северного Вьетнама и заявил о намерении передать южно-вьетнамской армии большую долю ответственности за военные операции. Наконец, он объявил об отказе выставлять свою кандидатуру и не соглашаться на ее выставление на президентских выборах. Он уходил в частную жизнь, а ответственность за разрешение кризиса перекладывал на своего преемника.

Причины решения, созревшего у Джонсона, стали, естественно, предметом широкой политической дискуссии; и о них все еще можно строить только догадки. На первый взгляд, очевидно, что это было «отречение» человека, который чувствовал себя побежденным, — не столько в военном плане, сколько с точки зрения своей способности как политика придать войне доступный пониманию смысл и мобилизовать общественное мнение на поддержку борьбы на основе широкого консенсуса. Джонсон не был ни пацифистом, ни предвзятым милитаристом. Он получил тяжелое наследство и нес на себе его груз. Теперь он согласился заплатить за это и стать «козлом отпущения», отвечающим за то, что должно было ему представляться как вероятное поражение.

В конце апреля — без консультаций с сайгонским правительством, у которого были веские основания чувствовать себя брошенным, и для того, чтобы показать, что оно было против вывода американских войск из Вьетнама — президент назначил Аверела Гарримана главой делегации, которая в Париже должна была вести переговоры с представителями Северного Вьетнама. Последний, пославший в Париж делегацию во главе с Суаном Тхюи, с самого начала переговоров, 13 мая уточнил, что переговоры могут быть продолжены только при условии, что Соединенные Штаты положат окончательный конец бомбардировкам Северного Вьетнама, что Джонсон сделал только 31 октября 1968 г.

11.5.5. НИКСОН И «ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» ВОЙНЫ

«Отречение» Джонсона лишило предвыборную полемику ее эмоционального заряда. В результате убийства Роберта Кеннеди (5 июня 1968 г.) демократическая партия осталась без популярного кандидата. Поединок состоялся между бывшим вице-президентом Джонсона Губертом Г. Хэмфри, представителем либерального крыла демократической партии, и Ричардом Никсоном, канди-

датом от республиканцев, которого Джон Ф. Кеннеди победил с небольшим преимуществом в 1960 г. Во время избирательной кампании оба кандидата обещали искать политическое решение кризиса, но ни один из них не захотел или не смог выдвинуть конкретные предложения. Парижские переговоры шли медленно и в атмосфере острой дискуссии, поскольку условиям Северного Вьетнама Гарриман противопоставил позицию, в соответствии с которой добрые намерения американцев должны были подкрепляться аналогичными жестами со стороны противников, такими как уменьшение помощи отрядам Вьетконга. Впрочем, Вашингтон должен был считаться с отношениями, существовавшими у него с Южным Вьетнамом.

1 ноября, накануне выборов, Джонсон объявил о том, что в мирной конференции будут принимать участие также представители Национального фронта освобождения и правительства Тхьеу. Еще не являясь шагом вперед, это решение создало новые препятствия, поскольку обе вьетнамские делегации сразу же стали противодействовать друг другу, при этом каждая из них требовала исключить другую из процесса переговоров. На конференции были забавные моменты, когда, например, она оказалась надолго заблокирована дискуссией о форме стола, за которым должны были сидеть делегации. Впрочем, настоящая проблема состояла в том, каков будет исход американских выборов. С победой Никсона к власти вернулись республиканцы. Государственным секретарем стал Уильям Роджерс, однако проведение внешней политики взял на себя сам президент, опираясь на важное сотрудничество Генри Киссинджера, исследователя международных отношений, автора серьезных работ по проблемам американской внешней политики, которого Никсон держал возле себя как «специального помощника». Формула, которую Никсон ввел применительно к Вьетнаму, внешне была простой, поскольку выражалась одним словом: «вьетнамизация» конфликта, то есть отказ американцев от своего вмешательства, без отказа от своих политических целей. На деле под этой формулой могли скрываться далеко не новые и, конечно, противоречивые решения, которые следовало выработать за столом дипломатических переговоров, но также и на основе развития военных событий. Однако этот термин имел некий содержавшийся в нем самый смысл: «вьетнамизация» означала уменьшение роли американского вмешательства и начало переговоров о мирном соглашении, которое компенсировало бы поражение проектов, вынашивавшихся Джонсоном и его предшественниками. Республиканцы, которые базировались на непримиримой доктрине, враждебной в принципе компромиссным формулам, еще раз оказались наиболее приспособленными для того, чтобы

прагматически отбросить щепетильность, навязанную идеологизированными обязательствами. Наследство оказалось тяжелым. Проблема состояла в том, чтобы не дать поражению обрушиться на Соединенные Штаты «одним махом», но трансформировать его в наименее травмирующую ситуацию. Эта операция Киссинджеру прекрасно удалась, за исключением последних дней присутствия американцев в Сайгоне.

11.6. Советский лагерь: рост и противоречия

11.6.1. СМЕЩЕНИЕ ХРУЩЕВА И ПОЛИТИКА ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВЫ

Хрущев воплотил совокупность противоречий, характеризовавших переходный для Советского Союза период. Придя к власти в момент, когда последствия второй мировой войны были в значительной мере преодолены, он осуществлял в плане внутренней политики переход от периода восстановления и жертв к созданию общества благосостояния с коллективистскими чертами, которое превратило бы в реальность мечту о социализме и действительно повысило бы уровень жизни народов, населявших страну, в значительной своей части слаборазвитую. Синтезом этих надежд стал уже приводившийся прогноз о том, что к 1970 г. уровень жизни советских людей превысит уровень жизни американцев. Это требовало в экономическом плане тщательного распределения ресурсов и, в особенности, капиталовложений в контексте принципиального выбора между ростом производства предметов потребления и развитием тяжелой промышленности, но прежде всего вынуждало сделать кардинальный выбор между количеством ресурсов, предназначенных для военной промышленности, и ресурсами, предназначенными для гражданских потребностей.

Проблемы внутренней политики переплетались с проблемами политики международной. В теоретическом плане Сталин вырвал у Запада признание равенства, которое Хрущев смог подтвердить и усилить с помощью своих дипломатических кульбитов и благодаря тонкому пониманию возможностей, предоставляемых пропагандой в массовом обществе, которая распространилась уже на все население земного шара. Однако советский лидер должен был считаться и с некоторыми фундаментальными трудностями, связанными с несоответствием между амбициями и ресурсами, находившимися в его распоряжении. В военно-политическом плане паритет по сравнению с Соединенными Штатами признавался формально, но не существовал на деле. Следовательно, вставала проблема подкрепить паритет конкретными обязатель-

ствами посредством принятия таких мер, которые были бы сопоставимы и, возможно, более убедительны в сравнении с теми, что разработал сам Кеннеди в 1961 году.

В дипломатическом плане становилось необходимым избежать того, чтобы выбор в пользу паритета не был понят как средство для обострения Советским Союзом напряженности в отношениях с Западом, и способствовать тому, чтобы он понимался скорее как средство для уменьшения напряженности. Сочетание перевооружения, дипломатической полемики и кризисов, подобных берлинскому и кубинскому, с продолжением диалога для достижения соглашений между сверхдержавами было, однако, дипломатической практикой, которую Хрущев осуществлял, но не всегда эффективно.

Осуществление этой двойственной задачи сделалось к тому же необходимым из-за внутренней ситуации в «коммунистическом» блоке, охваченном столь глубокими разногласиями между Советским Союзом и Китаем, что они связывали руки советской дипломатии. Хрущев делал все возможное, но со все меньшим успехом, чтобы скрыть от мира разногласия, превращавшиеся в открытый конфликт и являвшиеся следствием отказа Советского Союза признать увеличение в мире в целом и внутри коммунистического блока, в частности, количества «моделей» социализма и «ведущих держав» (обладавших необходимыми военными ресурсами, как, например, ядерное оружие, придававшими такой способности быть «ведущей державой» конкретное содержание). В этом плане позиция Хрущева не сильно отличалась от позиции Сталина. В действительности, если и проявлялась большая терпимость по отношению к различию путей социальной трансформации в разных странах, то несогласие с тем, чтобы в рамках коммунистической системы рядом с Советским Союзом находился какой-либо субъект с подобным, если не равным влиянием, оставалось прежним. Необходимо постоянно помнить об этом для того, чтобы понять умолчания, колебания, резкие повороты и сюрпризы Хрущева, поскольку главная проблема перехода, активным сторонником которого он являлся, состояла в необходимости действовать таким образом, чтобы ни в коей мере не поколебать советскую гегемонию внутри коммунистического блока. Даже полемические преувеличения и рискованные шаги отражали именно эту потребность.

С точки зрения внутренней политики второй этап хрущевского эксперимента не был для Советского Союза таким же позитивным, как этап до 1959 г. Семилетний план развития, одобренный XXI съездом КПСС в феврале 1959 г., выдвигал в качестве цели устранение диспропорций, присущих советской экономике, не

замедляя при этом общего экономического роста. Поставленные цели были амбициозными, поскольку речь шла об увеличении вдвое валового продукта. В самом деле, к 1965 г., в соответствии с запланированным, СССР достиг значительных результатов в базовых отраслях промышленности. Однако если рассматривать общие данные с точки зрения их составляющих, то было видно, что существовавшие ранее диспропорции оставались неизменными или усугубились. Военная промышленность, металлургия, производство энергии осуществляли внушительный рост, однако химическая отрасль, текстильная, производство предметов потребления явно отставали. Инфраструктура отчасти улучшилась, но оставалась еще в стадии немногим более чем эмбриональной для современной страны. К тому же сельское хозяйство оставалось в ситуации перманентного кризиса из-за нехватки средств, но, прежде всего, из-за самого способа его организации — насильственной коллективизации, когда крестьяне не имели даже права самостоятельно сменить место жительства (такой порядок ввел еще Сталин в 1932 г.). Положение деревни оставалось плачевным, даже если сравнить его с положением в городе, где проблема жилья только еще начинала решаться. Эта политика встречала противодействие со стороны авторитетных экономистов, таких как Евсей Либерман, который в начале 60-х годов отстаивал необходимость того, чтобы эффективность производственной системы росла за счет «собственно экономических инструментов, основанных на материальном стимулировании труда, прибыли предприятия, системе цен, отражающей рост издержек производства и на сокращении бездумного финансирования убыточных предприятий». Однако против настоящей «экономической реформы» боролись, как отмечает Франческо Бенвенути, «мощные институциональные комплексы тяжелой промышленности и армии, боявшиеся утратить исторически приобретенное превосходство в распределении национальных ресурсов». А в Коммунистической партии, являвшейся необходимым рычагом инноваций, «формировались основные группы политических и социальных интересов, которые были противниками изменений».

Страшная засуха 1963 г. вынудила правительство возобновить нормированное распределение продуктов, и голода удалось избежать только благодаря внушительным закупкам зерна, впервые произведенным на изобильном американском рынке и оплаченным золотом. Для престижа Хрущева, после очевидной дипломатической неудачи на Кубе, это был смертельный удар.

«Действительно, сельскохозяйственное производство, — писал позднее Джузеппе Боффа, — стагнировало на заметно более высоком уровне, чем в сталинскую эпоху. Однако это было слабым утешени-

ем, поскольку за это время потребности страны ощутимо выросли. Городское население стало более многочисленным, и его доходы возросли; все, горожане и крестьяне, стали лучше питаться; животноводство требовало больше кормов; страны-союзницы хотели закупать зерно у СССР, [но] перманентный сельскохозяйственный кризис продлевал существование региональных диспропорций: самое сердце России, полоса Нечерноземья, опустошенная войной, оставалась безлюдной».

Но для всего Советского Союза еще более тяжелым был тот факт, что тогда было положено начало феномену, который с годами неуклонно усугублялся, а именно — тенденции к снижению уровня рентабельности капиталовложений. По иронии истории через несколько десятилетий после того, как Ленин предсказал, что падение нормы прибыли разрушит капиталистическую экономику, именно это явление проникло в коллективистскую экономику, подрывая ее основы.

Такая сохраняющаяся экономическая слабость еще больше осложняла достижение ядерного паритета с американцами, чего добивался Хрущев, а его преемники сохраняли в качестве цели своей военной политики.

После запуска первых МБР советский генеральный штаб приступил к пересмотру стратегии, кульминацией которого стала речь Хрущева в Верховном Совете 14 января 1960 г. Ядерные вооружения, сказал он, превратились в основные элементы войны любого типа, сделав устаревшими многие обычные виды оружия. Ядерная война будет, конечно, непродолжительной, поскольку ее начальный этап обусловит и ее исход. Русские, благодаря обширности своей территории и ядерным вооружениям, которыми они располагают (их эффективность Хрущев подчеркнул еще раз), смогут выжить после первого внезапного нападения. Однако надо было пойти дальше. Необходимо было сократить на треть обычные вооружения и направить высвободившиеся ресурсы на ракетно-ядерные вооружения. НАТО могла рассчитывать на тактические ядерные силы, которыми она уже была оснащена, однако предложение Хрущева предусматривало как ответ с помощью стратегических вооружений, так и сокращение существующего разрыва в области тактического оружия. Иными словами, Хрущев хотел сказать, что как Соединенные Штаты, так и Советский Союз должны были обладать способностью нанести после первого удара ответный удар по совершившему нападение и что «существовала взаимосвязь гарантированного взаимного уничтожения», применительно к которой географические масштабы Советского Союза и рассредоточенность населения составляли преимущество перед Западом.

В соответствии со стратегической установкой (не менявшейся вплоть до 1991 г.) в речи подтверждалась центральная роль ядерных вооружений как решающего средства любого возможного столкновения между двумя сверхдержавами. Кроме того, она представляла собой отправной пункт для обширной программы ядерного перевооружения, которую Советский Союз запустил, в особенности после того, как в 1961 г. убедился, что первенство в запуске ракет-носителей или даже в запуске спутников (в апреле 1961 г. Юрий Гагарин стал первым человеком, запущенным с советской базы в космос на борту космического корабля) не означало действительного ядерного превосходства. Ответ на американскую программу был столь решительным и после Кубинского кризиса привел к такому росту, что за несколько лет русским удалось ликвидировать разрыв и превзойти по числу ракет-носителей, хотя и не по числу ядерных боеголовок, весь потенциал Соединенных Штатов. Следующая таблица показывает, как даже и после отстранения Хрущева от власти наращивание сил продолжалось вплоть до подписания первого договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1 в 1972 г.).

Стратегическое равновесие в ключевые годы, 1964–1974 гг.

Дата	США	СССР
Июль 1964 г.	834 МБР 416 БРПЛ 630 бомб.	190 МБР 107 БРПЛ 175 бомб.
Всего	1880	472
Январь 1967 г. (предложение по ОСВ)	1054 МБР 576 БРПЛ 650 бомб.	500 МБР 100 БРПЛ 155 бомб.
Всего	2280	755
Ноябрь 1969 г. (начало переговоров по ОСВ)	1054 МБР 656 БРПЛ 525 бомб.	1140 МБР 185 БРПЛ 145 бомб.
Всего	2235	1470
Июнь 1972 г. (подписание договора по ОСВ)	1054 МБР 656 БРПЛ 430 бомб.	1527 МБР 459 БРПЛ 156 бомб.
Всего	2140 (3858 боеголовок с РГЧ ИН)	2142 (1986 боеголовок с РГЧ ИН)

МБР — межконтинентальная баллистическая ракета наземного базирования; БРПЛ — баллистическая ракета, запускаемая с подлодки; РГЧ ИН — разделяющиеся головные части индивидуального наведения; бомб. — стратегические бомбардировщики.

Источник: *Holloway D. L'Unione Sovietica e la corsa agli armamenti. P. 114.*

Эта решимость Советского Союза начать также и ядерное соперничество с Соединенными Штатами, соперничество, к которому вскоре присоединилось состязание в сооружении противоракетных систем, способных нейтрализовать возможное внезапное нападение, делает совершенно очевидным стремление к действительному ядерному паритету, с которым Советский Союз связывал перспективы стабильности в мире. Это стремление не должно, однако, вводить в заблуждение. Проблема паритета была для русских прежде всего политической, поскольку наращивание ядерных ресурсов зависело от выдвижения в качестве политического проекта равенства с Соединенными Штатами в распространении своего влияния во всех регионах мира. Естественно, этот проект предполагал, что две сверхдержавы, взаимно парализованные «равновесием страха», воздержатся от дестабилизирующих действий. Поэтому паритет являлся предварительным условием договоренностей по главным вопросам, как показал договор о прекращении ядерных испытаний, а в последующие годы переговоры по ОСВ. Иначе говоря, проект Хрущева и проект его преемников был направлен на проведение державной политики и политики равновесия в традиционном смысле как предпосылки для эффективного решения внутренних проблем СССР. Падение Хрущева стало в действительности симптомом конца переходного периода, но также и высветило те темы, которые остались в результате открытыми.

Хрущев никогда не имел единогласной поддержки в советском руководстве. Новаторский импульс, который он часто беспорядочным, но всегда выразительным образом стремился придать советской системе, сталкивался со слишком многими интересами, чтобы тактические поражения и идеологические разногласия не оказывали давление на его позицию. Ностальгия сталинистов; углубление политических и идеологических разногласий в коммунистическом мире, в особенности с Китаем; неудачи в экономике, прежде всего в сельском хозяйстве в 1963 г.; очевидное дипломатическое поражение на Кубе — все это питало постоянно звучащую критику, использовавшую к тому же волюнтаризм, посредством которого он осуществлял свою политику. В то время, когда он отдыхал на берегу Черного моря, 12 октября 1964 г. собрался Президиум ЦК КПСС. Когда решения уже были приняты, Хрущева вызвали в Москву. 14 октября был созван Пленум Центрального Комитета, который, на основе критического доклада Сулова, утвердил решение об освобождении Хрущева от его обязанностей. На пост первого секретаря ЦК КПСС был избран заместитель Хрущева Леонид Ильич Брежнев, на пост Председателя Совета министров рекомендован Алексей Николаевич Косыгин.

16 октября эта новость получила огласку: Хрущев «освобожден от своих обязанностей в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». С тех пор он жил под Москвой в условиях изоляции, но преследованиям не подвергался.

Его преемники оставили в основном неизменным его политический курс, трансформировались лишь методы руководства партией. Они по большей части выражали стремление нормализовать ситуацию, ставшую слишком бурной и непредсказуемой. «Впервые в новейшей истории русское правительство предприняло попытку сочетать сохранение принципа предельной концентрации власти и международную роль великой державы с целью достижения максимально возможного благосостояния и социального консенсуса» (Ф. Бенвенути). В международной сфере у них не было причин отходить от уже обозначенных направлений, поскольку в их намерения входило укреплять советский лагерь в военном плане, не ухудшая при этом отношения с западным миром и продолжая, тем не менее, использовать его противоречия в своих интересах. Поэтому преемники Хрущева оставались в рамках тех структур, которые Маленков и Хрущев пытались реформировать, не меняя их радикально, то есть партии и политической системы, оставшихся в наследство от Сталина. Проблема состояла в том, чтобы понять, до каких пределов были возможны реформирование и модернизация при наличии таких ограничителей.

В 1965 г. была начата реформа, вдохновлявшаяся идеями экономиста Либермана, и были предприняты попытки в направлении перераспределения капиталовложений. Определенные преимущества получили производство предметов потребления, строительная промышленность и аграрный сектор. Однако основные структурные характеристики не изменились: жестко централизованное планирование механизма роста и вытекающая из этого тенденция к производству ненужных товаров или отсутствие роста производительности труда. Начиная с 70-х годов уменьшение численности населения выявило также другие ограничители. Кроме того, технологический прогресс, достигнутый в военном плане, не отражался на гражданской сфере вследствие жесткого разделения между двумя секторами и секретности военных новаций — полная противоположность тому, что имело место в Соединенных Штатах.

Недавние исследования очень точно выявляют экономический регресс, характерный для режима Брежнева. Незначительное повышение уровня жизни вынуждало правительство проводить политику, не обманывающую надежды народа, допуская «растущее превышение темпов роста заработной платы над ростом производительности труда». Результатом этой политики было распространение

распределительного эгалитаризма, вознаграждавшего менее квалифицированный труд таким же образом, как и труд более производительный, что порождало настроения «неудовлетворенности, широко распространившиеся среди работников квалифицированного и интеллектуального труда». Повышение производительности труда утратило свое значение, и в городах в огромной степени получили развитие теневая экономика и подпольная торговля, избавленные от государственного контроля и выгодные наиболее предприимчивым индивидам. Правительство терпело все это, а именно «растущее падение трудовой дисциплины и рост прогулов, и допустило усиление коррупции, вплоть до возникновения публичных скандалов». К концу семидесятых годов начала складываться двойная система экономической, общественной и частной жизни, усугублявшая экономический дуализм административного планирования и рыночных анклавов, присутствовавший с начала 30-х годов». В обеих сферах проявлялись «массовые явления деградации, сочетавшиеся с социальным давлением..., имевшим непредсказуемый потенциал».

11.6.2. СОВЕТСКО-КИТАЙСКО КОНФЛИКТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

На первом этапе послесталинского периода отношения между двумя крупнейшими странами коммунистического блока оставались хорошими. Война в Корее, первый индокитайский кризис и дипломатический конфликт, который сопровождал военную акцию против островов Куэмой и Мацзу, показали, что Китайская Народная Республика намеревалась играть роль лидера на Азиатском континенте, почти всегда в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и формально полностью признавая его гегемонию в социалистическом лагере.

Сближение с Индией сделало возможным подписание в апреле 1954 г. китайско-индийского торгового соглашения, которое регламентировало торговые обмены и религиозные контакты, традиционно осуществлявшиеся Индией в регионе. На короткое время показалось, что атмосфера сотрудничества между Индией и Народным Китаем может стать основой нового международного порядка в Азии. Формула «пяти принципов мирного сосуществования», определенная в июне 1954 г. Мао и Неру, а затем поддержанная на Бандунгской конференции, где зародилось движение неприсоединения, приобрела значение философии разрядки в международных отношениях, противостоявшей практике холодной войны. Участие в Бандунгской конференции освятило политику

Китая как вклад в дело мира на Дальнем Востоке. Парадоксальным образом такое восприятие было возможно благодаря особым отношениям, связывавшим Китай с Советским Союзом. Начало восстановления экономики и проведения плановой политики при поддержке Советского Союза способствовало внутренней стабильности страны, позволяя осуществлять дипломатическую стратегию в духе разрядки. Поэтому действия пекинского правительства, опиравшиеся на принадлежность к советскому лагерю, были более свободными и менее вовлеченными в непосредственное противостояние с капиталистическим миром. Кроме того, в момент деколонизации модель освобождения Народного Китая могла стать образцом для других молодых азиатских государств — лучшим способом найти альтернативу советским объятьям и завоевать то самостоятельное международное положение, которое отказывались признать за ними Соединенные Штаты.

Такие предпосылки исчезли, когда отношения между СССР и Китаем в течение нескольких лет проделали эволюцию от состояния союзничества и сотрудничества к дипломатическому соперничеству и даже к военному столкновению. Разногласия начали проявляться после XX съезда КПСС как следствие политики десталинизации, проводившейся Хрущевым. Вначале полемика разворачивалась по идеологическим проблемам. Тезисы Хрущева о мирном сосуществовании, о демократическом переходе к коммунизму и десталинизации давали в те годы пищу для нападок китайцев не только из-за их смысла, но, прежде всего, поскольку они были результатом теоретической разработки, осуществленной в одностороннем порядке Компартией Советского Союза, которая таким образом выражала твердое намерение сохранить гегемонию в процессе теоретической эволюции социалистической мысли. Таким образом, претензия на равное положение с Советами была разрушена до такой степени, что даже лозунг «мирного сосуществования», придуманный руководством КПК, приобрел неприемлемый для китайцев характер. Он превратился в предложение, обращенное только к Соединенным Штатам, то есть предложение, призванное санкционировать биполярный диалог, диктующий свои правила остальному миру.

Именно это вызывало оппозицию Мао и его группы. Уже с конца сороковых годов китайские коммунисты теоретически обосновывали наличие в мире промежуточного региона, открытого для осуществления замыслов империалистов. Это была зона, в которую входили как слаборазвитые страны, так и некоторые государства Запада, жертвы американской пропаганды, направленной на сохранение единства западного лагеря в качестве непре-

менного условия для защиты от коммунизма. В интерпретации китайцев мир строился в соответствии с критериями, приносящими интересы мира и прогресса народов в жертву американским гегемонистским устремлениям. После опыта авторитарной опеки Кремля для китайцев было почти естественным приравнять в своей оценке советский гегемонизм к американскому.

В течение многих лет Китай стремился к поиску иного международного порядка, намечавшегося в годы антифашистской войны, способного гарантировать народам возможность развития и модернизации, основанной на внутренних силах и характерных особенностях конкретной социальной реальности. Следовательно, нельзя было согласиться с тем, что стремился создать Хрущев, а именно — с такой организацией международных отношений, которая вынуждала выбирать между капитализмом (синонимом империализма) и советским социализмом, синонимом бюрократии, глубоких социальных противоречий и второстепенной роли сельского хозяйства. Именно в годы разрыва с Советским Союзом Компартия Китая развернула свою кампанию в поддержку «большого скачка», то есть экономического роста в рамках китайской модели, которая восходила к концепциям, сформировавшимся в начале гражданской войны. Эта кампания породила и первые внутренние расхождения в КПК.

В 1956–1957 гг. разногласия между КПК и КПСС оставались в латентном состоянии. В самом деле, в Китае параллельно с десталинизацией попытались также проводить новую политику открытости, осуществляя курс «пусть цветут сто цветов», претендовавший на то, чтобы стать воплощением национальных путей построения социализма. Долгое время сохранявшееся доверие между двумя сторонами увенчалось подписанием договора о сотрудничестве в ядерной области в октябре 1957 г., а критика Мао в отношении реабилитации Тито была сглажена участием Китая в конференции коммунистических партий, состоявшейся в том же году в советской столице в честь сороковой годовщины Октябрьской революции.

Эта конференция обозначила несомненную вершину в отношениях сотрудничества между КПСС и КПК, но именно по этому случаю престарелый китайский лидер произнес речь, ставшую позднее знаменитой, — «Ветер с Востока преобладает над ветром с Запада» — для напоминания русским о необходимости активной антиимпериалистической политики.

В последующие месяцы кризис углубился; жесточайшая критика руководства КПК в адрес югославского ревизионизма в действительности имела в виду Хрущева. Впрочем, Мао Цзэдун не

скрывал своих мыслей. В июле 1958 года он говорил советскому послу в Пекине: «Из того факта, что мы опираемся на Советский Союз, не следует, что мы повторяем его ошибки», и добавлял: «Меня могут обвинить в том, что я — националист или новый Тито. Мой ответ состоит в том, что вы расширили границы русского национализма до китайских берегов». Русские старались тогда скрыть от остального мира масштабы разногласий, а также найти союзников для того, чтобы ограничить влияние Пекина. Они не нашли их в Соединенных Штатах сначала потому, что те не сразу оценили масштабы столкновения, а затем — поскольку считали раскол чрезвычайно выгодным для американской политики.

С другой стороны, наблюдались явные признаки нетерпимости китайцев в отношении нового советского курса, подтолкнувшие Хрущева к контрнаступлению. Новое появление на повестке дня в 1958 г. «Берлинского вопроса» вписывалось в рамки необходимости продемонстрировать восточным немцам и китайцам советскую нетерпимость по отношению к Западу, однако оно сопровождалось почти одновременным решением не выполнять обещание предоставить Китаю опытную модель ядерного устройства. Хрущев старался смягчить уже ощущавшееся чувство напряженности во время своего визита в Пекин в октябре 1959 г., однако безрезультатно. В 1959 г. напряженность, связанная, в том числе, и с проблемами пограничных территориальных претензий китайцев, стала причиной неоднократных отказов Советского Союза от предложений сотрудничества в целях развития китайского ядерного потенциала. Она достигла пика в июле 1960 г., когда русские решили отозвать специалистов, посланных в Китай для сотрудничества в области осуществления ядерных программ пекинского правительства, с объяснением, что их работа встречала лишь «неблагодарность китайцев». Конфронтация развивалась уже в разных, хотя и взаимосвязанных сферах, что способствовало разрушению двусторонних отношений.

В идеологическом плане столкновение касалось гегемонии в коммунистическом движении. Поединок стал более острым начиная с апреля 1960 г., когда в теоретическом органе Компартии Китая появилась статья «Да здравствует ленинизм», содержащая открытую критику философии разрядки в том виде, как ее понимал Хрущев. Китай пережил годы огромных трудностей (так называемые «черные годы»), ставшие еще более тяжелыми из-за неудачи эксперимента с коммунами в сельском хозяйстве и провалом «большого скачка». Сама Компартия Китая была охвачена глубоким кризисом, отражавшим неуверенность, вызванную постоянными изменениями экономического курса. Отказ от сотрудниче-

ства с Советским Союзом привел к тяжелым лишениям. Для того, чтобы обеспечить послушание китайцев режиму, был воскрешен старый лозунг «опоры на собственные силы», лозунг трудных времен.

В Европе результатом советско-китайских разногласий стал разрыв отношений между Албанией (противницей нормализации отношений с Югославией) и СССР, о котором публично было объявлено в 1961 г., а также стремление Румынии, возглавляемой Николае Чаушеску, получить определенную степень самостоятельности внутри СЭВ и в отношениях с Советским Союзом при поддержке Китая осторожно дистанцироваться от некоторых международных позиций Кремля.

Международные последствия большего масштаба носили вначале латентный характер, но затем проявились со всей очевидностью. Когда пекинское правительство осознало, что технологическое превосходство, которым СССР обладал с 1957 г., односторонне использовалось как инструмент в дипломатической партии с Соединенными Штатами в целях укрепления биполярной гегемонии — вплоть до превращения ее в совместный контроль над миром (в этом состояли подозрения и опасения, распространенные тогда и воспринятые частью историографии), международная деятельность китайцев сконцентрировалась на противодействии такому подходу.

В этом свете деятельность русских по проникновению в Азию, начатая в 1954 г. соглашением с Афганистаном и продолженная посредством других контактов, кульминацией которых стало соглашение с Индией, приобретала отчетливые очертания прямого вызова Китаю. Вновь вспыхнувшее в Тибете весной 1958 г. восстание и тот факт, что Индия предоставила убежище Далай Ламе и приблизительно 13-ти тысячам тибетских беженцев, следовавших за ним, в одно мгновение сделали бессмысленными положения китайско-индийской конвенции 1954 г. Оба поборника азиатского «тьермондизма» быстро двигались к столкновению.

Под предлогом пограничного спора, по которому никогда не заключалось никакого окончательного соглашения, в 1959 г. китайцы предприняли жесткую и агрессивную политическую акцию, оспаривая принадлежность Индии территории в 125 тыс. квадратных километров и обвиняя Неру в проимпериалистической игре в связи с Тибетом. Попытки переговоров были абсолютно безрезультатны. После нескольких пограничных инцидентов, спровоцированных китайцами, 20 октября 1962 г. войска Китайской Народной Республики начали широкое наступление на оспаривавшейся китайцами линии границы и проникли приблизительно

на 40 километров на территорию Индии. Под воздействием военного успеха китайцы сформулировали предложения по переговорам, которые Индия не могла принять. Тогда 12 ноября китайское правительство решило прекратить огонь и вывести свои войска со всей оккупированной территории за исключением части Кашмира, что позволяло сохранить контроль над районом стыка границ с Пакистаном и Афганистаном. Мотивы шага, предпринятого китайцами, следовало искать в надежде на ведение переговоров с позиции силы до того, как индийцы организуют контрнаступление. К тому же китайцы хотели смягчить негативное впечатление от их агрессивной акции в международном плане. Что касается Советов, то они сохраняли нейтралитет в отношении этого конфликта, который, впрочем, плохо скрывал их симпатии к Индии.

Решение китайцев, направленное на уменьшение напряженности, имело немедленные последствия. Правительство Цейлона предложило международное участие для выработки мирного соглашения. Обе конфликтующие стороны приняли эту инициативу и встали на путь двусторонних переговоров, впрочем, длительных и безрезультатных. В конечном счете единственной державой, выигравшей от конфликта, был Советский Союз, ставший для Индии необходимым союзником в противостоянии всякой потенциальной китайской угрозе.

С другой стороны, отношение Советского Союза укрепило в китайцах убеждение, что московское правительство становилось конкретной угрозой для их безопасности. Стремительность дипломатических маневров Хрущева и непринужденность, с которой он перешел от дипломатического конфликта (в Берлине и на Кубе) и от ядерного соперничества к политике разрядки в отношениях с Соединенными Штатами, показывали, что Кремль придерживался стратегической ориентации, противоположной китайской, стремясь к сосуществованию в условиях конкуренции, а не к противостоянию лагерей. В результате с 1963 г. китайское правительство пережило краткий, но насыщенный период заметного динамизма в дипломатической сфере, целиком направленного на оспаривание авторитета Советского Союза в социалистическом лагере. Помимо албанского успеха, к 1965 г. китайцам удалось приблизить к своему политическому курсу Северную Корею, австралийских и индонезийских коммунистов. Они также проводили политику активного проникновения как во Вьетнаме, так и на Кубе.

Подписание 3 августа 1964 г. договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах подтвердило опасения китайцев относи-

тельно стремления Советского Союза изолировать Китай от принятия важнейших международных решений и предоставило пекинскому правительству возможность заявить о своей резкой оппозиции. В то же время совпадение линии Китая с оппозицией голлистской Франции по отношению к договору обеспечило дипломатическое признание Китайской Народной Республики со стороны Парижа. В течение 1964 г. конфликт между Москвой и Пекином продолжал углубляться.

Снятие Хрущева также не привело к изменениям политической ситуации. Более того, именно тот факт, что новые советские руководители заменили тактику фронтального столкновения, которой придерживался Хрущев, на более взвешенные, но также и более эффективные действия, в конечном счете усилил напряженность. Хрущев подготовил проведение в декабре 1964 г. конференции, которая должна была санкционировать окончательное осуждение китайского коммунизма. Брежнев и Косыгин аннулировали проект, избежав при этом предания остракизму партий, проявивших открытые симпатии к Компартии Китая. Более того, посетив Ханой и Пхеньян, новые советские руководители предоставили правительствам Вьетнама и Северной Кореи существенную военную и экономическую помощь, не требуя взамен никакого специального заявления о лояльности по отношению к СССР. Результаты почувствовались незамедлительно, поскольку обе страны быстро перешли на нейтральные позиции в отношении китайско-советского спора, что фактически лишало смысла предшествовавшие успехи китайской дипломатии. Это объясняет, почему мягкой линии Советского Союза Китай противопоставлял все более резкие действия, предприняв целый ряд откровенно раскольнических акций в отношении коммунистических партий, на которые китайцы, по их собственному мнению, имели определенное влияние.

Тем временем радикализация внутривнутриполитической борьбы создавала во внешнем мире образ Китая как ультрареволюционной и нестабильной страны. Ростки политических процессов, приведших к так называемой «культурной революции», означали начало растущей изоляции.

Попытка государственного переворота, предпринятая в Индонезии левыми офицерами, связанными с Компартией Индонезии и с Компартией Китая (сентябрь 1965 г.), привела к тому, что президент Индонезии Сукарно, занимавший нейтральные позиции, был лишен всякой власти. Ее результатом стала также очень жесткая реакция армии, которая, под руководством генерала Сухарто, осуществила контрпереворот, приведший к самому настоя-

щему истреблению коммунистов или считавшихся таковыми: сотни тысяч, возможно, миллион жертв, прежде всего из числа китайской общины. Народный Китай потерял, таким образом, свою самую сильную поддержку в Азии. Ограниченность экономических ресурсов привела к провалу попыток китайцев предстать перед странами Третьего мира, в особенности африканскими, недавно освободившимися, странами, в качестве иной «модели» деколонизации. Большое число договоров о техническом и политическом сотрудничестве, подписанное с этими странами (ориентированными против Советов и против западного присутствия), начало выполняться, но затем было быстро свернуто из-за нехватки ресурсов, которые Китай мог выделять в помощь развивающимся странам. Румыния и Куба отошли от Китая для того, чтобы безоговорочно присоединиться к советским позициям (в особенности это касалось Кубы).

Ответ Мао на политику, проводимую Советским Союзом, пользовался широкой народной поддержкой. Тем не менее именно обвинения в ревизионизме и бюрократизме, которые Мао сделал основой своей кампании, нашли отражение внутри китайской компартии. Внутри нее существовали разногласия по вопросам экономической стратегии и моделей развития в двух направлениях — защиты интересов большинства (такова была позиция Мао) и переосмысления революционных целей с тем, чтобы адаптировать их к новым временам (такова была другая позиция). Это противостояние уходило корнями в различия между политическими направлениями, между поколениями, а также в сложную структуру аппарата социального контроля, охватывавшего всю страну. Недовольство, которое вызывали бюрократизация и привилегии, связанные с осуществлением власти, представляло собой благоприятную почву для развития конфликта.

«В этом смысле, — пишет Энрика Пишель, — культурная революция и сопровождавшие ее конфликты были эпизодами подлинной классовой борьбы. Однако, это была классовая борьба внутри правящего класса, поскольку «широкие массы» были вовлечены в нее в той мере, в какой их привлекали определенные группы внутри властной коалиции, преследовавшие противоположные цели. При отсутствии свободы и наличии всепроникающей пропагандистской мобилизации мотивы, по которым «массы» должны были бороться в защиту собственных интересов за или против различных руководящих групп, не всегда были ясны».

Однако наличие действительного недовольства придавало Мао силы бороться за возвращение партии к защите эгалитаристских ценностей, которые были присущи ее программе ранее.

В 1966 г. он встал во главе «культурной революции», оправдывая ее как ответ на бюрократизацию и появление привилегий, ставших заметными прежде всего в городской жизни. «Красные охранники» (хунвейбины), то есть группы молодежи, которые, размахивая брошюрами с собранием цитат председателя Мао, напали на всех предполагаемых виновников «контрреволюции» и преследовали их, стали выражением того хаотичного социального бурления, способного, как надеялся Мао, возродить новый динамизм и придать порыв Народному Китаю. Первым театром борьбы стала школа. Технические дисциплины были практически отменены и заменены идеологическим обучением. Ярость молодежи была направлена против различных сложившихся форм власти, начиная от власти преподавателя, власти бюрократов, власти руководителей промышленных предприятий и вплоть до власти партийных вождей, которые рассматривались как ответственные за ревизионистские и «буржуазные» проекты. Не пощадили даже крупнейших представителей партийной верхушки КПК. Председатель республики Лю Шаоци подвергся публичным нападкам и был вынужден подвергнуть себя унижительной самокритике. Не в меньшей степени пострадали Дэн Сяопин, генеральный секретарь ЦК партии, а также генерал Пэн Дэхуай, бывший министр обороны и главное действующее лицо в военном сотрудничестве с Советским Союзом в 50-е годы. Сам Чжоу Эньлай едва избежал преследований и подвергся острой критике за китайское поражение в Индонезии.

Именно критическое положение, в котором в какой-то момент оказался Чжоу, подтолкнуло генерала Линь Бяо, восходящее светило и назначенного наследника председателя Мао, выступить за возвращение к порядку. По согласованию с самим Мао, считая, что этап революционных потрясений закончился, он прибег в 1967 г. к вмешательству военных «в защиту левых, но не какой-либо одной группировки», организовав отправку «красных охранников» (хунвейбинов) на работу в трудовые лагеря в деревне и доверив военным властям задачу формирования революционных комитетов, которые воссоздали бы партийную иерархию. Культурная революция закончилась поражением поколения, которое верило в нее, и не только в Китае. Выступление ее сторонников было «потоплено в крови и подверглось тотальной маргинализации в социальной жизни, его участников отправили в отдаленные районы, в драматические материальные условия».

В 1968–1970 гг. военные под руководством Линь Бяо, автора проекта революционного коммунизма на аграрной основе (отличительным признаком которого была, однако, гегемония воору-

женных сил), значительно усилили свою власть. Только в 1971 г., после смерти Линь Бяо в авиакатастрофе, обстоятельства которой были, по меньшей мере, неясными, Чжоу Эньлай — с помощью людей, преследовавшихся «красными охранниками», прежде всего Дэн Сяопина, — сумел сосредоточить основную власть в руках гражданских лиц. Мао старел и не мог препятствовать тому, чтобы партия постепенно воссоздавалась на более умеренной реформистской основе. После его смерти в 1976 г. начался долгий и мучительный переходный этап во внутренней политике.

В период «культурной революции» Советский Союз стал как никогда излюбленной мишенью для антиревизионистских нападок. С усилением внутренних беспорядков со стороны КНР нарастала полемика по вопросу о «царских» границах, отделявших советскую территорию от китайской. Эти настроения отражали глубокую обеспокоенность по поводу границ, которым, как считалось, непосредственно угрожал советский гигант. Страх перед столкновением вызывался также наращиванием советского военного присутствия в Азии. Люди, окружавшие Линь Бяо, были склонны думать, что Советы могут попытаться распространить «доктрину Брежнева» на весь коммунистический мир и перенести ее в том числе и на отношения с Китаем. В этом смысле подготовленная в октябре 1968 г. китайским правительством инициатива, направленная на придание спору относительно границы по Уссури военного характера, представляется сегодня превентивной мерой пекинского правительства в отношении советского гегемонизма.

В эти рамки вписывается нападение, которое китайцы совершили 2 марта 1969 г. на пограничные советские позиции на реке Уссури, заявив о необходимости пересмотра «неравноправных договоров», подписанных в период существования Российской империи XIX века. Напряженность сохранялась в течение нескольких месяцев. В марте был предпринят масштабный советский контрманевр, а когда в августе 1969 г. произошли новые столкновения, стороны решили урегулировать спор путем переговоров, начавшихся в обстановке глубокого взаимного недоверия.

Соединенные Штаты также не были готовы использовать китайскую карту. Политика разрядки, проводившаяся сначала администрацией Джонсона, а затем администрацией Никсона, казалось, закрывала путь для дипломатических маневров. Это была необоснованная оценка, однако до тех пор, пока «Вьетнамский вопрос» доминировал в американской политике, вашингтонское правительство не могло использовать возможности, представлявшиеся расколом коммунистического блока. Однако раскол внутри советского блока являлся, с точки зрения отношений

между сверхдержавами, событием огромного значения, поскольку он фактически лишал Советский Союз возможности играть важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После падения Сукарно московское правительство могло думать только об одной надежной, но уязвимой точке опоры — воюющем Вьетнаме, или после 1975 г. — победоносном Вьетнаме, изолированном во враждебном ему окружении. Оно могло также рассчитывать на выход к морю на Дальнем Востоке, который, однако, хорошо контролировался американской системой обороны.

*11.6.3. КРИЗИС 1968 г. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И «ДОКТРИНА БРЕЖНЕВА»*

Китайско-советский раскол был лишь наиболее очевидным показателем внутреннего кризиса коммунистического блока. Целый ряд других ситуаций, прежде всего в Восточной Европе, показывал, что Советскому Союзу в течение более чем двадцати лет после окончания второй мировой войны так и не удалось укрепить свой контроль над этими странами и, в первую очередь, добиться того, чтобы его присутствие воспринималось не как нечто навязанное извне, а как реальный структурный фактор.

В отличие от Восточной Германии, управляемой Ульбрихтом «железной рукой» и зависящей от эволюции отношений с Федеративной Германией, а также Болгарии, традиционно близкой к русским, в таких государствах, как Польша, Венгрия и Чехословакия, это несостоявшееся укрепление контроля было особенно очевидно.

Впрочем, в Венгрии режим Яноша Кадара, установленный в 1956 г., проводил умеренно реформистскую политику, направленную на рост благосостояния населения, снимая тем самым угрозу новых политико-экономических кризисов. Кульминационным этапом этой реформистской политики было введение в начале 1968 г. «нового экономического механизма» (НЭМ), ослабившего бюрократическую централизацию разрешением предприятиям и кооперативам составлять свои производственные планы на основе собственных представлений о ситуации на местных рынках. Это делало систему планирования и общую систему формирования цен более гибкой, а также придавало большую эффективность системе обеспечения потребительскими товарами, которая соотносилась с ростом доходов на душу населения. Речь шла о вмешательстве в сложившуюся структуру, которое косвенно было направлено на восстановление политического консенсуса, хотя правительство и ощущало пределы своего воздействия. Они могли

расшириться только в результате политических уступок, которые, с другой стороны, могли стать допустимыми только в рамках определенной терпимости к нелегальному диссидентству. То же самое происходило в Польше. После воодушевления, последовавшего за приходом к власти Гомулки в 1956 г. и за первыми реформами, которые он провел, демократизация постепенно сошла на нет. Параллельно органам, созданным в 1956 г., стали действовать партийные институты, поглотившие значительную часть компетенции, которой добились советы рабочих. Парламент же, напротив, пробудился от многолетнего летаргического сна, и в 1957 г. в него впервые были избраны некоторые представители группы Знак, католического кружка, получившего, в обмен на поддержку Гомулки, право представлять кандидатов на выборы. Речь шла об автономной группе, не связанной с католическим движением Пакс правительственной ориентации и способной поэтому выражать в парламенте мнение, не полностью вписывавшееся в традиции единодушия, свойственные «народным» парламентам. Эти уступки уравнивались, однако, рядом ограничений в сфере политических свобод, прежде всего возобновлением цензуры, за которым последовало «завинчивание гаек» в отношении деятельности независимых органов печати и студенческих и интеллектуальных политических кружков.

Постепенно в 60-е гг. репрессии усилились, что породило в 1968 г. новую цепь ответных действий, предвещающих опасность. Запрет театрального представления по произведению Адама Мицкевича, поэта, воплощавшего польский патриотизм периода 1830–1848 гг., вызвал волну протестов студентов и Союза писателей. Она прокатилась по всей стране и продолжалась почти весь март 1968 г. в Варшаве, Познани, Люблине, Гданьске и Вроцлаве. Порядок был, однако, постепенно восстановлен, без всяких уступок, с помощью тщательной индивидуальной работы полиции и использования репрессивных мер. Популярность Гомулки, уже давшая трещину после значительного подъема цен, навязанного в 1967 г., еще больше снизилась. Деятель, спасший режим в 1956 г., уже исчерпал свои возможности. Волна забастовок в декабре 1970 — январе 1971 г. вновь усилила напряженность до опасного уровня.

Наращение возмущения в обществе вынудило партию еще раз проявить быстроту реакции и осторожность. Гомулка был отстранен от власти и заменен Эдвардом Герекком, коммунистом, представлявшим рабочую традицию. В январе 1971 г. он сумел противостоять новой волне забастовок, начавшихся в Щецине, и принять ряд мер, относившихся к системе заработной платы. Эти меры сделали возможным преодоление кризиса, хотя в то же са-

мое время они впервые позволили рабочим осознать свою силу в переговорах с правительством в партии. В течение всех 70-х годов Гереку удалось удерживать в своих руках власть, несмотря на экономические трудности и брожение в среде рабочих, все более осознававших значение оружия забастовки и возникающей консолидации с частью движения интеллектуалов и, в особенности, с католическим миром для формирования способности к борьбе.

Гораздо в большей степени был чреват последствиями кризис в Чехословакии. Она почти безболезненно прошла этап десталинизации. Под руководством Антонина Новотного, который в 1953 г. был навязан русскими в качестве преемника Готвальда, коммунистическая партия до 1963 г. придерживалась жесткого и сектантского политического курса. Отголоски инакомыслия были сильны, а его мишенью для критики современных «тиранов» был «культ личности» послесталинского периода. Тем не менее оно нашло способ проявить себя более масштабно после экономического кризиса 1962 г., связанного с провалом третьего пятилетнего плана. В самом деле, кризисные явления придали силы оппозиции и вынудили (или побудили) Новотного согласиться начать внутреннюю дискуссию по экономическим проблемам, выдвинувшую на первый план группу молодых экономистов, критиков «культу планирования» и сторонников ревизии экономической программы, направленной на введение принципов рыночного ценообразования и самофинансирования предприятий. Эта экономическая программа была воспринята с опасениями и стала осуществляться только начиная с 1966 г. Однако она стала показателем изменения атмосферы. Теперь представлялось, что Новотный расположен к диалогу не только по проблемам экономики, но также политики и культуры.

С 1963 по 1968 г. жизнь Чехословакии была отмечена появлением возрожденческого течения, в которое влились бесчисленные ручейки, зачастую совместимые с системой, но часто потенциально опасные для нее. Мир интеллектуалов и писателей объединялся вокруг некоторых групп и журналов, настоящих «фабрик» реформистских дискуссий, таких, как «*Literarny Noviny*» («Литературный журнал»), журнал чешских писателей, или «*Kulturny Zivot*» («Литературная жизнь»), журнал словацких писателей. За несколько лет дискуссии приобрели гораздо более острый и свободный характер.

Вновь вышел на первый план национальный вопрос, то есть протест словаков по поводу неравноправного положения, в котором они продолжали находиться также и в рамках народной республики. В 1963 г. во главе Компартии Словакии встал один из

активных участников антифашистского освободительного восстания 1944 г. Александр Дубчек. Постепенно вокруг этого деятеля сложилась оппозиция, направленная против замедленного темпа действий Новотного и трудностей на пути воплощения в жизнь обновленческих импульсов. К концу 1967 г. ситуация еще более обострилась в результате столкновений между полицией и группами пражских студентов. В декабре 1967 — январе 1968 г. Центральный комитет компартии обсудил возможную добровольную отставку Новотного. 3 января, учитывая широкую поддержку кандидатуры Дубчека, Новотный решил отойти от руководства партией, в том числе и для того, чтобы не обострять отношений с представителями словацкого народа.

В бурной атмосфере, ставшей драматичной благодаря массовой реабилитации жертв сталинизма, избрание Дубчека ускорило темп перемен. В марте Новотный оставил пост президента республики (который он сохранил в январе) и был заменен генералом Людвиком Свободой, очень уважаемым, политически нейтральным деятелем. С апреля месяца демократическое брожение приобрело лихорадочные темпы. Это были недели, которые позднее вспоминали как «Пражскую весну», недели обновления и катарсиса. Дубчек, Свобода, председатель Национального собрания Йозеф Смирковский, глава правительства Олдрих Черник разработали проекты, обрисовывавшие в общих чертах грандиозный идеал, выраженный красноречивым лозунгом — создание «социализма с человеческим лицом». Это был лозунг, в полной мере отражавший осознание ограниченности имеющегося опыта и надежду на возможность построения нового, свободного общества, не отказываясь от главных завоеваний социализма.

Подтверждение изменения курса должно было состояться на чрезвычайном съезде Компартии Чехословакии, назначенного на июль-август и готовившегося в атмосфере все более оживленной дискуссии, тон которой был задан манифестом «Две тысячи слов» Людвика Вацулика. Он появился 27 июня в еженедельнике «Литературные листы» и стал почти знаковым текстом, проводившим разграничение между силами обновления, консервативными силами и теми, кто был склонен к компромиссу.

К осторожности и компромиссу призывали также новости из других стран Варшавского договора. В июне учения советской армии уже побудили опасаться военного вмешательства. С начала июля пять европейских союзников Чехословакии (СССР, Восточная Германия, Польша, Болгария и Венгрия) начали оказывать давление с тем, чтобы состоялось коллективное обсуждение ситуа-

ции¹. Дубчек не принял предложения, сочтя его несвоевременным и отказавшись разделить тревогу союзников. Ситуация, считал он, оставалась под контролем, и не было причин ее обсуждать. 14 июля руководители пяти союзников встретились в Варшаве и послали Президиуму ЦК Компартии Чехословакии ультимативное приглашение участвовать в обсуждении. Предложение было отвергнуто, обвинение в подрыве прочности социалистической системы было расценено как необоснованное, наличие контрреволюционной опасности было отвергнуто. В качестве альтернативы было предложено, чтобы 29 июля — 1 августа в Чиерне-над-Тисой, на границе СССР и Словакии состоялась двусторонняя встреча чехословацких и советских представителей.

Встреча в Чиерне, после которой 3 августа состоялась встреча представителей пяти стран с чехословацкими руководителями в Братиславе, была своего рода диалогом глухих. Однако заключительный документ встречи в Братиславе уже содержал выражения обеспокоенности, поскольку он подтверждал необходимость солидарности в международном коммунистическом движении. Противники Дубчека, недооценивавшие народный энтузиазм, разворачивали закулисную деятельность, чтобы повернуть события вспять. Дубчек, рассчитывавший на помощь Тито и Чаушеску, оказался затем в таком же положении, как и Имре Надь в 1956 г.

Ночью 20 августа 1968 г., во время заседания Президиума Центрального комитета Компартии Чехословакии, стало известно, что вооруженные силы Варшавского договора начали вторжение. 21 августа они уже были в Праге. Сотрудники советской службы безопасности проникли в помещение Центрального комитета, взяли Дубчека и его основных соратников и вывезли их в Москву. 22 августа в то время, когда Компартия Чехословакии проводила свой чрезвычайный съезд (при отсутствии словацких делегатов по их собственному нежеланию участвовать или из-за невозможности добраться до Праги) и настоятельно подтверждала свое единство и верность политике Дубчека, поборники нового курса подвергались унижениям в Москве посредством изнурительных дискуссий и угроз относительно будущего их лично и страны в целом.

Поскольку вторжение вооруженных сил Варшавского договора не вызвало массового вооруженного сопротивления в Чехословакии, а лишь спровоцировало спорадические столкновения с немногими десятками жертв и внушительные, но неэффективные

¹ Еще 23 марта 1968 г. в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести социалистических стран — СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. На встрече обсуждалось развитие ситуации в Чехословакии. — *Прим. редакции.*

демонстрации, инициаторы и руководители нового курса должны были не столько согласиться с кровавыми репрессиями, сколько принять условия, выдвигавшиеся советским руководством. Они были вынуждены согласиться с нормализацией, то есть с отказом от своих надежд, с отречением от решений, принятых съездом КПЧ, состоявшимся 22 августа, а также с возвращением к прошлому.

Руководство партии предстояло передать Густаву Гусаку, чехословацкому Кадару, человеку практики и приверженцу преемственности по отношению к прошлому. Интермедию Дубчека стремились перечеркнуть, но советские правители хотели, чтобы все происходило без неожиданных поворотов и без кровопролития.

Ради блага своей страны Дубчек, Свобода, Черник и Смрковский вынуждены были вернуться на родину, для того чтобы возглавить «нормализацию», — почти так, как будто за это время ничего не произошло. Однако положение изменилось кардинальным образом после подписания 26 августа протокола, подтверждавшего их поражение и так называемую «доктрину Брежнева». Внешне власть оставалась в их руках, но теперь они действовали в направлении, противоположном прежнему. Они дезориентировали своих сторонников, расчищали путь для преемников и для чисток, которые стали неотвратимыми несколько месяцев спустя, когда страсти немного улеглись. Только в апреле 1969 г. Дубчек был заменен Гусаком. За несколько месяцев в партии была проведена чистка и ей были «вправлены мозги». Началась новая волна эмиграции в Западную Европу, состоявшая почти полностью из очень влиятельных интеллектуалов. Дубчек в течение некоторого времени находился на дипломатическом посту, затем был отозван на родину, исключен из партии и обречен на жизнь в одиночестве в районе Братиславы, где он работал простым рабочим. Позднее он вернулся на политическую сцену, но его имидж был омрачен сенсацией, не меньшей, чем связанная с Надем в 1956 г., — сведениями о том, что он колебался, выступать ли против интервенции. Это, вероятно, правда, как показывают записи его последних телефонных разговоров с Брежневым перед вторжением. Однако это отражает и личную трагедию разрываемого обязательствами политического деятеля, в котором доминировало стремление не дать своим согражданам пережить судьбу, сравнимую с той, что выпала в 1956 г. на долю венгров.

Значение чехословацкого кризиса для международной жизни может быть понято, только если принять во внимание некоторые обстоятельства, благодаря которым эти драматические события сыграли свою роль не только в истории Чехословакии как участника Варшавского договора, но также и в истории советской поли-

тики внутри коммунистического блока. Последствия кризиса повлияли на образ СССР в мире и внутри международного коммунистического движения, а в особенности — на растущее недоверие китайцев.

Что касается последствий кризиса для остальной Восточной Европы, то документы, опубликованные в 1992 г., показывают, что тревога ощущалась прежде всего в Польше и в Восточной Германии. Последствий «пражской весны» особенно опасались Гомулка и Ульбрихт. Именно они, и прежде всего немецкий лидер, оказали давление на Брежнева в поддержку вмешательства. Их деятельности в значительной мере способствовали также некоторые консервативные представители самой Компартии Чехословакии. Пятеро из них, в том числе Алоис Индра и Васил Биляк, за несколько дней до вооруженного вмешательства передали Брежневу два письма (о существовании которых было известно, хотя их текст был опубликован лишь в 1992 г.) с выражением сожаления по поводу ошибок, совершенных друзьями Дубчека, и с просьбой о «помощи и поддержке всеми имеющимися в его распоряжении средствами» для того, чтобы спасти Чехословацкую республику «от опасности неминуемой контрреволюции». Это было нелегким шагом, писали они, однако в условиях, когда возможность сопротивляться контрреволюционной волне была исчерпана, их призыв следовало рассматривать как «неотложную просьбу, призывающую к вмешательству в полном объеме». В соответствующем контексте оба письма делают очевидным одно обстоятельство: в тот момент просоветские элементы рассматривали ситуацию как уже проигранную контрреволюционным элементам («Само существование социализма в нашей стране находится под угрозой», — писали они), а вмешательство Советского Союза — как неизбежное. Пролетарский интернационализм, то есть преданность по отношению к СССР, возобладав, следовательно, над лояльностью по отношению к нации. Призыв делал советское вмешательство в какой-то мере легитимным, поскольку подтверждал Брежневу, что оно встретит поддержку людей, готовых к сотрудничеству.

В международном плане Брежнев оправдал акцию с помощью так называемой «доктрины ограниченного суверенитета». По существу речь шла о приукрашенном варианте режима протектората, то есть делегирования Советскому Союзу в определенных случаях права поддерживать порядок во всех странах коммунистической системы. Зденек Млынарж, один из членов чехословацкой делегации на «переговорах» в Москве в августе 1968 г., вспоминает в своих мемуарах, что Брежнев в той ситуации не скрывал свое

мнение. Жертвы Советского Союза ради освобождения стран Европы от нацизма во время войны оправдывали постоянную опеку в их отношении со стороны Красной Армии. Речь шла не о формальной позиции (хотя через некоторое время министр иностранных дел Громыко повторил аналогичные концепции на заседании Генеральной Ассамблеи ООН), но о смысле этого утверждения, предопределявшем отношения колониального типа.

Хотя внешне «доктрина Брежнева» и демонстрировала стремление к абсолютному доминированию, в действительности она отражала глубокую неуверенность. Помимо всего прочего, начиная с 1948 г., то есть с конфликта с Югославией Тито, и в дальнейшем Советскому Союзу пришлось противостоять почти непрерывным попыткам восстаний, либо сдерживаемых предоставлением каких-либо своевременных уступок, либо подавляемых с помощью насилия, роль которого еще не исследована в полной мере. Это означало, что Советскому Союзу не удалось укорениться в общественной жизни стран, где он доминировал, а также, что концепция лагеря «реального социализма» обретала реальное содержание, только когда границы этого лагеря определялись с помощью силы. Спустя почти четверть века после окончания войны Советскому Союзу все еще приходилось противостоять угрозам нестабильности в Восточной Европе. Поэтому он настойчиво стремился к началу масштабного диалога с Западом с целью созыва конференции по безопасности в Европе. В самом деле, через шесть месяцев после пражских событий русские предложили начать переговоры, которые в 1972 г. положили начало Хельсинкскому процессу, завершившемуся в 1975 г. подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Вторжение в Чехословакию привело также в движение механизмы, позволившие впоследствии выявить новые проблемы, с которыми пришлось столкнуться режиму Советов. До 1956 г. несогласные с советской политикой выражали свое мнение, постепенно отделяясь от компартии своей страны. В 1968 г. противодействие приобрело иной характер. Коммунистические партии Западной Европы, включенные в плюралистическую политическую систему, обвинялись в том, что выступали приверженцами режима, подавляющего гражданские свободы. Они стали дистанцироваться от системы «реального социализма». Все (или почти все) западные компартии высказали свое несогласие с действиями московского правительства. Именно тогда возникла концепция «еврокоммунизма», теоретический проект, имевший недолгую судьбу, однако оставивший глубокий след. В проекте четко кон-

статировалось, что итальянская, французская и испанская компартии не считают для себя пригодными социально-политические модели, предлагаемые Советским Союзом, и противопоставляют реальному социализму «идеальный социализм» с неопределенными характеристиками, но совместимый с демократическим и плюралистическим обществом, сложившимся на Западе. Многие усмотрели в этом дистанцировании оппортунистическую позицию. На самом деле, оппортунистический подход и действительные разногласия смешивались, приводя к расхождениям в позициях, которые со временем все более углублялись, превращаясь в непреодолимые. Различия касались уже не идеологических норм, а соотношения с реальными моделями. Советская модель навязывалась с такой категоричностью, что представлялась все менее приемлемой.

Другим феноменом, возникшим в ходе Пражского кризиса и развивавшимся после него, стало диссидентство в качестве фактора, не являвшегося более эпизодическим, но способным вовлечь все более широкие круги интеллектуального мира Восточной Европы и СССР. В 1965 г. Г. Ионеску, румынский историк, находившийся в изгнании в Лондоне, опубликовал книгу с пророческим названием «*The Break-up of the Soviet Empire in Eastern Europe*» (то есть «Распад Советской империи в Восточной Европе»). Это был первый значительный сигнал, появившийся на фоне критической публицистики западных авторов, в большей степени, чем Ионеску, принадлежавших к западной культуре. Не прошло и двух лет после вторжения в Прагу, как советский автор Андрей Амальрик сумел передать на Запад свою рукопись, опубликованную в 1970 г. в Нью-Йорке под названием, которое тогда рассматривалось как научно-фантастическое: «*Will the Soviet Union Survive Until 1984?*» («Будет ли Советский Союз существовать в 1984 г.?»). Книга Амальрика была лишь одним из гораздо более широкого круга нелегальных голосов. Диссидентство находило приверженцев по всему Советскому Союзу. Его авторы распространяли свои труды в машинописных рукописях, что оживляло нелегальную, однако как никогда активную, интеллектуальную жизнь. В 1967 г. Александр Солженицын написал новый роман о жизни в сталинских лагерях, «Раковый корпус», название которого было переведено на итальянский как «Отделение С» (С = cancro, то есть рак). Солженицын обратился с просьбой о его опубликовании, однако книга была отвергнута Союзом писателей, и тогда она стала распространяться по всему СССР. Тем не менее рукопись, попавшая на Запад, в 1969 г. была опубликована, хотя и без согласия Солженицына. На следующий год Солженицын получил

Нобелевскую премию по литературе, но не смог поехать ее получить, поскольку, как он писал, власти его страны не гарантировали ему после предоставления выездной визы возможность вернуться на родину. Случай Солженицына был самым известным из целого ряда случаев, составлявших уже все более длинный список. Многим из диссидентов удалось эмигрировать (в 1974 г. — также и Солженицыну); другие, как, например, физик Андрей Сахаров, академик и отец советской водородной бомбы, предпочитали вести борьбу против бюрократического режима внутри страны, используя лазейки, оставляемые официальными нормами или допускаемые органами госбезопасности, не боясь тюрьмы и концентрационных лагерей. Однако его случай уже не был изолированным явлением. В конце шестидесятых годов диссидентство стало характерной чертой советской жизни. Эта форма оппозиции становилась все более распространенной, а поэтому ее было все труднее подавлять. Когда вопрос о защите «прав человека», главными поборниками которых выступали диссиденты, стал предметом дискуссии на переговорах в рамках Хельсинкского совещания, диссидентство превратилось в международную проблему.

